8
М-90
735

М.В. МУРАТОВ

Л.Н. ТОЛСТОЙ
И
В.Г. ЧЕРТКОВ

ПО ИХ ПЕРЕПИСКЕ

Цена 6 р. 50 к.
Переплет 1 р. 50 к.

М.В. МУРАТОВ

Л.Н. ТОЛСТОЙ И В.Г. ЧЕРТКОВ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

Гос. тип. «Ген. Правда». Зак. № 6181. Тир. 1000000

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков

ВЕ
М-90

85 66
68

М. В. МУРАТОВ

Л. Н. ТОЛСТОЙ
и
В. Г. ЧЕРТКОВ

ПО ИХ ПЕРЕПИСКЕ

4822

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТОЛСТОВСКИЙ МУЗЕЙ

МОСКВА—1934

151682

Супер-обложка и переплет
В. В. Шварца

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В этой книге на основе подлинных, в значительной мере впервые публикуемых документов рассказана история знакомства, дружбы и совместной работы Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова. Автор книги выступает главным образом как составитель: он отбирал материал, часть его изложил собственными словами, важнейшее — привел в подлинном виде, заполнил пробелы. Критических задач по отношению к взглядам, излагаемым в приводимых им документах, и к отношениям героев его рассказа друг к другу и к окружающей их среде М. В. Муратов себе не ставил. Нет, однако, нужды, думается нам, по этому поводу вновь разворачивать ту критику Толстого и толстовцев, которая дана была Лениным и с тех пор много раз излагалась на страницах наших изданий. Она, конечно, хорошо известна тому читателю, который заинтересуется данной книгой. Толстой, его творчество и его проповедь воплощали не только стихийный протест патриархального крестьянина против капитализма и феодально-капиталистического государства с его церковью, моралью, судом, военщиной и т. д., но и реакционный характер этого стихийного протеста. Проповедь Толстого обращается по-

этому не только против установлений и учреждений феодального и капиталистического общества, но и против тех, кто с этим обществом так или иначе, но на деле, боролся, против революционеров вообще, против пролетарской революции в частности и в особенности. Поэтому же прогрессивные, разрушительные по отношению к капиталистическому обществу элементы учения Толстого отходили на задний план и теряли свое значение по мере роста пролетарской революции и в эту же меру выдвигались вперед реакционные, антиреволюционные элементы этого учения. Вновь обосновывать эту оценку толстовства по поводу данной книги нет необходимости. Поскольку работа ее составителя проделана несомненно тщательно и добросовестно, сам составитель перестает нас интересовать и весь интерес сосредоточивается на самих собранных и талантливо изложенных и систематизированных материалах.

В чем же их интерес?

Они интересны, прежде всего, потому, что непосредственно касаются Льва Толстого, рисуют его жизнь, деятельность и творчество, его интимные, семейные и дружеские, и общественные связи и отношения. Одна из самых значительных книг, написанных в СССР после Октябрьской революции, это — «Воспоминания о Толстом» М. Горького. Одно из самых крупных издательских предприятий в СССР, — это издание полного, девяностотомного, уже значительно продвинувшегося вперед, собрания сочинений и писем Толстого. Это — не случайно. Личность и творчество Толстого — такое крупное, показательное и поучительное явление эпохи расцвета и загнивания капиталистической цивилизации, что пролетарская мысль и культура еще неоднократно будут останавливать на нем свое внимание. А для изучения личности и творчества Толстого материалы, собранные

и изложенные М. В. Муратовым, имеют несомненное и немаловажное значение.

Интересны эти материалы, во-вторых, и потому, что в них рядом с Л. Н. Толстым выступает и фигура его ближайшего последователя, друга и сотрудника, В. Г. Черткова. Широко документированный рассказ о том, как крупнейший помещик, гвардейский офицер и член близкой императорскому двору семьи пришел самостоятельным путем к Толстому, стал его другом советчиком, распространителем его нелегальных произведений и его заграничным типографом,—принадлежит к интереснейшим страницам лежащей перед читателем книги. Как ни расценивать роль Черткова в истории жизни и деятельности Толстого, — известно, что многие близкие Толстому люди оценивали эту роль резко-отрицательно, — роль эта была громадна. Изучение Толстого не может обойтись без выяснения взаимоотношений Черткова и Толстого. Вокруг этого вопроса накопилась уже не малая литература, часто весьма недоброкачественная, ибо — основанная на показаниях заинтересованных лиц и группок, на сенсационном буржуазном репортаже, на досужих домыслах любопытствующего обывателя. Книга М. В. Муратова дает — впервые — строго документальный материал и в этой области. Многолетняя переписка между Чертковым и Толстым — впервые, хоти бы частично, публикуемая в нашем издании, дает, наконец, исследователям возможность от противоречивых слухов, сплетен и инвектив перейти на твердую почву документов.

Последнее, но не наименее важное, что следует отметить для характеристики лежащей перед читателем книги, это то, что она несомненно будет иметь значение для разработки и решения одного небезынтересного общего, социологического вопроса, который не может не

интересовать историков русской общественной мысли и революционного движения. Вторая половина XIX века дала русской литературе и общественной деятельности ряд видных фигур со своеобразной историей идейного и духовного развития. Их имена — Кропоткин, Толстой, Хилков, Чертков. Это все — представители крупнейших русских аристократических родов, проделавших путь от окружавшей их в детстве идеологии рабовладельцев к разным видам и оттенкам анархического отрицания современного им социального и государственного устройства. Эволюция, объединившая этот ряд несомненно крупных, а частью из ряда вон выходящих фигур, не может быть случайна. В ней сказалось и своеобразно преломилось то революционное потрясение, к которому быстрыми шагами приближалась страна. В «Записках революционера» Кропоткина, в «Исповеди» и ряде других автобиографических признаний Толстого мы имеем замечательные документы, позволяющие проследить этот путь. Книга Муратова дополняет эти материалы историей и признаниями еще одного члена группы — В. Г. Черткова и расширяет таким образом поле изучения, на основании которого будущий историк классовой борьбы и идейных движений в России конца XIX и начала XX вв. может по-научному разрешить вопрос о разложении дворянской идеологии и о сочетании ее с различными формами оппозиционной по отношению к феодальной и капиталистической цивилизации мысли.

ОТ АВТОРА

Дружба с В. Г. Чертковым занимала значительное место в жизни Л. Н. Толстого. С самого начала знакомства, с октября 1883 года, до последних дней жизни Толстого—В. Г. Чертков является одним из наиболее близких ему людей.

Толстой постепенно сосредоточивает в руках В. Г. Черткова все дела, связанные с опубликованием своих писаний, а В. Г. Чертков, с своей стороны, принимает меры к собиранию и хранению всех рукописей Толстого, начиная с черновиков его произведений и кончая его письмами.

Близость Толстого с В. Г. Чертковым отразилась в их переписке. Толстой писал Черткову чаще, чем кому-либо не только из своих знакомых, но и из членов своей семьи.

За двадцать семь лет знакомства с В. Г. Чертковым Толстой написал ему 928 писем, считая в том числе и письма, начинающиеся обращением к А. К. Чертковой, но предназначенные и для В. Г. Черткова. Таким образом, Толстой писал В. Г. Черткову в среднем по одному письму каждые десять дней.

В. Г. Чертков писал Толстому еще чаще, причем письма его нередко разрастаются на многие страницы и

по своему тону часто более похожи на отрывки из интимного дневника, чем на письма к другому человеку. Чертков сам отмечает это обстоятельство в одном из писем к Толстому, упоминая о том, что пишет ему вместо того, чтобы делать записи в своем дневнике, и потому просит хранить эти письма так, чтобы они не были доступны посторонним людям.

Толстой в своих письмах к В. Г. Черткову рассказывает о всем, что было близко им обоим, начиная с вопросов жизнепонимания и кончая практическими делами, касающимися издания своих писаний. При этом он делится с В. Г. Чертковым больше, чем с кем бы то ни было другим сведениями о ходе своей писательской работы: сообщает ему свои новые замыслы, пишет о том, как подвигается работа над той или иной статьей или художественным произведением, высказывает свои взгляды на технику литературного творчества, наконец сам дает оценку некоторым своим произведениям.

Посылая В. Г. Черткову свои новые рукописи, Толстой постоянно просит его высказывать свое мнение и по большей части принимает во внимание его замечания, делая те или иные поправки.

Таким образом, переписка Толстого с Чертковым дает исключительно богатый материал для понимания творчества Толстого за последние двадцать семь лет его жизни.

Для того, чтобы судить о размерах этой переписки, достаточно сказать, что для ее издания полностью с самыми необходимыми комментариями потребовалось бы свыше 175 печатных листов.

Обширные размеры переписки крайне затрудняют ее издание полностью и делают особенно необходимой попытку хотя бы частично использовать материалы, содержащиеся в письмах Толстого и Черткова.

Настоящая книга имеет своей целью дать последовательно историю отношений Толстого с В. Г. Чертковым на основе их переписки, причем особенное внимание обращается на те письма Толстого, которые относятся к его писательской деятельности. Вместе с тем использован обширный материал, сохранившийся в архиве В. Г. Черткова,—начиная с дневников В. Г. Черткова и его переписки с матерью и кончая письмами к нему М. Л. Толстой, рассказывавшей, как идет писательская работа Толстого, и пересылавшей В. Г. Черткову копии писем Толстого к разным лицам.

Переписка Толстого с В. Г. Чертковым до сих пор не напечатана. Из 928 писем Толстого к Черткову полностью опубликованы не более пятидесяти и лишь некоторая часть остальных известна в цитатах и отрывках. Письма В. Г. Черткова к Толстому до сих пор не печатались.

Письма Толстого к В. Г. Черткову в значительном большинстве случаев написаны без указания даты. В. Г. Чертков по получении писем Толстого обычно сам датировал их, причем по большей части, повидимому, руководствовался почтовым штемпелем отправления, но иногда ставил дату получения, изредка же, когда дата, повидимому, ставилась через долгое время после получения письма, принимались во внимание различные предположения. Письма, публиковавшиеся и цитировавшиеся до сих пор, приводились с датами, проставленными В. Г. Чертковым на автографах. При анализе этих дат и сопоставлении их с дневниками Толстого и с другими источниками многие из них пришлось изменить на один—два дня, а в некоторых случаях и на несколько месяцев. Письма В. Г. Черткова из-за границы датируются по новому стилю в соответствии с датировкой, которой придерживался сам В. Г. Чертков.

Письма Толстого, принадлежащие В. Г. Черткову, находятся на хранении в рукописном отделе Государственного Толстовского музея за исключением двух писем, находящихся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина. Письма В. Г. Черткова к Л. Н. Толстому находятся частью в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина, частью в архиве В. Г. Черткова.

Дневники Л. Н. Толстого, цитируемые в книге, хранятся в рукописных отделах Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина (1888—1900 гг.) и Толстовского музея (1884, 1900—1910 гг.).

Подлинники воспроизведенных в книге портретов работы О. Делакроа и И. Е. Репина, а также фотографии «Л. Н. Толстой и А. К. Черткова» принадлежат В. Г. Черткову и хранятся у него. Портрет В. Г. Черткова работы Н. Н. Крамского и подлинники остальных фотографий, воспроизведенных в книге, находятся в Государственном Толстовском музее.

Автор считает своим долгом посвятить свою книгу памяти Анны Константиновны Чертковой, в последние годы своей жизни много работавшей над редактированием переписки Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова, но не успевшей довести эту работу до конца.

Вместе с тем автор выражает большую благодарность В. Г. Черткову, разрешившему воспользоваться своей перепиской с Толстым и материалами своего архива.

В процессе своей работы автор неоднократно пользовался библиотекой К. С. Шохор-Троцкого, от которого получил ряд ценных справок и указаний. О. А. Дашкевич принимала участие в составлении указателя.

М. Муратов

I

Толстой в 1883 году

В 1883 году Л. Н. Толстому исполнилось пятьдесят пять лет. Несмотря на приближение старости, он был силен и крепок, и многие могли бы позавидовать его работоспособности. Тот, кто взглянул бы на его жизнь со стороны, должен был бы подумать, что она проходит полно и счастливо.

«Война и мир» и «Анна Каренина» были давно уже изданы и всеми признаны за наиболее значительные художественные произведения русской литературы того времени. Он не только бесспорно занимал первое место среди русских писателей, но все чаще и чаще доходили до него вести, что его имя приобретает мировую известность.

Большую часть года Толстой проводил в своем имении Ясная Поляна. Это было хорошее дворянское поместье средней величины — без тех дворцов с колоннами и английских парков, какие создавали для себя удалившиеся в деревню вель-

можи, но устроенное так, чтобы в нем можно было жить удобно, привольно и просто. От двух белых башенок у въезда в усадьбу шла широкая, обсаженная ветвистыми березами, дорога к двухэтажному белому дому с балконом на солнечной стороне и с террасой, застекленной и затененной, около которой далеко раскинул свои ветви старый, знакомый Толстому с раннего детства вяз. Возле самого дома начинался парк с четырьмя липовыми аллеями, беседкой и прудами, за парком был разбит яблочный сад в тридцать пять десятин, в котором многие деревья Толстой посадил сам, за усадьбой шла роща из молодых дубов, а невдалеке начинался густой заповедный лес— тянувшаяся на многие версты Засека.

В Москве, где Толстой проводил зимние месяцы, у него был дом, просторный и далекий от городского шума. В узеньком Долго-Хамовническом переулке, тихом, несмотря на то, что в нем находилась фабрика и маленькие дома его были густо заселены беднотой, за высокой и плотной деревянной оградой было расположено владение, напоминавшее небольшую усадьбу— с садом, с двухэтажным домом в семнадцать комнат, окрашенным в светлокоричневую краску, и с хозяйственными постройками на широком дворе—домиком для служащих, избушкой для дворника, конюшней и сараем. Дом был устроен так, что в нем хорошо было жить большой семьей— и взрослые и дети могли жить своим бытом, собираясь за чайным и обеденным столом или усаживаясь небольшим кружком у зажженной лампы в гостиной и—вместе с тем—принимая

каждый у себя своих гостей, работая, учась или развлекаясь так, как им хотелось.

Жена Толстого, графиня Софья Андреевна, энергичная, сильная и еще молодая в свои тридцать восемь лет, крепко держала в руках хозяйство и помнила все, что было необходимо, чтобы жизнь дома шла без всяких перебоев — о том, какие покупки надо приказать сделать для кухни, и о том, что надо заказать кучеру новый кафтан, для солидности туго подбитый ватой, о том, что у одного из детей ухудшились отметки и нужен репетитор, о том, что надо заблаговременно купить билеты на первое представление новой пьесы, чтобы было о чем разговаривать с гостями, и о том, что надо начинать новое издание сочинений мужа, выговорив у типографии наиболее выгодные условия. Она твердо знала, что должна организовать жизнь так, чтобы все шло совершенно таким же образом, как в лучших домах того круга, к которому принадлежали Толстые, и для этого необходимо последить за тем, чтобы на столе была безукоризненно чистая скатерть, у горничной — хорошо накрахмаленный передник, а на столике в зале лежали бы альбомы, которые могли бы рассматривать гости. Она вкладывала в это дело все свои силы, и хотя все в доме знали, что, подчиняясь вдруг охватывавшему ее раздражению, она нередко могла наговорить много неприятного кому-либо из своих семейных, устроить учителю своих детей грубую сцену, плохо гармонировавшую с тем внешним лоском, который она всегда стремилась придать быту своей семьи, или проявить странную мелочность в каких-

либо денежных расчетах,—все же каждый чувствовал, что она именно тот человек, который помнит обо всем необходимом для того, чтобы жизнь дома безостановочно катилась по своей колее. Ей в значительной степени удавалось этого достигнуть, и, вероятно, многие из гостей, бывавших в этом доме в те годы, готовы были бы согласиться с Тургеневым, любезно сказавшим Толстому в одно из своих посещений:

«Вы хорошо сделали, что женились на своей жене»[1].

У Толстого было много детей, и вокруг него точно разными тонами и с различной силой звучала жизнь, которой он дал начало. Старшему из его сыновей, Сергею Львовичу, исполнилось двадцать лет, и он учился в университете, младшему, Алеше, было всего два года, и он только недавно научился ходить. Старшая дочь, Татьяна Львовна,—девятнадцатилетняя девушка, учившаяся в школе живописи и ваяния, оживленная и общительная, одинаково умевшая устроить веселую игру среди собиравшейся в доме Толстых молодежи и легко поддерживать разговор в гостиной, охотно вызывалась в свободную минуту оказать отцу ту или иную услугу—переписать для него небольшую рукопись, написать за него ответ на обращенное к нему письмо или выполнить другое его поручение. Младшая дочь, Маша,—худенький подросток, внешне незаметная, простая, добрая и правдивая девочка,—училась дома, занимаясь с учителями и с жившими у Толстых гувернантками, которые и обучали детей иностранным языкам.

Л. Н. Толстой и его семья. Лето 1884 г.

Семья Толстого непрерывно росла, с ростом семьи увеличивались и расходы, но и это обстоятельство, которое могло бы внушать заботу при других условиях, не должно было вызывать у Толстого тревогу: одновременно рос доход от его художественных произведений, постоянно переиздававшихся, потому что спрос на них продолжал неуклонно расти. С каждым годом увеличивалась и ценность обширной земли, которая когда-то очень дешево была приобретена в самарских степях и теперь, по настоянию Софьи Андреевны, сдавалась в аренду крестьянам.

Но, несмотря на это внешнее благополучие, Толстой, оставаясь один в своем небольшом, просто и удобно обставленном рабочем кабинете, до которого почти не доносился шум большого, полного жизни дома, постоянно испытывал недовольство собою и нередко тяжелую тоску, о которой говорят многие записи его дневников.

Лишь немногие знали в те годы, что в доме Толстого существовал разлад, который становился все глубже и глубже. И почти никто не знал, что Толстой, имя которого было известно далеко за пределами его страны, постоянно и остро ощущал свое одиночество.

В сорок семь лет, войдя в тот возраст, когда многие уже прекращают свои искания, живя за счет того запаса взглядов и убеждений, которые они выработали раньше, —Толстой, как известно, пришел к выводу, что в его жизни есть что-то, не продуманное до конца, и ценности, которые он старался создавать, нуждаются в проверке и оправдании. Он сам писал об этом впоследствии:

«Со мной стало случаться что-то очень странное: на меня стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни, как будто я не знал, как мне жить, что мне делать, и я терялся и впадал в уныние. Но это проходило, и я продолжал жить попрежнему. Потом эти минуты недоумения стали повторяться чаще и чаще и все в той же форме. Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: зачем? Ну, а потом?» [2]

Началась переоценка прежних ценностей,— блага, которыми он пользовался, оказались основанными на эксплоатации чужого труда, церковная вера, дающая готовые ответы на все вопросы, стала неприемлемой.

И как бы подводя итоги проделанной им работы, он писал своей родственнице, графине А. А. Толстой, к которой относился с уважением и приязнью, хотя ее приверженность к православию вызывала между ними споры, доходившие до столкновений:

«Посмотрите, крепок ли тот лед, по которому вы ходите; не попробовать ли вам пробить его? Если проломится, то лучше итти материком. А держит вас и прекрасно, мы сойдемся все в одно и то же... Я пробил до материка все то, что оказалось хрупким, и уже ничего не боюсь, потому что сил у меня нет разбить то, на чем стою; стало быть настоящее» [3].

Эта работа над своим мировоззрением длилась у Толстого в течение ряда лет. Только к концу 1882 года она в основном была завершена, вернее—вполне определились ее исходные точки, и Толстой мог написать Николаю Николае-

вичу Страхову, критику и автору статей по вопросам философии, с которым он находился в постоянной переписке:

«Перемениться я нисколько не переменился; но разница моего прошлогоднего состояния и теперешнего такая же, как между строящимся человеком и построившимся. Надеюсь снять леса, вычистить сор вокруг жилья и жить незаметно и покойно» [4].

Новые убеждения Толстого находились в явном противоречии со всем бытом людей его круга и с жизнью его семьи, пользовавшейся доходами с земель, которые ей принадлежали.

Жена Толстого, графиня Софья Андреевна, в хорошие минуты готова была с умилением читать размышления Марка Аврелия в французском переводе, но менять привычный уклад жизни, отказаться от того, чтобы жить «как все», она была решительно несогласна. И в то время, когда Толстой напряженно вырабатывал свои новые взгляды, она присматривалась к нему с недоумением, со смутным страхом и надеждой, что это непонятное увлечение в конце концов пройдет, не оставив следа.

«Левочка все работает, как он выражается,— писала графиня Софья Андреевна в 1879 году своей сестре Т. А. Кузминской,—но, увы, он пишет какие-то религиозные рассуждения, чтобы показать, как церковь несообразна с учением Евангелия. Едва ли в России найдется десяток людей, которые этим будут интересоваться. Но делать нечего, я одно желаю, чтобы уж он поскорее это кончил и чтоб прошло это, как болезнь» [5].

И много лет спустя, оглядываясь на свою уже почти до конца прожитую жизнь, она писала в своей автобиографии:

«Я и моя жизнь остались прежними. Учил он и не в обыденной жизни, а в своих писаниях, в своей проповеди людям, как надо жить»[6].

В доме Толстых всегда бывало много гостей, и Толстой, казалось бы, никак не мог пожаловаться на недостаток общества. Наиболее видные представители московской интеллигенции искали случая с ним познакомиться, бывали у него в доме, и он в свою очередь бывал у них. Но это общение обычно только усиливало у Толстого ощущение одиночества. Возвращаясь к себе после оживленной беседы в гостях, Толстой с беспощадной отчетливостью записывал в своем дневнике:

«Праздный, пустой и непрямой нечестный разговор: пересуды, выставление своих знаний и остроумия. Я во всем принимал участие и вышел с чувством стыда»[7].

В общении с этими людьми Толстой переживал то же, что Левин из «Анны Карениной», встречаясь с своим соседом Свияжским — умным, культурным, честным и либеральным человеком, жизнь которого шла гладко и приятно и все же оставалась для Левина чужой и непонятной. Каждый раз, когда Левин старался «добраться до самой основы его взгляда на жизнь... пытался проникнуть дальше открытых для всех приемных комнат ума Свияжского», он замечал, что Свияжский слегка смущался и давал разговору другое направление. Толстой поддерживал знакомство с профессорами и писателя-

ми, которые у него бывали, и в то же время чувствовал, что как раз о тех вопросах, которые ему казались самыми существенными и единственно важными, он не может с ними говорить,—за «приёмными комнатами» их ума просто не было ничего. И Толстой иногда отыгрывался за это язвительной насмешкой. Вырвавшись весной из Москвы в деревню, Толстой писал жене:

«Скворцы перед самой моей форточкой в скворечнице показывают все свое искусство: и по-иволгиному, и по-перепелиному, и коростелиному, и даже по-лягушечьему, а по-своему не могут. Я говорю:—профессора,—но милей профессоров» [8].

Тем не менее Толстой нередко пытался в разговорах со знакомыми высказывать свои взгляды, но обычно, если собеседник не принимал мер для того, чтобы разговор искусно свести наперт, от таких споров оставались только неприятный осадок и досадное чувство взаимного непонимания.

В. В. Стасов, составивший себе известность, как музыкальный и художественный критик, благодушный, экспансивный человек, может быть, до некоторой степени сделавший свою экспансивность стилем своего поведения, неутомимый и горячий спорщик, бывая у Толстого, постоянно готов был начать с ним спор, но затем, вернувшись домой, со свойственной ему прямотою писал Толстому:

«...Я даже думать не хочу про тот темный и непонятный для меня уголок, который равно и в первый и во второй день пугал и тревожил

меня, словно набежавшее, бог знает откуда, облачко, но зато какой великолепный, горячий июльский день все остальное!»

«Благодарю за хорошее мнение обо мне,— отвечал ему Толстой,— но не могу удержаться, чтобы не сказать, что все то *и* хорошее, что вам таким кажется и так ужасно нравится во мне, все это явилось во мне *только* из того темного угла, который вам так ненавистен» [9].

Вематриваясь в обширный круг людей, находившихся в постоянном общении с Толстым в те годы, когда вырабатывалось его жизнепонимание, и изучая его переписку и неизданные дневники, можно отметить всего лишь несколько человек, с которыми у него была некоторая внутренняя близость.

Таков был Николай Николаевич Страхов, тонко ценивший художественную литературу, обладавший почти энциклопедической начитанностью в различных областях знания, потому что основным его удовольствием была неторопливая, уединенная работа мысли над усвоением знаний и философских произведений. Он работал в Публичной библиотеке, писал критические статьи и небольшие философские работы и умел не столько участвовать в жизни, сколько вематриваться в нее, глядя на нее со стороны.

Толстой писал ему в начале их знакомства:

«Знаете ли что меня в вас поразило более всего? Это выражение вашего лица, когда вы раз, не зная, что я в кабинете, вошли из сада в балконную дверь. Это выражение, чуждое,

сосредоточенное и строгое, объяснило мне вас. Я уверен, что вы предназначены к чисто философской деятельности» [10].

И сам Страхов писал о себе Толстому:

«Все время я не жил, а только принимал жизнь, как она приходила, старался с наименьшими издержками сил удовлетворить ее требованиям, и сколько можно уйти от ее невзгод и неудобств. За это, как Вы знаете, я и наказан вполне. У меня нет ни семьи, ни имущества, ни положения, ни кружка—ничего нет, никаких связей, которые бы соединяли меня с жизнью. И сверх того или, пожалуй, вследствие того, я не знаю, что́ мне думать» [11]... «И все лучшие чувства, какие я нахожу в себе, я все их берегу, воспитываю в себе, держусь за них; но не в моей власти дать им порыв и огонь. Такова моя судьба; жизнь сложилась сообразно с этими свойствами» [12].

В литературной деятельности Н. Н. Страхова сказывалась его очень большая начитанность, он старательно изучал и излагал чужие взгляды и давал им свою оценку, но собственное творчество его не было значительно и мало удовлетворяло его самого.

Толстой ценил в нем умного и внимательного собеседника, много разговаривал с ним о жизни и о вере. Страхов мог всегда указать литературу по вопросам, которые занимали Толстого, найти и выслать нужную ему книгу, внимательно и с сочувствием прочесть его рукопись и дать ей критическую оценку, но не мог стать для него спутником на жизненном пути. И в одном из своих писем Страхов сам писал об этом Толстому:

«Почему я понимаю Ваши чувства, но не разделяю их? Буду говорить, как на исповеди. Потому что у меня нет такой силы чувства, как у Вас, не хочу и насиловать себя или прикидываться, а где я возьму ту беззаветность, ту горячность, с которою Вы чувствуете, которыми одарено Ваше сердце. Будьте снисходительны ко мне, не отталкивайте меня из-за этой разницы. Ваше отвращение к миру, я его знаю, потому что и сам испытываю его, но испытываю в той легкой степени, в которой оно не душит и не мучит, но и привязанности к миру у меня никакой нет» [13].

Толстой понимал это, относился к Страхову с уважением и приязнью, но знал, что не может на него опереться, и сказал однажды о нем с некоторой горечью:

«Страхов, как трухлявое дерево—ткнешь палкой, думаешь, будет упорка, ан нет, она насквозь проходит, куда ни ткни—точно в нем нет середины: вся она изъедена у него наукой и философией» [14].

Другой человек, с которым Толстой мог делиться мыслями, его занимавшими в годы перелома, был Василий Иванович Алексеев, домашний учитель Толстых, учивший их детей около четырех лет—с 1877 по 1881 год. Это был человек не вполне заурядный, и жизненный путь его шел не совсем обычно. Окончив университет и сделавшись учителем в техническом училище, он сблизился с революционно настроенной группой молодежи, но взгляды его далеко не вполне совпадали с тем кругом идей, которыми определялось мировоззрение большинства его товари-

щей. Вместе с А. К. Маликовым он считал, будто ключ к свободе надо искать прежде всего внутри человека, и перестраивать общественную жизнь на новых началах надо не столько посредством пропаганды, сколько путем самовоспитания. После обыска и ареста он, как только был освобожден, уехал вместе с П. В. Чайковским и несколькими единомышленниками в Северную Америку, чтобы попытаться, поселившись в условиях, свободных от административного вмешательства, устроить общину и своим трудом обрабатывать землю. Община была создана, но распалась, В. И. Алексеев вернулся в Россию и вскоре после того занял должность домашнего учителя в семье Толстых.

Положение учителя, живущего у Толстых, бывало всегда несколько двойственным,—он был воспитателем детей, и с ним надо было обходиться так, чтобы дети чувствовали его авторитет и считались с его словами, и в то же время графиня Софья Андреевна умела дать ему понять, что он лишь служащий в доме и должен знать свое место. Но внимание Толстого, всегда с острым интересом всматривавшегося в новых для него людей, привлекли необычные взгляды В. И. Алексеева и его попытка их осуществить. Толстой первый сделал шаг к сближению, и между ними начались беседы, давшие начало взаимной приязни.

В. И. Алексеев верил, что государство рано или поздно должно быть заменено мирной федерацией коммун, и отрицал допустимость войны раньше, чем эти взгляды сложились у Толстого с достаточной отчетливостью. Толстой много

4822
БИБЛИОТЕКА
ДОМА КИНО

разговаривал с ним на эти темы. Вместе с тем он уважал В. И. Алексеева за ту доброжелательность и мягкость в общении с людьми, которая была ему свойственна.

«Единственный вывод, который я вижу, — писал Толстой В. И. Алексееву,—это жить хорошо, всегда ко всем поворачиваться доброй стороной. Но этого все еще не умею, как вы. Вспоминаю о вас, когда обрываюсь на этом.— Редко могу быть таким—я горяч, сержусь, негодую и недоволен собой» [15].

Эти дружественные отношения между Толстым и учителем его детей были неприятны хозяйке дома. Софья Андреевна знала, что В. И. Алексеев сочувствует Толстому как раз в тех его стремлениях, которые шли в разрез с барским бытом и всем тем укладом жизни, на создание которого она затрачивала столько сил.

И когда однажды, вскоре после убийства Александра II, Софья Андреевна, прислушавшись к разговору, который шел в другой комнате, услышала, что В. И. Алексеев поддерживает мысль Толстого обратиться к новому царю с письмом о помиловании цареубийц, она быстро вошла в комнату и заговорила голосом, переходящим в крик:

«Василий Иванович, что вы говорите! Если бы здесь был не Лев Николаевич, который не нуждается в ваших советах, а мой сын или дочь, то я тотчас же приказала бы вам убираться вон» [16].

И стремительно протянув вперед руку, она указала на дверь. В тот же день за обедом, повидимому, после разговора с Толстым, Софья Анд-

ревна при всех извинилась перед В. И. Алексеевым и сказала, что она ценит его, как человека искреннего, но он все же решил, что ему пора уходить от Толстых, и вскоре осуществил это намерение.

С его отъездом из Ясной Поляны Толстой потерял единственного человека в доме, с живым сочувствием относившегося к его взглядам. Толстой продолжал поддерживать с ним связь путем переписки, но В. И. Алексеев не принадлежал к числу тех людей, которые живут настолько интенсивной внутренней жизнью, чтобы она ярко чувствовалась и была бы необходима другому и на расстоянии. Внимательный и понимающий собеседник, привлекательный для Толстого человек, он не обладал ни сильной своеобразной мыслью, ни выдающейся волей. Он сам был склонен искать поддержки, и Толстому приходилось писать ему, стараясь помочь в минуты уныния:

«Вас очень высоко ценю и люблю и верю, что ваша жизнь не пройдет даром. Только надо точить нож, когда затупится» [17].

Было и еще несколько человек, с которыми Толстой чувствовал связь, но, изучая отношения его с этими людьми, нетрудно почувствовать ту грань, за которую не переходила их дружба. Двое из них пользовались приязнью не только самого Толстого, но и Софьи Андреевны—в ее представлении они были людьми «своего круга» и по занимаемому ими положению являлись желанными гостями в ее доме.

Один из них—художник Н. Н. Ге, который, прочитав в 1882 году статью Толстого «О пе-

ренней в Москве», без возражений принял его понимание христианского учения и приехал в Москву специально за тем, чтобы познакомиться с Толстым и заявить ему, что согласен с ним во всем. В то время Н. Н. Ге исполнилось пятьдесят лет, у него было уже широко известное имя, но ему свойственна была все же большая экспансивность, и он всегда готов был бурно выражать свои чувства. Явившись в первый раз к Толстому, он сразу его обнял и заявил, что в знак благодарности за его сочинения готов немедленно писать для него любой портрет — его дочь или его жену. Толстой относился к нему с большой приязнью, но в характере Н. Н. Ге было кое-что такое, что могло быть чуждо Толстому.

«Я вижу, как вы, мой дорогой, идете твердо, хорошо и я за вами поплетусь. Хоть и расквашу подчас нос, но все-таки полезу» [18], — писал Н. Н. Ге Толстому в начале их знакомства.

И Толстой, который сам лишь после долгих сомнений и после упорного анализа принимал каждую новую для него мысль, мог бы сказать о Н. Н. Ге то же, что впоследствии записал об одном своем единомышленнике:

«Он слишком согласен».

Вместе с тем для Толстого, сдержанного в передаче своих чувств, должна была быть несколько чужда та постоянная готовность к чрезмерно ласковому слову, которая характерна была для Н. Н. Ге, не всегда, может быть, понимавшего, что в этой области нет ничего хуже, чем преувеличенность выражений.

Второй человек, разделявший взгляды Толстого и вместе с тем сохранявший дружественные отношения с графиней Софьей Андреевной, был князь Л. Д. Урусов. Мягкий и деликатный, понимавший суждения Толстого не столько умом, сколько чутьем, он готов был и сам принять некоторое участие в распространении близких Толстому идей. Он перевел на русский язык размышления Марка-Аврелия и на французский «В чем моя вера» Толстого. Но вместе с тем, принимая взгляды Толстого, он довольно долго оставался тульским вице-губернатором и в вопросах воспитания своих дочерей отступал перед женой, дочерью богатого заводовладельца Мальцева, которую и Софья Андреевна называла вульгарной.

Толстой чувствовал к князю Л. Д. Урусову большую приязнь, многое понимал в его жизни по собственному опыту, но знал, что в минуты усталости или колебаний князь Урусов не сможет оказать ему существенную помощь.

Гораздо больше целостности и последовательности было у людей, близких Толстому по взглядам, но не принадлежавших к его кругу, с которыми Толстой познакомился во время своих исканий.

Таков был В. К. Сютаев- крестьянин Тверской губернии, не умевший писать и лишь по складам читавший, который независимо от Толстого и раньше, чем он, выработал жизнепонимание, очень близкое к взглядам Толстого. Отбросив церковную обрядность, Сютаев верил, что важен прежде всего внутренний мир человека, который должен всецело определять его

внешнюю жизнь, подобно тому, как причина обусловливает вытекающие из нее следствия.

«Все в табе и все сейчас»,—говорил Сютаев, и эти слова сделались любимым изречением Толстого, которое он не раз повторял и в последние годы своей жизни. Услышав о Сютаеве, Толстой осенью 1881 года поехал к нему в деревню познакомиться с ним и с радостью увидел, что они оба, начав свой путь, казалось бы, с совершенно разных концов и в совсем различных условиях, сошлись в одной и той же точке.

В соответствии со своими взглядами Сютаев старался перестроить свою жизнь, но сделать это ему было значительно проще, чем Толстому.

Посетив Толстого в Москве в то время, когда Толстой после своей работы по переписи населения в Москве был занят мыслью, как помочь городской бедноте, спившимся и опустившимся на дно жизни людям, Сютаев сразу предложил выход, который мог, по его мнению, спасти детей, подростков и молодежь из этой среды:

«Разберем их по себе. Я не богат, а сейчас двоих возьму... Еще десять раз столько будь, всех по себе разберем. Ты возьмешь, да я возьму. Мы и работать пойдем вместе — он будет видеть, как я работаю, будет учиться, как жить, и за чашку вместе за одним столом сядем, и слово он от меня услышит и от тебя. Вот это милостыня...» [19].

Толстого трогали эти слова, но он не мог не сознавать, что Сютаеву в его избе значительно проще осуществлять свое учение, чем ему в своем доме, с лакеями в белых перчатках.

И в области мышления многое также представлялось Сютаеву гораздо проще, чем Толстому. Сютаев мог не считаться с добытыми наукой данными, принимая целиком писание и лишь иносказательно его толкуя, верил во власть царя, к которому пытался добраться, чтобы просить его приказать для блага народа толковать Евангелие в том смысле, как понимал его Сютаев, и в результате этой попытки вернулся домой по этапу.

Многие проблемы, стоявшие перед Толстым, для Сютаева не существовали. Толстой мог с умилением думать о Сютаеве, не раз говорил, что этот едва грамотный мужик обладает гораздо бо́льшим просвещением, чем ученые профессора, но все же должен был сознавать, что его собственная внешняя жизнь и жизнь Сютаева идут как бы в двух параллельных плоскостях: Сютаев был для Толстого человек, близкий по взглядам, но живущий на другой планете.

И до известной степени то же самое можно сказать о двух других людях, о которых Толстой отзывается с большой теплотой в письмах и дневниках начала восьмидесятых годов— учителе железнодорожной школы В. Ф. Орлове и библиотекаре Румянцевского музея Н. Ф. Федорове. Один—В. Ф. Орлов—бывший революционер, привлекавшийся к суду по делу Нечаева, проведший трудный путь упорной работы над своим мировоззрением; другой — Н. Ф. Федоров—принципиально довольствовавшийся ничтожным жалованием, значительную часть которого он тратил на других, автор

своеобразного учения о воскресении всех людей во плоти—оба они привлекали Толстого своей исключительной строгостью к себе и последовательностью в жизни. Но с обоими Толстой во многом решительно расходился, и знакомство с ними не оставило значительного следа в его жизни и, в конце концов, они не стали постоянными гостями в его доме, весь уклад которого был им чужд.

Толстой знал, что изредка встречаются люди, которым могут быть понятны и интересны его взгляды, но в своем доме и в той среде, в которой шла его жизнь, он был один. И чувство одиночества, особенно мучительное от того, что вокруг были люди, близкие внешне, но чуждые внутренне, иногда охватывало Толстого с такой силой, что он не мог с ним справиться. Получив в декабре 1882 года письмо от лично незнакомого ему юноши, М. А. Энгельгардта, писавшего ему о своих взглядах на церковную обрядность и государственную власть, Толстой принял его за близкого себе человека и написал ему письмо, в котором прорвалась долго сдерживавшаяся боль одиночества:

«Вы верно не думаете этого, но вы не можете представить себе, до какой степени я одинок, до какой степени то, что есть настоящее *я*, презираемо всеми окружающими меня. Знаю, что претерпевший до конца спасен будет; знаю, что только в пустяках дано человеку право пользоваться плодами своего труда или хоть видеть этот плод, а что в деле божьей истины, которая вечна, не дано человеку видеть плод своего дела, особенно же в короткий период сво-

ей коротенькой жизни, знаю все, и все-таки часто унываю. И потому встреча с вами и надежда, почти уверенность, найти в вас человека, искренно идущего со мной по одной дороге к одной и той же цели, для меня очень радостна»[20].

Эта надежда Толстого не оправдалась. При дальнейшей переписке оказалось, что взгляды М. А. Энгельгардта Толстому во многом чужды, и дороги их не могут совпасть.

Но через несколько месяцев на жизненном пути Толстого встретился человек, который сразу занял важное место в его жизни.

В конце октября 1883 года к дверям московского дома Толстого подошел молодой господин в пальто, сшитом у английского портного, очень простом и очень дорогом, высокий, стройный и статный, с той спокойной уверенностью в движениях, которая свойственна людям, привыкшим с детства чувствовать свою независимость и видеть почтительное отношение со стороны окружающих. Это был Владимир Григорьевич Чертков.

II

Юность и молодость В. Г. Черткова

Три источника власти—богатство, знатность и видное служебное положение—были в распоряжении семьи В. Г. Черткова.

В южной части Воронежской губернии, на пути к Области Войска Донского, Чертковы имели обширные угодья всего около тридцати тысяч десятин земли—с черноземными полями, степью и лесом, в котором было много волков и лисиц. В центре их владений—при слободе Лизиновке—стоял большой барский дом, но родители В. Г. Черткова постоянно жили в Петербурге, где были сосредоточены их связи и их интересы.

Мать В. Г. Черткова, с которой он чувствовал особенную близость, Елизавета Ивановна, урожденная графиня Чернышева-Кругликова, занимала видное место в петербургском высшем свете, и, действительно, многое выделяло ее среди людей, ее окружавших: красота, ум, с детства воспитанная властность и вместе

с тем такт—то умение держать себя с людьми, которое в светских кругах само по себе ценилось не меньше, чем ум, и обычно вполне его заменяло. У нее были тесные родственные связи с декабристами,—ее дядя, граф Захар Чернышев, был сослан в Сибирь за участие в декабрьском заговоре, ее тетка была женою другого декабриста — Никиты Муравьева — и последовала за ним в ссылку, но монархические традиции, хотя и смягченные западно-европейской культурой благодаря частым и длительным путешествиям за границей, оставались сильными в ее семье.

Отец В. Г. Черткова — Григорий Иванович, флигель-адъютант при Николае I, генерал-адъютант при Александре II и Александре III,— был известен в военных кругах тем особенным знанием строевой службы и военной выправки, которое приобреталось офицерами, начавшими свою карьеру в гвардии Николая I, и вместе с тем имел редкую в придворных сферах репутацию человека прямого и старавшегося осуществлять свой долг так, как он его понимал.

Сестра его отца — Елена Ивановна — была замужем за графом П. А. Шуваловым, одним из наиболее влиятельных и наиболее реакционных царедворцев при Александре II; брат отца — Михаил Иванович, генерал-адъютант — был наказным атаманом Войска Донского, киевским, затем варшавским генерал-губернатором и членом государственного совета. Семья Чертковых по всем своим связям принадлежала к наиболее избранному кругу петербургской арисго-

кратии, занимала место на высших ступенях той социальной лестницы, на вершине которой находился царский трон, и пользовалась императорским благоволением настолько, что Александр II и Александр III посещали их дом.

В. Г. Чертков, в зрелые годы жизни вспоминая свое детство, блестящее положение в свете своей семьи и то воспитание, которое ему дали, отчетливо чувствовал, что многие черты его характера зависели от того, что он родился и вырос в барской среде.

Давая характеристику своих родителей в одной из записей своего дневника, он писал о том, что хотя «они принадлежали к числу наиболее порядочных из „порядочных“ людей», однако, положение, которое они занимали, должно было отрицательно отразиться на его развитии:

«На сколько достоинства моих родителей отразились на мне отрицательно, я теперь понимаю, когда вспоминаю, что все то, что я сейчас сказал о их достоинствах и почете, каким они пользовались, было хорошо мне известно и высоко ценимо мною, как бы некоторое свое собственное превосходство над другими, почти с самых тех пор, как я был еще мальчиком. Так я и рос, уверенный в своем каком-то врожденном преимуществе над большинством других людей, гордясь достоинствами моих родителей, их родни и друзей; окруженный прислугой, вставшей с своих сидений в передней, когда я проходил из своих покоев на половину моих родителей; плавая во всяческой роскоши и почти не зная отказа в удовлетворении моих желаний» [1].

У него были два брата — один, Григорий, был старше его на три года, другой — Михаил — на два года моложе, но оба они умерли, один в ранней юности, другой в детстве, и вся сила материнской и отцовской любви была сосредоточена на оставшемся в живых сыне. И с детства он привык к тому, что все считаются с его волей и готовы доставить ему любое удовольствие, доступное в его годы. Дни шли легко и приятно, но те удовольствия, которые они приносили, проходили, не оставляя значительных следов в его памяти.

Много лет спустя, думая о своих детских годах и стараясь отметить такую радость, которая заняла бы большое место в его внутреннем мире, он писал в уже цитированной выше записи своего дневника:

«Ища такое радостное, что умиляло бы меня при воспоминании о нем, я могу остановиться лишь на теперь только неожиданно, изредка и на минуту, возобновляемом впечатлении какого-то далекого совсем детского отношения к окружающей жизни, как к чему-то чужому — как к отдельному миру, созерцаемому изнутри своего собственного маленького уютного и обособленного мирка. Настроение это теперь от времени до времени, но не надолго, возобновляется во мне в лучшие душевные минуты; внешним же путем оно на мгновение восстанавливается, когда я случайно в темную ночь выгляну из окна с высокого этажа большого городского дома и увижу там, где-то далеко под собою, зажженные фонари людных улиц со множеством снующих туда и сюда экипажных

огоньков: вероятно, я при этом переношусь к тому времени, когда, после утомительного путешествия по железной дороге, мы всей семьей располагались на ночлег в одной из лучших больших гостиниц заграничного города».

Дети Чертковых постоянно получали великолепные подарки и от родителей и от родных, принадлежавших к тому же кругу богатой аристократии, вокруг них были слуги, которые выполняли их желания, но В. Г. Чертков, припоминая свои отношения с людьми, окружавшими его в детстве, останавливался в своем дневнике на одном переживании, совсем не заметном для других и, может быть, именно поэтому особенно ему близком:

«Есть у меня еще одно действительно трогательное для меня воспоминание: сидим мы с моим младшим братом, Миней, которому, должно быть, лет шесть, а мне, следовательно, лет восемь, сидим в каком-то доме, в стороне от всех, на лестнице, прижавшись друг к другу, обнимаясь и сознавая и говоря друг другу, что мы один другого любим, очень, очень любим, так любим, что и сказать нельзя, и что никто этого не знает и не мог бы понять».

В доме Чертковых всегда было много людей, которые должны были обслуживать их семью— швейцары и кучера, лакеи, горничные, повар и целый штат, приставленный к кухне, которую он возглавлял. И вокруг детей также всегда были люди, которые обязаны были их одевать, кормить и учить. По своему положению в свете, по той материальной независимости, которая обеспечивалась обширными земельными владе-

ниями, и по своему образу жизни Чертковы ближе всего напоминали английских лэнд-лордов и, быть может, сами это сознавали, тяготея к английской аристократии и давая своим детям соответствующее воспитание.

В первые же годы жизни В. Г. Черткова к нему были приставлены няни-англичанки, затем его воспитание перешло в руки англичан-гувернеров, и английский язык стал ему так же близок, как русский и французский, без которого нельзя было обойтись в великосветских салонах. В школу В. Г. Черткова не отдали, хотя родители могли выбрать любое привилегированное учебное заведение — лицей или пажеский корпус,— оттого что дома рассчитывали лучше уберечь его от болезней и потому что большое состояние давало возможность приглашать на дом любых учителей.

Незаметно подошла юность и пришла пора вступить в жизнь, от которой он мог многое ожидать. У него были все данные для того, чтобы иметь успех. По общему мнению он был очень красив — тонкий и стройный, почти на голову выше других людей, с большими серыми глазами под изогнутыми бровями — и своеобразно остроумен, владея особенным умением говорить парадоксы. У него был мягкий и в то же время звучный голос, приятный заразительный смех, большая правдивость, иногда чересчур прямолинейная, и постоянная готовность открыть свой кошелек товарищу, оказавшемуся в затруднительном положении. И только если приходилось поступать наперекор его желаниям, чувствовалось, что с Чертковым не

всегда легко иметь дело, потому что к нему можно было бы с полным правом приложить слова:

«Все, чего он хотел, он хотел очень».

Товарищами Черткова могли стать только его сверстники из тех аристократических домов, с которыми была связана его семья — так называемая золотая молодежь, тонко знающая все, что касается светских приличий, и почти совсем лишенная каких-либо умственных интересов, со своими понятиями о чести и вместе с тем не привыкшая сдерживать свои желания, жадная до самых примитивных наслаждений, прикрытых блестящей оболочкой. И очень рано едва вступив в юношеские годы—В. Г. Чертков отдался всем тем страстям, которыми его приятели щеголяли друг перед другом, как подвигами молодечества: женщины, вино и азарт карточной игры всецело захватили его.

Девятнадцати лет В. Г. Чертков поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии конный полк—один из самых блестящих гвардейских полков, и тот разгул, который стал увлекать его еще раньше, сделался для него своего рода требованием хорошего тона: на того, кто попробовал бы жить иначе, в этой среде смотрели бы с недоумением и насмешкой, искренне считали бы его плохим товарищем и чуждым человеком.

В Петербурге, как во всяком большом столичном городе, был особый разряд женщин, которые считали своей профессией состоять на содержании у богатых и знатных людей — по преимуществу гвардейских офицеров, — вступая с ними в связь на меся-

Е. П. Черткова с сыном
С акварели О. Делакруа. 1860 г.

цы, на недели, а иногда и на несколько часов. С этими женщинами было нетрудно завести знакомство в некоторых шикарных ресторанах или в Летнем Саду, излюбленном месте подобных встреч. Кутежи с поездками на тройках и разгулом до утра, азартная игра, во время которой на зеленое сукно выбрасывались пригоршни золотых монет, все увеличивались и увеличивались ставки и все острее и острее переживалось страстное желание удачи, захватывали его с такой силой, которой он не мог да и не всегда хотел противостоять. Иногда, когда страсть к игре заходила слишком далеко и проигрыши делались чрезмерны, товарищи старались удержать Черткова, а иногда он пытался удерживать их сам.

«Под страхом быть оплеванным всеми моими друзьями обещаюсь ни в коем случае ни под каким предлогом не играть в рулетку до 1 февраля 1873 года»,—написал один из светских молодых приятелей Черткова в 12 часов ночи 13 декабря 1872 года и вручил ему это письменное обязательство, сохранившееся до наших дней в архиве Черткова.

Но и сам Чертков, вероятно, не в меньшей степени нуждался в том, чтобы взять на себя подобное обязательство, потому что вскоре тот же самый его приятель нашел необходимым написать ему записку, в которой дружески обращал его внимание на то, что его проигрыши в рулетку становятся слишком велики, и уговаривал бросить карты и вино.

Но отдаваясь всем тем наслаждениям, которые могла дать жизнь в кругу золотой моло-

дежи, не знавшей ни внешних, ни внутренних преград при осуществлении своих желаний, Чертков время от времени чувствовал, что есть в этой его жизни что-то не должное, и пытался найти какие-то нравственные законы, которым мог бы подчинить свое поведение.

Еще восемнадцатилетним юношей он написал письмо, в котором старался изложить свои мысли о значении совести одному своему приятелю — юноше, принадлежавшему к одной из наиболее аристократических русских фамилий и отдававшемуся тем же наслаждениям, как и он сам. В ответном письме, переполненном непристойными шутками, которые считались, повидимому, признаком своего рода хорошего тона при дружеской беседе в кругу той золотой молодежи, к которой они принадлежали, приятель Черткова пытался в свою очередь изложить мысли о совести, делая при этом забавные ошибки в русском языке, которых, наверное, не сделал бы, если бы писал по-французски. Называя письмо Черткова «философским», он доказывал, что требования совести относительны, потому что европейцу она говорит: «не мсти врагу, брось оружие», а азиату: «хватай меч, беги и распорой брюхо твоего врага»[2].

Эти попытки продумать свою жизнь в течение долгого времени оставались слабыми, и внешне Чертков продолжал жить так же, как и те, кто совсем не пытался изменить свое поведение. В 1876 году один из приятелей Черткова, поздравляя его с производством в офицеры, писал ему, что теперь у него прибавятся еще товарищи — «люди веселые, любят под-

час покутить и тебе это будет очень сподручно» [3].

И в то же самое время в жизни Черткова рос незаметный постороннему глаз разлад, который с каждым годом он чувствовал все больше и тяжелее.

«Двадцатидвухлетним гвардейским офицером,— писал впоследствии Чертков, вспоминая это время,—я прожигал свою жизнь „во все нелегкие“. Всем трем классическим порокам—вину, картам и женщинам—я предавался без удержу, живя, как в чаду, с редкими промежутками душевного отрезвления. В эти периоды внутреннего просветления я чувствовал отвращение к своему беспутному поведению и мучительно тяготился своим положением. Ища из него выхода, я напряженно задавался основными вопросами жизни и религии» [4].

Вместе с некоторыми своими товарищами офицерами Чертков начал подумывать о том, чтобы внести в свою жизнь несколько более серьезное содержание, хотя бы в форме работы над самообразованием. Была сделана попытка устраивать в полковом клубе чтения и беседы, и с этой целью пригласили читать лекции по русской истории пользовавшегося тогда известностью профессора Бестужева-Рюмина. Но командир дивизии, узнав об этом необычайном начинании, распорядился прекратить такие беседы, вероятно, опасаясь, как бы они не вышли за те строго ограниченные пределы, которыми должен был замыкаться круг мыслей образцового гвардейского офицера. Да и Чертков в те периоды, когда он остро чувствовал необ-

ходимость как-то осмыслить свою жизнь, пытался уяснить себе самые основы своего миропонимания, и беседы, которые возникали после популярно-научного доклада в полковом клубе, не могли ему что-либо дать в этом отношении.

Мать В. Г. Черткова, Елизавета Ивановна, была очень религиозна. Ее вера не ограничивалась поездками в церковь в торжественные дни и тем выполнением обрядов, которое являлось только своего рода подробностью быта, соблюдением требований приличия и традиций, установившихся в этой среде. Вместе с некоторыми семействами, принадлежавшими к петербургскому высшему свету, она стала последовательницей английского проповедника лорда Редстока, который в семидесятых годах XIX века начал проповедь евангелических идей в среде английской аристократии, а затем распространил свою деятельность и за пределы этого круга. Вера в божественность Христа и в искупление человечества его кровью, в спасительную необходимость молитвы, независимо от всяких церковных обрядов, и убеждение, что в Библии и Евангелии, как в боговдохновленном писании, надо искать ответа на все вопросы жизни, — лежали в основе проповеди лорда Редстока. Е. И. Черткова вместе с семейством своего родственника В. А. Пашкова, впоследствии высланного за проповедь своих верований за границу, по имени которого последователи этого движения в России одно время назывались «пашковцами», всецело приняла евангелическое учение, проповедывавшееся лордом

Редстоком, и старалась убедить в его истинности своего сына.

Обещая каждому уверовавшему спасение души, учение это не требовало ни изменения социальных отношений, ни упрощения установившегося в великосветских кругах быта и одно время пользовалось значительным успехом в этой среде. И бывало иногда так, что светская барышня из аристократического семейства посылала молодому человеку на память белую карточку, на одной стороне которой была в красках изображена корзиночка с розами и незабудками и золотом оттиснута надпись: «Pensez à moi» — «думайте обо мне»,— а на другой стороне она выводила евангельский текст: «Приидите ко мне все труждающиеся и обремененные, и аз упокою вы».

Еще в раннем детстве мать приучила В. Г. Черткова читать Евангелие и обращаться к этой книге в минуты сомнений, но ему свойственно было стремление самостоятельно дойти до конца уяснить себе встающие перед ним вопросы и не принимать на веру чужие слова, направляя свои мысли в то или иное готовое русло. Догматическая сторона того христианского учения, которое разделяла мать В. Г. Черткова, ему оставалась чуждой. Евангельские рассказы о чудесном вызывали сомнения, но этические заповеди его привлекали, и время от времени он начинал настойчиво думать о том, как их осуществить.

В обязанности гвардейских офицеров входило периодическое дежурство в военных госпиталях. И попав в палаты для больных солдат,

Чертков почувствовал, сколько страдания скрыто за внешним блеском образцового военного госпиталя. В декабре 1877 года, вернувшись с дежурства в госпитале, он писал своей матери:

«В палатах, где больные и раненые с театра войны, все в лучшем виде. Великие княжны, дамы, сестры милосердия посещают их, и все служители, разумеется, на своих местах. В других же палатах картина совсем другая. Описывать ее не стоит, потому что она очень грустная. Но тут каждая оставленная книга читается с жадностью, каждое доброе слово вызывает слезы» [5].

Дежурным гвардейским офицерам предоставлялось право надзора за состоянием госпиталя, но на деле это право почти никогда не осуществлялось, и Чертков сам впоследствии вспоминал с недоумением об этом установлении:

«Ежедневно сменявшимся молодым гвардейским кутилам, не умевшим даже справляться с своими собственными деньгами, поручалась задача, которая была под силу разве только самому опытному в хозяйственном отношении администратору и то не с налету, как навещали мы госпитали, а после продолжительного и основательного ознакомления со всей подноготной этого сложного дела. Понятно, что при таких условиях деятельность приезжавшего в госпиталь на одни сутки офицера сводилась к исполнению чисто внешних формальностей... При личном осмотре многочисленных больничных палат и бараков для проверки удовлетворительности их содержания и ухода за больными, стесненный своей неопытностью офицер,

внезапно попавший в эту обстановку из совершенно иного мира, всюду встречал вытягивавшихся перед ним во фронт фельдшеров и служителей, которым ничего не стоило бы втереть ему очки, если бы он вздумал проверять больничные порядки и раскрывать злоупотребления. Трудно понять, кому нужна была эта комедия фиктивного контроля, которую нас, молодых офицеров, заставляли играть в военных госпиталях. Но по отношению к себе лично я навсегда останусь благодарным судьбе за доставленные мне этими дежурствами случаи заглянуть, хоть одним глазком, на изнанку жизни, на ту более серьезную трагическую сторону окружающей действительности, которая бывает обыкновенно скрыта от молодых людей в моем тогдашнем положении» [6].

Здесь, неся обязанности дежурного офицера, он натолкнулся на безобразное обращение с политическим арестантом в арестантском отделении госпиталя, резко вмешался в распоряжения администрации госпиталя и лишь благодаря тому положению, которое занимали его родители в свете, это вмешательство не имело для него неприятных последствий.

И хотя по окончании дежурства Чертков вновь бросался в тот круговорот соблазнов и наслаждений, который стремительно его увлекал, однако, все настоятельнее и мучительнее становилась потребность сломать те формы, которые приняла его жизнь, и найти новый жизненный путь.

«Лет пять тому назад,— писал Чертков в начале 1884 года в своем дневнике,—после неод-

пократных, но бесплодных попыток побороть в себе зло, я наконец стал замечать, что даже самое желание исправиться во мне уменьшается. В существовании бога я сомневался, Евангелие потеряло для меня свой авторитет. По временам я ясно сознавал свое положение и тогда чувствовал, что быстро приближаюсь к отчаянию и сумасшествию. Один бог знает, как близок я тогда был к тому и другому и какие страшные муки я пережил в продолжение этого ужасного времени»[7].

В языке Черткова были два слова, которые он всегда произносил с большим презрением — «вилять» и «увиливать». Он считал недостойным делом уклоняться от решения тех вопросов, которые перед ним стали, но ему и самому было неясно, как же следует жить.

Для того, чтобы разобраться в возникших сомнениях, присмотреться к другим формам жизни и остаться наедине с собой, он решил, хотя бы на время, отойти от обычной своей жизни, взять отпуск на несколько месяцев и уехать в Англию.

Он поделился своими мыслями в письме к одному из своих светских товарищей, Рафаилу Алексеевичу Писареву, который был на десять лет его старше и гораздо серьезнее, чем другие его приятели. Р. А. Писарев в это время, оставив полк, уехал в свое имение в Тульской губернии и отдался земской работе, усиленно насаждая школы в своем уезде и подыскивая для них учителей. Р. А. Писарев знал Черткова как хорошего товарища и блестящего конногвардейца, и к запросам его вну-

трений жизни он вначале отнесся скептически, усомнившись в их серьезности:

«Не так ты берешься за дело, и ничего не выйдет из твоих наблюдений над английской жизнью,—наставительно писал Р. А. Писарев В. Г. Черткову,—чтобы наблюдать, надо быть знакомым с наблюдаемыми явлениями, а это делается через изучение основных их принципов. Скажи себе прямо, что ты едешь в Англию, потому что тебе приятно там жить и баклуши бить, и не морочь ни себя, ни других, разукрашивая свою поездку другими благонамеренными и сложными целями» [8].

И в заключение Р. А. Писарев обращался к Черткову с дружеским поручением, не вполне гармонировавшим с поучительным тоном письма,—просил узнать: «почем можно в Англии купить борзого кобеля и суку».

Получить многомесячный отпуск, не выходя из полка, было не трудно при том положении, которое занимала семья Чертковых, и в ответ на просьбу отца В. Г. Черткова продлить отпуск сверх установленных пределов, командир лейб-гвардии конного полка, барон Фредерике--будущий министр императорского двора при Николае II—отвечал с изысканной любезностью:

«Mon Général! Je m'empresse de Vous dire, que je suis tout à Vos ordres pour la prolongation du congé de Votre fils du moment que Vous le désirez, et je me réjouis beaucoup de savoir, que Vous êtes satisfait de la manière dont il passe son temps; c'est un charmant garçon qui a l'estime et l'affection de ses camarades, que

je partage aussi, et j'espère que, son congé terminé, je le reverrai de nouveau au régiment»*[9].

В Лондоне Чертков, благодаря близким родственным связям с домом русского посла в Англии, графа Шувалова, вошел в тот узкий круг аристократических семейств, в котором он вращался в Петербурге: пригласительные письма на вечер или на обед к князю Щербатову или к графине Паниной сменяются такими же письмами от лорда Нортхемптона и герцога Бедфордского, и вместо петербургского аристократического яхт-клуба он посещает лондонский Никкадили-клуб и Крикет- и скэттинг-ринг-клуб. Тем не менее Чертков, по совету своего друга G. S. W. Burnsby, который был его гувернером, находит себе квартиру в сельской местности, в двух часах езды от Лондона. Он живет в доме местного пастора, в обстановке гораздо более скромной, чем та, которая окружала его в Петербурге, но время от времени ездит в Лондон, где ведет прежний светский образ жизни. Вместе с тем он много читает, выбирая преимущественно сочинения по общественным наукам и вопросам религии и этики, и, повидимому, в это время у него начинают складываться те навыки к умственной работе, которые не могли у него создаться в прежние годы.

* Генерал! Спешу Вас уведомить, что я вполне в Вашем распоряжении, чтобы продлить отпуск Вашего сына, так как Вы этого желаете, и я очень рад узнать, что Вы удовлетворены тем, каким образом он проводит время; это—прекрасный юноша, и товарищи его относятся к нему с уважением и приязнью, которые и я разделяю. Я надеюсь, что снова увижу его в полку по окончании отпуска».

В конце декабря 1879 года Чертков писал из Англии своей матери:

«Могу тебе сообщить некоторые отрывки моих последних мыслей:

«1. Для того, чтобы быть полезным, человек должен ясно определить свое положение среди окружающего мира. 2. Он должен следовательно смотреть на себя не субъективно, но объективно. 3. Достичь такого взгляда он может только тогда, когда силы всех его устремлений будут сосредоточены не на самом себе, а на каком-нибудь великом начале, находящемся вне его»[9]. И далее он писал, что, сосредоточив все свои мысли на христианском учении, «можно быть действительно полезным, выполнить задачу своей жизни[10]».

Все яснее и яснее становится для него решение оставить прежний образ жизни, бросить полк и найти такое дело, которое оправдывало бы его жизнь в его собственных глазах.

Для того, чтобы жить как все, не надо было искать и думать, нужно было только не выходить из рамок привычного быта. На этом проторенном пути было много товарищей и приятелей, и итти по нему было легко и просто. Новый жизненный путь был неясен, приходилось искать его самому, а между тем являлись вопросы, которые надо было бы обсудить с различных сторон. Чертков, предчувствуя свое одиночество, начал все же думать о том, что следует попытаться найти кружок близких людей, которые бы могли сообща обсуждать встающие перед ними вопросы и на деле старались бы осуществить свое жизнепонимание. Вместе с тем, ана-

лизируя свою жизнь, он начал чувствовать, что в самой ее основе лежала явная несправедливость: те средства, которые он умел тратить с таким размахом, давали ему земли его родителей—в конечном счете крестьяне, работавшие на них за ничтожное вознаграждение, и нельзя было скрыть от себя, что именно их трудом создавалась утонченная роскошь, его окружавшая. У Черткова явилась мысль, что, решив перестроить свою жизнь, надо прежде всего попытаться употребить получаемые от родителей средства на пользу крестьян, которые их создавали, и что для этого необходимо, поселившись в деревне в имении своих родителей, познакомиться с нуждами крестьян и выяснить, чем можно быть им полезным. Таким образом намечались как будто какие-то точки, от которых жизненный путь должен был повернуть в другую сторону: отставка, кружок, деятельность в деревне.

В начале 1880 года В. Г. Чертков вернулся в Петербург и рассказал о своем решении уйти в отставку матери и отцу. Оба они рисовали будущее своего сына в совершенно иных тонах: можно было сказать с уверенностью, что он без всяких усилий пройдет тот путь, которым шли его отец и дядя, и закончит свои дни, заняв подобающее место:

— Генерал-адъютант, член государственного совета Владимир Григорьевич Чертков.

Уйти в отставку, пренебрегая такой карьерой, значило совершить поступок, о котором в светских салонах станут говорить с недоумением и неодобрением, как о чем-то непонятном, не-

обычном и — как все необычное — почти неприличном. Мать В. Г. Черткова старалась вникнуть в мотивы его решения, отцу это было сделать труднее, но и он должен был примириться с решением сына, зная его упорство и стремительность в осуществлении своих желаний.

Приятели Черткова рады были его вновь увидеть после возвращения из Англии, и он мог опять отдаться привычным развлечениям и шумным кутежам.

«Любезный друг, Чертков,— писал его товарищ, князь Васильчиков, вскоре после его приезда в Петербург,— сегодня вечером мы повторяем нашу поездку к цыганам и на тебя сильно рассчитываем. Чтоб к ним ехать, вся компания собирается у нас в 9 часов. Надеюсь, что ты нам не откажешь»[11].

И в то же самое время его друг, благоразумный Р. А. Писарев, получив письмо, в котором Чертков писал ему о своем желании как-то осмыслить и заново перестроить свою жизнь, давал ему наставление:

«Не скучай по идеалам, до которых мы не доросли, и дай ход тем хорошим задаткам, которые в тебе есть, но которые могут и исчезнуть»[12].

Еще до того, как уход в отставку был окончательно оформлен, Чертков написал управляющему землями его родителей, Владимиру Сергеевичу Шрамму, что собирается поселиться в имении и просит сделать необходимые приготовления.

В. С. Шрамм служил у Чертковых больше двадцати лет. Он пользовался неограниченным доверием своих хозяев, тем более, что до него их

имениями управляли его отец и дед. Все хозяйство Чертковых было сосредоточено в его руках: он один обдумывал, когда и какие производить посевы, как выгоднее купить и продать лошадей, овец и молочный скот, как сдать в аренду излишнюю землю крестьянам с таким расчетом, чтоб получить наибольший доход, и какими штрафами следует их обложить за пастьбу скота на барских землях, вклинившихся между деревенскими полями и лугами. Родители Черткова чувствовали, что благодаря В. С. Шрамму они избавлены от необходимости знать во всех деталях, как получаются те средства, которые они проживали—это было дело скучное и не совсем приятное. И Шрамм понимал, что он может действовать, как ему угодно, если будет регулярно переводить в Петербург деньги, время от времени отправлять отчеты и неукоснительно посылать торжественные поздравительные письма к рождеству, к пасхе и к новому году. С молодым барином он в это время совершенно не говорил о хозяйственных делах и знал его главным образом с одной стороны,—как любителя лошадей и собак, страстного охотника, готового до полного самозабвения скакать во весь опор со своими собаками за матерым волком или быстроногой лисицей. И на протяжении ряда лет Шрамм считал нужным время от времени писать В. Г. Черткову почтительные письма, в которых сообщал только о том, каковы перспективы охоты и как обстоят дела на барской псарне:

«Очень сожалею, что грустные обстоятельства не дозволили Вам нонешнее лето посетить име-

ние, впрочем, что теперь не удалось, то, бог даст, удастся на будущий год, лисиц же и зайцев постараюсь заберечь для Вас» [13].

«Достал кровных английских щенят, очень ладных и красивых собак, давно я за ними ухаживал, да наконец и добыл. Они сами по себе для нашей местности хороши, и помесь их с густопсовыми еще лучше, это Вы видели на Бибишке и Убее» [14].

Узнав о том, что В. Г. Чертков надумал поселиться в деревне, Шрамм заранее решил, что должен устроить его быт так, как полагается жить большому барину, поселившемуся в своих владениях. Он принял соответствующие меры и написал Черткову, что уже нанял для него кучера с женой, которая будет исполнять обязанности прачки, нашел садовника, приискивает повара, камердинера же советует взять с собою из Петербурга.

Весной 1880 года Чертков уехал из Петербурга и поселился в усадьбе своих родителей, Лизиновке. Через год, весной 1881 года, он вернулся на несколько месяцев в полк, но затем окончательно вышел в отставку и поселился в деревне. Здесь он имел полную возможность устроить свою жизнь, хотя и с меньшим блеском, чем в Петербурге, но все же удобно и беззаботно. Пользуясь полной независимостью как богатый и родовитый помещик, он мог бы спокойно заниматься той общественной деятельностью в форме работы в земстве, которая была предоставлена представителям привилегированного сословия, и таким образом оправдывать свою жизнь в собственных глазах, уве-

ряя себя, что делает ценное дело. Его состояние и положение сразу же открыло ему доступ к этой работе, и очень скоро он стал земским гласным, попечителем над школами, почетным мировым судьей и членом присутствия по крестьянским делам, в котором разбирались жалобы крестьян на действия местных властей. И опять перед ним была готовая, хорошо проторенная колея, по которой шла жизнь многих дворян, почему-либо оставивших служебную карьеру,—привольное житье в деревне, зимой—поездки на несколько месяцев в столицу, чтобы поддерживать прежние связи, посещать светские салоны и—при случае—шумно покутить, в дальнейшем женитьба на девушке «своего круга» и должность предводителя дворянства.

Чертков действительно едет в деревню, как молодой богатый барин, собирающийся облагодетельствовать тех крестьян, за счет которых он живет, и имеющий смутное представление об их нуждах.

Но та самостоятельность, которая сказывалась во всей жизни Черткова, и здесь помешала ему итти в ногу с другими.

Р. А. Писарев, с которым В. Г. Чертков часто делился своими планами в связи со своей деятельностью в деревне, давал ему благоразумные советы:

«Побаиваюсь также, что ты, не узнавши дела, начнешь ломать и крушить по-своему или же предпримешь всякие усовершенствования и все это не доведешь до конца. Боюсь я вообще, что ты впадешь в ошибки „Утра молодого помещика“ Тургенева или Гончарова—не помню» [15].

В. Г. Чертков
С портрета маслом Н. Н. Крамского. 1879—1880 гг.

Опасения Р. А. Писарева были несколько преувеличены. Чертков не мог «ломать и крушить» до конца, хотя бы уже потому, что земли принадлежали не ему, а его родителям. Он мог тратить по своему усмотрению те очень крупные суммы, которые ежегодно отпускались ему родителями в его полное распоряжение, но право менять порядки, заведенные на их землях, ему не было предоставлено.

Замыслы Черткова идут по другому пути: вематриваясь в работу земства, он отмечает ее слабые стороны и задумывает в родительской усадьбе осуществить те мероприятия, на которые не обращает внимания земство. Таким образом возник проект устроить ремесленную школу, в которой дети местных крестьян могли бы бесплатно обучаться сапожному, столярному, бондарному делу, явилась мысль— для борьбы с деревенскими лавочниками, продававшими товары втридорога, организовать лавку, в которой бы цены на товары назначались с таким расчетом, чтобы покрывались расходы, но не было бы прибыли, и учредить ссудосберегательное товарищество.

Все эти дела были новы. Они давали некоторый выход той силе жизни, которую раньше он щедро растрачивал в кутежах и разгуле и которая теперь требовала иного применения. Но прислушиваясь к самому себе, Чертков чувствовал, что все эти дела—полезные и нужные сами по себе—не могут ему дать полного удовлетворения. Он испытывал необходимость до конца продумать свое жизнепонимание, найти те основные предпосылки, из которых после-

довательно вытекали бы и все его мысли и все его дела.

Проводя каждую зиму несколько месяцев в Петербурге, куда настойчиво звала его тосковавшая в разлуке с ним мать, он пытался создать кружок друзей, которые также стремились бы продумать свое жизнепонимание. В той среде, к которой принадлежал Чертков, легче было найти товарищей для шумного разгула, чем для участия в кружке, но нашлось все же несколько человек, не чуждых этим стремлениям. И один из них, князь Василий Павлович Голицын, студент Петербургского университета, переживавший период напряженных исканий и с той душевной приподнятостью, которая бывает в ранние годы жизни, делившийся своими мыслями и переживаниями с В. Г. Чертковым, сделался одним из его близких друзей и готов был вести с ним нескончаемые разговоры.

«Мне смешно,—писал В. П. Голицын В. Г. Черткову зимою 1881 года,—что, несмотря на то, что провел 15 часов в твоем аппартаменте, есть еще о чем побеседовать, хоть письменно» [16].

Голицын деятельно начал искать среди той светской молодежи, к которой он сам принадлежал, людей, желающих примкнуть к намечавшемуся кружку, и с радостью сообщал Черткову о своих успехах:

«Насчет религиозного нашего общества много толковал с гр. Гейденом, с удовольствием и верою в успех дела примыкает он к нам. План деятельности и способы действия уже намечены. Когда увидимся, сообщим» [17].

И другой товарищ Черткова—ротмистр лейб-гвардии конного полка Д. Ф. Трепов—писал ему об организации кружка:

«Я страстно желаю устроить кружок бесед на различные темы, заранее приготовленные, одним словом, это то, что мы с тобой хотели устроить когда-то в полку, но неудачно. Я говорил уже с несколькими лицами, которые относятся очень сочувственно, особенно гр. Кутузов. Очень бы желательно устроить этот кружок поскорей, по пословице: куй железо, пока горячо, поэтому прошу тебя дать мне сведения, которые ты имеешь о таких кружках, и, если возможно, поскорей» [18].

Так возник небольшой кружок, в котором читалось Евангелие и обсуждались вопросы, возникавшие при этом чтении. И в тесной связи с ним возник другой кружок—в значительной степени из тех же людей,—который должен был осуществлять евангельские идеи в форме благотворительности—«Общество христианской помощи».

Оба эти кружка возникли еще до переезда Черткова в деревню и собирались некоторое время и после его отъезда из Петербурга.

Голицын был доволен обоими кружками; он с удовлетворением писал Черткову о том, какие отрывки из Евангелия читаются на собраниях, и о том, что для благотворительности удается находить все новые и новые средства. Чертков принимал участие в обоих кружках, но тот самоанализ, который заставил его в свое время бросить привычный образ жизни и уехать в деревню, сказывался и здесь, вскрывая те

противоречия, которые другие предпочитали не видеть.

Те блестящие светские молодые люди, которые время от времени сходились в заседаниях кружка, чувствовали некоторую потребность внести в свою жизнь струю иных интересов, чем те, какими они жили, отдавая свое время вечерам в великосветских салонах, балам и кутежам, но совсем не собирались менять свою жизнь в ее основе и отказываться от жизненных благ и привилегий, которыми пользовались.

Подобно другим членам кружка Чертков мог иногда велеть заложить своего рысака и заехать к тому или иному донедпему до последней степени нищеты человеку, чтобы выяснить, следует ли пожертвовать ему десять или двадцать рублей из имеющихся в кружке сумм, но он чувствовал несостоятельность таких благодеяний. И возможно, что еще в это время зарождались у него саркастические мысли, которые он высказал много лет спустя, говоря, что филантропией заниматься гаже, чем ездить на рысаках: при филантропии можно вообразить, что служишь народу, а при катании на рысаках нет по крайней мере этого лицемерия [19].

Как и следовало ожидать, оба эти кружка оказались недолговечны – они просуществовали две или три зимы, и постепенно жизнь их замерла совершенно. Чертков принимал участие в их собраниях – иногда заседания устраивались в его квартире, но он чувствовал, что должен итти своим путем, о котором он впоследствии писал в своем дневнике в январе 1884

года, подводя итоги пережитому за последние годы:

«Пришлось последовательно и беспощадно ломать не только свой прежний образ жизни, но и понятия и убеждения, данные воспитанием и средою. Ломка эта продолжается и до сего дня, ломка, беспощадно разрушающая привычки и взгляды, привитые с детского возраста, и заменяющая их совершенно новыми понятиями о жизни и отношениях к людям» [20].

Проводя большую часть года в Лизиновке, Чертков упорно стремился осуществить задуманные им мероприятия, и многое ему удалось довести до конца. Для ремесленного училища было построено хорошее здание, найдены опытные преподаватели, и шестьдесят крестьянских мальчиков учились там за счет Черткова. Народная лавка и ссудосберегательное товарищество были организованы. Начал регулярно работать приемный покой для крестьян, устроенный в Лизиновке матерью В. Г. Черткова, которая поручила ему пригласить земского врача дважды в неделю принимать там больных.

Друг Черткова, Р. А. Писарев, несколько скептически относившийся к его начинаниям, побывавши у него осенью 1881 года, писал ему, вернувшись в свое имение:

«Возвращаясь из Лизиновки и подведши итоги моего пребывания у тебя, я очень был рад вывести приятное для меня заключение, основанное на том впечатлении, которое ты и вся Лизиновка сделали на меня» [21].

И в другом письме, написанном через год, Р. А. Писарев отдавал должное энергии Черткова:

«Читая твои письма, я убеждаюсь все более и более, что роли наши изменились: прежде мне приходилось подстрекать тебя на деятельность, теперь же напротив того—твои письма производят на меня то действие, которое мои производили на тебя» [22].

Эта деятельность давала Черткову некоторое удовлетворение и, вероятно, это мешало ему в первое время чувствовать со всею остротой противоречие между его стремлениями и всем укладом его жизни, в котором сказывались с детства создавшиеся привычки больного барина.

В почтительных письмах, которые Чертков, уезжая в Петербург, получал от управляющего имениями его матери, нетрудно заметить эти бытовые черточки:

«Все назначения Ваши выполнены,—писал В. С. Шрамм зимою 1881 года,—школьники пьют так усердно, что скоро обанкрутят меня запасом кож, больные, находившиеся в приемном покое, излечены, лошади Ваши и свита здравствуют» [23].

Но продолжая думать о своей жизни, Чертков делает некоторые попытки упростить свой быт—переходит жить из обставленного с большою роскошью барского дома в пустующую мастерскую при выстроенной им ремесленной школе и старается внести элементы равенства в свои отношения с прислугой. С молодым деревенским парнем, который выполняет у него обязанности конторщика и пере-

писчика, он разговаривает о вопросах жизнепонимания, дает ему читать некоторые странички из своего дневника и убеждает его вести дневник в свою очередь.

Елизавета Ивановна Черткова, замечая, что жизнь ее сына вновь отходит от готового русла, и он опять задумывает что-то необычное для людей своего круга, пишет ему зимой 1882 года с тревогой и легким упреком:

«Мне кажется, что ты слишком расположен сменивать демократизм с христианством, которое советует каждому оставаться в его звании; вред от этого для окружающих тебя положителен. Вспомни меня (дай бог, чтобы я ошиблась), они после службы с тобою никуда не будут годиться... Знать, что ты хуже ешь, хуже еще одеваешься и пьешь вовсе не в своем кругу, не отрадно мне; впрочем, я особой важности этому не придаю, а только высказываю свои впечатления» [24].

И точно желая напомнить сыну весь блеск той жизни в «высшем свете», от которой он стремился уйти, она в одном из своих писем дает единственную в своем роде бытовую картину, описывая посещение их дома царем, пожелавшим провести у них вечер вместе с двумя великими князьями и немногими избранными гостями. Весь этикет торжественного приема в великосветском доме был выдержан с большой тщательностью, за исключением одной детали: отец В. Г. Черткова из-за болезни ноги не мог встретить гостей внизу лестницы и передал эту миссию своему двоюродному брату, Григорию Александровичу Черткову:

«Вечер наш состоялся и оказался очень удачным. К 10 часам собрались наши гости. Грина Чертков встретил их внизу лестницы, а я на лестнице. Прибыли: Михаил Николаевич с Ольгой Федоровной и сыном, государь с императрицей, и уже когда мы сидели за чаем, немного сконфуженная Мария Павловна с Владимиром Александровичем. Папа открыл дверь между своею первой комнатой и красной гостиной, что много украсило весь апартамент, в гостиной был накрыт большой круглый стол для чаю, вокруг которого сели все дамы, а я им разливала чай... Были Бетси Шувалова, Нелли Барятинская, графиня Воронцова с мужем, тетя и дядя Чертковы, Гагарин, Черевин и Леванов. После чая все перешли в кабинет папа и долго ходили по комнате и все рассматривали, наконец, сели играть. Государь с своею партнею за твой круглый старинный стол Louis quinze, который мы вытащили из твоей комнаты и которым все очень любовались. Императрица села с дамами и кавалерами за комитетский стол и играла в свои игры. Тут же был и папа... В час пошли ужинать,—в красной гостиной было накрыто три круглых стола, украшенные белою английскою посудою и цветами, вид имели очень порядочный. Императрица пригласила сидеть возле нее папа и дядю Гагарина, государь за другим столом сидел между мною и графинею Воронцовой... Ужин был отличный, все были очень веселы и милы».

И в заключение Елизавета Ивановна, как бы вспомнив о тех новых интересах, которыми живет ее сын, добавляла:

«Не знаю довольно ли тебя все это интересует, чтобы с удовольствием читать мое подробное описание» [25].

Отрицательное отношение к внешнему блеску великосветской жизни, выработавшееся у Черткова, огорчало его мать и отца, но еще более тревожил их тот отказ от готовых традиций в области веры, который с каждым годом сказывался все отчетливее и отчетливее в его письмах к матери. Анализируя свое жизнепонимание, Чертков, как он не раз писал матери, пытался найти «прямой смысл» евангельской проповеди и отвергнуть все, что противоречило ему и в общественной жизни и в церковном учении. В процессе этой критической работы совершалась резкая переоценка ценностей,—окончательно потеряли всякое обаяние церковные таинства и обряды, начало казаться бессмысленным учение о том, что все люди, не принадлежащие к господствующей церкви, осуждены на вечные муки, действия, связанные с насилием, и особенно война, стали для него неприемлемыми.

Ему приходилось думать в одиночку, и взгляды эти не были приведены им в стройную систему, но он высказывал их все чаще и чаще, то удивляя других своими суждениями,—настолько расходящимися с привычными взглядами, что некоторые готовы были считать его слова лишь остроумными парадоксами,—то вступая в споры и энергично отстаивая свою точку зрения. Мать, чувствуя, что ее сын все дальше и дальше отходит от близкого ей пути, переживала это с большою болью, не раз вету-

пала с ним в острый спор, но в то же время— иногда с нежностью и гордостью—думала о том, что, ломая ранее сложившиеся убеждения, он только стремится осуществить свой долг так, как он его понимает. И в записке, написанной карандашом в одну из таких минут, вероятно, после длинного разговора, она писала:

«Мальчик мой, не хочу, чтобы ты думал, что я не сочувствую твоей внутренней жизни; некоторые вещи могут мне быть, что называется, не по шерсти, но цель моя, как и твоя, в том, чтобы не было вещей не по совести, и потому, как бы ты ни действовал побуждаемый ею, я буду тебе сочувствовать и просить бога, чтобы он всегда поддерживал тебя в исполнении каждого долга и чтобы он не допускал, чтобы даже я могла смущать или колебать тебя, когда его воля высказана. Спокойной ночи, мальчик мой» [26].

В 1883 году Черткову исполнилось двадцать девять лет и, чувствуя напор накопившихся в нем сил, он готов был отдать их полностью для такого дела, в котором осуществлялось бы новое жизнепонимание, уже сложившееся у него за последние годы, хотя и не вполне еще продуманное им до конца. Деятельность в деревне, которой он был занят в это время, представлялась ему полезной, но он не мог на нее смотреть, как на дело всей своей жизни. Думая о пройденном пути, Чертков отчетливо сам сознавал, как далеко отошел он внутренне от тех интересов, которыми жили люди его круга.

В конце 1883 года, отвечая на письмо своей матери, старавшейся его убедить, что государственная служба и общество людей, равных по

своему положению, могут быть ему полезны в воспитательном отношении, приучая предъявлять к себе большие требования, Чертков писал:

«Теперь возьми мое положение. Мне около 30 лет, в моем распоряжении более 10 тысяч денег ежегодно, и я вместе с тем глубоко верю в известные начала и считаю распространение этой веры главной задачей своей жизни. Где я могу лучше достигать этой цели и иметь большие влияния, там ли где поступки мои будут менее стеснены, где инициатива и направление в моих руках и где я могу поддерживать свои предприятия материальными средствами, или же там, где я буду скорее только исполнителем, буду постоянно мириться с более или менее важными обстоятельствами, прямо противоречащими моим убеждениям, буду из-за общественной службы упускать многое в том деле, которое от меня зависит, буду тратить свои деньги на одно дело, а свое внимание на другое — и буду все это делать только в силу того, что работа при известных стеснениях окажет на меня воспитательное влияние?» [27].

Он старался построить свою новую жизнь на основе тех взглядов, которые пытался выработать, не принимая на веру готовые суждения, и твердо знал, что к прошлому нет возврата: свое решение бросить блестяще начатую карьеру он называл своим «выздоровлением» и писал в своем дневнике, что только с этого дня он начал жить действительною жизнью. Тем не менее, изучая дневники и письма Черткова, можно убедиться, что жизнь его, хотя и шла

напряжению, давала ему мало простой и ясной радости.

В жизни Черткова было много противоречий, которые, как показывает его дневник, он переживал с большой болью, боролся с ними, но не мог, однако, вполне преодолеть. Он отказался от роскоши, окружавшей его в Петербурге, и, создавая ремесленную школу для крестьянских детей, пытался вернуть крестьянам часть тех средств, которые они платили его родителям в виде арендной платы. Но в нем еще продолжали жить с детства привитые навыки, и считая богатство злом, он во многом попрежнему оставался барином, который не знает счета деньгам.

Он мог время от времени ставить себе за правило самому убирать свои комнаты, но в доме сохранялся целый штат находившихся у него на службе людей; уезжая в Воронеж на заседание губернского земского собрания, он садился не в отдельное купэ первого класса, а в набитый людьми вагон третьего класса, вызывая недоуменные улыбки у местных жителей; но, остановившись в гостинице, давал прислуге «на чай» суммы, которые, вероятно, значительно превышали эту экономию.

Он не придавал значения тем внешним преградам, которые отделяли от него людей, находившихся на иной ступеньке социальной лестницы, и мог одинаково прямо и просто говорить о том, что его интересовало и с учительницей, учившей детей в школе, где он был попечителем, и с соседом по имению, и с кучером, который у него служил. Но в то же время все они

чувствовали, что он не привык встречать противодействия своей воле, и это отдаляло от него даже тех людей, которые хорошо к нему относились.

Те приятельские и дружеские связи, которые создались у Черткова с его сверстниками в дни его юности, совсем ослабели после того, как изменились его взгляды. Сравнивая сохранившиеся в архиве Черткова письма с его перепиской до выхода в отставку, иногда можно подумать, что они относятся к другому человеку, настолько меняется социальный состав людей, с которыми он переписывается. Он сам писал своей матери о том, что переписка его с прежними друзьями почти сошла на-нет, и находил это вполне понятным.

«По мере того, как развиваются во мне некоторые убеждения относительно вопросов жизни, по мере того, как эти убеждения уклоняются от убеждений тех, с которыми я раньше был близок, по мере этого мои отношения с прежними друзьями не то что охладевают, но становятся менее сообщительными. Когда в главном расходишься, то разговор о частностях или принимает самый поверхностный характер, или же приводит скоро к основному вопросу, в котором нет согласия» [28].

Он писал матери, что зато у него завязывается дружба с теми людьми, с которыми он соприкасается по своей работе в земстве; но слово «дружба» в этом случае можно было употребить лишь с некоторой натяжкой: конкретные дела, которые связывали Черткова с этими новыми лицами, были для него самого лишь «частно-

стями», а то «главное», что за ними стояло—его жизнепонимание,—было чуждо его окружающим. В той области своей жизни, которую Чертков сам считал наиболее для себя существенной, он был один.

В июне 1883 года Чертков получил от Р. А. Писарева письмо, в котором тот писал о своей предстоящей женитьбе и просил непременно приехать к нему на свадьбу, которая должна была состояться в начале июля. Р. А. Писарев принадлежал к числу тех немногих друзей юности Черткова, с которыми он не утратил связи и в новых условиях своей жизни. Помимо личной приязни их сближали и общие интересы, потому что оба они работали в земстве, хотя та работа над своим мировоззрением, которую вел Чертков, для Р. А. Писарева была в значительной степени чужда и мало его интересовала.

Имение Писарева находилось в Тульской губернии, и Черткову приходилось довольно долго ехать и по железной дороге и на лошадях, но он охотно принял это приглашение и собрался в путь. На свадьбе Р. А. Писарева было много гостей и между ними приехавший из Тулы прокурор окружного суда Н. В. Давыдов. Человек живой и общительный, начитанный и приятный собеседник, Н. В. Давыдов легко завязывал знакомство с самыми разными людьми и бывал желанным гостем в семьях, иногда, казалось бы, мало имевших между собою общего. Он не задумывался над вопросами бытия, жил легко и не слишком сложно, мог, надевая вицмундир и выступая в суде, по долгу службы отправлять подсудимых в тюрьму и на каторгу,

а в обычное время доброжелательно относиться к людям, охотно оказывать разные услуги своим многочисленным знакомым и хлопотать по их делам. Он был хорошо знаком с семьей Толстых, имение которых Ясная Поляна находилось в двенадцати верстах от города Тулы, нередко бывал в их доме, и Толстой относился к нему дружелюбно.

Познакомившись с П. В. Давыдовым, Чертков, беседуя с ним, постепенно перешел на темы, не совсем обычные в кругу гостей, собравшихся праздновать свадьбу. Со свойственным ему юмором Чертков любил высказывать суждения, настолько неожиданные для его собеседников, что они не сразу находили слова для возражения и с некоторой растерянностью останавливались перед выводами, казавшимися им парадоксами, которые они не могли принять и не всегда умели опровергнуть. П. В. Давыдов был не только умный и любезный собеседник, но и прокурор, который должен был стоять на страже государственной власти и православной церкви, и Чертков с своеобразным удовольствием мог высказывать ему те свои взгляды на несовместимость всякого принуждения, и военной службы в частности, с христианским вероучением, к которым он пришел за последние годы.

Но Давыдов хорошо знал одно из главных правил той науки, которую французы называют «savoir vivre»—умение жить—не задумываться над проблемами жизни чересчур серьезно. В словах Черткова его удивило совсем не то противоречие между требованиями христианской

этики и служением государству, о которых говорил Чертков. Бывая у Толстого, Давыдов не раз слышал от него такие же суждения, и теперь его больше всего занимало это совпадение мнений двух незнакомых друг с другом людей. И слушая Черткова, он несколько раз повторял одно и то же:

«Да ведь Толстой говорит то же самое.—Вы как будто повторяете слова Толстого—вам непременно нужно познакомиться с Толстым» [29].

И Давыдов с той готовностью сделать приятное своему собеседнику, которая была ему свойственна, предложил Черткову познакомить его с Толстым.

Чертков знал Толстого по его художественным произведениям, но не имел представления об его религиозно-этических убеждениях: к тому времени Толстой написал на эти темы еще немного, и почти все статьи, в которых он высказывал эти взгляды, не могли появиться в печати вследствие цензурных препятствий. И Чертков слушал слова Давыдова о новых взглядах Толстого с тем большей радостью, что чувствовал себя совершенно одиноким в своих исканиях.

Погостивши у Р. А. Писарева, Чертков вернулся к себе, но у него сложилось решение познакомиться с Толстым в ближайшем будущем.

Н. В. Давыдов, с своей стороны, рассказал о Черткове Толстому, который уже слышал незадолго до того от одного из своих посетителей, Г. А. Русанова, жившего в Воронежской губернии, рассказ о необычной для помещика деятельности Черткова [30]. В сентябре Давыдов писал Черткову, что Толстой в Ясной Поляне

и уедет в Москву не раньше октября. Чертков собирался тогда же поехать в Ясную Поляну, но дела, связанные с работой в земстве, его задержали. В конце октября Чертков выехал из своей деревни и, остановившись в одной из лучших московских гостиниц—Славянском Базаре,—нашел присланную на его имя телеграмму от Н. В. Давыдова:

«Толстой в Москве» [31].

III

Начало дружбы

Сохранилось очень мало сведений о первой беседе Толстого и Черткова, и все же можно отчетливо представить себе ее основной тон. В юности Толстой был застенчив, но с годами та неловкость, которую он испытывал когда-то, встречаясь с незнакомыми людьми, прошла, и он научился говорить с ними свободно и просто. Но искусственно поддерживать ненужный ему разговор Толстой не умел и не любил и обычно сразу старался направить беседу так, чтобы она давала материал, ему интересный. Пытаясь возможно скорее отделить основное ядро разговора от бесполезной шелухи, он настойчиво стремился уяснить себе облик своего собеседника, нередко предлагая ему один вопрос за другим, поскольку это можно было делать, не нарушая требований такта.

Чертков должен был интересовать Толстого вдвойне,—оттого что был новым для него человеком, строившим свою жизнь иначе, чем

другие люди его круга, и потому что, бросив блестящую карьеру и поселившись в деревне, он руководствовался желанием найти такой путь, на котором мог бы, хотя бы до некоторой степени, приблизиться к осуществлению своего нового жизнепонимания.

То и другое было близко самому Толстому, и зная о Черткове со слов общих знакомых, Толстой рад был при первой же встрече выдвинуть те вопросы, которые казались ему самыми существенными и в решении которых он был одинок.

Чертков еще в юности усвоил необходимое для светского человека умение уверенно войти в гостиную,—наука, которая, судя по его письмам к матери, не сразу ему далась—и, при желании, мог бы поддерживать любой разговор. Но он так же, как и Толстой, всегда тяготился разговорами, которые ведутся только ради приличия, и любил шутить, что люди, как средневековые ученые, полагавшие будто «природа не терпит пустоты», больше всего боятся молчания при встрече и испуганно спешат заполнить его никому ненужными словами.

Пройдя вслед за Толстым в его рабочий кабинет—уединенную, покойную и светлую комнату с окнами, выходившими в сад и во двор и задергивавшимися длинными суконными зелеными занавесками, с простыми мягкими черными креслами и большим письменным столом, на котором высились две свечи в старинных медных подсвечниках, стояла медная чернильница на зеленой малахитовой подставке и стопкой лежала бумага,—Чертков с самого начала беседы по-

чувствовал, что он может прямо и просто говорить с Толстым о тех вопросах, о которых упорно думал наедине с собой в последние годы. Много лет спустя, Чертков писал об этом в своей записке о знакомстве с Толстым:

«Мы с ним встретились, как старые знакомые, так как оказалось, что он с своей стороны уже слыхал обо мне от третьих лиц. Он в то время кончал свою книгу „В чем моя вера“. Помню, что вопрос об отношении истинного учения Христа к военной службе уже был тогда в моем сознании твердо решен отрицательно и что, будучи тогда очень одинок в этом отношении (о квакерах и других антимилитаристах я тогда еще не знал), я при каждом новом знакомстве на религиозной почве спешил предъявить этот пробный камень. Во Льве Николаевиче я встретил первого человека, который всецело и убежденно разделял такое же точно отношение к военной службе. Когда я ему поставил свой обычный вопрос и он в ответ стал мне читать из лежащей на его столе рукописи „В чем моя вера“ категорическое отрицание военной службы с христианской точки зрения, то я почувствовал такую радость от сознания того, что период моего духовного одиночества наконец прекратился, что, погруженный в мои собственные размышления, я не мог следить за дальнейшими отрывками, которые он мне читал, и очнулся только тогда, когда, дочитав последние строки своей книги, он особенно отчетливо произнес слова подписи: «Лев Толстой» [1].

Разговаривая с Чертковым о тех вопросах, которые были близки им обоим, Толстой также,

повидимому, сразу почувствовал, что они говорят на одном и том же языке, хотя его собеседник совсем не спешит согласиться с его словами и совершенно не склонен отказываться от своего мнения в тех немногих случаях, когда приходит к другим выводам. Желая закрепить начавшееся знакомство, Толстой познакомил Черткова с своей семьей, пригласил его обедать и просил непременно побывать у него на обратном пути из Петербурга, куда Чертков решил съездить, чтобы повидать своих родителей. И через несколько дней, возвращаясь из Петербурга, Чертков нарочно остановился в Москве, чтобы зайти к Толстому, был у него дважды и каждый раз чувствовал, как крепнет то ощущение взаимной внутренней связи, которое было пережито при первой встрече.

Как это видно по переписке Черткова с его матерью, ничто не изменилось в его внешней жизни в первые месяцы после знакомства с Толстым. То дело, которому он отдавал свои силы, живя в деревне, катилось, как будто пущенное в ход большое колесо, и увлекало его за собой даже тогда, когда перестало занимать его мысли с прежней силой.

Вернувшись в Лизиновку, Чертков сразу очутился в привычной обстановке созданного им быта, в центре разнообразных начинаний, каждое из которых требовало его заботы и внимания. Нужно было узнать, что делается в ремесленной школе и дать очередные распоряжения, связанные с расходами на ее нужды, зайти в приемный покой, выслушать сообщение о работе Лизиновского ссудо-сберегательного товарищества,

выписать волшебный фонарь для чтений с туманными картинами, на которые в зимние вечера собирались не только дети, но и взрослые крестьяне, несколько дней отдать на поездки по соседним селам, школы которых находились в его ведении по его земской работе. Наконец, надо было переговорить с управляющим В. С. Шраммом об участке земли, который родители Черткова выделили в его распоряжение, чтобы он мог организовать там, с помощью агронома, небольшое образцовое сельское хозяйство.

Это новое дело сильно интересовало Черткова: он хотел, чтобы поля этого хутора стали показательным участком, где крестьяне могли бы знакомиться с достижениями агрономической науки, и предполагал сам, под руководством специалиста, ближе изучить сельское хозяйство. Возвращаясь из Москвы после свидания с Толстым, он нарочно заезжал в Тульскую губернию к своему приятелю Писареву, имея в виду познакомиться и поговорить об этом плане с соседом Писарева по имению — профессором Стебутом, руководителем высших сельскохозяйственных курсов. Но хотя все эти дела — и начатые раньше и вновь задуманные — казались Черткову спешными и нужными, он не мог отдаваться им с прежним увлечением, так как перед ним настойчиво вставали те мысли, которые заставили его поехать к Толстому и легли в основу их разговоров. Эти мысли казались ему важнее всех его дел, так как должны были в конечном счете определять каждое его дело, хотя, в действительности, нередко происходило совсем иное: новое дело точно начинало жить своей

собственной жизнью, оттесняя на задний план мотивы, его породившие, и выдвигая свои очередные заботы, будничные и мелочные, но совершенно неизбежные.

Чувствуя себя точно в плену у созданных им самим дел, Чертков писал своей матери:

«Не смотря на то, что я запряг себя еще туже в земскую сбрую, я не могу не чувствовать ежедневно и ежеминутно, что у меня слишком много дела, что с этим делом я хорошо справиться не могу и что лучше сделать мало да основательно, чем взяться за много, да не уследить и не усмотреть за общим духом и порядком»[2].

Возвращаясь мысленно к своим разговорам с Толстым, Чертков отобрал в своей библиотеке несколько английских книг по вопросам религии и послал их Толстому. Письмо, которое Чертков отправил к Толстому одновременно с этой посылкой, было первым после их знакомства, но написано так, как если бы они были знакомы очень давно и расстались накануне.

Не прибегая ни к какому искусственному обращению, Чертков начал письмо простыми и деловыми словами:

«Присылаю вам несколько книг. Может быть какая-нибудь из них пригодится вам».

Перечислив эти книги и сжато сказав, чем они могут быть интересны Толстому, Чертков упомянул о своем житье в Лизиновке, и только в самом конце его письма можно заметить чувство, оставшееся у него от нового знакомства:

«Здесь теперь отлично. Только что выпал первый снег, и стало очень весело. Завтра мальчики

начинают работы в ремесленной школе. Будет очень оживленно и еще веселее. До свидания, Лев Николаевич, еще раз благодарю вас за ваше доброе отношение ко мне»[3].

В книгах, которые Чертков послал Толстому, шла речь не только об учении Христа, но и о его божественности,—высказывались взгляды, от которых Чертков в то время еще не совсем отрешился, несмотря на проделанный им путь. Он не был вполне согласен в Толстым в этом пункте, но относился к этому разногласию со спокойствием человека, уверенного в себе и независимого в своих суждениях:

«Твое замечание относительно того, что ты рада узнать, что я не во всем согласен с Толстым, меня удивило и заставило улыбнуться,—писал Чертков матери.—Неужели, мама, ты полагаешь, что у меня так мало своих убеждений относительно этого вопроса, что я могу во всем согласиться с первым понравившимся новым знакомым»[4].

Но в то же время Чертков чувствовал, что этот «новый знакомый» занял в его жизни такое значительное место, как никто из прежних друзей. Делая записи в своем дневнике и с придирчивой тщательностью анализируя свои поступки, Чертков готовился показать этот дневник Толстому.

«Хочу, чтобы он прочел, потому что хочу, чтобы он меня лучше видел и мог бы лучше помочь»[5],—писал Чертков в своем дневнике.

Толстой получил те книги, которые послал ему Чертков, но, за исключением одной, они показались ему мало интересными,—он встре-

тил в них богословские рассуждения, давно ему знакомые и во многом чуждые.

Толстой отвечал Черткову письмом, написанным очень тепло и в то же время с большой прямотою:

«Дорогой и милый и ближний мой, Владимир Григорьевич, получил ваши книги и благодарю вас за них. Я прочел и, не осудите меня в гордости, ничего не нашел в них... Но я вас так люблю, что не могу не сказать всю правду»[6].

Дав сжатую характеристику каждой книги, Толстой писал, что тот, кто принимает христианское учение, должен все свои силы сосредоточить на том, чтобы преобразовать свою жизнь, и отвлеченные, спорные и туманные догматические рассуждения не могут быть ему интересны.

Чертков еще в те годы, когда переживал мучительную потребность осмыслить свою жизнь, пришел к выводу, что мерилом ценности каждого учения должно быть его осуществление в жизни. Он не раз писал об этом и в своих дневниках. Письмо Толстого вызвало в нем лишь ощущение близости, вылившееся в коротком ответе:

«Почти во всем я с вами согласен и признаю вас выразителем моих лучших стремлений»[7].

У Черткова был большой запас неиспользованных сил и большая потребность действовать.

Он испытывал желание до конца раскрыть Толстому свой внутренний мир, познакомить его с самыми существенными своими мыслями, чтобы вполне уяснить себе общие исходные точки, затем—непременно найти какое-нибудь жизненное дело, которое вытекало бы из его убеждений. Оба эти стремления ясно проявля-

ются уже в самом начале знакомства Черткова и Толстого.

Чертков посылает Толстому свои тетради с выписками из прочитанных книг и записью своих мыслей. Затем, проезжая в конце декабря 1883 года в Петербург, чтобы провести рождественские праздники со своими родителями, останавливается в Москве, чтобы побывать у Толстого, и на обратном пути опять останавливается в Москве и показывает Толстому сделанную за несколько дней перед тем запись в своем дневнике, в которой он вспоминал весь пройденный им жизненный путь и подводил итоги своим исканиям. И тогда же Чертков знакомится с издателем книжек для деревни Маракуевым и с несколькими видными писателями, точно готовясь к какому-то новому для него делу, тесно связанному с распространением близких ему идей.

Толстой в начале знакомства с Чертковым был усиленно занят очередными делами: правил корректуру своей книги «В чем моя вера», которую решился выпустить без предварительной цензуры в пятидесяти экземплярах, в надежде, что при таком незначительном тираже она избежит конфискации, всматривался в быт городской бедноты и обдумывал те мысли, которые были затем высказаны им в книге «Так что же нам делать?».

В своем собственном доме он жил, как иностранец, старающийся соблюдать свои обычаи и обряды в чужом государстве, но бессильный изменить его быт: надевал полушубок и валенки, в которых ходят мужики, учился шить са-

ноги и принимал в своем кабинете простых людей, облик которых вызывал недоуменную улыбку у светских гостей, бывавших в семье Толстых.

В его доме шла другая жизнь с своими волнениями, радостями и заботами: графиня Софья Андреевна заботливо поддерживала связи с наиболее видными дворянскими семействами Москвы и свывозила в свет свою старшую дочь, радуясь ее успехам. После вечера в аристократическом доме Самариных она писала своей сестре Т. А. Кузминской:

«Чудный был бал, ужин, парад такой, что лучше бала и не было. На Тане было розовое газовое платье, плющевые розы, на мне лиловое бархатное и желтые всех теней Анютины глазки. Потом был бал у генерал-губернатора, вечер и спектакль у Тепловых и еще елка для малышей, и сегодня опять бал у гр. Орлова-Давыдова, и мы с Таней поедем. У ней чудное платье tulle illusion * зеленовато-голубое и везде гирляндии с розовым оттенком. Завтра большой бал у Оболенских, опять танцуют. Просто с ног сбили и меня и Таню»[8].

Толстой видел в это время жизнь с иной ее стороны, и, оставаясь наедине с собой, писал в своем дневнике:

«После обеда сходил к сапожнику. Как светло и нравственно изящно в его грязном темном углу. Он с мальчиком работает, жена кормит»

«Был утром у колодочника. В подвале прилично бодро работают и пьют чай. Все рабо-

---

* Очень тонкий тюль.

тают кроме меня. Я сплю. Грехи: тщеславие, праздность»[9].

Толстой находил для себя некоторый выход, стараясь в своих статьях высказать те мысли, которые бесполезно было высказывать в своем доме. Он работал над ними упорно и кропотливо, по много раз переделывал одну и ту же фразу, настойчиво пытался возможно полнее высказать свою мысль, часто усложняя при этом периоды и делая тягучим и тяжеловесным изложение. Но работа эта редко находила непосредственный отклик тем более, что до широких кругов читателей трудно было ее довести. Книга «В чем моя вера», хотя была издана всего в пятидесяти экземплярах в надежде, что такой незначительный тираж поможет избежать запрета, все же была конфискована цензурой.

Толстой утешал себя в письме к одному из своих знакомых:

«Она вышла и запрещена, но не сожжена, а увезена в Петербург, где, сколько мне известно, те, которые запретили ее, разбирают ее по экземплярам и читают. И то хорошо»[10].

А графиня Софья Андреевна, с озабоченностью хорошей хозяйки, подсчитывала в это время издержки на печатание этой книги и писала своей сестре, Татьяне Андреевне Кузминской:

«Вместо того, чтобы *по закону* сжечь запрещенное сочинение, не пропущенное цензурой, его взяли, все 50 экземпляров, в Петербург и читают в высших сферах *даром*. Я говорю, хоть бы за печать нам 400 р. заплатили, люди всё со средствами»[11].

Толстой, настойчиво развивая свои новые взгляды, как показывают его письма и дневники, тяготился своим одиночеством и в это время редко испытывал ощущение радостного душевного подъема. Чертков, своим путем дошедший до многих из тех мыслей, которые высказывал Толстой, понимавший его с полуслова и в то же время всегда прямо и четко высказывающий свое мнение, полный сил, которые он готов был отдать делу, соответствовавшему его убеждениям, сразу занял в жизни Толстого исключительно значительное место. Многое в жизни Черткова было близко Толстому по собственному опыту.

В юности Толстого так же, как и Черткова, привлекали страсти и наслаждения, каковы бы они ни были —азарт карточной игры, чувственные ласки, хотя бы даже покупные, опьянение охотой, острое ощущение опасности на войне. И хотя, оставаясь наедине с собой и анализируя свои переживания, он осуждал свои увлечения и записывал в дневнике детально разработанные правила поведения, жизнь его вновь и вновь соскальзывала с тех зарубок, на которых он пытался ее закрепить.

Самоанализ и стремление найти начала, которые должны определять поведение человека, характерные для Черткова, в еще большей степени были свойственны Толстому.

Еще в молодости, застенчивый и угловатый, он незаметно для всех всматривался в открывавшуюся перед ним жизнь, в людей, его окружавших, и в самого себя тем внимательным, все замечающим взглядом, каким смотрит мастер на произведение, которое он хочет понять.

Постоянное самонаблюдение, которое у человека с меньшим запасом жизненных сил могло бы вызвать лишь тягостное состояние неуверенности в себе, стало для него источником творческой работы.

Подобно часовщику, который разбирает до мельчайшего винтика сложный механизм и затем собирает его вновь, пуская его в ход, Толстой мысленно как будто разобрал свою жизнь до последней детали и восстановил ее в художественном произведении: таким образом возникло первое произведение Толстого «Детство и отрочество».

Но всего ближе должна была быть Толстому та внутренняя самостоятельность, которую проявил Чертков, оставив открывавшуюся перед ним блестящую карьеру и стараясь жить и думать по-своему.

Толстой, рано приобретя литературную известность, мог легко и приятно строить свою жизнь по готовому шаблону: упрочить свое положение в литературной среде, примкнув к той или иной писательской группировке, писать книги, спрос на которые был для него обеспечен, и пользоваться вместе с тем той материальной независимостью, которую могло ему дать его положение молодого, состоятельного, хотя и не особенно богатого помещика с графским титулом и связями в так называемом «хорошем обществе».

Но его жизненный путь пошел в стороне от общей дороги, такими поворотами, на которые другие смотрели с недоумением и — нередко — со снисходительной улыбкой. Пренебрегая литературными и житейскими связями, он на многие

месяцы уезжал в свою деревню, с увлечением отдаваясь сельскому хозяйству, чтению, охоте, занятиям с деревенскими детьми.

Женившись, он с увлечением ведет жизнь помещика, усиленно заботясь об увеличении средств к жизни своей семьи и отдаваясь литературному творчеству.

Но прожив таким образом пятнадцать лет, он подверг решительному пересмотру свои взгляды, так же как и Чертков, не останавливаясь перед выводами, которые были непонятны и чужды его семье.

Оба они были людьми не только во многом одной культуры, но и принадлежали к одному классу, и те противоречия между взглядами и барским укладом жизни, которые переживал каждый из них, были одинаково понятны и близки обоим.

В своем дневнике за 1884 год Толстой часто пишет о Черткове и всегда с чувством большой близости:

«Люблю его и верю в него». —«Как он горит хорошо».—«Я устал, он тверд» [12].

И в первый же год знакомства Толстой занес в свой дневник такие слова о Черткове, подобных которым нет в его дневниках ни об одном человеке:

«Он удивительно одноцентрен со мной» [13].

Близость, зародившаяся при первой встрече Толстого с Чертковым, выросла и окрепла при дальнейших встречах. Чертков, вернувшись в Лизиновку после поездки к родителям в конце декабря 1883 года, когда он по пути в Петербург и обратно останавливался в Москве для

свидания с Толстым, писал ему о том, что хочет рассказывать в своих письмах не о своих внешних действиях, а вскрыть те внутренние пружины, от которых зависит его поведение.

«Вы хотите знать, что я делаю? Мне хотелось бы рассказать вам не самые мои действия, а смысл их. Другие считают самый смысл рисовкой, оригинальностью или фанатизмом. А потому они не могут мне помочь в проверке моих поступков. С вами же я чувствую себя на общей почве, знаю, что вы поймете меня» [14].

В длинных письмах, нередко похожих на страницы интимнейшего дневника, Чертков рассказывал Толстому о своих мыслях и переживаниях, особенно останавливаясь на том, что казалось ему наиболее слабым местом,—на чувственных вожделениях, с которыми он боролся, и на несоответствии между своей жизнью и убеждениями:

«В теории все обстоит благополучно и головные убеждения так чисты и высоки, что возбуждают даже язвительность со стороны людей, сравнительно кротких. Но действительное наличное настроение не имеет ничего похожего на головные убеждения. Там все Христос, бескорыстное служение богу, прямое понимание учения, отсутствие компромисса и т. д.,—здесь апатия, спячка, мелочность, раздражительность, эгоизм...» [15].

Толстой, получая эти письма, радовался им, но вместе с тем испытывал чувство некоторой тревоги:

«Спасибо вам, что пишете мне,—отвечал Толстой.—Меня волнует всякое письмо ваше. Скажу

вам мое чувство при получении ваших писем: мне жутко, страшно—не свихнулись бы вы. И не от того, что я не верю вашей силе, не высоко ценю вас; но от того, что вы, в моем понятии, ужасно высоко залезли—(туда, куда и надо), но мне все кажется, что вы там не тверды. Это происходит от того, что я очень люблю вас и от того, что дело, которое вы делаете на этой колокольне, мне очень дорого. Мне хочется и посоветовать и страшно, как бы не помешать» [16].

Чертков не был склонен принимать на веру чьи бы то ни было советы, но он чувствовал, что ему нужна поддержка другого человека, уже в значительной степени прошедшего тот жизненный путь, по которому он решился пойти. И в ответ он писал Толстому:

«Зачем вам страшно давать мне советы, Лев Николаевич? Мне очень жаль, что вы от этого так воздерживаетесь. Я понимал бы ваше опасение, если бы вы имели основание полагать, что совет ваш будет тотчас же мною беспрекословно применен. В таком случае действительно страшно вторгаться в чужую жизнь и распоряжаться ею. Но ведь этого вовсе нет, и советы ваши послужили бы для меня лишь в виде справки, как поступил бы на моем месте другой человек, стоящий на общей со мной почве... Если каждый будет так осторожен в высказывании своего мнения, то постоянно придется каждому отдельному человеку как бы открывать Америку и проходить через все удручающие и тормозящие фазисы этого процесса... Повторяю, советы ваши служили бы для меня лишь справкою. Я в них очень нуждаюсь, уве-

ряю вас, Лев Николаевич, но вовсе не буду и не могу непременно с ними соглашаться» [17].

Толстой не имел в виду подавать советы Черткову в форме готовых правил, обычно годных для всех и ненужных никому в частности.

Отвечая на письмо Черткова, он старается передать ему те приемы, которыми пользовался сам в минуты уныния:

«Ваше недовольство собой, сознание несоответственности жизни с требованиями сердца, я знаю по себе и одно, что прошу вас,—не говорить об этом, не думать об этом самому с собой. Это все равно, что путешественнику, идущему к Иерусалиму, постоянно думать о том, как он мало прошел и как много остается. Эти мысли могут только ослабить его энергию. Думать надо о ближайшей версте, если уж нужно думать о будущем» [18].

Вместе с тем у Толстого в свою очередь являлось желание рассказать Черткову о тех сторонах своей жизни, которыми он сам тяготился. В марте 1884 года Толстой написал Черткову письмо, в котором рассказывал о своем семейном разладе, причем просил уничтожить эту часть своего письма. Чертков выполнил эту просьбу, но о настроении, в котором писал Толстой это письмо, можно судить по уцелевшим строкам:

«Про себя напишу: хотелось бы сказать, что я бодр и счастлив, и не могу. Не несчастлив я — далек от этого... Но мне тяжело» [19].

Получив от Черткова ответное письмо, Толстой писал:

«Письма ваши для меня радость и утешение. А как вы видите из моего последнего письма,

мне нужно иногда утешение — поддержка бодрости духа» [20].

Живя один в деревне и переписываясь с Толстым, Чертков иногда чувствовал себя ближе к нему, чем тогда, когда встречался с ним изо дня в день в Москве. Бывая у Толстого в его московском доме, Чертков часто заставал у него гостей, и тогда приходилось вести общий разговор, обычно недостаточно сосредоточенный. И даже оставаясь наедине с Толстым, не всегда сразу удавалось начать полноценную беседу: иногда сказывалась усталость, у Толстого — от напряженной работы, у Черткова — от московской сутолоки, изредка бывали случаи, когда беседу делала несколько шероховатой общая обоим черта: упорство в отстаивании своих взглядов, которое могло породить чересчур горячий спор, даже при полном согласии в основных вопросах.

Уезжая из Москвы, Чертков в своих письмах продолжал мысленно разговаривать с Толстым, но говорил лишь о том, что казалось ему важным, и теми самыми словами, которыми говорил с самим собою. Надолго забрасывая свой дневник, Чертков иногда несколько дней подряд писал Толстому письма, написанные так, точно он наедине с собою записывал самые существенные свои мысли и переживания. Не давая себе труда обдумывать свои выражения, он иногда сам предупреждает об этом Толстого:

«Лев Николаевич, это я вам написал сплеча... это только оторвавшаяся совершенно неожиданно частичка меня самого» [21].

Чертков не принадлежал к числу людей, для которых размышления на общие темы являются

интересным перепровождением времени — своего рода интеллектуальной гимнастикой, не связанной с их ежедневными делами. По мере того как он знакомился с мыслями Толстого, у него вырастало желание работать над их распространением.

Уже в апреле 1884 года, живя в деревне, Чертков начал переводить на английский язык запрещенную в России книгу Толстого «В чем моя вера». Он уделял этому делу свое время лишь частично, продолжая заботиться о ремесленной школе и других своих начинаниях, но они стали все меньше и меньше занимать его мысли.

Внезапное событие резко нарушило деревенский быт Черткова, заставило его на несколько месяцев уехать из Лизиновки и, повидимому, ускорило процесс постепенного внутреннего отхода от тех дел, которым в течение нескольких лет он старался отдавать свои силы.

В начале апреля Чертков побывал в Петербурге и встретил с отцом и матерью пасху. Все шло так, как бывало обычно в доме Чертковых в торжественные дни: парадные комнаты были украшены цветами, многочисленная безукоризненно вышколенная прислуга одета с особенной тщательностью, целые дни приезжали с визитами гости — сослуживцы Григория Ивановича Черткова в блестящих, шитых золотом генеральских мундирах с лентами через плечо и орденами, заезжавшие к ним прямо из дворца, и дамы, родственницы Чертковых, в нарочито сделанных к этому дню туалетах, в платьях, стоивших столько, что на каждое из них можно было прокор-

мить несколько крестьянских семейств в течение целого года.

Григорий Иванович Чертков, уже в течение нескольких лет страдавший гангреной ноги, чувствовал себя не хуже, чем обычно в последние годы, и Елизавета Ивановна, постоянно заботившаяся о его здоровьи, не имела особых оснований за него тревожиться.

В. Г. Чертков относился к отцу с уважением, но в их отношениях чувствовалась некоторая отчужденность, так как слишком различны были их взгляды на жизнь; с матерью у него было гораздо больше близости, но и в разговорах с ней он должен был избегать таких тем, которые могли бы вызвать острый и бесплодный спор о вопросах веры; знакомые их семьи, приезжавшие поздравлять с праздником, были ему далеки, окружавшая его торжественная обстановка великосветского дома в праздничные дни была ему тягостна. И он писал Толстому:

«Приехав сюда, я тотчас испытал обычное чувство, что лег в гроб и что крышку прихлопнули» [22].

Как только удалось выбраться из Петербурга, Чертков поспешил вернуться в деревню. Но едва он успел приехать в Лизиновку, как получил телеграмму, заставившую его немедленно выехать обратно: 23 апреля его отец внезапно скончался от кровоизлияния в мозг.

Смерть отца на многие месяцы отодвинула в сторону те дела, которым Чертков отдавал свои силы с тех пор, как поселился в деревне.

Внешне положение Черткова мало изменилось: его отец, опасаясь, что он, получив в

свою собственность землю, раздаст ее крестьянам и растратит средства на свои начинания, завещал все свое состояние Елизавете Ивановне, и она не могла только продавать недвижимое имущество без согласия сына. Таким образом Чертков попрежнему должен был получать от матери средства, не являясь собственником имения и не беря на себя хозяйственных забот. Но в ближайшие месяцы после смерти отца он не мог вести прежний образ жизни, так как не решался оставить свою мать, очень остро переживавшую горе.

Чертков написал Толстому, что постарается не расставаться с матерью по крайней мере до конца лета, пробыл несколько недель в Петербурге и в начале июня поехал с нею в Англию, надеясь, что изменение обстановки может ей помочь, тем более, что там находились ее близкие друзья и единоверцы, последователи проповедника евангелического христианства лорда Редстока.

Уезжая в Англию, Черткой взял с собою начатый им перевод на английский язык книги Толстого «В чем моя вера» и с свойственной ему настойчивостью в достижении поставленной себе цели начал над ним работать и подготавливать его издание. Но разделяя основные мысли этой книги, Чертков в то время не одобрял ту резкость, с которой Толстой высказывался в ней против веры в божественность Христа, и думал, что некоторые места этой книги могут многих от нее оттолкнуть. И у Черткова сложилось решение сделать одно из двух: или напечатать эту книгу полностью, но всего в нескольких десят-

ках экземпляров, чтобы раздать ее людям, которых эти суждения не могли бы смутить, или напечатать ее, исключив те места, которые были ему чужды. Он высказал это Толстому с большою четкостью:

«Но я уверен, что и вы поймете, что в этой книге есть места, которым я настолько не сочувствую, что не решусь быть орудием их издания и распространения. Слово, сказанное или переданное, часто действует сильнее многих дел—вы с этим наверно согласны. А потому, как я не считаю себя в праве делать того, что против моих убеждений, так точно я не считаю себя в праве издавать то, что противно им» [23].

Толстой, обычно совершенно несклонный соглашаться с людьми, намеревавшимися внести какие-либо изменения в его произведения, сказал Черткову, что вполне ему доверяет при выборе мест, которые желательно сократить, прибавив:

«Мне даже особенно радостно будет видеть, что именно лишнее» [24].

Потом, заколебавшись, Толстой написал, что лучше ничего не выпускать, но вслед за тем упрекнул себя в тщеславии и предложил Черткову поступать так, как он найдет нужным, даже не показывая ему эти сокращения, пока не выйдет английский текст.

Пять лет тому назад приехав в Англию, чтобы, вырвавшись из привычных условий, лучше обдумать свой жизненный путь, Чертков вращался в английской аристократической среде, посещал лондонские великосветские салоны и клубы, гостил в имении лорда, знакомого его матери, охотясь вместе с ним и его гостями на лисиц,

и даже ездил с знакомыми английскими офицерами на парад полка королевских кирасир. Теперь внимание Черткова было сосредоточено на другом – он работал над подготовкой к изданию английского перевода книги Толстого, с больной беспощадностью анализировал свою внутреннюю жизнь и настойчиво думал о том, насколько противоречит то богатство, которым он пользуется, его убеждениям.

«Вы спрашиваете, чем я зарабатываю право на жизнь?—писал Чертков Толстому из Англии.—Вопрос этот заставляет меня краснеть, потому что все последнее время я нахожусь в довольно слабом и гадком настроении... К матери замечаю в себе мало любви и сострадания и, кажется, часто огорчаю ее. Даже думая о вас, замечаю скверную черточку в моем отношении к вам. К моей искренней дружбе к вам часто подмешивается подленькое чувство самодовольства тем, что я в близких коротких отношениях с таким „замечательным" человеком, как вы... Итак в ответ на ваш вопрос я могу только ответить, что я низок и гадок и не заслуживаю своих харчей» [25].

Переписка Толстого с Чертковым показывает, что эти признания не только не отдаляли Толстого от Черткова, но лишь усиливали чувство близости.

«Радуюсь на вашу правдивость и учусь ей» [26],— писал Толстой Черткову в ответ на одно из таких писем.

В другом письме Чертков писал о своем отношении к собственности. Он рассказывал Толстому, что получает теперь от матери на жизнь

ежегодно двадцать тысяч рублей, и что эти деньги сами лезут к нему в карман. Отказавшись брать их у матери, он не смог бы дать им другое назначение и потерял бы возможность оказывать материальную помощь крестьянам и осуществлять те мероприятия, которыми он был занят в последние годы, живя в деревне. Но эти успокоительные рассуждения, повидимому, не вполне удовлетворяли Черткова, и он писал Толстому, что хотел бы знать его мнение. Толстой, уже продумавший свое отношение к собственности и постоянно себя упрекавший за то противоречие, которое создает в его жизни обстановка барского дома, его окружавшая, получивши это письмо, сделал запись в своем дневнике:

«Ему страшно отказаться от собственности. Он не знает, как достаются 20 тысяч. Напрасно. Я знаю—насилием над замученными работой людьми. Надо написать ему» [27].

Толстой высказал свое мнение Черткову. Но по собственному опыту Толстой мог знать, насколько трудно сломать годами сложившийся жизненный уклад, причиняя к тому же при этом неизбежную боль тем близким людям, которые стоят на иной точке зрения. И в продолжение многих лет Толстому и Черткову постоянно приходится возвращаться к одним и тем же мыслям о несовместимости их убеждений с материальным благосостоянием, и этот мотив проходит через всю их переписку.

Работая над переводом и подготовкой к изданию книги «В чем моя вера», Чертков часто думал о последних произведениях Толстого. У Черткова являлось при этом желание вы-

сказать свое убеждение, что теоретические статьи Толстого производят гораздо меньшее впечатление, чем его художественные произведения, понятны только для узкого круга интеллигентных читателей и что он должен был бы в первую очередь направить свои творческие силы по другому руслу. Вместе с тем Чертков — как он сам писал об этом Толстому — несколько опасался, что, делясь этими мыслями, он точно пытается давать Толстому советы, как и о чем надо писать, вторгаясь в ту область, в которой Толстой гораздо компетентнее, чем он. Но уже создавшаяся привычка до конца высказываться в письмах к Толстому взяла верх, и Чертков начал делиться с Толстым этими мыслями:

«Неужели теперь, что вы ясно поняли цель и значение жизни, вы не воспользуетесь вашим дарованием, чтобы передать то, что вы приобрели, в художественном произведении? Такое произведение имело бы гораздо большее влияние, чем ваши последние ненапечатанные сочинения, хотя бы проводило ровно те же мысли. Пожалуйста, простите, если вам не понравится моя смелость касаться этого вопроса» [28].

В другом письме Чертков с большой настойчивостью писал о том же:

«Вы написали книгу для образованных людей, в которой изложили вашу веру. Но из простого народа никто не поймет, как следует, ни одной полной страницы из этой книги. Я пробовал читать из этой книги простым людям, выбирая самые понятные страницы, и я видел, что многое, непонятное в словах и способе изложения, смущает их и восстанавливает против мысли».

Чертков писал дальше о том, как не раз, живя в деревне, убеждался, что крестьяне вынуждены читать пустые и скверные книги за неимением других и что понятнее всего для них не теоретические рассуждения, а рассказы. Он доказывал, что Толстой, вкладывая в свои рассказы свое жизнепонимание, смог бы придать ему особенную силу:

«Вот, Лев Николаевич, что нам от вас нужно, я умоляю вас об этом, *почти* требую, но не требую, потому что не могу требовать, но умоляю ради бога. Простите меня, если я сказал вам что-нибудь лишнее. Сердитесь на меня, если хотите, но обратите внимание на мою просьбу»[29].

Летом 1884 года, как только начался покос, Толстой совсем оставил свои рукописи. Он чувствовал большую душевную усталость от умственной работы, от сутолки и ненужного общения с чуждыми людьми в Москве и особенно от постоянного разлада с своей семьею, который, как показывает его дневник, он переживал в это время особенно остро.

Изо дня в день он вставал в шесть часов утра, шел на луг, покрытый еще росою, становился в один ряд с мужиками и косил до обеда, радуясь, когда ему удавалось не отставать от косцов, и упорно докашивая свою долю, если его обгоняли. И по мере того как телом овладевала усталость, он чувствовал, как наступает внутренний покой. С крестьянами не нужно было искусственно поддерживать нарочито умные разговоры,—никто не становился на ходули, каждый делал простое и бесспорно нужное дело.

«Как мне трудно мое положение известного писателя,—писал Толстой в это время в своем дневнике.—Только с мужиками я вполне простой, то есть настоящий человек» [30].

И в тот самый день, когда Чертков писал в Лондоне письмо Толстому, прося его писать не теоретические статьи, понятные лишь для немногих, а рассказы, доступные каждому крестьянину, Толстой с раннего утра работал на покосе и записывал в своем дневнике:

«Пошел на покос. Косили, копнили и опять косили. Очень устал. „Тимофей, голубчик, загони мою корову: у меня ребенок". Он - пустой, недобрый малый, уморился и все-таки бежит. Вот условия нравственные. „Анютка, беги, милая, загони овец". И 7-летняя девченка летит босиком по студеной траве. Вот условия. „Мальчик, принеси кружку напиться". Летит 5-летний и в минуту приносит. И понял и сделал» [31].

Толстой еще много лет перед тем с увлечением работал в школе для крестьянских детей, составил «Азбуку» и книги для чтения в начальной народной школе, и письмо Черткова с просьбой писать произведения, понятные и доступные каждому крестьянину, могло только вызвать его сочувствие. Толстой и сам минувшей зимой думал о том, что надо создавать книжки, предназначенные для народного чтения, и писал об этом Черткову еще в феврале 1884 года. Получив письмо Черткова, Толстой отвечал:

«Вы говорите мне, что я должен это сделать. Но, друг мой, я только одного этого желаю, живу только тем, что надеюсь сделать это...

Я боюсь сказать даже, что я надеюсь сделать то, что вы от меня требуете. Но то, что вы требуете этого от меня, радует и поощряет меня... А, слава богу, я ничего другого нынешнее лето не делал, как только живу так, чтобы приготовить себя к этому» [32].

Несмотря на то, что со времени знакомства Толстого с Чертковым прошло меньше года, их отношения уже в значительной степени определились. Толстому уже приходилось — хотя лишь изредка — встречать людей, которые сочувствовали его взглядам и понимали его искания. Но Чертков не только говорил на одном с ним языке, но и отличался большой внутренней активностью. Он не только соглашался с словами Толстого, но и стремился прокладывать путь его учению, распространяя произведения, которые нельзя было издать по цензурным условиям, и завязывая связи с иностранными издателями. В то же время Чертков отчетливо и настойчиво высказывал свое мнение и не был склонен пассивно воспринимать суждения Толстого; при близости исходных точек это придавало особый тон их отношениям и делало общение с Чертковым интересным для Толстого. Вместе с тем разговоры и переписка с Чертковым не могли замкнуться в незаметно создающийся круг одних и тех же разговоров на одни и те же темы, постепенно мертвящий всякую дружбу. Их отношения продолжали развиваться и должны были вылиться в общее им обоим дело. Те начинания, которым Чертков отдавал свои силы, поселившись в деревне, теперь превращаются для него в уже пройденный

этап, постепенно их оттесняют другие интересы.

В конце лета Чертков вернулся вместе с матерью в деревню и сразу попал в круг очередных дел: артель плотников делала давно задуманные пристройки к ремесленной школе, в сельском училище, в котором он был попечителем, нужно было сменить учителя, плохо обращавшегося с учениками, надо было давать распоряжения в связи с устройством показательного сельскохозяйственного хутора, мысль о котором очень занимала Черткова еще несколько месяцев тому назад. Но теперь эти дела уже потеряли значительную часть своей привлекательности, и особенно отчетливо выступали сомнения, которые были с ними связаны.

«Мучает меня то, что мне приходится решать, что учитель не подходит и удалять его при помощи своего авторитета и, пользуясь тем, что в материальном отношении школа зависит от меня, между тем как самую существенную и трудную сторону ведения школьного дела, т. е. учительствование в школе, я никогда не исполнял. Я являюсь руководителем в таком деле, в котором никогда не был работником», - писал Чертков в своем дневнике [33].

«Хуторок мой не дает мне настоящего дела, потому что я там сам не работаю, не принимаю живого участия, а болтаюсь около работников в качестве несведующего зрителя... Я сплю много и неспокойно, и вообще недоволен собою и не знаю, за что взяться»,—писал Чертков Толстому через месяц после возвращения из-за границы [34].

Он переписывал гектографическими чернилами книгу Толстого «В чем моя вера», чтобы размножить ее в пятидесяти экземплярах, отдельно гектографировав неприемлемые для него места, которые предполагал давать лишь немногим людям, начал переводить на английский язык ненапечатанное в России по цензурным причинам предисловие Толстого к «Краткому изложению Евангелия». Но этого было ему мало, и у него росла потребность сосредоточить свои силы на издании и распространении книг, раскрывающих перед людьми близкое ему жизнепонимание. Он писал об этом Толстому:

«Но относительно издательской деятельности скажу вам, что мне тягостно до изнеможения это постоянное взвешивание всяких важнейших отвлеченных вопросов *без* постоянной обязательной работы над каким-нибудь практическим делом. То и другое вместе—хорошо; но одно без другого тягостно. И мне кажется, что по интересу, который я в себе сознаю к подобному изданию, именно издательская работа как раз удовлетворила бы этой потребности в постоянной обязательной работе, в пользе которой я не сомневался бы» [35].

«Лучше всего было бы, если бы вы в свободное время писали повести и рассказы для народа и позволили бы мне взять на себя издательскую, корректурную и прочую сторону дела. Я издавал бы эти рассказы сериями, да, наверное, воодушевился бы делом и в Петербурге познакомился бы с писателями, которых также уговорил бы принимать участие. Можно было бы заручиться и содействием кое-каких художни-

ков, которые доставляли бы рисунки. Так как я не гнался бы за барышами, то издания эти можно было бы пустить в продажу очень дешево» [36].

Чем больше думал Чертков о новом деле, тем сильнее оно его увлекало. Он все больше и больше овладевал им мысленно, и в свою очередь оно овладевало его мыслями и буквально не давало ему покоя. Он не принадлежал к числу людей, изо дня в день равномерно и неторопливо, как раз на всегда заведенные часы, проходящих свой жизненный путь. Не упуская из виду конечной цели, Чертков, однако, периодически испытывал точно приливы и отливы жизненных сил. И когда его охватывала жажда деятельности, им овладевала такая потребность двигаться, действовать, излагать свои мысли письменно и устно, что ему трудно было ей не поддаваться; он не спал ночи, отдаваясь своим мыслям, и это длилось до тех пор, пока не приходило утомление и душевная усталость.

Толстой, читая письма, в которых Чертков с большою настойчивостью развивал планы о новой своей деятельности и до конца делился с ним всеми своими мыслями, рассказывая ему о самой интимной стороне своей жизни—постоянной борьбе с чувственностью, писал ему в ответ:

«Я получил ваше письмо из деревни с дневником и был очень раз узнать про вас хоть то, что узнал. Мне все хочется знать про вас. Я часто об вас думаю, как думают про людей, которые дороги» [37].

«Прежде всего знайте, что мне важно—очень важно знать ваше состояние, вашу душевную

В. Г. Чертков
С портрета маслом И. Е. Репина. 1885 г.

болезнь, важно и потому, что я вас люблю, очень дорожу вами и очень боюсь за вас, и еще потому, что я тем же самым и страдал, и страдаю и с тем же самым почти безнадежно борюсь.. Еще—в ваших письмах мало простой любви ко мне, как к человеку, который любит вас. Если это в душе так, то делать нечего, а если есть какая перегородка, сломайте ее, голубчик. Нам будет лучше обоим» [38].

«Очень вы тревожны, милый друг. Очень вы себя мучаете... Мне бы ужасно хотелось пожить с вами. Мне хочется видеть, всегда ли вы в таком напряженном состоянии, в каком я вижу вас... Знаете ли, я одно время писал о Петре I-м, и одно у меня было хорошо. Это объяснение характера Петра и всех его злодейств тем, что он постоянно был страстно занят—кораблн, точить, путешествовать, писать указы и т. д. Праздность есть мать пороков—это трюизм; но то, что горячечная спешная деятельность есть всегдашняя спутница недовольства собой и, главное,—людьми, это не все знают» [39].

Захватившая Черткова мысль об издательской деятельности была очень близка Толстому, но он не разделял того увлечения, с которым думал о ней Чертков.

«Разумеется, что сочувствую этому и рад помогать вам и хочу писать для народа; но я знаю вперед, что дело будет само гораздо ниже, гораздо, гораздо ниже того, чем вы его воображаете»,—писал Толстой Черткову [40].

В другом письме Толстой писал, что рад содействовать хорошему делу, но давал понять, что не может ему отдаться:

«У меня есть свое, и в моем, самом моем деле, я знаю, что никто мне помочь не может» [41].

Но Чертков, раз отдавшись мыслям о создании издательства, не мог уже остановиться, не сделав все от него зависящее, чтобы довести свой замысел до конца. В ноябре 1884 года Чертков уехал из деревни и, остановившись проездом в Москве, поселился затем в Петербурге и сразу же принялся за организационную работу над осуществлением своих замыслов. В его жизни открывалась новая страница, и вместе с тем начиналась новая полоса в его отношениях с Толстым: создавалось то общее дело, которое должно было еще теснее сблизить их на совместной работе.

IV

Общее дело

Обдумывая планы издательской работы для деревни, Чертков не сразу нашел ту форму, которая соответствовала бы его стремлениям. Сперва он думал приступить к изданию народного журнала и, приехав во второй половине октября на один день в Москву, побывал у писателей-народников Златовратского и Пругавина и издателя Маракуева, начав с ними переговоры в связи с своими планами.

Но Чертков тут же почувствовал, что они стоят на другой точке зрения:

«Они все отнеслись весьма сочувственно к моему желанию издавать периодическое издание для народа,—писал Чертков Толстому.—Но они что-то уж очень обрадовались тому, что я упомянул о газетной форме издания, и настойчиво напирали именно на такую форму с выпусками раз или даже два раза в неделю и с сообщением политических, общественных и остальных (так называемых) новостей дня. Я же скорее

склоняюсь на периодические выпуски, не имеющие газетного характера, из которых каждый представлял бы одно целое, годное для розничной продажи» [1].

И постепенно у него начал созревать другой план: организовать издательство, выпускающее книжки, предназначенные для деревни, которые могли, хотя бы отчасти, вытеснить так называемую лубочную литературу.

Издания для деревни начали выходить в России с давних времен и представляли собою очень своеобразную отрасль книжного дела: книги, предназначенные для малограмотных читателей, выпускались малограмотными издателями и распространялись малограмотными продавцами.

Сперва возник своего рода кустарный промысел, подсобный к крестьянскому хозяйству,— резали на лубке картинки, накатавши их краской, делали грубые, но яркие оттиски и сбывали их в деревню для украшения изб, потом под картинкой начали делать подписи, и наконец появились предприниматели которые сделали дальнейший шаг—стали печатать небольшие книжки с картинками, находившие широкий сбыт в деревне и получившие известность под именем «лубочных» изданий.

Таким образом появлялись книжки с бьющими на эффект названиями, наполненные самыми невероятными приключениями: «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фредерике-Луизе с присовокуплением истории бывшего визиря Марцимириса и сардинской королевы Те-

резии», «Сказка о славном и сильном богатыре Бове-королевиче и о прекрасной его супруге Дружевне», «Заднепровская ведьма», всевозможные гадательные книги—сонники, «Новый и полный оракул, весьма удачно предсказывающий будущее по предложенным вопросам, составленный по запискам знаменитых астрологов» и тому подобные издания.

Книги эти были очень дешевы, во-первых, потому что гонорар за них обычно платить не приходилось, если не считать тех случаев, когда издатель покупал у какого-нибудь спившегося «сочинителя» за несколько рублей в полную собственность его писание, и, во-вторых, от того, что печатались они большими тиражами, причем издатели обращали внимание лишь на цену, а не на качество работы. В деревню они попадали в коробах так называемых «офень», разносивших и развозивших всевозможный мелочный товар—от ниток, шпилек и иголок до бумажных икон включительно.

Попытки интеллигентных издателей выпускать литературу, которая могла бы бороться с лубочными изданиями, были малоуспешны: «просветительные» издания обходились гораздо дороже лубочных, их внешнее оформление не отвечало вкусам деревенских читателей, и офени отказывались их брать.

Отсутствие практических навыков, дилетантское и иногда барское отношение к издательской работе не позволяло успешно бороться с издателями лубочных книг. В результате те книги, которые должны были конкурировать с лубочными изданиями, даже не доходили до деревен-

ского читателя и залеживались на полках городских магазинов.

Чертков, задумав издание книг для деревни, пришел к своеобразному решению: поручить практическую сторону дела одному из издателей лубочной литературы, который, прекрасно зная пути продвижения лубочных книг, взялся бы печатать и распространять их вместе со своими изданиями, совершенно не вмешиваясь, однако, в редакционную работу.

В начале восьмидесятых годов среди московских издателей лубочных книг начал выдвигаться молодой, энергичный, обходительный и сметливый Иван Дмитриевич Сытин. Так же как и другие издатели этого рода, он выпускал «Английского милорда Георга» и раскрашенные картинки с скачущим на белой лошади генералом и бегущими перед ним неприятельскими войсками, но выделялся своей предприимчивостью. Его можно было попытаться заинтересовать новым делом, если оно обещало ему некоторую выгоду, или—по крайней мере—спросить у него совета.

В ноябре 1884 года, проезжая через Москву в Петербург, Чертков зашел в лавку И. Д. Сытина и завел с ним разговор о народных изданиях. Много лет спустя, И. Д. Сытин так вспоминал об этой встрече:

«В один счастливый день в лавку зашел молодой человек в изящной дохе и предложил, не хочу ли я издавать для народа более содержательные книжки. Посредничество между автором и издателем он берет на себя. Книжки эти будут произведения лучших авторов—Толстого,

Лескова, Короленки, Гаршина и других. Издателю обойдутся они дешево. Часть литературного материала будет бесплатная. Но издавать обязательно в одну цену с дешевыми народными книжками. Если народные листовки продаются по 80 копеек за сотню, то и эти должны быть в ту же цену. Они должны иметь дешевого потребителя и итти взамен существующих пошлых изданий. Предлагавший эти издания был В. Г. Чертков» [2].

Сытин обладал чутьем коммерсанта, умеющего в каждом предложении сразу уловить выгоду, которую оно может принести, и никогда не упускал случая продвинуть вперед свое дело.

Предложение Черткова было необычно, но вместе с тем очень заманчиво: оно давало возможность получать бесплатно произведения виднейших русских писателей, а это могло дать не только денежную прибыль, но и создать известность издательству, далеко выдвинуть его среди лубочных предприятий и открыть перед ним новые перспективы.

И сразу же наметились те формы, в которые должно было вылиться новое начинание: Чертков брал всецело на себя всю редакционную работу, все переговоры с авторами и художниками, цензурные хлопоты и даже корректуру, и Сытин не мог вмешиваться в область его работы.

Получая от Черткова бесплатно приготовленные им рукописи, Сытин издавал их на свой счет и распространял их вместе со своими лубочными изданиями, удерживая в свою пользу вырученные суммы.

Перепечатка разрешалась всем желающим, но это обстоятельство не могло остановить Сытина: поскольку, согласно условию, издания должны были быть максимально дешевы,—другие издатели, перепечатывая книжки, не могли издать их дешевле Сытина и конкурировать с его изданиями.

Чертков в первом же разговоре назвал Сытину книжки, которые должны быть изданы прежде всего: «Чем люди живы» и «Бог правду видит, да не скоро скажет» Толстого и «Христос в гостях у мужика» Лескова.

Чертков окончательно решил отдать свои силы такой издательской работе, которая не была бы связана с необходимостью печатать выпуски определенного объема и в определенные сроки, и тем самым давала бы больший простор редактору и автору.

Через два или три дня после разговора с Сытиным Чертков, приехав в Петербург, написал Толстому большое письмо, убеждая его писать для будущего издательства в той форме, какая покажется ему наиболее удобной, не стесняя себя заранее поставленными рамками:

«Позволю себе, Лев Николаевич, вам высказать мое мнение, что для пользы читателей вам не следовало бы рассчитывать размер и вообще думать о размере ваших рассказов. Присылайте их того размера, в какой они естественно выльются, все равно как при живом рассказе рассказывающий не стесняет себя заботою о том, сколько минут и полминут его займет рассказать тот случай, который он хочет рассказывать. А наше уж издательское дело будет

состоять в том, чтобы подобрать под размер каждого рассказа подходящую форму — или картинки с текстом, или книжечки с картинками с самым крупным общедоступным шрифтом и, следовательно, необъемистым содержанием. Или, наконец, книжечки с обыкновенным шрифтом и объемистого содержания. Если вы будете иметь это в виду, то, вероятно, будете свободнее в изложении и в выборе самых рассказов и будете писать уже совершенно, как говорите, следовательно без переделок и сокращений, что и необходимо в таких изданиях, где приходится конкурировать с массою рассказов, писанных, например, отставными дьяконами, которые за 2-3 рубля отваливают за один вечер трех отдельных «святых». Вот, что мне хотелось вам передать, Лев Николаевич. Надеюсь, что вы не подумаете, что я возымел желание вам преподавать советы по писательской части. Я чувствовал только непреодолимую потребность поделиться с вами этими соображениями»[8].

Дело, задуманное Чертковым, было ново и представлялось настолько трудным, что даже тем, кто ему желал успеха, казалось, что оно обречено на неудачу.

Художник Н. Н. Крамской, который был знаком с Чертковым и сочувствовал его исканиям, писал ему:

«Дело издания чего-нибудь „для народа“, дело до такой степени серьезное и большое, что я не думаю, чтобы много было людей, годных для него. Но все равно, теперь дело идет о Вас. Если бы подобная идея исходила от человека, который полагает, что все на свете можно и поз-

волительно сделать, да еще и запибить барыш, то и разговаривать об этом не стоило бы. От Вас требования иные. У Вас есть сердечная потребность сделать что-нибудь для народа хорошее. По-Вашему (да и по-моему тоже) Ваш внутренний душевный строй требует успокоения совести (находящейся в настоящее время в тревожном состоянии у всех, у кого душа человеческая не уснула навеки). Вы не барин, дающий щедрую подачку и полагающий, что так от бога все установлено навсегда и что если что и требует поправки в социальном отношении, так только самые пустяки. Словом для Вас вопрос, если не стал совсем ребром, то, быть может, не сегодня-завтра станет, а при таком расположении, полагаю—требования и точка зрения на дело должны быть совершенно иные от обыденных. Лучше всего затею оставить и только примкнуть рядовым работником к чему-нибудь уже существующему (говорят, таковое дело существует. Я об нем только слышал, но сам не знаю, а Вы, быть может, и знаете „Сельский вестник", издаваемый правительством), чем что-то хотеть, что-то начать, что-то как будто дать, да потом при изменившихся обстоятельствах бросить, а брожение между тем уже возникнет, и поднятые со дна души потребности должны будут опускаться»[4].

В Петербурге Черткову предстояла большая работа. Она должна была пойти по двум направлениям: надо было подготавливать к изданию рукописи и завязывать связи с лучшими писателями и художниками, которые могли бы сочувствовать идее издательства настолько,

чтобы отдавать свой труд бесплатно или за незначительное вознаграждение. Вместе с тем нужно было ознакомиться с уже существующими народными изданиями, выбрать из них те немногие книги, которые можно было бы рекомендовать для деревенского читателя, и устроить небольшой книжный склад, который должен был бы стать базой нового издательства в Петербурге и, вместе с тем, где были бы сосредоточены не только его издания, но и другие общедоступные книжки, получившие положительную оценку. Издательство должно было служить связующим звеном между деревней и теми, кто стремился для нее работать, и ему было дано соответствующее название: «Посредник».

В первые же дни после приезда в Петербург Чертков настойчиво принялся за новое для него дело. Он привлек к нему прежде всего одного из своих друзей—Павла Ивановича Бирюкова. Он знал Бирюкова по тому кружку светских молодых людей, встречавшихся для бесед на религиозные темы, который был организован Чертковым вместе с князем В. П. Голицыным и графом А. Ф. Гейденом в 1881 году.

П. И. Бирюков пошел дальше, чем другие товарищи Черткова. Познакомившись через Черткова с Толстым, он выразил полное согласие с его взглядами. Оставив карьеру морского офицера, он поступил на службу в обсерваторию, которая, однако, брала у него сравнительно не много времени. У него было мало оригинальных творческих идей, он не был способен ни на чрезмерное духовное напряжение, ни на резкое отклонение от своего пути под

влиянием вдруг нахлынувшей страсти, но он все же был далеко не заурядным человеком, мог покойно и хорошо вести свою работу и быть очень ценным сотрудником.

Бирюков согласился отдавать половину своего времени издательству «Посредник» и взял на себя значительную часть той мелочной организационной работы, без которой нельзя осуществить никакого дела.

Вместе с тем, на другой же день после приезда в Петербург, Чертков побывал у Крамского, переговорил с ним об иллюстрировании изданий «Посредника», и Крамской, несмотря на те сомнения, которые он раньше высказывал, охотно согласился помочь новому делу.

«Радуется, что вы опять взялись за рассказы,— писал Чертков Толстому о Крамском;—...предлагает собрать нескольких друзей-художников и содействовать их привлечению к делу улучшения содержания лубочных изданий. По-видимому, в содействии недостатка не будет, так как одно ваше участие в этом деле многих ободряет и подталкивает» [5].

Толстой начал писать для нового издательства, но вместе с тем старался несколько сдержать увлечение работой, охватившее Черткова, внести в его деятельность бо́льшую размеренность.

«Работал для вас вчера—не вышло,—писал Толстой.—Не отчаиваюсь, возьмусь еще... Вы очень раззадорили меня, так что я стал суетиться. А это вреднее всего. Важно жить, а не писать. Пожалуйста, пожалуйста, вы меньше хлопочите—ищите отдыха и спокойствия» [6].

То напряжение, в котором жил Чертков в осенние месяцы 1884 года, заставляло Толстого опасаться, что, когда оно пройдет, может наступить состояние душевной усталости.

Даже во время увлечения новыми планами Черткова не оставлял его обычный самоанализ.

«С тех пор, как я обдумываю свой проект издания народного журнала,—писал он Толстому,—я постоянно ловлю себя на том, что представляю себе похвалу и одобрение других органов печати и публики вообще за то, что я затеял такое хорошее дело и веду его так разумно, просвещенно и благородно. Ловлю себя еще на одном проявлении самого мелочного, ребяческого самолюбия: когда смотрю издали на свой письменный стол, освещенный лампою с зеленым абажуром, то представляю себя за этим столом, окруженным бумагами и погруженным в самую сложную и кипящую редакторскую работу—и это представление доставляет мне какое-то самонаслаждение... Когда ловлю себя на этих настроениях, то, разумеется, становится очень совестно. Один прием сейчас уничтожает эти настроения, а именно—воспоминание о смерти, о том, что моя личность, сколько бы ее ни расхваливали бы и сколько бы она ни сидела за зеленым столом, все-же таки непременно умрет, и эта мысль действует замечательно отрезвляюще» [7].

Удачное начало работы по организации издательства не дало Черткову удовлетворения настолько сильного, чтобы он мог им всецело довольствоваться.

Вслед за получением письма, в котором Толстой предостерегал от чрезмерного напряжения, Чертков писал:

«Нехорошо мне, Лев Николаевич. Я впал в такой стих, что все, что ни делаю, все нехорошо... Здесь пусто, хотя знаю, что люди, те же люди, кругом. Но у меня нет человеческого чувства к ближнему вообще. Для меня ближний только тот, кто *моей личности* доставляет удовольствие. А моей личности доставляют удовольствие только те, в прошлом моем общении с которыми я лично играл роль, более или менее достойную в моих собственных глазах» [8].

Толстой в ответ на это письмо писал Черткову:

«Писать все, что я думаю и чувствую о вас, нельзя потому, что это слишком много. Одно скажу: холодно разумная, христианская жизнь есть христианская и святая жизнь. Любовь есть то же, что весна в году: она приходит и проходит, но не было бы весны, если бы не было осени и зимы... Человек всегда чувствует себя ответственным. В любви он не властен, а в разумной жизни властен. Вот он переносит всю силу и на любовь, плачет, что ее нет, говорит фразы о „вымвале звенящей" и хочет чувствовать себя не виноватым. Страшное зло сделало учение Павла о любви... Вы наверное думаете, что я вас люблю гораздо меньше, чем я вас в действительности люблю» [9].

В следующих письмах Чертков пишет об очередных делах, спрашивает Толстого, как, по его мнению, лучше перевести на английский язык одно место в книге «В чем моя вера», над пере-

водом которой Чертков работал вместе с англичанином К. Хисом, рассказывает о писателе – рабочем монетного двора В. И. Савихине и посылает для отзыва его рукописи, желая знать мнение Толстого о том, можно ли ими воспользоваться для книгоиздательства «Посредник», заказывает художникам рисунки для книжек Толстого «Чем люди живы», «Бог правду видит» и «Кавказский пленник», сообщает о знакомстве с В. М. Гаршиным, который с радостью согласился писать для книгоиздательства «Посредник», передает разговор с издателем «Русского богатства» Л. Е. Оболенским, который через Черткова просит у Толстого статью для своего журнала. Подготавливая к изданию в «Посреднике» рассказ Толстого «Кавказский пленник», Чертков 31 января 1885 года пишет Толстому:

«Мне понравился рассказ в высшей степени. Но скажу вам откровенно одну вещь... В двух местах сочувствие и веселое одобрение читателей возбуждается такими поступками Жилина, которые с первого взгляда кажутся находчивостью, а в действительности ни более ни менее, как обман для достижения своей цели... Я наверное знаю, что эти два места должны вызывать в таких читателях одобрительный смех и, следовательно, давать им еще один толчок в том уже слишком господствующем направлении, которое признает, что несравненно практичнее при достижении своих целей не слишком строго разбирать средства. Поэтому мне очень хотелось бы, чтобы вы мне позволили в дубочном издании пропустить эти несколько строк».

Толстой отвечал на это полным согласием:

«На исключение тех мест, о которых вы писали, я очень радостно согласен и благодарен. Только сделайте сами. Если бы я стал делать, я бы все переделал, а время нужно на другое»[10].

В зимние месяцы 1884—1885 года Толстой был напряженно занят своей работой, и как всегда в те периоды, когда его захватывало творчество, ему трудно было думать о чем-либо другом. Он с большим сочувствием следит за работой Черткова, подготавливающего к печати книжки для нового издательства, просматривает присланные ему Чертковым для отзыва рукописи, но письма его коротки и отзывы бегли.

Толстой сам поясняет причину, по которой он не в состоянии уделять этим изданиям столько времени, сколько хотелось бы:

«Я не могу заниматься самым дорогим мне делом. Я очень радостно занят своим писаньем. Мне так стало ясно то, что прежде было неясно. Коли бы другим стало только в половину так же»[11].

Толстой заканчивает в это время подготовку к печати статьи «Так что же нам делать», как всегда по много раз переделывая целые страницы, зачеркивая, вновь надписывая и опять зачеркивая отдельные фразы и слова.

Чертков, получив эту статью в начале января 1885 года, читает ее с радостным волнением и пишет Толстому:

«Главное отрадно, так отрадно было убедиться, как аналогичны, параллельны были наши жизни, наши впечатления, наши мысли и наши заключения за последние годы. Я вполне безусловно согласен со всем, что вы говорите, вы

сказали то, до чего и я додумался и дожился, но сказали с такой ясностью, неотразимой логикой, убедительностью и искренностью, что буквально при чтении слезы навертывались на глаза»[12].

Толстой отдал эту статью в журнал «Русская мысль», и она была набрана, но не увидела света.

Изображение нищеты городского пролетариата, описание почлежных домов, данное рядом с картиной жизни «высшего света», было совершенно неприемлемо для цензуры.

Чертков стремился сделать все от него зависящее, чтобы статья была все-таки напечатана, и когда Толстой дал согласие на помещение отдельных отрывков в журнале «Русское богатство», Чертков наметил неизбежные сокращения.

Толстой письмом от 26 марта 1885 года предложил Черткову делать эти сокращения по своему усмотрению:

«Мне неприятно кастрирование, но, если нужно, то мне очень радостно отдать его именно в этом уродливом виде. Моя carte blanche вам продолжается».

Но несмотря на свое полное согласие с мыслями, высказанными в статье «Так что же нам делать», Чертков считал, что они были бы гораздо более убедительны, если бы были даны в художественной форме. С той настойчивостью, с которой он уже не раз писал об этом Толстому, Чертков вновь пишет о том, как сильно действует на читателя художественный образ и как слабо в сравнении с ним впечатление от теоретического рассуждения:

«Знаете, относительно этой статьи я остался того же мнения, как в начале, что она хорошая

в настоящем смысле слова... Но с тех пор мне часто приходилось наблюдать впечатление, которое она производит на самых различных читателей, и я понял, что, если бы вы теперь передали те же мысли, те же чувства в образах, в притчах, то произвели бы более сильное впечатление... Против так называемой художественной формы изложения, когда она действительно художественна, когда содержание справедливо и когда оно написано под влиянием глубокого, искреннего чувства, — невозможно возражать... Сколько мне ни приходилось говорить о ваших книгах, *ни один* человек не брался опровергать мысль книжки „Чем люди живы“—это просто невозможно, потому что там ничего не доказывается и не выводится логически, а мысль проникает непосредственно во все существо читателя. Между тем „Так что же нам делать?“ вызывает другие впечатления. Там есть места, соответствующие „Чем люди живы“, и это самые сильные. Но есть и выводы, есть логические заключения, определения некоторых понятий, например, о собственности, о деньгах... Но для тех, кто не проникся еще основаниями, из которых вытекают эти определения, то есть для большинства читателей, эти выводы не убедительны. Малейшая неточность, недомолвка, все это бросается невольно им в глаза и предупреждает их против общей мысли статьи» [13].

И через полтора года—8 августа 1886 года—в вагоне курьерского поезда по пути из Англии в Петербург Чертков вновь возвращается к этой статье и пишет Толстому:

«Я пишу в вагоне, с обеих сторон летят мимо меня поля, деревья, дома и люди—сотни тысяч, миллионы людей, и все это чуждое, какая-то панорама, и представляется мне, что все они живут, у каждого целый мир, каждый сплетен и переплетен с другими людьми, живущими вокруг него,—а я будто не человек, а так какая-то точка, которая несется с одного конца Европы на другой... И знаете еще какая мысль мне приходит в голову... что вот все эти миллионы людей, среди которых пролетает наш поезд, каждому, решительно каждому из них было бы и приятно и отрадно и ободрительно прочесть ваши последние рассказы и в свое время эти рассказы дойдут и до них. Но ваши большие статьи, как „Что нам делать“ этим рабочим миллионам они не нужны, для них читатели живут в тех городах, где мы останавливаемся, которые обозначены в путеводителе словом „буфет“».

Толстой согласился с Чертковым, но объяснил, почему все-таки продолжает писать теоретические произведения, не для всех доступные:

«То, что вы мне пишете про мои писания, не только не неприятно мне, но полезно и убедительно. Я чувствую, что убеждаюсь вашими доводами. Но—есть „но“—меня все-таки тянет к умствованию—и не из тщеславия—я верно знаю,—а как будто для того, чтобы разделаться с той ложью, в которой я жил с моими товарищами лжи. Вас поведут казнить за истину из гостиницы, в которой вы стоялн, вы лучше сделаете, если, несмотря на важность того, что вам предстоит, вы не забудете отказать

обед, на который вы приглашали, и заплатить хозяйке и прачке, расчесться со всеми, чтобы никого не обидеть. Так и мне чувствуется, что нужно расчесться с моим миром—художественным, ученым—объяснить, что и почему я не делаю того, что они ждут. Вы подумаете, это отговорка. Может быть; но последняя» [14].

Не ограничиваясь одними рассуждениями для того, чтобы убедить Толстого взяться за художественное произведение, Чертков решается прибегнуть к своеобразному приему.

В небольшом журнальчике «Русский рабочий», в котором печатались нравоучительные статьи и проводились евангелические идеи, Чертков неожиданно нашел маленький рассказ „Дед Мартын", напечатанный без указания автора, переведенный с французского и переработанный переводчиком. Предполагая, что сюжет этого рассказа заинтересует Толстого, Чертков послал ему рассказ и прикрепил к нему листки чистой бумаги. Он надеялся на то, что если Толстой во время чтения начнет делать заметки и наброски, то затем процесс творчества увлечет его, и рассказ будет написан.

Расчет оказался правильным: на основе посланного Чертковым материала создался рассказ Толстого «Где любовь, там и бог».

Впоследствии Чертков не раз применяет этот прием в несколько иной форме: берет начатые Толстым, но отложенные наброски новых произведений—иногда лишь несколько страничек,—переписывает их, чтобы между строками и на полях оставалось много свободного места для новых вставок, и посылает их Толстому,

как бы соблазняя его вновь взяться за работу. И нередко Толстой, перечитывая присланную Чертковым рукопись, начинает ее исправлять, и постепенно эта работа переходит в художественное творчество.

Немного времени прошло после первой встречи Толстого и Черткова, но отношения их уже вполне определились, и четко наметились те основные линии, по которым дальше росла их связь.

В письмах они постоянно делятся своими мыслями и переживаниями. Это постоянное стремление к общению друг с другом сказывается и в самом количестве писем: в 1884 году Толстой написал Черткову тридцать восемь писем,—в среднем писал чаще, чем раз в десять дней, в 1885 году—пятьдесят писем—почти по письму каждую неделю. Чертков писал Толстому еще чаще, и письма его нередко разрастаются на многие страницы.

Когда начала развиваться деятельность издательства «Посредник», переписка Толстого и Черткова стала особенно оживленной, так как Чертков постоянно посылает Толстому на отзыв намечаемые к печати рукописи.

В марте 1885 года выходят первые издания—три народных рассказа Толстого, в синеньких и красненьких обложках с черным рисунком, набранные очень крупным шрифтом и расцененные необыкновенно дешево—в копейку и в полторы копейки книжка.

В апреле в Петербурге открывается небольшой книжный склад, в котором сосредоточены издания нового книгоиздательства и народные

книжки других издательств, отобранные В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым.

Складом заведывал П. И. Бирюков, техническую работу выполняли две юношей из лизиновских крестьян, служившие у Черткова, когда он жил в деревне, и пользовавшиеся его дружбой. Сам Чертков принимает ближайшее участие в решении всех дел, связанных со складом, но не берет такую работу, которая обязывала бы сидеть там в заранее определенные часы, с утра и до закрытия склада. Тем не менее он в первое время целые дни проводит в складе. В своих письмах Чертков рассказывает Толстому о том, кто и как покупает его рассказы, и делится своими впечатлениями:

«Сижу за столом у окна, скрытый от проходящих выставкою с книгами. Всякие люди останавливаются у окна, читают заглавия книг, делают самые разнообразные замечания, не зная, что все слышно в комнате. Можно было бы составить самую оригинальную книжку из всех этих подслушанных разговоров» [15].

«Розничные покупатели в этом квартале именно такие, которым преимущественно попадают дурные книги—солдаты, ремесленники, фабричные и их дети. А потому каждый раз, что кто-нибудь из них войдет в лавку, мы радуемся, как рыболов пойманной рыбе. Мы следим даже, как она клюет у окна—заглавие или картинка понравится, дешевая цена приманит. Они рассуждают между собой, что следовало бы зайти и купить. Нам все слышно, и мы с волнением поджидаем» [16].

Письма Черткова давали Толстому возможность до известной степени видеть тех читателей, которым он предназначал свои книжки, и слышать отклик, который вызывают его произведения.

Толстой, несколько сдерживавший увлечение Черткова в период организации издательства, теперь сам с увлечением отдается новому делу.

Еще в декабре 1884 г. Толстой пишет Черткову:

«Боюсь, что вы многого ждете... Ждите, что ничего из этого не выйдет. Я очень желаю успеха, но постоянно себя осаживаю, т. е. сомневаюсь в успехе» [17].

Весной 1885 года Толстой уже принимает близкое участие в работе нового издательства, и она в значительной степени занимает его мысли.

В начале марта 1885 года Толстой едет в Крым, провожая туда своего безнадежно больного друга князя Л. Д. Урусова, и несмотря на новые впечатления, во время поездки продолжает думать о рассказах для «Посредника»—об «английских милордах», как он шутя именовал их по заглавию известной лубочной книжки. С пути из Севастополя в Симеиз Толстой писал Софье Андреевне:

«Урусов взял ландо, не открывающееся и хуже кареты, и я залез на сундук, на козлы. Ехал и не то, что думал, но набегали новые, нового строя, хорошие мысли, между прочим одно: каково! Я жив и еще могу жить... Еще на козлах сочинял „английского милорда“. И хорошо» [18].

«Английский милорд», о котором писал Толстой,—текст для лубочной картинки, превра-

тивнийся в небольшой рассказ «Ильяс», был закончен в ближайшие дни, но едва вернувшись из Крыма, Толстой принялся за другой рассказ для «Посредника»—«Упустишь огонь—не потушишь» и писал об этом Урусову из Москвы:

«Нынче приезжает Чертков, и я испугался его, как учителя, и нынче утром написал рассказ начерно. Может быть, выйдет порядочно»[19].

Письма Толстого Черткову в это время наполнены отзывами о новых рукописях и картинах, предназначаемых для издания. Вместе с тем Толстой сам усиленно работает над народными рассказами.

В связи с рисунками И. Е. Репина Толстой писал Черткову:

«Радость великую мне доставил Репин. Я не мог оторваться от его картинки и умилился. И сколько людей умилятся. Буду стараться, чтобы передано было, как возможно лучше. Посылаю вам черновую моего рассказа. Извините, что измарано. Я отдам ее набирать завтра. Равно и Сапожника. Только картинок нет к Поджигателю. Не заказать ли кому в Москве?—Нынче пришла мне мысль картинок героев с надписями. У меня есть два. Один доктор, высосавший яд дифтеритный и умерший. Другой учитель в Туле, вытаскивавший детей из своего заведения и погибший в пожаре. Я соберу сведения об этих и, если бог даст, напишу тексты и закажу картинки и портреты»[20].

И вслед за упомянутыми в этом письме произведениями Толстой в 1885 году пишет один рассказ за другим: «Много ли человеку земли

нужно», «Свечку», «Два старика» и, наконец, «Сказку об Иване-Дураке».

Организационная работа по созданию нового издательства была закончена, и дело было пущено в ход. Можно было на время оторваться от работы, сдав приготовленные рукописи и картины тино-литографии и оставив склад на П. И. Бирюкова. Чертков воспользовался этим и в мае 1885 года уехал в Англию, где почти каждый год проводила летние месяцы его мать.

В Лондоне Чертков вступил в переговоры с издателями об издании на английском языке в одной книжке запрещенных в России произведений Толстого—«Исповедь», «Краткое изложение Евангелия» и «В чем моя вера»—и продолжал вместе с своим другом англичанином Батерби подготавливать к печати перевод этих произведений, над которыми он работал еще раньше.

Ему удается устроить издание этой книги, и вскоре после своего приезда в Англию он сообщает Толстому, что условился с Батерби относительно правки корректуры, которую предстояло держать в то время, когда Чертков рассчитывал уже быть в России.

Толстой не откликнулся на это сообщение, но когда наконец через полгода книга вышла в свет, написал Черткову:

«Я не мог оторваться—читал ее вчера и нынче... Мне было очень приятно видеть эту книгу, держать ее в руках и думать, что найдутся, может быть, англичане, американцы, которые сблизятся с нами через эту книгу.

Главное, просто было приятно. Очень благодарен вам за это» [21].

Чертков делится с Толстым своими впечатлениями от английской жизни—в одном из писем дает не лишенное сарказма описание визита к одному английскому филантропу и проповеднику, поучавшему своих посетителей, что «сословные различия в природе человеческой освящены самим богом», в другом письме рассказывает о знакомстве с квакерами,—пишет о прочитанных книгах и посылает Толстому сочинения Рёскина. Вместе с тем Чертков в своих письмах из Англии продолжает писать об отдельных книжках, намечавшихся к изданию в «Посреднике», и по поводу одной из них—«Жизни Сократа», составленной А. М. Калмыковой и проредактированной Толстым,—высказывает свое убеждение в том, что всегда во всех случаях следует говорить безусловную правду:

«Я избегал бы слишком крайней идеализации тех учителей, с которыми будем знакомить народ в наших изданиях. Как всякое отступление от истины, такое отношение к предмету должно непременно принести дурной плод» [22].

Толстой ответил на это, что не следует ни приписывать Сократу того, чего у него не было, ни нарочито подчеркивать те слабости, которые могли быть ему свойственны, и добавил:

«Ваше замечание мне полезно. Если я кончу это дело, то воспользуюсь им—вашим замечанием» [23].

Думая о тех условиях, в каких приходится работать Толстому, Чертков заботится о сохранении его рукописей.

Таким образом Чертков в это время начинает то дело, которому впоследствии отдавал много сил.

«Зачем вы не попросите вашего старшего сына помочь вам в приведении в порядок и содержании в порядке ваших бумаг?—писал Чертков Толстому 9 июня 1885 года.—Это так важно, чтобы бумаги содержались в порядке кем-нибудь из ваших домашних... Все, что вы пишете, для нас так дорого, так близко всему хорошему, что́ мы в себе сознаем, что просто содрогаешься от одной мысли, что что-нибудь из ваших писаний может пропасть за недостатком присмотра».

В других письмах из Англии Чертков рассказывает Толстому о своих отношениях с матерью, анализирует мотивы, которыми он руководствуется в своих поступках, и делится различными мыслями, его интересующими.

Толстой, в свою очередь, делится с Чертковым своими мыслями об изданиях «Посредника», в частности, сообщает ему замысел создать «Круг чтения», который был осуществлен лишь много лет спустя.

Поняв по одному из писем Черткова, что он живет очень напряженно и недостаточно покойно, Толстой пишет Черткову:

«Как мне хотелось бы видеть и знать вас более счастливым и менее напряженным. Но, может быть, этого нельзя. Может быть, тогда вы бы не были тем, за что вы, главное, и дороги мне и всем, кто вас любит» [24].

С своей стороны Толстой пишет Черткову о той области своей жизни, которая была для

него постоянным источником тяжелых переживаний—о противоречии между его учением и той обстановкой, в которой ему приходится жить, о скрытом от посторонних людей семейном разладе.

«Письменная работа не идет, физическая работа почти бесцельная, т. е. не вынужденная необходимостью, отношений с окружающими меня людьми — почти нет (приходят нищие, я им даю гроши, и они уходят), и на моих глазах в семье идет вокруг меня систематическое развращение детей, привешиванье жерновов к их шее. Разумеется, я виноват; но не хочу притворяться перед вами, выставлять спокойствие, которого нет... Я путаюсь, желаю умереть, приходят планы убежать или даже воспользоваться своим положением и перевернуть всю жизнь. Все это только показывает, что я слаб и сквереи, а мне хочется обвинять других и видеть в своем положении что-то исключительно тяжелое. Мне очень тяжело вот уж дней 6, но утешение одно— я чувствую, что это временное состояние...» [25].

Чертков отвечал, что это письмо вызвало у него чувство еще большей близости к Толстому, потому что такое состояние очень сродно и ему самому.

Вместе с тем он высказал свое мнение с большой четкостью:

«Я пишу, любя вас больше, чем могу сказать, и все время сознавая, что могу вполне ошибаться. Но приготовьтесь слышать вещи неприятные, я хочу говорить без оговорок и смягчений, потому что так следует, мне это диктует

любовь.—Вы говорите, что живете в обстановке, совершенно противной вашей вере. Это совершенно справедливо. И потому вполне естественно, чтобы у вас по временам являлись планы убежать или перевернуть всю семейную обстановку. Но я не могу согласиться с тем, что это доказывает, что вы слабы и скверны. Напротив того, сознание в себе возможности стать в случае нужды совсем независимым от окружающей обстановки, направить свою фактическую жизнь по новой линии, доказывает только присутствие силы. И убежать или перевернуть жизнь—в моих глазах вовсе не такие действия, которые сами по себе были бы вперед предосудительны».

Далее Чертков напоминал Толстому китайское изречение, которое услышал от него самого: «Возобновляй сам себя каждый день сначала и опять сначала и всегда сначала», и писал о том, что этот принцип может заставить изменить свою жизнь так, как это трудно заранее предвидеть.

«Не говорю, чтобы непременно следовало привести в исполнение временное желание убежать или что-нибудь подобное,—писал Чертков.—Привести в исполнение такое предположение нельзя. Можно только отдаться такой потребности, когда чувствуешь, что она почти непреодолима, когда знаешь всю ее силу... Но раньше всего, разумеется, следовало бы сделать все возможное, чтобы, не изменяя фронта, привести в действие все орудия убеждения и привлечения к тому, что считаешь истиной» [26].

Толстой ответил на это письмо, что хочет сделать все от него зависящее, чтобы подействовать на свою семью:

«Мне сейчас», ныне грустно, больно за детей, за жену, за их безумную и жалкую жизнь, но не сержусь, не желаю ничего, а только думаю и ищу, как им любовно помочь. И если буду жив, найду» [27].

В том же письме Толстой звал Черткова приехать в Ясную Поляну, как только возвратится в Россию. В начале августа Чертков вернулся в Россию и 16 августа приехал в Ясную Поляну вместе с П. И. Бирюковым. Графиню Софью Андреевну они не застали дома, и Чертков писал своей матери, что он не огорчен этим обстоятельством.

Софья Андреевна очень настороженно относилась к людям, которые сочувствовали теориям ее мужа,—даже побуждения, приводившие их к Толстому, для нее часто были совершенно непонятны.

Когда А. М. Калмыкова, много работавшая над созданием и распространением общедоступной литературы, посетила Толстого, Софья Андреевна была очень удивлена, что молодая дама, принадлежащая к «хорошему обществу», может интересоваться народным образованием, и писала своей сестре:

«Была у нас очень странная дама, Ал. Мих. Калмыкова... Она была проездом из Петербурга и заезжала познакомиться с Лёвочкой и спросить у него совет какой-то тайный. Она живая, веселая и всю жизнь посвятила школьной деятельности» [28].

Чертков был для С. А. Толстой ближайшим союзником ее мужа в той области его жизни, к которой она относилась враждебно. Деятельность Черткова по изданию произведений Толстого вызывала у нее опасения и с точки зрения материальных интересов семьи.

Когда «Посредник» с разрешения Толстого безвозмездно издал два его рассказа, выпустив их по цене гораздо более дешевой, чем та, по которой они были раньше изданы С. А. Толстой, и спрос на эти рассказы в ее издании снизился, она предложила Сытину уплатить ей в возмещение понесенных ею убытков тысячу рублей.

Чертков, узнав об этом, написал Софье Андреевне письмо, с большой прямотой указывая на недопустимость таких действий и в то же время высказывая готовность заплатить ей эту сумму из собственных средств. Инцидент был улажен, но неприятный осадок должен был остаться, и Чертков не имел оснований считать С. А. Толстую в числе своих друзей.

В Ясной Поляне Чертков и Бирюков провели три дня и чувствовали себя там хорошо, непринужденно и просто. Чертков разговаривал с Толстым «целые дни», как выразился в письме к своей матери. Вместе с Толстым гости ходили по грибы, читали вслух книжку, предназначенную для издания в «Посреднике». Однажды вечером, когда в кабинете Толстого собрались его дети и его гости, Толстой предложил всем рассказать по истории, и все рассказывали, начиная с младших и кончая самим хозяином.

Тяготившее Толстого противоречие между убеждениями и обстановкой барского дома в такие хорошие минуты на время как будто отходило на задний план. Но оно было заложено слишком глубоко, чтобы не сказаться рано или поздно. В нескольких десятках шагов от усадьбы находилась деревня, и даже не разделявшему взгляды Толстого человеку бросалась в глаза резкая противоположность между бытом крестьян и обстановкою дома Толстых.

Художник Н. Е. Ренин, посетив Ясную Поляну, писал Черткову:

«При виде яснополянских обитателей в черных, грязных избах с тараканами, без всякого света, прозябающих по вечерам у керосинового, издающего один смрад и черную копоть, фитиля, мне делалось больно, и я не верю в возможность светлого, радостного настроения в этом Дантовом аду» [29].

Чертков в своей жизни также продолжает испытывать то противоречие, которое было и в жизни Толстого, и пишет об этом Толстому. В одном таком письме из Лизиновки, в которой Чертков жил с матерью по нескольку недель осенью в 1885 и 1886 годах, он пишет, что когда его мать уехала на два дня осматривать новую деревенскую школу, то он сразу почувствовал точно отдых от той обстановки великосветского дома, которая сохранялась даже в деревенской жизни Е. И. Чертковой:

«По этому случаю я чувствую какую-то странную свободу — не нужно быть дома к сроку, не нужно сидеть в креслах, молчать и скучать, смотря, как два лакея во фраках и белых пер-

чатках приносят нам маленькие чашечки кофе...» [30].

Бывая в деревенских избах, Чертков повторяет выражение Толстого, называвшего крестьянский мир «большим светом»—в противовес замкнутому великосветскому кругу, и пишет в своем дневнике:

«Провел целый день в „большом свете“ и чувствую себя свежее, здоровее и вообще лучше, чем давно себя чувствовал. Тянет туда, так тянет. И несмотря на всю отчужденность от них по воспитанию, которую, должно быть, так же трудно превозмочь, как им обмазаться великосветским лоском, необходимым для вступления в среду аристократов, несмотря на эту наружную отчужденность, чувствую, что они гораздо благосклоннее и радушнее готовы принять в свою среду, в свою жизнь такого искалеченного человека, как я, чем аристократы в свою среду и жизнь людей „нечистокровных“ и лишенных лоска» [31].

Вернувшись в Петербург, Чертков усиленно принимается за работу в издательстве, от которой он внутренне не отходил ни в Англии, ни в Лизиновке, намечая и подготавливая для издания книги и картины с текстами.

В одном из писем к Толстому он сообщает, что почти совсем не видит посторонних людей иначе, как по делам, связанным с издательством, потому что отдает этой работе почти все свое время.

Несмотря на цензурные затруднения, издательство крепнет и работает успешно. Толстой присылает одну новую рукопись за другой.

Каждая из них радует Черткова, но почти всегда он обращает внимание Толстого на то или иное место, которое, по его мнению, выиграло бы от изменения, и Толстой внимательно прислушивается к его словам. Так, получив рассказ «Свечка», Чертков пишет, что конец рассказа — смерть злого приказчика, наткнувшегося животом на кол, может показаться неправдоподобным и вместе с тем вызвать у читателей чувство злорадства. Толстой в ответном письме присылает ему другой вариант окончания этого рассказа.

С разных сторон до Черткова доходят вести о том, что на книжки нового издательства растет спрос, и Сытин подтверждает это, рассказывая, что его продавцы не могут выполнить все заказы.

Для того чтобы подготавливать к печати новые издания, нужны были сочувствующие идее издательства сотрудники, которые могли бы перерабатывать для общедоступного издания книги, написанные для другого круга читателей, делать переводы с иностранных языков, одновременно сокращая и обрабатывая произведение так, чтобы оно могло быть понятным и интересным для деревенского читателя.

Многие высказывают готовность принять участие в этой работе, но одни оказываются к ней непригодными, другие — ограничиваются одной-двумя книжками, причем нередко в процессе работы выясняется, что они слишком сильно расходятся в своих убеждениях с Толстым и Чертковым, и не могут вместе с ними успешно делать общее дело. Только несколько человек

подходят к этой работе в достаточной степени близко.

Теснее всех связывает свою жизнь с новым делом постоянная сотрудница издательства, слушательница Бестужевских высших женских курсов Анна Константиновна Дитерихс, начавшая работать в «Посреднике» в первые месяцы его существования.

Среди картин художника Н. А. Ярошенко есть одна, широко известная по многим репродукциям «Курсистка». Стройная, худенькая девушка, в маленькой черной шапочке, с пледом на плечах и с связкою книг под мышкой, сосредоточенная и серьезная, стремительно идущая вперед. В свое время эта картина получила большую известность, но лишь немногие знали, что перед ними портрет А. К. Дитерихс.

Очень болезненная и хрупкая, остро переживающая каждое новое впечатление, требовательная к себе и серьезная, А. К. Дитерихс привлекала к себе людей и скоро стала необходимой работницей в новом издательстве.

Другие новые сотрудники принимали участие лишь в составлении и подготовке к печати отдельных книжек и стояли в стороне от постоянной текущей редакционно-издательской работы.

Письма Черткова к Толстому в зимние месяцы в 1885—1886 годах, наполненные деловыми сообщениями, показывают, что он напряженно работал в это время и что работа эта его радовала, хотя и не могла вполне заполнить его жизнь.

Толстой в своих письмах также отводит много места очередным делам—дает отзывы о рукописях, высказывает советы, но вместе с тем в его

письмах в это время особенно часто звучат грустные ноты.

В конце октября, уезжая в Москву из Ясной Поляны, Толстой пишет, что ему тяжело туда ехать, а в начале декабря в письме из Москвы пишет о том, как тягостны ему те условия, в которых приходится жить:

«Я еще с вашего приезда ослабел,—почти ничего не пишу и грустен. Все так грустно, мертво вокруг меня и так хочется осуждать и досадовать» [32].

Это чувство достигло особенной остроты в середине декабря 1885 года и вылилось в письме Черткову, написанном с исключительной силой, но оставшемся непосланным.

«Мне мучительно тяжело и ни с кем так мне не хочется поделиться этой тяжестью, как с вами, милый друг, потому что мне кажется, никто так не любит во мне то хорошее, что есть во мне, как вы... Вся эта животная [жизнь]—да не просто животная, а животная с отделением себя от всех людей, с гордостью, идет все усиливаясь, и вижу, как божьи души детские—одна за другой попадают в эту фабрику и одна за другой надевают и укрепляют жернова на шее и гибнут. Вижу, что я с своей верой, с своим выражением ее, и словом и делом, устраняюсь, получаю значение для них неприятного, неправильного явления—как бывают черви в ульях, которых пчелы не в силах убить, замазывают, чтобы они им не мешали, и жизнь дикая с торжеством идет своим ухудшающимся порядком. Дети *учатся* в гимназиях, меньшие даже дома учатся тому же и закону божию, такому, который будет

нужен в гимназиях. Обжираются, потешаются, покупая на деньги труды людей для своего удовольствия, и все увереннее и увереннее, чем больше их становится, что это так. То, что я пишу об этом— не читают, что говорю—не слушают, или с раздражением отвечают, как только поймут, к чему идет речь, что делаю—не видят или стараются не видеть» [33].

Дальше Толстой писал, что, спрашивая себя, как следует ему поступить, он приходит к выводу, что надо все-таки перетерпеть и лучше молча принимать все совершающееся в его доме, чем вызывать раздражение и злобу. Но осуществить это решение было трудно, и сдерживаемое недовольство прорвалось в те дни, когда написано было это письмо.

Между Толстым и его женою произошло объяснение в очень резкой форме, о котором С. А. Толстая подробно рассказала в письме к Т. А. Кузминской [34].

Но оно ничего не могло изменить: ни одно слово Толстого, как будто, не было услышано его женою.

«Я спрашиваю удивленно — „Что случилось?“,—писала Софья Андреевна Т. А. Кузминской.—„Ничего, но если на воз накладывать все больше и больше, лошадь станет и не везет“. Что накладывалось—неизвестно... Я все эти нервные взрывы и мрачность и бессонницу приписываю вегетарианству и непосильной физической работе».

Спорить было, очевидно, бесполезно. Оставалось или уйти или попытаться перетерпеть. Толстой выбрал последний путь. Но в его письмах к Черткову попрежнему слышатся нотки,

показывающие, как он тяготится той обстановкой, в которой ему приходится жить.

Чертков в письмах к Толстому, в свою очередь, продолжает не только рассказывать ему о своей деятельности, но и вводит его в область своей личной жизни.

Он пишет Толстому о новых намечаемых к изданию книжках, о переводе на украинский язык «Двух стариков», встретившем препятствие со стороны цензуры, о печатании в журналах «Нива», «Книжки недели» и «Русское богатство» рассказов Толстого «Три старца», «Крестник» и «Много ли человеку земли нужно». Уезжая в июне 1886 года на два месяца в Англию, Чертков сообщает о своей работе над переводом на английский язык статьи «Так что же нам делать» и некоторых других произведений и о том, что высылает Толстому английские книги об индусских и китайских религиозных учениях и по другим вопросам, интересовавшим Толстого. Вместе с тем Чертков делится с Толстым своими личными переживаниями.

«Испытываю что-то вроде пустоты или, вернее, неопределенности. Я думаю, что это происходит от того, что я никуда не прикреплен, не прирос. А главным образом, что не имею дома — в смысле семьи. Я везде гость и больше всего в доме своей матери. Моя ли это вина или просто неизбежное последствие моей обстановки, не знаю, но знаю, что постоянно все больше и больше испытываю потребность делить жизнь с женою» [35].

Через несколько месяцев Чертков писал Толстому о том же в еще более отчетливой форме:

«Я думаю, что если бы я женился, то жена внесла бы очень недостающий теплый элемент в нашу семейную жизнь. Я все больше и больше думаю о женитьбе. Что из этого выйдет — не знаю. Знаю только, что я могу жениться только на такой, которая сама по себе имеет ту же цель жизни, как я. Помогать друг другу держаться той же дороги. Поддерживать друг друга, когда спотыкаешься, помогать подняться, когда падаешь... Вы были этот раз правы, когда говорили мне, что следует жениться» [36].

В конце августа 1886 года Чертков навестил Толстого в Ясной Поляне и рассказал о своем решении просить Анну Константиновну Дитерихс стать его женою.

Толстой знал Анну Константиновну не только по письмам и рассказам Черткова и Бирюкова, сообщавшим об ее работе в «Посреднике», но и лично: она была у него вместе с Чертковым, Бирюковым и А. М. Калмыковой в марте 1886 года в Москве и вместе с П. И. Бирюковым в Ясной Поляне в мае того же года.

К решению Черткова он отнесся с большим сочувствием и вслед за его отъездом из Ясной Поляны писал ему:

«Жду вестей от вас. И очень рад буду знать, что все будет, как мы желаем» [37].

В начале сентября Чертков получил согласие от Анны Константиновны и 19 октября состоялся их брак. Ненадолго они уехали в Лизиновку, затем вернулись в Петербург, чтобы вместе продолжать работу в издательстве.

Толстой писал им в деревню, стараясь своим советом помочь им в их совместной жизни:

«Не усиливайте своей привязанности друг к другу, но всеми силами усиливайте осторожность в отношениях, чуткость, чтобы не было столкновений... Ни с кем, как с женой и мужем, нет таких близких всесторонних отношений, и мы всегда от этого самого забываем думать о них, сознавать их, как перестаем сознавать свое тело. И это-то беда... Люблю вас и радуюсь на вас» [38].

Чертков отвечал Толстому, что чувствует полное единение со своей женою, становится с нею лучше и идет вперед успешнее, чем без нее.

Толстой и сам мог убедиться, что это признание не было вызвано временным чувством, и с тех пор свои письма к Черткову он часто начинает общим обращением—к нему и к его жене.

V

Ржевск

Несмотря на то, что в личной жизни Черткова началась новая полоса, зима 1886--1887 годов являлась временем особенно интенсивной его работы по выпуску народных изданий.

Его переписка с Толстым за эти месяцы полна обменом мнений о различных книжках, подготавливаемых к печати.

В длинных письмах Чертков рассказывает Толстому о делах издательства и особенно отмечает новое явление: первые рукописи авторов из той самой среды, для которой предназначались издания «Посредника»,--рассказы рабочего монетного двора В. И. Савихина, крестьянина С. Т. Семенова--«Два брата» и полового из тульского трактира И. Г. Журавова - «Раздел».

Каждый из этих рассказов вызывает отзывы Толстого и Черткова и большую редакционную работу.

Толстой интересуется всякой новой книжкой и набрасывает широкий план развития издательской деятельности «Посредника»:

«Что сказал Потехин о своих повестях „На миру“ и „Хворая“? Отдает ли он их в народ, т. е. в „Посредник“, или Сытину? Я выпросил туда у жены „Поликушку“ и теперь по всем писателям буду просить, кто что даст. Надо попросить у Григоровича, выбрав, что больше всего годится. Главное же, мне думается, туда отдать все знаменитые сочинения немцев, французов, англичан, которые выдержали много изданий и, главное, переводов, и кое-что для этого делаю, но жатва велика и тут, но делателей мало. Вольтер, Руссо, Bernardin de St. Pierre, Лессинг „Натан Мудрый“, Шиллер „Разбойники“, „Викфильдский священник“, Гюливер, Дон-Кихот, Сильвио Пеллико, Записки Франклина, Плутарх и ми. др.» [1].

Но чем шире развертывалась деятельность издательства, тем суровее относилась к нему цензура. Чертков пытался опереться на свои великосветские связи, но они мало ему помогали в этом деле.

В своем дневнике Чертков сделал запись об одной из таких попыток:

«С председателем цензурного комитета Кожуховым я познакомился через П. П. Голицына. Мы вместе отправились к нему на квартиру. Он был очень любезен, просил при всех затруднениях обращаться лично к нему, но предупредил, что к народным изданиям они относятся очень строго. „Я знаком с делом с практической стороны,— говорил он.— Я не бюрократом был

всю мою жизнь. Я несколько лет был вице-губернатором и хорошо знаю, что делается в России. И потому знаю, что с книгами, предназначенными для народного чтения, следует быть особенно осторожным. Иногда даже автор не хочет внушать ничего зловредного, но по его неосторожности содержание книги оказывается таковым, что, попавши в руки какой-нибудь учительницы, она получает совсем превратное и нежелательное толкование. А учительницы на подобные штуки особенно искусны. А потому мы очень строги по отношению к народным изданиям". Я просил его пересмотреть рассказы „Стрелочник" и „Три старца", запрещенные во время его отсутствия из Петербурга. Вчера он послал за мною и сообщил, что, ознакомившись с содержанием этих рассказов, он должен сказать, что не может не согласиться с постановлением комитета. Он мне прочел мотивы запрещения, которые обнаруживают полную неспособность цензоров понимать действительное значение того, что они читают» [2].

Для того чтобы работать при таких условиях, необходимо было выработать целую систему тактических приемов, и Чертков пользуется ими с большой настойчивостью. Путь уступок по существу, изменение мысли, вложенной в произведение, он отвергает самым решительным образом, соглашаясь иногда в случае необходимости устранять отдельные выражения, но категорически отказываясь менять смысл того или иного места, опасного с точки зрения цензуры.

По отношению к разным книжкам он пользуется различными методами для получения

цензурного разрешения: в одних случаях пытается предварительно опубликовать произведение в журналах, к которым цензура относится менее строго, чем к народным изданиям, в других случаях посылает рукопись не в петербургский цензурный комитет, а в другой город, где в данный момент книжка почему-либо имеет больше шансов получить разрешение на выход в свет—в Москву, Варшаву, Киев, Одессу,—в третьих случаях старается заинтересовать рукописью то или иное влиятельное лицо.

Взяв на себя все сношения с цензурой, Чертков не только избавляет Толстого от крайне неприятных и подчас бесплодных хлопот, но вместе с тем решительно настаивает, чтобы Толстой и не делал попыток предпринимать те или иные хлопоты с своей стороны, предварительно не списавшись с ним.

Когда Толстой, не известив заранее, отправил сам в варшавскую цензуру свою Азбуку, предназначенную для переиздания в «Посреднике», и затем сообщил Черткову, что хотел сделать ему «сюрприз», Чертков решительно настаивает на том, что во избежание путаницы все дело проведения через цензуру книжек должно быть сосредоточено в его руках:

«Лев Николаевич, пожалуйста, не готовьте мне сюрпризов с представлением вещей в цензуру помимо меня... Этих сюрпризов я боюсь больше огня. Думая о них, мне хочется и смеяться и плакать. Смеяться потому, что мне трогательно, что вы хотите сделать мне приятный сюрприз. Вы лучше сюрприз сделайте—напишите что-нибудь, а уж цензуру оставьте мне»[3].

Толстой шел навстречу желанию Черткова и писал ему:

«Очень—не смеялся, а улыбался, читая ваши иронические укоры за мои сюрпризы. Не буду больше их вам делать в этом роде, хотя мне казалось, что мой приготовлен был отлично» [4].

Таким образом в процессе издательской работы Чертков сделался как бы полномочным и бессменным представителем Толстого по всем цензурным делам.

Ведя переговоры с цензурой и зная ее требовательность, Чертков тем не менее неоднократно просил Толстого, чтобы он, работая над своими произведениями, не думал об ограничениях, налагаемых цензурой, и писал «во всю», помня, что ничто, им написанное, не пропадет и, так или иначе, в России или за границей, в конце концов будет опубликовано без всяких сокращений.

Толстой с своей стороны также писал Черткову о своем решении писать так, как думает, независимо от цензуры:

«Правда, нужно делать все, что возможно при существующих условиях, *делать* в смысле издательской деятельности, но мыслить и выражать свои мысли нужно независимо от существующих условий. Часто это меня смущает для себя и для других. Что как мы не даем ход своей мысли и выражению ее в виду существующих условий? Ведь это самое греховное самоубийство» [5].

В октябре 1886 года Толстой начинает с увлечением работать над драмой «Власть тьмы», и в декабре Чертков получает рукопись.

Чертков немедленно принимает меры для того, чтобы получить цензурное разрешение на это произведение, стараясь использовать для этого свои великосветские связи. Он сообщает Толстому, что через свою мать устроил себе приглашение к княгине Паскевич, которую он хочет попросить устроить у себя чтение этой драмы, пригласив на вечер ее брата, министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, пишет о своих переговорах по этому делу с графом П. А. Шуваловым и начальником главного цензурного управления Феоктистовым:

«Феоктистов сам взялся цензуровать и сделал такие помарки, при которых первоначальная редакция 4-го действия совсем кастрирована, но вариант и все остальное не испорчено. Все резкие ругательства в роде „пес“—вычеркнуты. Место о банке все обчерчено. Второй экземпляр с отметками Феоктистова я имею в руках теперь для вставки окончательных поправок» [6].

В следующем письме—15 января 1887 года—Чертков сообщил Толстому о том, что «Власть тьмы», наконец, разрешена без сокращений, и писал ему о своих дальнейших планах относительно этой драмы:

«Постараюсь устроить, чтобы драму дали здесь на балаганах или фабриках. Это мне кажется важнее, чем в императорских театрах. Только не знаю, удастся ли в этом году».

Вместе с тем Чертков, по обыкновению высказывая Толстому свое мнение об его новом произведении, обратил его внимание на то, что в последнем действии раскаявшийся убийца Никита говорит, что и замысел и убийство—его дело,

хотя на самом деле замысел преступления не принадлежал ему. Толстой согласился с Чертковым, заменил слова «мой умысел» словами «мой грех», но написал Черткову, что, прилагая свое обычное требование безусловной правдивости к каждому слову художественного произведения, он бывает иногда чересчур педантичен:

«Никогда не думайте, чтобы ваши замечания несогласия могли вызвать во мне какую-нибудь малейшую тень неудовольствия. Мне всегда хочется согласиться и я сейчас соглашаюсь. Так и вчера, прочтя ваше письмо. Нынче же, перечтя конец драмы, я вспомнил, как я чувствовал о ней. Но это все равно. И мне кажется, что вы в этом педантичны. Не в жизни. В жизни нельзя быть достаточно строгим, и я в этом отношении попользовался от вас, но в художественных произведениях» [7].

Чертков незадолго до получения этого письма прочитал легенду Н. С. Лескова «Сказание о Федоре христианине», нашел, что в конце книжки нужно сделать некоторые изменения, прилагая к действиям героев этой легенды более строгий нравственный критерий, и Лесков дал ему свое согласие на это.

Сообщая об этом Толстому, Чертков писал ему в связи с полученным от него письмом:

«Ну, после вашего замечания, я снова проверил свое чувство и свои мысли по поводу этого окончания и, каюсь вам, не могу еще видеть в этом утрировки. Вообще мне трудно делать различие между тем, что проводится в художественной форме, и тем, что мы должны стараться проводить практически в наших поступ-

ках. Впрочем, повторяю, я буду помнить ваше замечание, и оно наверно мне нужно, если вы сознали потребность мне его сообщить» [8].

«Спасибо, что вы приняли любовно мои замечания,—отвечал Толстой,—может быть, они вам пригодятся, ваша же строгость в смысле правдивости уже давно мне пригодилась и помогла» [9].

Окончив «Власть тьмы», Толстой не дает себе отдыха. Вся зима 1886—1887 годов и следующая за ней весна проходят у Толстого в непрерывной напряженной работе.

Еще в сентябре 1886 года Толстой начинает писать большое письмо Анне Константиновне Дитерихс, просившей его ответа на ставшие перед нею вопросы о смысле жизни и смерти, и это письмо перерастает в большую статью «О жизни».

Окончив «Власть тьмы», Толстой с увлечением предается этой работе и в начале апреля 1887 года пишет Черткову, что уже полтора месяца не думает ни о чем другом ни днем, ни ночью.

Вместе с тем Толстой работает над «Суратской кофейней», над календарем с пословицами и повестью из первых веков христианства «Ходите в свете, пока есть свет», которую он оставляет незаконченной.

Подводя итоги этой зимы, Толстой пишет Черткову:

«Зима кончилась и я без раскаяния оглядываюсь назад. Надеюсь и верю, что и вы тоже» [10].

Чертков мог бы с полным правом сказать то же самое о себе: он тоже работал много и напряженно в этом году и, с удовлетворением

«Курсистка» П. А. Ярошенко
(портрет А. К. Дитерихс. 1883 г.)

отмечая, как развивается деятельность организованного им издательства, не раз писал о том, какую большую радость доставляет ему совместная работа с женой над общим делом, в котором у них создалось полное взаимное понимание.

Тем не менее Чертков продолжает писать, что его жизнь все же во многом не такова, как ему хотелось, и попрежнему тяжело переживает те противоречия, которые ему не удалось разрешить. Он живет вместе с женою в доме своей матери, к которой он всегда испытывал большое уважение за ее твердость во всем, что касалось ее убеждений. Чертков сам считал, что от матери и отца он унаследовал стремление осуществлять в своей жизни то, что считал своим долгом, и в одном из писем к матери писал:

«Вероятно, от вас я получил свою потребность стараться быть всегда последовательным к своим убеждениям, как в крупных вещах, так и в мелочах» [11].

Но именно эта обоюдная непреклонность в отношении своих убеждений и являлась в это время источником многих тяжелых переживаний для них обоих. Е. И. Черткова, по словам ее сына, прямо говорила, что взгляды Толстого проникнуты духом антихриста:

«Я глубоко убеждена и вижу из Евангелия, что всякий, не признающий воскресшего спасителя, пропитан этим духом, и так как из одного источника не может течь сладкая и горькая вода, я не могу признать здоровым учение, исходящее из подобного источника» [12].

Чертков напоминал матери тот путь, которым он пришел к своим убеждениям, указывая, что он выработал их совершенно самостоятельно, и бесполезно пытаться его переубедить.

«Главная перемена в моей жизни — оставление полковой жизни и переезд в деревню, где я прожил совершенно по-своему несколько лет, произошла против желания и совета всех тех, которыми я был окружен, и даже самых близких друзей. Потом жизнь моя в деревне была совсем не такая, как жизнь окружавших меня помещиков, с которыми я был в хороших отношениях. Все это произошло в то время, когда я вовсе и не был знаком с Л. Н. Толстым, которого ты теперь считаешь моим соблазнителем» [13].

Но от этого взгляды Черткова не могли стать более приемлемы для его матери, и в своих письмах к Толстому зимой 1886—1887 годов он не раз пишет, как много тяжелого вносит в его жизнь это расхождение в убеждениях с матерью при их большой привязанности друг к другу.

Другая сторона жизни Черткова, постоянно его тревожащая,—те получаемые от матери большие средства, которыми он продолжает пользоваться не только для ремесленной школы, издательства и других своих начинаний, но и для затрат на свою жизнь, вызывающую много расходов. В одном из писем к Толстому Чертков рассказывает о том, как однажды после спора с матерью, в котором он доказывал ей, что доход, получаемый от имения, в конечном счете основан на эксплоатации крестьян и насилии над ними, он вместе с Анной Константиновной при-

шел к мысли не брать больше этих средств и приостановить деятельность всех своих учреждений до книжного склада включительно, но через несколько дней отказался от этого решения, полагая, что оно ничего не изменит по существу. Доходы от земли будут попрежнему поступать в контору имения, и если он откажется от тех сумм, которые получает, то лишь потеряет возможность, хотя бы частично, возвращать их тем, у кого они отняты. Мать даст им другое назначение или будет сберегать их в надежде на то, что он со временем ими воспользуется, и крестьянам от этого не станет легче.

Но эти мысли не заслоняют все же от Черткова то противоречие, которое создалось в его жизни, и он пишет Толстому, что продолжает жить «на барских харчах».

Наконец, и самая работа в издательстве, заполняющая дни деловыми переговорами и перепиской с разными людьми, хотя и дает удовлетворение, однако, требует такой затраты времени, что не позволяет располагать собою так, как хотелось бы. Чертков пишет об этом Толстому 12 июля 1887 года:

«И выходит, что колесо вертится и меня увлекает с собою. А оставить свое обязательное механическое участие в этом деле мне очень хотелось бы не потому, чтобы оно мне надоело, а единственно потому, что оно меня связывает, а мне следует быть более свободным».

В связи с этими мыслями у Черткова начинает складываться решение перестроить свою работу, попытавшись соединить ее с жизнью в деревне.

Весной 1887 года Чертковы уезжают в Лизиновку и там продолжают вести редактирование изданий «Посредника».

Рукописи и книжки пересылаются в деревню Черткову, он направляет проредактированные им и предназначенные к печати произведения в цензуру, давая соответствующие поручения П. И. Бирюкову, заведывавшему книжным складом в Петербурге, или кому-либо другому из своих сотрудников, и затем рукопись отправляется в Москву в типографию И. Д. Сытина. И хотя в связи с таким способом ведения дела переписка Черткова с разными лицами должна была сильно вырасти, однако, жизнь в деревне, более спокойная и размеренная, чем в городе, дает ему возможность попытаться самому осуществить некоторые задуманные им работы.

В апреле 1887 года Толстой в ответ на просьбу Черткова закончить свою рукопись «Ходите в свете, пока есть свет», оставшуюся недописанной, писал, что дописывать ее не станет, и поручил Черткову просмотреть ее, выключить лишнее, дополнить и напечатать.

Летом 1887 года Чертков усиленно работает над этой вещью, вставляя в разговор язычника с христианином речи в защиту христианства.

Толстой, получив рукопись с вставками, сделанными Чертковым, ответил, что сами по себе, взятые вне связи с текстом, они ему очень нравятся, но длинные рассуждения христианина ослабляют впечатление и не достигают цели:

«Памфилий должен с грустным лицом молчать на все речи и это сильнее. А на опроверже-

ние есть всегда опровержение и на доказательства—антидоказательства» [14].

Вместе с тем Чертков задумывает и некоторые другие работы, но не успевает начать их этим летом. В его семейной жизни готовится событие, о котором он еще весною сообщил Толстому: рождение ребенка. Когда приближаются решительные дни, Толстой пишет В. Г. и А. К. Чертковым заботливое письмо:

«Милые друзья, Владимир Григорьевич и Анна Константиновна. Держитесь крепко, время наступает вам трудное—экзамен во всех отношениях».

И напомнив о дурачке-садовнике Грише, описанном им в «Детстве», который, молясь, обращался к богу со словами: «Ты мой хозяин, мой кормилец, мой лекарь, мой аптекарь». Толстой дает вместе с тем ряд практических советов и делает оговорку:

«Пожалуйста, не думайте, что я хочу философствовать; я просто хочу дать совет, как старый человек и отец семейства» [15].

В ожидании ребенка В. Г. и А. К. Чертковы переезжают из Лизиновки в подмосковное имение своих родственников Нашковых Крекшино и оттуда часто обмениваются с Толстым письмами и записками. В начале ноября Толстой получил от В. Г. и А. К. Чертковых телеграмму о том, что у них благополучно родилась дочка, и ответил письмом:

«Радуюсь вашей радости, милые, дорогие друзья, очень очень радуюсь. Маша и Илюша прибежали ко мне с сияющими лицами с вашей телеграммой. Да и все мои радуются за меня, за

вас и за нее. Как назовете? Ничего больше не пишется, хочется только, чтоб вы знали, что я с вами» [16].

Чертковы назвали девочку Олей, но крестить ее решительно отказались, несмотря на настояния своих ближайших родственников, убеждавших их поступать, как все.

Ребенок принес с собою в семью Чертковых много радости и много заботы: кормление проходило с большими затруднениями, нужно было думать о кормилице, и Чертков подробно пишет Толстому о всех своих затруднениях, сообщая, что он и Анна Константиновна считают возможным взять только такую кормилицу, у которой нет своего живого ребенка, так как не хотят отнять у него материнское молоко. Толстой, со своей стороны, дает советы, высказывая убеждение, что надо до последней возможности стараться кормить ребенка материнским молоком, хотя бы его было в начале мало, постоянно делится своим опытом отца большой семьи. Когда затруднения с кормлением продолжаются, он сам принимает участие в поисках кормилицы, ведя переговоры о подходящей кандидатке с знакомым врачем, специалистом по охране здоровья детей грудного возраста.

Вместе с тем Толстой пишет Черткову о работе, которой он занят: о правке и обработке статьи «О жизни», которая набиралась для журнала «Вопросы философии и психологии» и поступала к нему в гранках. Чертков читает эту статью в рукописи и пишет Толстому:

«Многое хотелось бы вам сказать и особенно про вашу статью и не все одобрительное... Одно,

однако, знаю, что статья эта для нас радостная и важная, но так хотелось бы, чтобы вы выражали сознаваемые вами истины не в форме полемической, которая наименее убедительная, а в форме самой привлекательной для тех, кто с вами вперед не согласен, и доступной всем простым людям» [17].

Толстой соглашается с Чертковым и пишет ему:

«Я чувствовал этот недостаток и исправлял его сколько мог—в напечатанном меньше, но что делать, что так выходит. Есть даже некоторое извинение в этом. Я пишу главное для себя: тот, на кого я нападаю, кого я убеждаю—это я. Что ж делать, что я еще такое непривлекательное лицо, с которым надо говорить таким путаным языком. Бог даст, я сам сделаюсь яснее и проще, тогда только мне и можно будет говорить просто с собой и через себя с другими—как вы хотите. А напустить на себя тон учительный—вы сами знаете, что нельзя» [18].

В ноябре 1887 года Толстой напряженно работал над статьей «О жизни» и писал Черткову:

«Хочется очень мне побывать у вас, да все не могу кончить последнюю главу своей книги, а не кончив, не следует уезжать» [19].

Через несколько дней Толстой опять пишет Черткову о своем желании приехать к нему:

«Пропасть, пропасть хочется с вами переговорить. Если вы не скоро приедете, я по снегу приеду» [20].

Толстой приехал к Чертковым в Крекшино лишь в первых числах января 1888 года и, меж-

ду прочим, в это свое свидание рассказал им о своем намерении написать повесть о том, «как муж жену убил», которое он осуществил впоследствии, написав «Крейцерову сонату».

Еще до приезда Толстого в Кренкино у Чертковых сложилось решение в ближайшее время вернуться в Воронежскую губернию и, поселившись в деревне, продолжать свою работу по редактированию народных изданий.

«Мы везде на шее у других, — писал Чертков Толстому по этому поводу, — но там меньше, так как денежных расходов меньше и ближе к той упрощенной обстановке, которой, если будем живы, мы хотим зажить в отделенном мне матерью кусочке ее имения» [21].

Еще раньше, когда Чертков задумывал ближе познакомиться с сельскохозяйственными работами, родители выделили в его распоряжение хутор Ржевск с прилегающей к нему землею. Эта местность была сама по себе очень привлекательна—холмистая степь, поля и луга и, вместе с тем, около самого хутора лес и речка. На высоком холме был построен дом в четыре комнаты, с большой террасой, простой, но теплый и удобный, в котором поселились В. Г. и А. К. Чертковы, и вблизи раскинулись домики для их гостей, помощников и служащих на хуторе. Здесь не было той роскоши, которая была в бареком доме родителей Черткова в Лизиновке, но имелось все необходимое для того, чтобы жить покойно и удобно.

В. Г. и А. К. Чертковы зажили в Ржевске в условиях, гораздо более простых, чем те, какие были в Лизиновке, хотя и тут, как не

раз писал об этом Чертков Толстому с обычным упреком самому себе, вокруг них создался целый штат из обслуживавших их людей: кухарка, кучер и разные служащие, так или иначе работающие для хозяйства хутора.

От Ржевска до ближайшего почтового отделения—села Россошь—было около восемнадцати верст, и письма получались из Петербурга на четвертый или пятый день, а из Ясной Поляны на третий или четвертый, но тем не менее это не помешало Черткову сразу начать обширную переписку—деловую, в связи с издательством, и личную, постоянную и непрерывную, с матерью и с Толстым. Издательское дело продолжало развиваться, и вскоре после возвращения в деревню Чертков писал матери:

«Стало спокойнее, и я с большою радостью взялся за свою работу по изданиям. Дело это идет очень успешно. Между прочим женщина-врач Хрентельи составила отличную книжку для народа о беременности, родах и уходе за родильницей и новорожденным»[22].

Но опасаясь, что деловая переписка может занять все время, Чертков подыскивает сотрудника, который мог бы писать письма, связанные с издательством, и производить обработку рукописей, когда это бывало необходимо. С этой целью Чертков выписывает в Ржевск Ивана Ивановича Горбунова-Посадова, уже работавшего в книжном складе «Посредник».

Переписка между Толстым и Чертковым продолжается в это время с прежнею интенсивностью. В 1883 году Толстой написал Черткову тридцать шесть писем—так же, как и в другие

годы в среднем по письму каждые десять дней. Чертков пишет еще чаще, и письма его, в которых он до конца рассказывает Толстому о своей внутренней жизни и делится мыслями о различных вопросах своего жизнепонимания, нередко очень велики.

Несмотря на то, что внимание Черткова в значительной степени занято делами, связанными с издательской работой, он интенсивно думает о вопросах мировоззрения и веры—о молитве, о сущности христианского учения, о свободе воли, о загробной жизни. Эти мысли выливаются у него в письмах к Толстому и в записях в дневнике, которые он время от времени посылает Толстому.

Вместе с тем, зная, что Толстой перестал вести свой дневник, который он прекратил в 1884 году и возобновил лишь в 1888 году, Чертков писал:

«Мне все кажется, что вам непременно следовало бы заносить в записную книжку в сыром виде все те мысли, которые выращиваются из вас и не с тем, чтобы потом отделывать их форму, а единственно для того, чтобы люди, следующие вашими путями и потому способные понимать вас с полуслова, могли воспользоваться этими мыслями [23].

В свою очередь Толстой, получив выписки из дневника Черткова, писал ему:

«Это мне всегда хочется знать и радует за любимых людей, что в них идет внутренняя настоящая работа» [24].

Делясь с Толстым своими мыслями, Чертков нередко настойчиво ставит перед ним те вопро-

сы, над которыми он думает сам. Ответные письма Толстого содержат изложение его мыслей на интересующие Черткова темы, причем Толстой, часто не ограничиваясь своим ответом, начинает работать над формулировкой тех мыслей, которые он высказал в письме к Черткову и иногда, в конце концов, развивает их в том или ином произведении.

У Толстого не было недостатка в корреспондентах, которые задавали ему вопросы об его взглядах, но письма Черткова были другого порядка: он не ждал от Толстого готовых суждений, а вводил его в свою собственную умственную работу, исходные точки которой у них были общими, и Толстой отвечал ему тем же самым.

Письма этого рода занимают значительное место в переписке Толстого с Чертковым. О характере этих писем можно составить представление хотя бы по переписке Толстого с Чертковым об отношении к смерти и о некоторых других теоретических вопросах.

Много думая о значении смерти и о будущей жизни, Чертков просит Толстого высказать свое мнение и рассказывает ему о своих размышлениях на эту тему:

«Мне хотелось бы, чтобы вы сказали мне в нескольких словах, *как* вы понимаете эту будущую жизнь, это продолжение жизни. Мне это нужно только для самого себя, и вы знаете, что я действительно понимаю вас с полуслова; а потому то, что я вас прошу, если вы ответите мне и для меня, не потребует от вас серьезной работы для выражения словами. Для меня во-

прос этот разрешается так, что условия пространства и времени, самое понятие об этих условиях вполне условно и вытекает из ограниченности нашего земного мировоззрения. В действительности же нет времени и пространства. Все равно, как человеку, едущему по реке на пароходе, кажется, что берега и все на них движется, но это ему так кажется только потому, что он не может отрешиться от сознания поступательного движения своего собственного парохода. В действительности же берега и все на них пребывает на месте, и для жизни их вовсе не нужно, в жизни их вовсе не участвует то движение, которым все увлечено в глазах едущего на пароходе. Так нам в жизни, пока мы в плотской оболочке, все кажется, что одно происходит прежде, другое после, одно здесь, другое там. Но по мере развития в нас разумения истинной жизни эти ограничения постепенно улетучиваются, и мы духовно общаемся и единяемся помимо пространства и времени» [25].

Толстой не сразу отвечает на вопрос Черткова. Через некоторое время Чертков пишет ему в один день два письма—одно утром, а другое вечером 24 августа 1889 года.

В первом из этих писем, анализируя свое отношение к смерти и высказывая убеждение в том, что «реальна только сущность всего живого—вневременная, внепространственная и потому не знающая смерти», Чертков пишет, что сам он внутренне к смерти еще не готов:

«Меня смущает то, что мысль о смерти не поощряет меня. Когда я думаю о смерти, то все личные мои интересы действительно линяются

своего значения; но смущает меня то, что и к хорошему-безличному у меня тогда зарождается равнодушие. Я как-то теряю сознание необходимости работы для бога и ближнего. Бог не нуждается во мне, а ближнему, его земному существованию, все равно, как и мне, один конец».

Вечером того же дня Чертков пишет, что в своем утреннем письме недостаточно отчетливо высказал свои мысли и от того может создаться ошибочное впечатление, что он унывает или сомневается в будущей жизни. Снова изложив свои взгляды и проанализировав свои переживания, связанные со смертью, Чертков пишет в заключение: «Вам же я высказал то, что у меня на душе, потому что я привык и имею потребность всегда это вам высказывать».

Толстой отвечал Черткову длинным письмом, в котором сформулировал свои мысли о смерти:

«Вчера в один и тот же день получил оба письма ваши, милый друг, первое и добавочное, которое доставило мне больше радости, чем первое уныния. Знаю я это чувство, милый друг, опускания рук при мысли о смерти: богу я не нужен, он и без меня обойдется, а людям тем менее:—то, что я могу сделать для них, так ничтожно.

«Матерьяльное все ничтожно, а в духовном я бессилен; да еще приходит мысль, что, если должен в людях совершиться закон божий, то он совершится и без меня. И опускаются руки и делать нечего. Да, я знал это прежде, а теперь с трудом могу восстановить в воображении такое душевное состояние. Разница произошла

для меня оттого, что я лучше понял свое отношение к богу, как я и писал вам или Горбунову. И не то, что *лучше* понял, а просто в первый раз ясно понял это отношение. Во-первых, сказать, что богу я не нужен и он без меня обойдется, все равно, что если бы мои руки или глаза или нервы сказали, что они мне не нужны, что я без них обойдусь. Нет, я не могу обойтись без рук, глаз, органов моей жизни, точно так же и бог не может обойтись (если уж так выражать, хотя выражение это неправильно, потому что постановка вопроса неправильна) без меня, вас, без людей—одних из своих органов. Бог затем и сделал и меня, и скалы, и звезды, что и я, и скалы, и звезды ему нужны. И потому нелепо говорить, что я ему не нужен. Коли бы я был ему не нужен, меня бы и не было; а я нужен, я орган или слуга его. Мое отношение к нему не есть одна любовь, как выражал Моисей, но сознание единства с ним. Он во мне, и я в нем. Так что речи не может быть о том, что я нужен ему; я, как сказано [у] Иоанна V, 19, 20 и 26 и во всем Евангелии Иоанна, но я с ним одно, я его орудие. И жизнь моя в том, чтобы соблюсти все то, что он дал (поручил) мне, ничего не утратить и воскресить то в последний день, т. е. соблюсти данный мне орган в чистоте, очистить его, работая им, и перенести это в новую жизнь. Если таков смысл моей жизни, то какое же может иметь влияние на нее смерть? Правда, есть дела, которые не входят в это дело. К таким делам отпадает охота в виду смерти и такие дела надо бросать; но все добрые дела—помощь ближнему матерьяльная и духовная—это все—

деятельность, входящая в дело соблюдения и очищения в работе того, что бог дал мне. Даже те же дела могут входить и не входить в это дело, смотря по тому, как относиться к ним. Например, можно пахать, писать так, что это не будет дело соблюдения и очищения в работе божьего органа, в котором находится моя жизнь, а пахать и писать для себя и для людей, и тогда охота к этому отпадет при виде смерти; и можно делать эти дела, только как соблюдение и очищение в работе того божественного орудия, которое составляет мою жизнь, и тогда ничто не нарушит интереса и радости ни до последнего дня и часа, ибо дело это моей жизни растет с лишениями, страданиями, болезнями и смертью.

«Если неясно, пеняйте на себя. Вы обещали понимать с намека. Для меня это не только ясно, но это опыт, радостный опыт жизни» [26].

Отвечая Черткову, много думавшему в это время о супружеских отношениях и о половом воздержании, Толстой пишет ему в 1888 году несколько писем, в которых все более и более отчетливо формулирует идеи, выраженные затем в «Крейцеровой сонате» и в «Послесловии к Крейцеровой сонате», которое было написано в значительной степени в развитие мыслей, высказанных в письмах к Черткову.

«Первое, что мне нужно сказать об этом, это то, что я, говоря о том, как должно жить супругам, не только не подразумеваю того, что я жил или живу, как должно, но напротив знаю твердо своими боками, как должно, только потому, что жил, как *не* должно», — пишет Толстой Черткову 16 ноября 1888 года. Набросав далее на

нескольких листках свои мысли, частью уже продуманные до конца, частью еще находящиеся в процессе оформления, Толстой сообщает Черткову о своем намерении выразить их в новом произведении:

«Читайте всю эту нескладицу так, чтобы угадывать то, что я хотел сказать и что бы мог сказать, но не досказал. Мысли эти не случайные, а они выросли из моего сознания и моей жизни, и я, если бог велит, попытаюсь высказать их ярко и ясно».

Поселившись в Ржевке, вдалеке от городской суетолоки, с ее ежедневными, нетерпящими отлагательства, очередными запросами, Чертков получает большую возможность отдавать свое время делам, требующим неторопливой и длительной работы.

Помимо редактирования народных изданий деятельность Черткова развивается по двум другим направлениям, которые проходят затем почти через всю его переписку с Толстым: работа над своими статьями и хранение и издание рукописей Толстого.

Чертков не считал себя писателем и не стремился им стать, но он чувствовал потребность излагать свои мысли и ему трудно было ограничиться ролью редактора чужих писаний. Он не только постоянно убеждает Толстого писать общедоступно, но и сам работает в этом направлении.

Чертков пишет немного и очень медленно, упорно добиваясь отчетливости и ясности изложения, не спеша напечатать написанное и не всегда доводя свою работу до конца, потому что

А. К. Черткова в 1886 г.

иногда новые, более настойчиво требующие своего разрешения задачи отрывают его от рукописи, прежде чем он успевает ее закончить. Он составляет статью об охоте «Злая забава», книжку об Эпиктете, мысли которого ему были во многом близки, книжку о вегетарианстве, первоначально озаглавленную «Не убий», долго работает над общедоступным изложением книжки Толстого «О жизни» и пробует закончить начатую Толстым общедоступную книжку о жизни и учении Будды, над которой, кроме него, работают А. П. Барыкова и А. И. Эртель.

Каждая рукопись посылается Толстому, который в ответ в своих письмах дает не только свою оценку, но и советы по литературной технике, иногда сам намечает изменения и делает вставки.

Прочитав рукопись книжки об Эпиктете, Толстой пишет Черткову:

«Очень, очень хорошо. Я знаю его и всё-таки много вынес из вчерашнего чтения. Я читал с карандашом и поправлял и замечал, что казалось нужным» [27].

Просмотрев присланный Чертковым отрывок общедоступной книжки о Будде, Толстой дает ему совет:

«Может выдти очень хорошо. Только надо, как можно меньше, описаний и эпитетов» [28].

Рукопись Черткова о вегетарианстве «Не убий» Толстой читает вслух своим гостям и пишет Черткову:

«Я ее прочел и она мне—и не одному мне—очень понравилась. Недостатки ее какой-то нынешний литературный язык, длинноты, но зато

ясный и часто сильный. В вступлении выписки из статей, мне кажется, ненужны и слабы, в сравнении с серьезностью содержания самой статьи» [29].

И дальше Толстой дает обстоятельный отзыв об этой рукописи, указывая все замеченные им недочеты.

В свою очередь Чертков так же, как и в первые годы знакомства с Толстым, очень прямо высказывает свое мнение о каждом его новом произведении, с которым знакомится в рукописи, неустанно повторяя доводы о том, что желательно писать в художественной форме и возможно более общедоступно. Каждую новую рукопись Толстого Чертков встречает с большою радостью и в то же время всегда отмечает те места, которые ему представляются слабыми, и Толстой очень часто идет ему навстречу.

Получив черновые рукописи «Крейцеровой сонаты», Чертков писал Толстому:

«Я полон и переполнен вами, дорогой друг и брат, Лев Николаевич... Какое сильное и хорошее впечатление я получил от этой повести, этого я вам говорить не стану: это разумеется само собой. Скажу только о том, что́, как мне кажется, в ней еще требует улучшения, хотя я и читал только черновые, которые вы, быть может, уже изменили. Мне кажется, что рассуждения и мысли о половом вопросе слишком вплетены в самое повествование пассажира о том, как он жену убил, вследствие чего оно несколько теряет в живости и естественности, а самые рассуждения стесняются необходимостью не быть слишком подробными и обстоятельными и под-

гибанием их в форму речи, по возможности свойственной характеру и состоянию рассказчика. Говорю по возможности, потому что вполне это, как мне казалось, и не достигнуто: есть места, где характер рассказчика вполне пренебрегается и рассуждения излагаются так, как он не мог выражаться, рассказывая свое прошлое товарищу—пассажиру на железной дороге... Следовало бы в заключение прибавить в какой-нибудь форме, например, от какой-нибудь новой личности или автора или в виде письма от убийцы, писанного несколько лет спустя, прибавить более всестороннее освещение вопроса» [30].

Толстой получил это письмо в один из тех дней, когда он особенно остро чувствовал душевную усталость от тех условий, в которых ему приходилось жить, и записал в своем дневнике:

«Да, вчера получил длинное письмо от Черткова. Он критикует „Крейцерову сонату". Очень верно, желал бы последовать его совету, да нет охоты. Апатия, грусть, уныние...» [31]

Но уже на следующий день, 1 ноября 1889 года он пишет Черткову об его критических замечаниях:

«Спасибо за них, я хочу воспользоваться ими. Я даже начал писать послесловие, ответ на вопрос: что думает сам автор о предмете рассказа».

Толстой работает над «Послесловием к Крейцеровой сонате» длительно и упорно и заканчивает эту работу только в апреле 1890 г.

Чертков живо интересуется «Послесловием» и заранее сносится с переводчиками. Толстой не

раз напоминает ему о том, как идет работа, и даже просит его решить, какой из двух вариантов начала «Послесловия» более удачен.

Непременно считая, что теоретические статьи Толстого менее действенны, чем его художественные произведения, выражающие те же идеи, Чертков употребляет уже не раз испытанный им прием для того, чтобы побудить Толстого взяться за художественное творчество.

В конце января 1890 г. Чертков приехал к Толстому на несколько дней в Ясную Поляну. Толстой был ему очень рад и записал в своем дневнике:

«Чертков так же, еще более, близок мне» [32].

Они очень много говорили друг с другом — Толстой сам записал в свой дневник, что разговаривает с Чертковым «все время»,—и в одной из таких бесед Толстой рассказал ему замысел повести «Отец Сергий». Чертков просил Толстого возможно скорее записать рассказанную повесть, изложив ее, хотя бы вкратце, в ближайшем письме к нему. Толстой обещал это сделать и вскоре после отъезда Черткова написал ему письмо, в первых словах которого ясно слышится отзвук их разговора:

«Ну вот вам история. Надо поскорее рассказать, а то забуду. Служил в сороковых годах в гвардейском кавалерийском полку воспитанник пажеского корпуса князь Касатский-Ростовцев. Он был красив, молод, не беден и любим товарищами и начальством...» [33].

И дальше на нескольких страницах Толстой рассказал историю отца Сергия до того момента, когда веселая компания, во главе с «разводной

женою, красавицей Маковкиной», катаясь на тройках, решила ехать к отцу Сергию:

«Ямщикам поднесли вина. Сами достали ящик с пирожками, вином, конфектами. Дамы закутались в белые собачьи шубы. Ямщики поспорили, кому ехать передом, и один, молодой, повернувшись ухарски боком, повел длинным кнутовищем, крикнул, и залились колокольчики и завизжали полозья».

Чертков получил это письмо и через некоторое время, переписав его с таким расчетом, чтобы между строками были большие промежутки для вставок и исправлений и в конце оставалась белая бумага, послал эту копию вместе с подлинником Толстому. Он надеялся, что Толстой, перечитав свой набросок в переписанном виде, начнет его тут же исправлять и дополнять и увлечется этой работой.

Расчет Черткова до некоторой степени оказался правильным. Получив письмо с началом своей повести, Толстой писал Черткову:

«Рассказ отца Сергия очень заинтересовал меня. Я кончил теперь предисловие к книге Алексеева и займусь им. Очень может быть интересно» [34].

Толстой начал работать над «Отцом Сергием», но художественное творчество требовало большого сосредоточения и трудно было делить время между повестью и теми религиозно-этическими произведениями, которые Толстой по преимуществу писал в эти годы.

Долго не получая вестей о работе над повестью «Отец Сергий», Чертков напомнил о ней Толстому:

«Ну что, Лев Николаевич, делает отец Сергий? Он ведь живет не так далеко; очень уж долго едет к нему компания на тройках, а ведь передний ямщик повернулся боком, повел кнутовищем,—собрался живо довезти» [35].

—«„Сергия“ я начал писать,—отвечал Толстой,—и он мне очень понравился, т. е. разросся сюжет и хотелось выразить то, что́ думал о нем. Не берусь же за него, потому что на дороге стоит все заключение к провозглашению Гаррисона и катехизис Баллу» [36].

Статья Толстого о декларации и катехизисе американских проповедников учения о непротивлении злу насилием Гаррисона и Баллу, которая стала ему на дороге в работе над повестью «Отец Сергий», разрослась в книгу «Царство божие внутри вас», над которой Толстой с большим напряжением работал около трех лет. В этой книге Толстой как бы сконцентрировал все свои отрицательные суждения о государственном строе и православной церкви, щедро приводя для иллюстрации своих мыслей примеры возмутительных действий русского правительства и не щадя красок при изображении церковной иерархии. Не приходилось и думать об издании этой книги в России, а когда она была напечатана во французском переводе и в Россию был послан экземпляр этого издания, цензура его задержала.

Н. Н. Страхов писал по этому поводу Толстому:

«Цензура объявила, что это самая вредная книга, из всех, которые ей когда-либо приходилось запрещать» [37].

Чертков с напряженным интересом следил за работой Толстого над этой рукописью, и, чтобы облегчить и ускорить его труд, посылает к нему на время своего переписчика. Когда работа приближается к концу, Чертков не раз отправляет из Ржевска в Ясную Поляну нарочных, которые должны были привозить ему черновики для того, чтобы он мог их прочитать и переписать вместе со своими помощниками.

Толстой работает над этой книгой с большим увлечением, по многу раз переделывает ее заключительные главы и пишет о ней Черткову:

«Никогда так напряженно не работал, как все эти последние месяцы. От этого не могу и ничем другим заниматься» [38].

«Никогда никакая работа не стоила мне такого труда или так мне кажется. Хочется кончить и вместе с тем жалко расстаться... Не пеняйте на меня, друзья, что мало и редко и глупо пишу. У меня лежат постыдно неотвеченные письма. Не могу ничего делать, кроме одной работы; все капли воды берегу, чтобы пустить ее на это колесо» [39].

Чертков писал Толстому, что книга эта нравится ему настолько, что он даже затрудняется найти слова, чтобы выразить свое отношение к ней, но тем не менее делает некоторые критические замечания.

Он высказывает свое убеждение в том, что обличение наиболее действительно тогда, когда сделано в форме, которая не отталкивала бы излишней резкостью выражений людей, стоящих на противоположной точке зрения, и находит, что в этой книге есть места, которые могут

оскорбить тех, кто искренно разделяет другие взгляды.

Толстой отвечает ему сперва, что такое смягчение может ослабить впечатление, которое должна произвести книга на читателей:

«Смягчать, оговариваясь, нельзя. Это нарушает весь тон, а тон выражает чувство, а чувство заражает (чувство · иногда негодования) больше, чем всякие доводы» [40].

Но приближаясь к концу работы, Толстой так же, как это он делал и с некоторыми другими рукописями, просматривает эту книгу, стараясь удалить выражения, которые ему представлялись чрезмерно резкими, и пишет Черткову, что «выпалывает» их из заключения.

Другая тема, которой Чертков, поселившись в Ржевске, уделяет много места в переписке с Толстым, — собирание и хранение рукописей Толстого.

Еще в июне 1885 года Чертков писал Толстому о том, как было бы важно, чтобы все его рукописи хранились в полном порядке, и спрашивал его о том, не может ли он поручить это дело кому-либо из членов своей семьи?

Но систематическое собирание и хранение всего написанного Толстым не было начато в Ясной Поляне, и Черткова давно заботило это дело.

В Ржевске у Черткова, помимо его помощника по делам издательства, почти всегда жил платный переписчик, и, кроме того, туда нередко приезжали и месяцами жили люди, сочувствовавшие взглядам Толстого, которым можно было бы поручить переписку и приведение в по-

рядок черновиков Толстого и копий с его писем к разным лицам. Чертков начинает эту работу, и она постепенно превращается в одно из основных его дел, которое он ведет с неизменною настойчивостью.

Толстой писал свои произведения, кропотливо работая над формулировкой своих мыслей, по многу раз переделывая первоначальные наброски, и каждая его статья в окончательном виде обычно сильно отличалась от первого варианта, причем нередко в черновиках оставались неиспользованными страницы, не уступающие по силе окончательной версии, но отвергнутые Толстым, потому что они отвлекали внимание читателя от основной мысли и усложняли структуру его произведения.

Чертков начал собирать и систематизировать черновые рукописи Толстого, нередко представлявшие собою беспорядочную груду переменанных друг с другом, неразборчиво написанных, перечеркнутых и переправленных листков.

Разбирая эти рукописи, не вошедшие в окончательную редакцию, Чертков делал из них выписки, предназначенные для задуманной им большой работы—систематического свода мыслей Толстого. Вместе с тем Чертков напоминал при случае Толстому об этих отрывках с тем, чтобы он использовал их для других своих работ.

Дело это требовало значительной затраты времени, потому что черновые наброски, вместе взятые, по объему своему обычно во много раз превосходили окончательную редакцию—достаточно сказать, что черновые рукописи к одной

только книге «Царство божие» в общей сложности весили около трех пудов. Толстой посылал их Черткову в процессе работы, и Чертков немедленно начинал их разбирать.

Получив одну из таких посылок, содержащую часть черновых рукописей к книге «Царство божие», Чертков писал Толстому:

«Черновые ваши я на этих днях получил и с живейшим, как вы себе можете представить, интересом просматриваю их и делаю для своей работы выписки вычеркнутых мест» [41].

И Толстой, заканчивая, как ему казалось, эту книгу, над которой он, однако, работал затем еще почти целый год, писал Черткову:

«Писание мое, *кажется*, что кончил. Нынче опять подписался. Как много труда и как мало кажется на невнимательный взгляд разницы. А я думаю разница при переделках есть большая. Вы мне очень много всегда помогаете в моем писании. И в этом вы мне помогли тем, что собираете черновые. Иногда жалко выбросить то, что не в характере всего и ослабляет общее, а нужно, и я бы возился, желая удержать. А теперь я смелее выкидываю, знаю, что, если там есть нужное, то оно не пропадет» [42].

Вместе с тем в Ржевске Чертков начинает еще одно дело, связанное с сохранением писаний Толстого: собирание его писем и переписку его дневников.

Толстой получал очень много писем не только от своих личных знакомых, но и от самых разных людей, читавших его произведения, сочувствовавших его взглядам или, наоборот, реши-

тельно против них возражавших, делившихся своими сомнениями и нередко обращавшихся к нему с просьбой помочь советом в том или ином деле. Поэтому ответные письма Толстого очень часто далеко выходили за рамки личного общения с тем или иным человеком и содержали изложение его взглядов по самым различным вопросам. В течение многих лет Толстой отсылал эти письма, не сохраняя копий. Никто не вел списка написанных им писем, и таким образом нельзя было даже более или менее полно установить, кому и когда писал Толстой.

Чертков начинает собирать письма Толстого к разным лицам и старается убедить самого Толстого содействовать этому делу. Он не только старается скопировать уже написанные письма Толстого, постоянно обращаясь с соответствующей просьбой к людям, с которыми переписывался Толстой, но и всячески настаивает, чтобы письма Толстого переписывались еще до отсылки.

Работу эту мог выполнять лишь человек, живущий под одной кровлей с Толстым и внутренне ему близкий. Сыновья Толстого по всем своим взглядам были ему чужды, старшая дочь, Татьяна Львовна, была ему ближе, но теснее всего в семье Толстой был связан с своей дочерью, Марьей Львовной.

Еще совсем юной девушкой она тяготилась всем тем жизненным укладом, который старалась установить ее мать, стремилась как-то осмыслить свою жизнь, тянулась к отцу и рада была ему чем-нибудь помочь. В 1887 году М. Л. Толстая писала А. К. Чертковой:

«Я живу довольно гадко. Ничего хорошего не делаю, а вместе с тем почти весь день занята. Учусь. И все такая чушь, ни к чему не нужная. Иногда ужасно становится противно и гадко. Живешь, ничего не делаешь, ешь, спишь. А силы много. И часто завидно на других, которые хорошо живут».

Чертков понимал, что Марья Львовна больше, чем кто-либо другой из близких Толстому людей, сможет быть полезной в деле собирания писем. Начиная с 1889 года, он постоянно и настойчиво пишет ей об этом, убеждая ее переписывать по возможности все письма ее отца, и в тех случаях, когда она этого не делает, хотя бы записывать, кому и когда писал Толстой.

«Пожалуйста, записывайте, последовательно обозначая месяц и число, всех тех лиц, к кому он отправляет письма,—писал Чертков М. Л. Толстой.—Неизвестно, кто кого переживет, но, наверное, в свое время люди, близкие по духу, будут тщательно собирать каждую строчку, написанную вашим отцом за это последнее время, и последовательная запись его писем, веденная вами, поможет им в хорошем и нужном деле» [43].

Толстой, с своей стороны, дал согласие Черткову на задуманное им дело.

«То, что вы хотите делать с моими письмами, мне очень желательно. Это удивило вас. Я сам удивился, но вот что: на-днях Марья Александровна прислала Маше выписку из моего письма к Буланже. И представьте себе,... мне было это очень нужно, и я прочел это, как читают вещи чужие, которые по сердцу» [44].

Благодаря Толстого за то, что он поручает Марье Львовне копировать свои письма, Чертков писал:

«Спасибо вам так же за то, что вспомнили обо мне и поручили Маше списать еще несколько ваших писем. Не хочу спешить и действовать преждевременно; но если бы только вы могли видеть, как кстати приходятся, как необходимы для избежания недомолвок в составляемом мною своде ваших мыслей иногда даже самые маленькие ваши замечания, сказанные вскользь то тут то там под разными впечатлениями и по разным поводам; если бы вы только могли сами наглядно убедиться в этом, то вы наверно не только охотно, но и с радостью поручили бы Маше списывать для меня ваши письма, содержащие что-либо подходящее» [45].

Собирая, копируя и тщательно сохраняя все, написанное Толстым, Чертков задумывает переписывать и дневники Толстого. Еще в первые месяцы своего знакомства с Толстым Чертков показал ему свой дневник, в котором он записывал свои мысли и переживания, и вскоре после того Толстой сделал то же самое, дав Черткову свой дневник за 1884 год. Тогда же этот дневник был переписан, и копия его хранилась у Черткова. С 1885 до осени 1888 года Толстой, повидимому, не вел дневника, и Чертков писал ему о том, какое большое значение могли бы иметь его дневники:

«Перечитал я еще раз теперь ваши старые письма и много нужного мне опять нашел в них. Знаете ли, вам непременно следовало бы вести постоянные записи, в роде дневника ваших мыс-

лей и чувств... Я замечал, что мысли ваши, слова ваши гораздо как-то сильнее, когда они выражены сразу под впечатлением минуты—„в настоящем", а не выработаны в статью. Мне кажется, что в наше время „статей" не нужно. Это форма уже отсталая... Прежде, действительно, люди брали книгу, читали, перечитывали, изучали ее. Теперь люди увлекаются больше непосредственными впечатлениями и делом. И потому тем интереснее и привлекательнее и убедительнее все те слова, которые больше подходят к личному разговору, личному обращению, непосредственному сообщению своих чувств и мыслей ради единения с людьми, а не обдуманные и рассчитанные рассуждения, опровержения и прочее» [46].

В 1888 году Толстой вновь начал писать дневник и с небольшими перерывами вел его до самой смерти. Дневник служил ему прежде всего для записи своих размышлений,—но вместе с тем он писал там и о внешней стороне своей жизни и о своих отношениях с другими людьми до своих семейных включительно.

В начале апреля 1890 года Толстой сам написал Черткову, что будет посылать ему свои дневники для того, чтобы он выписывал записанные там мысли. Но Софья Андреевна, узнав об этом, резко восстала против этого плана, не желая, чтобы другие люди знали жизнь их семьи, которая находила свое отражение в этих записях. Толстой передумал и написал Черткову о своих дневниках:

«Я решил не посылать их вам... Одно верьте, что это я не только обдумал, но прочувствовал

всей душой. Это пока нельзя. Но обещаю вам и исполню, если буду жив. Буду с начала до конца отмечать синим карандашом в дневниках все, имеющее общий интерес, и дочери будут переписывать и буду присылать вам» [47].

В одном из следующих писем — 23 мая 1890 года — Толстой сообщил Черткову, что посылает ему выписки из своего дневника, и пояснил, что не может пока послать весь дневник не только оттого, что мог бы это сделать лишь тайком от жены, но и потому, что почувствовал, как решение посылать эти дневники нарушает для него то настроение, с которым он их пишет, и как сознание, что они будут переписаны и прочитаны другими, парализует ту внутреннюю работу, которая связана с этим писанием.

Вместе с тем Марья Львовна, которая по поручению отца переписывала его дневники и письма для Черткова, начала испытывать неприятное чувство во время этой работы, опасаясь, что копирование дневников и писем Толстого мешает ему высказываться с той непосредственностью, с какою он писал бы, не думая о том, что это будут читать другие.

Об этом Марья Львовна сама написала Черткову:

«Мне надо вам покаяться, что у меня было против вас дурное чувство. Мне показалось, что вы слишком тянете вещи из-под пера папа... Я уверена, что он не хочет, чтобы кто-либо читал эти дневники, пока он жив... Мне кроме самой большой радости ничего не доставляла переписка из дневников, но думается, что ему неприятно. Знаю, что вам так же, как и мне, не хочется

[illegible] делать, как лучше» [48].

К этим опасениям у Марьи Львовны применивалось и другое чувство, в котором она впоследствии с большою искренностью призналась Черткову:

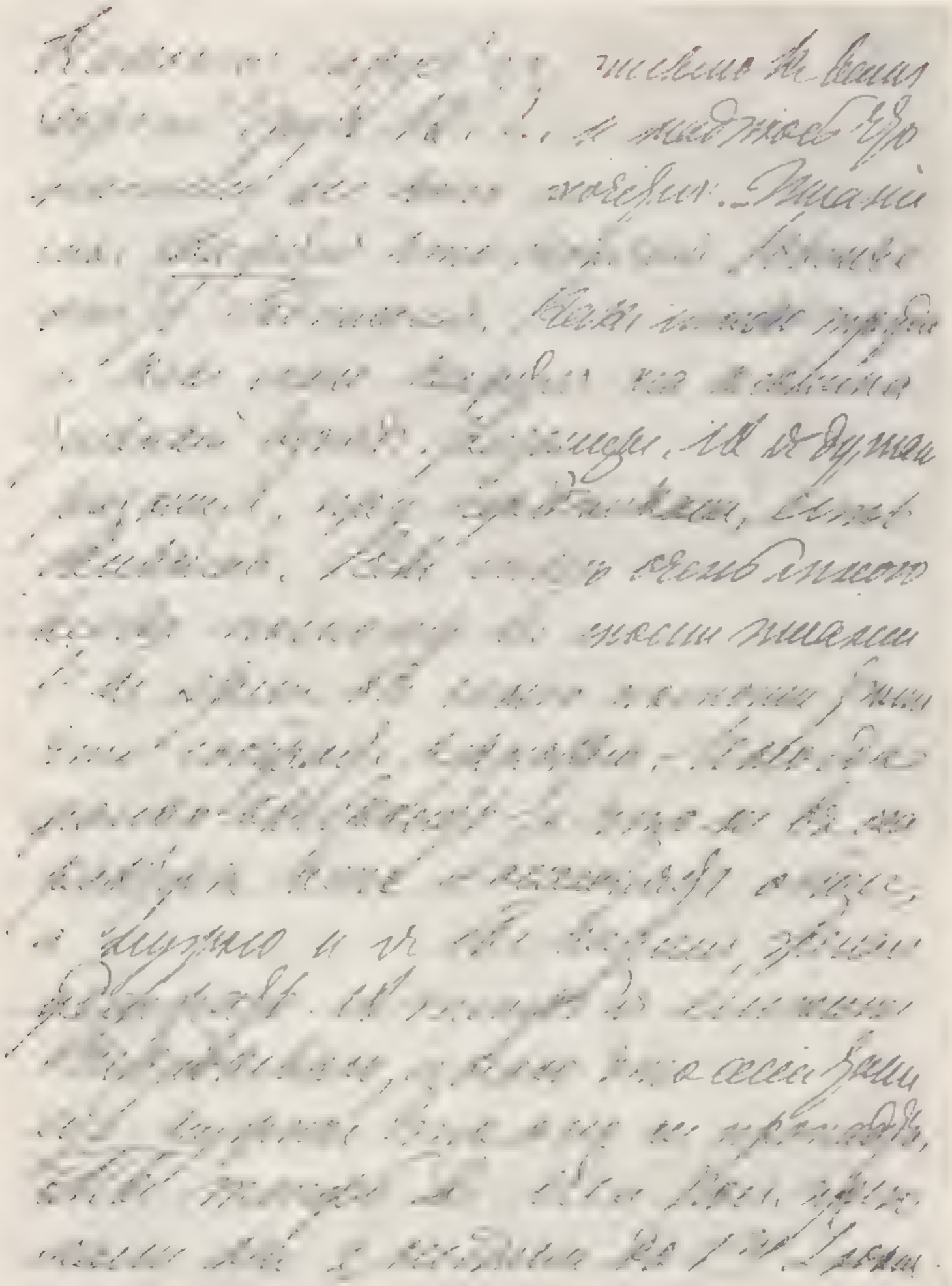
«Мне всегда было тяжело, что во мне было какое-то дурное чувство относительно вас. Я думала о нем и знаю, что корень его был во мне. Я люблю вас и ценю и уважаю главным образом за вашу любовь к папа и за ваше понимание его, и за это же во мне подымается постыдное чувство ревности. Простите меня» [49].

Еще до получения письма Марьи Львовны о переписке дневников и писем Чертков ответил Толстому, что вполне понимает его мотивы и только просит Толстого, чтобы он давал переписывать хотя бы те свои письма, которые лишены интимного оттенка и содержат изложение его мыслей.

Толстой ответил на это, что уже поручил Марье Львовне списать несколько написанных им писем и переслать их Черткову. В одном из следующих писем Толстой прислал Черткову большую выписку из своего дневника, а через несколько лет начал передавать и пересылать ему для переписки и весь дневник полностью.

С своей стороны, и Марья Львовна продолжала дело переписки писем отца и время от времени пересылала сделанные ею копии Черткову.

Таким образом в Ржевске начинает создаваться исключительное по своей полноте собрание рукописей Толстого, от черновиков его произведений до писем включительно.



Письмо Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову от 22 июня 1892 г.

С постоянной настойчивостью Чертков собирает черновики и письма Толстого, старается иметь, если не в подлиннике, то хотя бы в копии, каждую написанную им строчку. С педантической тщательностью Чертков разбирает полученные от Толстого рукописи, переписывает их сам или проверяет правильность их переписки, если это делают другие, и следит за тем, чтобы они хранились в полном порядке.

Жизнь Черткова в Ржевске строится иначе, чем жизнь Толстого в Ясной Поляне. Но между ними все время существует крепкая связь не только в области убеждений и в общей работе: рассказывая друг другу о своих затруднениях и о тех сторонах своей жизни, которые рождают ощущение неудовлетворенности, они также чувствуют точки соприкосновения.

Толстой в эти годы живет попрежнему окруженный своею семьею, но внутренне он почти совсем уходит в свою работу.

По привычке, давно создавшейся и укрепившейся еще в годы увлечения жизнью помещика — сельского хозяина, Толстой рано встает с постели. Выпив кофе с домашним печением и слегка позавтракав, он обычно делает небольшую и всегда уединенную утреннюю прогулку. В эти минуты, наедине с собою, так же, как и тогда, когда он заменяет прогулку работой на пашне или сенокосе, Толстой испытывает иногда большое и непосредственное чувство радости жизни, судя по его дневникам этих лет, редко переживаемое им в другие часы дня.

«Иду по жесткой дороге, в стороне с бойкой песней идут с работы пестрые бабы. Промежу-

ток между напевом, и слышен мерный стук их ног о дорогу. И опять поднимается песня и опять затихла, и стук шагов. Хорошо. В молодости бывало без песни баб внутри что-то всегда или часто пело. И все—и звук шагов, и свет солнца, и колебание висячих ветвей березы и все, все как будто совершалось под песню» [50].

«Совсем лето. Иван-да-Марья, запах гнилого меда от ромашки, васильки, и в лесу тишина, только в макушках дерев не переставая гудят пчелы, насекомые. Нынче косил. Хорошо» [51].

Потом, вернувшись в дом, он проходит в свой кабинет и целыми часами сидит над работой, исписывая тонким без нажима почерком листки бумаги, просматривает ранее написанное, упорно вновь и вновь принимаясь за недающееся ему место; переделывает, перечеркивает, надписывает по одному слову другое так, что иногда и сам потом с трудом может прочесть, и по многу раз возвращается к формулировке тех мыслей, которые кажутся ему выраженными недостаточно ясно. Этой работой, настойчивой и упорной, заняты большею частью его дни, и когда она перерывается и не ладится, Толстой тоскует и постоянно пишет в своем дневнике о том чувстве уныния, которое овладевает им в такие периоды. В одном из писем к Черткову Толстой пишет о своей работе:

«Нет охоты, энергии писать, а без напряженной работы писания жизнь праздная, которую я веду, мне возмутительна, мучительна» [52].

Но и работа не дает ему удовлетворения, настолько сильного, чтобы оно заглушило недо-

вольство жизнью, и, оглядываясь назад, он пишет в дневнике:

«Все то же: то же упорство труда, то же медленное движение и то же недовольство собой» [53].

Во второй половине дня и вечером Толстой читает, интересуясь, как всегда, очень многим, от философского произведения до книжки толстого журнала, от исследования по буддизму или конфуцианству до популярной книжки по гигиене для «Посредника», пишет письма, накапливающиеся у него иногда десятками, или разговаривает с кем-либо из гостей—и в Ясной Поляне и в хамовническом доме бывает много самых различных людей.

Среди гостей, бывающих у Толстого время от времени, появляются люди, разделяющие его взгляды. Домашние Толстого иронически называют их «темными» в противоположность светским гостям Софьи Андреевны, и хозяйка дома относится к ним с нескрываемой неприязнью.

По записям в дневнике Толстого и по его переписке можно убедиться, что общение с этими людьми ему нередко приятно, но обычно оно не переходит в длительную, особенно необходимую ему дружбу.

Он с интересом и сочувствием относится к попыткам создавать земледельческие общины, которые в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов возникали в разных местах и неизменно оканчивались более или менее быстрым развалом, но не испытывает никакого увлечения этими опытами. Выслушав рассказы одного из наиболее энергичных общинников, А. В. Алехина, о том, как быстро и твердо члены

основанной им общины проводят в жизнь свои принципы, Толстой пишет, однако, Н. Н. Ге, что после этого рассказа у него осталось «тяжелое впечатление», хотя он сам не знает вполне отчего:

«Я признаю их высоту и, как на свою, радуюсь, но что-то не то» [54].

Перспектива иметь последователей, объединенных в своего рода секту, нисколько не радует Толстого. Упомянув, в письме к Черткову, что в Ясную Поляну приезжал один из их единомышленников, Толстой пишет:

«Еще я вот что думал в связи с этим. Едет человек из Харькова от Алехиных или Полтавы или даже от вас ко мне или дальше к Новоселову, едет мимо десятка миллионов людей, считая их чужими, для того, чтобы приехать к своим единоверцам в Твери, Туле, Воронеже. Вроде того, как в городе едут господа в гости из Морской на Конюшенную, и все эти люди, среди которых они проталкиваются, не люди, а помехи, а настоящие для них люди только там на Морской или еще какой... Нет более нехристианского отношения к людям. Но для светских людей это простительно, это последовательно. Но для людей, хотящих итти за Христом, нет более антихристианского отношения — это отрицание того, что составляет сущность учения. И как настоящий час есть единственный настоящий, так и тот, который тут передо мной, человек есть настоящий, главный брат. Я грешил этим и потому это и заметил и буду стараться меньше грешить» [55].

Жизнь Толстого как будто без резких сдвигов идет по своей колее. Он не делает попыток сло-

мать установившиеся в его доме формы жизни и понимает, что безнадежно пытаться убедить в своих взглядах жену, целиком поглощенную хлопотливой и напряженной жизнью хозяйки, старающейся не упустить из поля зрения ни одной мелочи и извлечь для семьи, как можно больше, выгоды из своего состояния. Даже те события семейной жизни, которые вызывают обычно чувство радости, он переживает иначе, чем его жена, и пишет Черткову по поводу свадьбы своего сына Ильи:

«Свадьба во фраке и с певчими и „tout le tremblement“*. Удивительно, как на свете легко все делать сложно-сложно, роскошно, глупо, безнравственно, все делается само собой, а чтобы ничего не делать лишнего требуется большое усилие» [56].

Свою жизнь в семье Толстой не чувствует окрашенной в сплошной черный цвет: ее облегчает и дружба с дочерью Марьей Львовной, и отцовское чувство к маленькому сыну Ванечке, который рос привлекательным и ласковым ребенком, и ниточки личной привязанности, еще не исчезнувшие из его отношений с женою, несмотря на всю глубину их расхождения. По-прежнему он остро чувствует, в каком несоответствии находятся условия его жизни с его взглядами, и после одного из разговоров с женой делает запись в дневнике:

«Не понимает она и не понимают дети, расходуя деньги, что каждый рубль, проживаемый ими и наживаемый книгами, есть страдание,

* С громом.

позор мой. Позор пускай, но за что ослабление того действия, которое могла бы иметь проповедь истины» [57].

Тяготясь условиями своей жизни, Толстой 5 июля 1892 года пишет Черткову о своем душевном состоянии:

«Мне очень грустно весь нынешний день. Очень, очень грустно. Кажется, что запутался, живу не так, как надо (это даже наверное знаю) и выпутаться не знаю как: и направо дурно, и налево дурно, и так оставаться дурно. Одно облегчение, когда подумаешь и почувствуешь что это крест и надо нести. В чем крест, трудно сказать: в своих слабостях и в последствиях греха. И тяжело, тяжело иногда бывает».

Жизнь Черткова, в годы его пребывания в Ржевске, складывается внешне во многих отношениях более благоприятно, чем у Толстого. Черткову не только не приходилось переживать постоянное разногласие с женой в самых основах своего жизнепонимания, но он всегда мог рассчитывать на поддержку с ее стороны, и сам писал об этом в одном из своих писем:

«Мне всегда было совестно за то счастье, которое почему-то досталось на мою долю—счастье сожития с женою—сестрою по духу, товарищем и помощницей в том, в чем я, если не осуществляю, то вижу жизнь» [58].

Его маленькая дочка Оля—Люся, как ее называли в семье,—была своеобразной, живой и ласковой девочкой, и записки об ее жизни, которые писала мать, показывают, как крепко привязались к ней не только родители и бабушка, но и все обитатели Ржевска, среди которых

она росла. В апреле 1889 года у Чертковых появился еще один ребенок — на этот раз мальчик—и Толстой опять писал письма, в которых заботливо давал советы Анне Константиновне о кормлении сына:

«Радуюсь, что кормление идет хорошо. Странно писать, как бы в эту минуту не испортилось. Главное, не бойтесь и потому не волнуйтесь» [59].

Но через три месяца после рождения сына на семью Чертковых обрушилось несчастье: в два дня умерла от дизентерии их дочка.

«Мы с нею лишились больше, чем своего любимого ребенка, мы лишились маленького связующего звена и смягчающей силы между всеми нами», [60]—писал Чертков Толстому.

Эта смерть явилась очень тяжелым ударом и на долгие годы подорвала силы Анны Константиновны, и без того очень слабой физически. После смерти дочери она в продолжение нескольких лет чувствует настолько острый упадок жизненных сил, что почти непрерывно хворает и многие недели вынуждена проводить в постели.

Осенью в 1889 году Чертковы уезжают из Ржевска в Петербург, летом следующего года, в надежде, что перемена условий жизни поможет Анне Константиновне, едут на Кавказ и только в конце августа 1890 года возвращаются в Ржевск. Внешне жизнь их принимает здесь прежние формы, хотя острый упадок сил Анны Константиновны и мешает ей деятельно участвовать в редакционной работе издательства.

Чертков продолжает вести работу в Ржевске в таких условиях, которые у многих могли бы

вызвать чувство зависти. Но его не оставляет постоянное недовольство собой и своей жизнью, и в письмах к Толстому он много пишет об этом.

Стараясь по-своему строить свою жизнь, Чертков давно уж совсем отошел от той среды, в которой проходили его детство и юность. Даже самые близкие приятели его юношеских лет как будто остаются по другую сторону грани, через которую он перешагнул, и он почти совсем не переписывается с ними.

Одна из родственниц Черткова, вращающаяся в тех великосветских кругах, которые он оставил, признается ему откровенно, что ей не о чем ему писать:

«Живем мы все по-старому, как ты давно не живешь, так что и рассказывать нечего» [61].

Вместо тех людей, с которыми Чертков был связан в юности, появились новые, в той или иной степени разделяющие его взгляды и участвующие в его работе.

В Ржевске нередко, помимо постоянно живущего там сотрудника Черткова по ведению издательства, подолгу гостят люди, считающие себя единомышленниками Толстого, помогающие Черткову в переписке рукописей Толстого и в других делах. Но Чертков, так же как и Толстой, не только не стремится создать своего рода секту «толстовцев», но и нередко решительно подчеркивает, что не чувствует особенной близости к этим людям, так как новое учение часто ничего не изменяет в них по существу.

«Как я писал на днях Павлу Ивановичу, — рассказывает Чертков Толстому об одном из

своих писем к П. И. Бирюкову,—я вижу больше любви и христианства в, так сказать, язычниках, как Репин и Гаршин, общение с которыми действует на меня ободрительно в хорошем смысле слова, чем в своих, так сказать, единомышленниках» [62].

В другом письме Чертков с обычной прямотою делится с Толстым своими наблюдениями над самим собою и над другими людьми, разделяющими одно и то же учение:

«Главное, меня поражает то, что наше понимание жизни не вызывает, не усиливает даже во многих из нас (во мне даже в том числе) истинной непосредственной доброты, любви, благоволения к людям. Кто сам по себе добр между нами, тот остается добрым, а кто менее добр, тот не становится, повидимому, более добрым» [63].

Еще в ранней юности, в своих письмах к матери, и на протяжении всей своей дальнейшей жизни Чертков постоянно высказывал убеждение, что непременная правдивость должна быть одним из основных требований, предъявляемых к каждому человеку.

«Одного жажду в настоящую минуту, одного ищу, одно ценю—правду. Она одна вывозит, когда все катается. Правда—строгая к себе и любовная к людям, мягкая к людям» [64].

Правды, строгой к себе, было бесспорно много во всех высказываниях Черткова, но второе условие—сделать правду мягкой к людям—ему было гораздо труднее осуществить.

Об этом Толстой писал Черткову 17 ноября 1888 года, отвечая на одно из его писем:

«Много там хорошего и радостного—главное то, что вы строго судите себя; но есть и грустное, то, что вы не уживаетесь с людьми. Я знаю это и сам такой же и потому могу en connaissance de cause * советовать: главное, не унывать, судить себя, виниться, каяться, ломать себя опять и опять; и пройдет немного времени, оглянешься и увидишь, что лучше».

А. К. Черткова в одном из писем к Толстому сказала про своего мужа, что он имеет обыкновение говорить людям то, что о них думает «с беспощадной откровенностью». В отношении своих единомышленников Чертков считал необходимым высказывать свое мнение с особенной отчетливостью и не раз писал, что те из них, у которых новые взгляды уживаются с лицемерием и ложью перед собой и другими, хотя бы они и «приправляли» свои слова «ощущениями, мыслями и словами из неизданных сочинений Толстого», гораздо более чужды ему, чем идейные противники. Имея дело с такими людьми и говоря о них, Чертков не заботился о том, чтобы нарочито смягчать выражения и искусственно закруглять углы:

«Какой-нибудь пьяница, ворующий для прокормления своей семьи, или даже глупенький старичок митрополит, из своей кареты на каучуковых колесах благословляющий прохожих — в своем неведении гораздо выше тех, кто имеет уши, чтобы слышать, и затыкает их» [65].

Прямолинейная правдивость, соединенная с большой настойчивостью, которую проявлял

* Со знанием дела.

Чертков, добиваясь, чтобы те, кто с ним вместе работает, делали свое дело именно так, как ему представляется правильным, создавала полное отсутствие гибкости в его отношениях с людьми, и он был гораздо более одинок в своей работе, чем это можно было думать. Но связь с Толстым у него продолжала крепнуть, и он сам писал об этом Толстому:

«Моя любовь к вам мне постоянно обнаруживает то особенное свойство, вероятно, любви вообще, что она способна продолжать расти и после того, как казалось, что дальше ей расти некуда» [66].

«Как мне радостно чувствовать, когда пишу вам, что уже между нами разобщения быть не может и что вы понимаете даже то, что я не договариваю или говорю не точно. Удивительно, как без любви даже самый умный человек глупеет и попадается впросак и наоборот» [67].

Несмотря на то, что в конце восьмидесятых и в начале девяностых годов в обществе и в печати не мало уделяется внимания так называемому толстовскому движению, оно не привлекает сколько-нибудь значительного количества последователей. В бумагах Черткова сохранился составленный им в 1890 или 1891 году перечень, озаглавленный «Список лиц, иногда ошибочно именуемых „толстовцами“, чем привыкли обозначать людей, несуществующих или по крайней мере не должествующих существовать». В список этот включены единомышленники Толстого, живущие в Петербурге, в Москве и по всей стране, и, однако, он насчитывает всего около шестидесяти имен, причем

некоторые внесены туда без достаточных для этого оснований. Чертков сам констатирует малочисленность людей одинаковых с ним взглядов, но, отрицательно относясь к созданию своего рода секты, пишет об этом в одном из своих писем к А. И. Эртелю:

«Для меня, начавшего лет 15 тому назад ломать свою жизнь и браться за совершенно новую для меня деятельность, вследствие выяснившегося в моем внутреннем сознании нового отношения к жизни тогда, когда я в этом отношении был безусловно одинок, не зная ни одного человека, думавшего так, как я, какое для меня может иметь значение, много ли найдется в современном обществе людей, готовых разделять мое понимание жизни? Я понимаю жизнь так, а не иначе, не потому, чтобы я думал, что так можно успешнее влиять на людей, а просто потому, что не могу иначе понимать ее, чем так, как понимаю» [68].

В своих письмах к Толстому из Ржевска Чертков продолжает рассказывать обо всем, что его тревожит и за что он упрекает самого себя. Особенно часто он касается при этом одной стороны своей жизни, являвшейся для него постоянным источником неприятных переживаний и особенно понятной Толстому по его собственной жизни в Ясной Поляне, — противоречия между убеждениями и материальной обеспеченностью, в основе которой, в конечном счете, лежало пользование земельной собственностью, хотя бы и не принадлежавшей ему лично.

Еще уезжая в Ржевск, Чертков решил половину тех денег, которые он ежегодно получал от матери — десять тысяч рублей, — отдавать кре-

стьянам—отчасти путем содержания основанной им в свое время ремесленной школы и затрат в связи с народными изданиями, отчасти же в форме непосредственной помощи нуждающимся семьям. И в Ржевске у Черткова был одно время постоянный помощник, его друг Н. Д. Ростовцев, на обязанности которого лежала, наряду с заведыванием хозяйством хутора, материальная помощь беднейшим семьям в окрестных селах как деньгами, так и путем покупки для нуждающихся одежды, лошадей и т. д. Но Чертков отдавал себе отчет в том, что эта благотворительность ничего не меняет по существу. Еще в первые годы своей жизни в Ржевске он писал учительнице одной из соседних сельских школ, Н. Д. Кившенко:

«Роль благодетеля я не разыгрываю, так как считаю и чувствую окрестное население моим благодетелем, а не наоборот. Но роль эта в силу обстоятельств наружно навязывается мне и представляет самую тяжелую сторону здешней обстановки» [69].

С течением времени это сознание неустраненного противоречия между своими убеждениями и условиями жизни становится все более и более тягостным. Чертков не раз пишет Толстому, как мучительно создавшееся положение:

«Обстановка нашей жизни и отношение, как хозяина к наемникам, которое отравляет мои отношения к окружающим, работающим на нас,—все больше и больше меня тяготит. Иногда мне кажется, что я попал в какой-то заколдованный круг, из которого нет выхода, кроме плотской смерти, и это бывает очень мучительно» [70].

Это несоответствие между убеждениями и образом жизни создает в жизни Черткова разлад, о котором ему дружески писал в одном из своих писем А. И. Эртель:

«Твое несчастье в том, что ты своим образом жизни как бы обречен противоречить тем логическим выводам, которые вытекают из твоего образа мыслей» [71].

Чертков сам переживал этот разлад все более и более остро, и к началу 1893 года это чувство занимает все больше и больше места в его жизни. Он пишет об этом Толстому:

«Отрицая собственность, я ею пользуюсь для своей семьи. В этом то принципиальное противоречие, которое мне не дает покою. Кроме того вся моя обстановка, мое отношение к окружающим людям, меня коробят, ибо основаны на покупке чужого труда ограбленными деньгами» [72].

Толстой с большим сочувствием следит за переживаниями Черткова, но воздерживается от вмешательства тем или иным конкретным указанием. Он чувствует, что в жизни Черткова должна наступить какая-то перемена, но еще не знает, какую форму она примет, как не знает этого и сам Чертков. И читая дневники, в которых Чертков делает запись о переживаемом им душевном состоянии, Толстой пишет ему:

«Читал дневник ваш, и чтение это, как всегда, меня очень трогает и волнует. Я все так же живо понимаю и сам переживаю... Как бы я желал помочь вам в вашей духовной работе не силою, которой у меня нет, а любовью моей такой же слабости» [73].

VI

На перепутьи

Тысяча восемьсот девяносто третий год застал Черткова в состоянии острого недовольства собой и своим образом жизни, и это настроение проходит через всю его переписку с Толстым за первые месяцы этого года.

С внешней стороны многое в жизни Черткова осуществлялось успешно. Его издательская работа продолжала развиваться, и «Посредник» понемногу начинал работать на основе самоокупаемости.

Чертков задумал расширить издательскую программу выпуском новой серии книг, предназначенной для интеллигентных читателей, и серии репродукций с картин, которые были ему близки по своей идее, -«Всюду жизнь» Ярошенко, «Раздел» Максимова и т. д. Оба эти начинания энергично проводились им в жизнь.

Толстой с интересом просматривал рукописи и книги, предназначавшиеся для новой серии, и для одной из первых книг—«Этика пищи»

Х. Уильямса — написал большое предисловие, превратившееся в особую статью «Первая ступень».

Жизнь в Ржевке делалась внешне все более и более привлекательной, — разрастались молодые деревья, которыми была обсажена усадьба, хутор продолжал понемногу обстраиваться, и для всякого приезжего гостя находилось помещение в том или ином домике, где он мог поселиться, не стесняя Чертковых. Но в основе этого внешнего благополучия лежали средства, в конечном счете получавшиеся от земельной собственности, принадлежавшей матери Черткова, и это сознание переживается Чертковым с большой остротою. Он сам определяет свое душевное состояние, как кризис, и говорит об этом в своем дневнике:

«Я знаю, что теперешнее мое затруднение не случайное или легко устранимое, а самое серьезное, такое, разрешение которого должно вызвать переворот во всем моем образе жизни. В моей жизни назрел кризис. В прошлом я однажды пережил душевный кризис; теперь очевидно наступает второй» [1].

О том же самом Чертков пишет и в письмах к Толстому:

«Я нахожусь в кризисе всей своей жизни: осматриваюсь кругом, всматриваюсь в себя и чувствую, что что-то предприму, совершается какой-то переворот в моей жизни; но что именно еще не знаю» [2].

Своей матери Чертков пишет о том, что у него все определеннее складывается решение не брать у нее больше денег на жизнь, но что он

еще не знает, как построить свою жизнь на новых основаниях:

«Обстановка моей жизни и вообще вся моя деятельность ни в чем еще не изменились, и я столь же ясно чувствую необходимость спокойно разобраться в себе и что-нибудь решительное предпринять для того, чтобы моя практическая жизнь хоть сколько-нибудь близко соответствовала моей вере, а не противоречила бы ей, как теперь, начиная с самого существенного и кончая всеми мелочами... И для этого я настойчиво освобождаю себя от необходимости день за днем быть почти всецело поглощенным текущими делами „Посредника“» [3].

Но осуществить это намерение изменить в корне материальную сторону своей жизни было очень трудно, так как те условия, в которых она сложилась, находились в теснейшей связи со всем экономическим и общественным строем, их порождавшим.

Отказаться от денег, получаемых от матери, значило не только итти на семейный разлад с нею, без прямой пользы для крестьян, так как ее имение все равно управлялось бы на прежних основаниях, но и стать перед трудно разрешимым вопросом, откуда брать средства для того, чтобы вести попрежнему, не отрываясь, работу по хранению и распространению произведений Толстого, и как содержать свою семью. Государственная служба, являвшаяся обычным источником средств для людей, получивших образование, но не имевших собственности, противоречила бы убеждениям Черткова не в меньшей степени, чем пользование деньгами

матери. Занятие той или иной так называемой свободной профессией было недоступно и потому, что не было соответствующей подготовки, и оттого, что этот путь связан был для него с рядом компромиссов. Оставить все и стать простым земледельцем — было непосильно трудно не только потому, что пришлось бы отказаться от того, чтобы затрачивать свое время и силу на работу, связанную с произведениями Толстого, но и оттого, что не было соответствующих навыков; если бы даже эти навыки удалось приобрести то постоянная болезнь Анны Константиновны все таки не позволила бы возложить на нее работу, которая падает на женщину в крестьянском хозяйстве.

Напряженно думая о создавшемся положении, Чертков не раз в это время высказывает в своих письмах и в дневнике надежду, что ему удастся легче изменить условия своей жизни, если он освободится от текущих дел «Посредника» и сможет сосредоточиться на поисках выхода.

Сперва он думал лишь о том, чтобы передать бо́льшую часть дела в руки своих сотрудников, но не предполагал отказаться от самого издательства. Политический и цензурный гнет, который начинает особенно остро чувствоваться в эти годы, наводит его одно время даже на мысль ставить на обложках свое имя, как издателя, чтобы ни у кого не было представления, что он действует не вполне открыто. Чертков делится этим проектом с матерью:

«Обстоятельства теперь со всех сторон так назрели, что я вижу себя вынужденным подни-

саться под своим делом „Посредника“, обнаружить этот свой псевдоним и печатно показать, что „Посредник“ —есть не что иное, как Владимир Чертков» [4].

Вместе с тем у него нарастает острое желание на время совсем отойти от всех текущих дел издательства, взять как бы «отпуск» у самого себя, чтобы вернуться после того, как удастся так или иначе выйти из переживаемого им состояния.

Чертков пишет об этом решении Толстому 8 апреля 1893 года:

«Я же решил во что бы то ни стало оставить на время это дело, которому я принадлежал 8 лет, так как у меня „дошло“, и я должен временно освободиться от всякого порабощения и принадлежать самому себе».

Толстой с большим сочувствием следит за этими исканиями Черткова, направляет к нему в качестве помощника по делам «Посредника» П. М. Трегубова, вместо уехавшего в это время из Ржевска П. И. Горбунова, и пишет ему:

«Дай бог, чтобы вы отдохнули, с новой энергией взялись за, опять ставшее мне более близким, дело „Посредника“ и уяснили себе то, что хотите» [5].

Но простое переложение текущей работы на нового помощника не меняло дела, так как Чертков испытывает стремление не только на время отойти от этой работы, но и пустить свои силы в другое русло. Все чаще и чаще в своих письмах к Толстому он говорит о том, что чувствует потребность решительно и открыто выражать те мысли о государственной власти и о господ-

ствующей церкви, которые не только не могли быть высказаны в приемлемой для цензуры форме, но и должны были рано или поздно вызвать те или иные репрессии. Даже самое представление рукописей в цензуру он начинает считать недопустимым для себя компромиссом и пишет об этом Толстому:

«Мне стали казаться такие вещи, как то, что не следует самому представлять в цензуру произведения, так как это значит принимать участие и, вернее,—признавать и пользоваться таким злом, которое не должно бы быть»[6].

К концу лета 1893 года у Черткова намечается решение, которое должно было до известной степени поставить его жизнь в новые условия. Учитывая то обстоятельство, что издательство «Посредник» доведено уже до такого состояния, что может работать без субсидий, Чертков решает передать его в другие руки, прибавив к тому же такую денежную сумму, которая позволила бы развивать дело в ближайшие годы. Вместе с тем он предполагает попытаться зарабатывать средства для жизни путем переводов, компиляций и других литературных работ, которые он мог бы делать для этого издательства после того, как оно будет передано в распоряжение других лиц и станет материально от него независимым.

В то же самое время у Черткова складывается решение направить все силы на открытое высказывание своих взглядов относительно существующего общественного строя, построенного на эксплоатации чужого труда. Он хочет делать это, распространяя соответствующие сочине-

ния Толстого. Вместе с тем он решает протестовать против преследования всех несогласных с учением православной церкви. Он отдает себе отчет в том, к каким последствиям должен привести этот путь, и пишет Толстому:

«Хочу давать все больше и больше усиливаться во мне тому, что может так легко вызвать насильственную разлуку» [7].

Толстой неодобрительно отнесся к намерению Черткова отказаться от издательства «Посредника». Опасаясь, что это намерение приведет к закрытию издательства, Толстой писал:

«Насчет вашего намерения закрыть „Посредник“ я только одно определенно думаю, это то, что опасно и вредно всегда бывает что-нибудь предпринимать. Le non agir* надо соблюдать. А Le non agir в этом случае — не закрывание, но прекращение издательской деятельности. А еще то, что опасно делать себе простор для литературной деятельности: это такая, когда она настоящая—не от нас зависящая деятельность, что трудно предвидеть ее» [8].

Чертков осуществил свое решение передать издательство «Посредник» в другие руки, убедившись, что оно в материальном отношении сможет просуществовать самостоятельно.

В августе 1893 года он вызвал к себе в Ржевск П. И. Бирюкова и сообщил, что желает передать ему издательство «Посредник». Было решено, что ближайшим товарищем по работе Бирюкова будет И. И. Горбунов и что все дело будет перенесено в Москву. За собой Чертков

---

* Неделание.

оставил лишь выбор произведений для недавно созданной им серии изданий для интеллигентных читателей.

П. И. Бирюков, подробно ознакомившись с хозяйственными делами «Посредника», написал Черткову, что нашел их в хорошем состоянии, и принял издательство от Черткова.

Анна Константиновна Черткова писала об этом Толстому:

«Жаль и грустно, точно кто-то умер в доме: все вынесли, увезли, грустно, право» [9].

Толстой ответил ей, что и ему грустно было об этом узнать:

«Мне тоже жалко, что Владимир Григорьевич отдал „Посредник“. И не столько за „Посредник“, сколько за него. Они так родились вместе и слились, что им не следует разлучаться. Я писал о „неделании“; но „неделание“ нужно, главное, когда приписывается особенная важность деланию, а как и был „Посредник“ это было только наилучшее занятие в том неестественном и осуждаемом самим положении, в котором находился. Наилучшее употребление незаконного уже существующего досуга» [10].

В октябре Чертков решил сделать следующий шаг и написал П. И. Бирюкову, что, думая отказаться от денег, получаемых от матери, он желал бы иметь постоянную платную работу в «Посреднике» по переводам, переделкам литературных произведений и т. д. Но П. И. Бирюков ответил, что работа этого рода в таком небольшом издательстве, как «Посредник», не может дать достаточный заработок, и потому он относится к предложению Черткова «почти отри-

цательно». Далее П. И. Бирюков написал, что в соответствии с тем незначительным вознаграждением, которое получают сотрудники «Посредника», он может предложить Черткову двадцать пять рублей в месяц за четыре часа ежедневной работы по переводам и переделкам иностранных литературных произведений с тем, что в остальное время Чертков может писать для издательства за полистную плату.

Вместе с тем П. И. Бирюков напомнил Черткову, что хотел бы получить от него деньги для «Посредника», так как не вся еще сумма, обещанная Чертковым при передаче дела, выплачена:

«Я жду помощи не только литературной, но и денежной именно от тебя, потому что продажа книг еще не совершила того оборота, который может дать доход. Как же я могу обещать тебе постоянный заработок?.. Если позволишь высказать мне свое мнение, то я бы тебе советовал употребить все усилия воли и ума, чтобы устроить свою жизнь в независимости от литературного заработка, помня то, что откуда бы ни шли деньги, они всегда одинаково скверны, и потому единственным решением вопроса, при невозможности обходиться без них, будет тратить их, как можно меньше, а откуда они идут—это безразлично» [11].

Чертков считал, что вопрос, откуда идут деньги, не безразличен, но замысел жить литературным заработком он должен был признать для себя неосуществимым. Желая выполнить свое обещание и не имея в своем распоряжении денег оттого, что еще предыдущей зимой, в голод-

ный 1892 год, пришлось истратить на помощь крестьянам соседних сел около пяти тысяч рублей в счет следующего года, Чертков занял под вексель, подписанный его матерью, деньги и перевел две тысячи рублей П. И. Бирюкову.

Другое намерение—решительнее высказывать свое мнение об общественном устройстве и о действиях государственных и церковных властей Черткову удалось осуществить в значительной степени. Этому способствовало и то обстоятельство, что Толстому и Черткову пришлось непосредственно столкнуться с такими фактами, которые вызвали их глубокое возмущение и заставили их обоих так или иначе выразить свой протест.

В первых числах июля 1893 года Чертков узнал, что в воронежском дисциплинарном батальоне содержится в крайне тяжелых условиях заключенный Е. И. Дрожжин, разделяющий взгляды Толстого. Чертков навел немедленно справки, попросив съездить в Воронеж живущего у него и помогавшего ему в переписке и других работах Е. И. Попова.

Сведения, полученные о Дрожжине и о том, что творится в дисциплинарном батальоне, потребовали немедленного вмешательства в это дело.

Е. И. Дрожжин, крестьянин по происхождению, сельский учитель в Курской губернии, еще в ранней юности, благодаря знакомству с административно-ссыльными, усвоил революционные взгляды и не раз терпел неприятности от никольного начальства за открыто высказывае-

мые им убеждения, за несоблюдение пос в и свободное воспитание учеников.

В 1889 году он познакомился с жи[illegible]им в двадцати пяти верстах от его деревни князем Д. А. Хилковым, разделявшим многие взгляды Толстого, познакомился через него с учением Толстого и стал сочувствовать его убеждениям, особенно их критической стороне—отрицанию церкви и обличению государственной власти.

Через год Е. Н. Дрожжин был арестован по обвинению в том, что дал одному из крестьян революционную книжку «Сказку о четырех братьях», уволен от должности учителя, лишился отсрочки по отбыванию воинской повинности и после освобождения из тюрьмы в 1891 году был призван на военную службу. От присяги и от военной службы Дрожжин отказался, был арестован и, после неоднократного заключения в карцер, предан военному суду и приговорен к двум годам заключения в дисциплинарном батальоне.

Дисциплинарные батальоны представляли собой своеобразное сочетание военной тюрьмы и воинской части, в которой строжайшая дисциплина поддерживалась телесными наказаниями. Продолжая категорически отказываться от выполнения приказаний начальства, Дрожжин систематически подвергался заключению в сырой и темный карцер, лишению пищи и, наконец, новым судебным процессам, каждый из которых кончался увеличением срока заключения в батальонах, так что к июлю 1893 года этот срок увеличился уже до шести лет, а к концу

1893 года до десяти лет. Почти непрерывное пребывание в карцере сломило крепкое здоровье Дрожжина, и у него начал быстро развиваться туберкулез.

Узнав о положении Дрожжина, Чертков поехал в Воронеж, добился свидания с Дрожжиным, сидевшим в то время в карцере, и написал об этом деле Толстому.

В ответном письме Толстой писал Черткову: «Что Дрожжин? Страшно читать. Точно, как черкесы мучили пленных. Поучительно в том отношении, как жестокость его мучителей есть только некоторая степень жестокости всякого станового, губернатора, военного и как можно каждому дойти до этого» [12].

Чертков стал переписываться с Дрожжиным, и начал собирать материалы об его деле. В поисках выхода для облегчения положения Дрожжина он пришел к мысли написать об его положении царю.

Толстой одобрил эту мысль, ознакомившись с проектом письма, сделал несколько критических замечаний, но признал правильным основной тон письма, далекий от обычных прошений на высочайшее имя.

Чертков надеялся на посредничество своей матери, и этот расчет оказался правильным. Е. И. Черткова была хорошо знакома с генерал-адъютантом Рихтером, начальником канцелярии Александра III, и он согласился доложить письмо Черткова царю. В результате последовало распоряжение произвести освидетельствование здоровья Дрожжина и, если он окажется непригодным к военной службе, пере-

вести его в гражданскую тюрьму на тот же срок.

Но эта «милость» оказалась запоздавшей: в начале января 1894 года Дрожжин был отправлен из дисциплинарного батальона в губернскую тюрьму, а 27 января умер в тюремной больнице от туберкулеза.

Чертков задумал изложить дело Дрожжина в книжке, которая могла бы быть напечатана за границей, но затем, будучи занят другими делами, по совету Толстого передал эту работу Е. И. Попову, свободному в это время от других дел, вручив ему и свою переписку с Дрожжиным.

Толстой согласился написать для этой книги предисловие, которое выросло в довольно большую статью [13].

Одновременно с делом Дрожжина Толстой и Чертков столкнулись с другим проявлением административного произвола, совершенным не только с ведома, но и по прямому приказу царя.

Князь Д. А. Хилков, уступивший почти всю свою землю крестьянам и стремившийся жить своим трудом на небольшом хуторе, был выслан в 1892 году на пять лет в Закавказье в результате доносов местного духовенства и исправника, обвинявших его в подстрекательстве крестьян к неповиновению властям. Он был женат, но отказался венчаться. Его брак считался незаконным, и двое маленьких детей от этого брака являлись незаконнорожденными. Его жена с двумя детьми, пяти и трех лет, последовала за ним на Кавказ, и здесь в октябре

1893 года по повелению Александра III местная полиция отняла у них детей и передала их матери князи Д. А. Хилкова, заявившей, что она хочет отобрать их у родителей, чтобы дать им соответствующее воспитание, состояние и титул, которых они были бы лишены, если бы оставались у родителей.

Толстой узнал об этом из письма Хилкова в то время, когда отвечал Черткову, писавшему ему в связи с книгой «Царство божие», что, осуждая представителей государственной и церковной власти за их дела, надо все же помнить, что они иногда по-своему искренни в своих мотивах.

Отвечая Черткову, Толстой попутно сообщил ему о том, что случилось у Хилкова:

«Сейчас получил письмо от Хилкова. Его мать приехала с полицейским приставом к нему из Тифлиса и отобрала от него и его жены их детей (по высочайшему повелению), и увезла их. Разве вы не видите, как она и все те, которые причастны этому безумному жестокому делу, объясняют все это хорошими намерениями! Где тут разобрать, насколько они искренни и бескорыстны. Одно — стараться, как бы самому не связаться чем-нибудь с их делами и не стать участниками в них» [14].

Чертков узнал о случившемся с величайшим возмущением.

«Не хочу писать сейчас о своей жизни,— писал Чертков Толстому,— потому что живу напряженно, как на вулкане, а по отношению к происходящему в России как бы с бомбой в руках, и не знаю, когда ее пущу: завтра или через неко-

торое время. А может быть в ней и не будет надобности. И я не хочу отвлекаться сейчас словами о том, что́ делаю, хочу или могу делать» [15].

Чертков начал собирать материалы, относящиеся к делу Хилкова. Он обратился к нему с просьбой составить записки о своей жизни и подробно описать похищение детей, написал Толстому и его дочерям, чтобы они выслали имеющиеся у Толстого письма Хилкова, и начал переписку с женой Д. А. Хилкова, Цецилией Владимировной Винер.

У Черткова сложилось решение составить большую записку о деле Хилкова, передать ее при помощи знакомых своей матери царю и, в случае отказа в возвращении отнятых детей, опубликовать собранные им материалы за границей.

Он написал об этом Толстому и получил сочувственный ответ:

«Сейчас писал Хилкову о том, что вы хотите описать то, что сделано над ним. Это прекрасно, и вы сделаете это прекрасно. Только надо делать это поскорее. А так широко, как вы захватили, это может быть исполнено не скоро» [16].

Вместе с тем Чертков написал своей матери о том, что просит помочь Ц. В. Винер в ее хлопотах о возвращении ей детей.

Е. И. Черткова с большим сочувствием отнеслась к Ц. В. Винер, и в разговоре с генералом Рихтером попробовала позондировать почву, желая выяснить, насколько можно надеяться на благоприятный результат ее ходатайства. Но поскольку дети были отобраны на основании приказа царя, его приближенные

не допускали и тени критики его решения. Е. И. Черткова поняла, что дело безнадежно, и писала об этом сыну:

«Но, душа моя, нечего биться, как рыба об лед, чтобы в Петербурге знали всю правду об этой истории. В Петербурге, да и не в нем одном, никогда не узнают того, чего не хотят знать» [17].

Толстой, со своей стороны, старался помочь Хилкову и его жене в их хлопотах. Он составил письмо Александру III, в котором писал, что получив известие об отобрании детей от Хилковых, хотел опубликовать сообщение об этом деле в английской прессе, но затем решил, что следует попытаться обратиться непосредственно к царю, в надежде, что он отменит свое повеление [18].

Министр императорского двора, граф И. И. Воронцов-Дашков, согласился передать это письмо царю, но оно ничего не изменило в положении дела.

Тем не менее Чертков продолжал собирать материалы для задуманной им записки.

Вместе с тем Чертков задумывает другое дело, также связанное с собиранием рукописных материалов. Усиливающаяся реакция в области внутренней политики и деятельность синода, руководимого Победоносцевым, вызывают в начале девяностых годов преследования людей, уходящих из православной церкви. Преследования эти принимают разные формы — от административной ссылки до штундистских погромов на Украине. Чертков пишет Толстому в декабре 1893 года письмо о своем намерении собирать все

материалы о сектантском движении и просит его составить программу этой работы.

Толстой отвечает Черткову на это предложение:

«Трудное дело вы затеяли, но хорошее. Жатва велика, делателей мало. Программа едва ли пригодится. Как-то она принижает дело»[19].

Чертков начинает эту работу, сосредоточив ее в руках своего помощника П. М. Трегубова. Постепенно она занимает одно из первых мест в ряду его дел: из года в год собираются материалы, составившие в конце-концов значительный архив.

Выступления в связи с делами Дрожжина и Хилкова явились до известной степени новой струей в общей деятельности Толстого и Черткова. Они положили начало тому пути, идя по которому, Чертков должен был неизбежно рано или поздно вызвать против себя административные преследования. Но вместе с тем Чертков продолжал развивать свою работу, связанную с произведениями Толстого, ведя ее в тех формах, которые сложились и окрепли еще в первые годы его знакомства с Толстым.

Окончив «Царство божие», Толстой с обычным упорством начинает работать над новыми статьями. Осенью 1893 года он принимается за статью по поводу торжеств в городе Тулоне в связи с визитом русской эскадры во Францию, и эта статья, так же как и «Царство божие», вследствие цензурных препятствий не имевшая никаких шансов на издание в России, на некоторое время овладевает его вниманием. Напряженная и утомительная работа над этой статьей,

которая долго не удовлетворяла Толстого, вызывает у него на один момент желание бросить эту тему, и он пишет Черткову:

«Но с „Гулоном“ сделалось то, что он мне опротивел. Какой-то очень определенный голос говорит мне, что это не то, что осталось жить немного и такими пустяками заниматься не надо» [20].

Но уже через два дня он берет свои слова обратно:

«Я вам написал, что статья о Гулоне оттолкнула меня, и я принял это за внутренний голос. Это было очень глупо с моей стороны. Я опять ею занят, хотя хорошего в ней очень мало» [21].

Чертков отвечал Толстому, что понимает его отношение к этой работе, и делился с ним мыслями об его статьях:

«Как мне приятно было, что на письме ко мне вы думали сами с собой. Я так хорошо понимаю все, что вы думаете, когда знаю, что́ вы думаете. Так и теперь я понимал и то, почему внутренний голос отталкивал вас от статьи о Гулоне, и то, почему вы потом захотели кончить эту статью. И мне кажется, и то и другое было основательно. Я думаю, что в вашем положении следует всегда стараться высказать *все*, то что выпрашивается у вас из души, потому что я знаю и вижу, как это всегда бывает нужно людям. Но на менее существенном следовало бы не слишком долго останавливаться, а излагать как бы мимоходом, почти не перечитывая, для того, чтобы экономизировать время и труд для тщательной обработки наиболее важного. И это в вашем случае тем осуществимее, что ваше пер-

вначальное, сырое изложение ваших мыслей отличается характерными и вам одним свойственными индивидуальной непосредственностью, свежестью и силою, которая для многих читателей еще обворожительнее и своей заразительностью убедительнее иногда даже наиболее обработанных ваших писаний» [22].

Но Толстой продолжал с прежней настойчивостью работать, по много раз переделывая одно и то же место. М. Л. Толстая в начале декабря 1893 г. писала Черткову:

«„Тулон“ все это время усиленно работается. Сегодня отец подписался под ним и говорит, что кончил, но я не верю, так как он давно уже говорит это, и сейчас буду очищать ему его для работы завтра» [23].

Неверие М. Л. Толстой оказалось вполне обоснованным: статья эта, получившая в окончательной редакции название „Христианство и патриотизм“, была окончена только в марте 1894 года.

В других письмах М. Л. Толстая сообщает Черткову, что продолжает переписывать для него письма, которые пишет ее отец, и что высылает в Ржевск его черновые рукописи.

Живя в Ржевске, Чертков попрежнему активно участвует в организации переводов на иностранные языки произведений Толстого. По его настойчивому совету Толстой принимает меры для того, чтобы «Царство божие» одновременно появилось на французском, английском и немецком языках, и с этой целью в одно и то же время высылает рукопись переводчикам на эти языки. Сам Чертков переводит на английский

язык «Христианство и патриотизм» и некоторые другие статьи Толстого и постоянно переписывается с ним по делам, связанным с переводом его произведений.

Живя почти безвыездно в Ржевске, Чертков в 1891—1893 годах почти совсем не видится с Толстым, и интенсивная переписка заменяет им личное общение.

В 1893 году, несмотря на ряд общих дел, они не виделись ни разу. В начале 1894 года Чертков собирается ехать в Петербург для того, чтобы принять личное участие в хлопотах в связи с делом Хилкова, и предполагает по пути остановиться в Москве, чтобы повидаться с Толстым. Но этот план не удалось осуществить из-за болезни А. К. Чертковой: она чувствует острый упадок сил, постоянное головокружение, сердечные припадки, и одно время состояние ее вызывает опасение за ее жизнь. Чертков просит Толстого приехать к ним в Ржевск.

Толстой решил поехать к Чертковым в середине марта, но его задержало на некоторое время возвращение в Москву его сына, Льва Львовича, страдавшего в то время нервным недомоганием и лечившегося за границей.

Толстой писал об этой отсрочке Черткову:

«Не могу вам выразить, дорогой, милый друг, как я люблю вас и как желал бы быть теперь с вами. Теперь мне невозможно ехать, Лева только нынче приехал и очень слаб и жалок: говорит, что чувствует, что все кончено, что не выздоровеет и рад только тому, что умрет дома среди своих. Думаю, что это в большей степени

следствие четырех ночей в вагоне, но все-таки не могу оставить его теперь тем более, что все восстают против моей поездки. Но как бы они ни восставали, через дня два, три, когда он, как я надеюсь, окрепнет немного, я поеду, если буду жив, и буду иметь радость с вами разделить ваше горе, надежды и радость» [24].

В конце марта Толстой выехал в Ряжевск вместе с [illegible] дочерью Марией Львовной и провел у Чертковых пять дней.

Толстой писал об этих днях в письме к жене из Ряжевска:

«Я очень рад, что приехал; и он, и главное она, так искренно рады, и так мы с ними душевно близки, что обоим нам очень хорошо. Она очень жалка и мила и тверда духом. Я сейчас с ней поговорил с полчаса и вижу, что она уже устала. Приподняться на постели она даже не может сама. Сейчас приехала Лизавета Ивановна, я еще не видал ее. Я смущался сначала мыслью, что нас слишком много вдруг наехало, но тут столько домиков, что все разместились, и всем, кажется, удобно, а нам слишком хорошо. Место здесь очень красивое, постройка на полугоре, вниз идет крутой овраг и поднимается на другой стороне, поросший крупным лесом. Я сейчас ходил один гулять и набрал подснежников...» [25].

Вернувшись в Москву, Толстой написал письмо В. Г. и А. К. Чертковым, в котором писал, что эта поездка останется для него одним из дорогих воспоминаний. Вместе с тем, подводя итоги своим впечатлениям, Толстой писал:

«Все было хорошо — и ласковая и добрая Лизавета Ивановна (которой передайте мой привет и благодарность), и неизбалованный натуральный здоровый мальчик, и добродушные веселые домочадцы, но лучше всего было для меня новое более задушевное знакомство с вами, Анна Константиновна, и радость узнать то, как вы близки вашему мужу и мне. Нехорошо у вас только три вещи: 1) что вы недовольны своей жизнью, 2) что вы, Анна Константиновна, больны и 3) что вы, Владимир Григорьевич, неспокойный».

И, со своей стороны, Толстой давал советы Чертковым:

«Вам, Анна Константиновна, как можно меньше помнить о своей болезни и быть уверенной, что она не может помешать вам жить, и вам, Владимир Григорьевич, больше прощать людям, вникать в то, что приводит их к тем поступкам, к той жизни, которую вы осуждаете и которая раздражает вас» [26].

Во время пребывания Толстого в Ржевске было принято решение провести следующее лето недалеко друг от друга, и Толстой предложил Чертковым нанять для них дачу вблизи Ясной Поляны.

К концу апреля здоровье А. К. Чертковой настолько улучшилось, что для нее сделалась возможной поездка в другие места.

Толстой начинает усиленно искать дачу и, найдя подходящее помещение в деревне Дёменке, в пяти верстах от Ясной Поляны, описывает его в письме к Черткову с деловитостью опытного хозяина. Сделав чертеж осмотренной

им дачи. Толстой перечисляет ее преимущества:

«Домик стоит отдельно от деревни, в саду. На дворе сарай, амбар, изба, где живет садовник, т. е. арендатор сада. Домик совсем новенький, только что доделывается. Никто в нем не жил. Стены бревенчатые нового леса, крыт железом. Местоположение в смысле воздуха должно быть прекрасное. С одной стороны открытое поле, с другой сад плодовый и большие деревья, березы, дубы, кажется, одной аллеи. Положение красиво, уютно. В 100 саженях засека, т. е. огромный прелестный казенный лес. Цена 125 руб. ... Никого, кроме вас и садовника, во дворе жить не будет» [27].

Зная, что около Чертковых всегда живет много людей, тем более, что неизжитые барские навыки сказываются в том, что они имеют не меньше двух-трех человек прислуги, Толстой предполагает, что четырех комнат им будет мало, и предлагает сделать дополнительно плетеную клетушку. Затем он отказывается от этой мысли и вызывается купить сруб, чтобы поставить избу, которая, по его мнению, должна обойтись в сорок рублей, наконец, решает отделать дополнительное помещение в амбаре.

Софья Андреевна с досадой смотрит на эти приготовления. Еще раньше, узнав, что ее сестра Т. А. Кузминская с детьми не будет жить летом в Ясной Поляне, Софья Андреевна писала ей:

«Без вас одни посетители предвидятся - темные. А они мне до того опостылели, что иногда хочется на них какой-нибудь пистолет или мышьяк завести» [28].

Когда Толстой в поисках сруба уехал на целый день, она написала Черткову раздраженное письмо, в котором упрекала его в том, что он заставляет хлопотать Толстого.

Узнав об этом письме, Толстой писал Черткову:

«Татьяна Андреевна не будет жить у нас; вас, как поддерживающего во мне то, что ей страшно во мне, она опасается. Она боится тоже, что будет одинока. Я же имел неосторожность сказать, что у вашего Димы не так, как у Ванечки, нет игрушек. И вот она написала вам письмо. Если вы спросите меня: желает ли она, чтобы приехали, я скажу: нет; но если вы спросите: думаю ли я, что вам надо приехать?—думаю, что да. Как я ей говорил, так говорю и вам: если есть между вами что-нибудь недоброе, то надо употребить все силы, чтоб это не было и чтобы точно была любовь. И это можно и я знаю, что вы можете это и она может, и почти пришла к этому» [29].

Чертков ответил С. А. Толстой с сдержанной сдержанностью и через несколько дней приехал с семьей в Дёменку.

До 1894 года Черткову не приходилось подолгу жить в одном месте с Толстым. Он бывал у него в Москве и в Ясной Поляне наездом, лишь в течение нескольких дней. Теперь Чертковы поселились в непосредственной близости к Толстому и его семье, и это лето прошло у них в тесном общении друг с другом: по коротким записям, которые Чертков делал в своей записной книжке, в первые три недели после приезда в Дёменку, можно установить, что они видятся

в начале этого лета в среднем чаще, чем раз в два дня, причем нередко Толстой бывает в Дёменке со своими дочерьми.

Отношения с Софьей Андреевной у Черткова во время его жизни в Дёменке складываются без каких-либо острых столкновений. Когда Чертков, через несколько недель после своего приезда, тяжело захворал малярией и, не веря в медицину, отказался лечиться, Софья Андреевна даже вмешалась в это дело и со свойственной ей решительностью и стремительностью сама поехала в Тулу и привезла ему врача. И хотя в письмах Софьи Андреевны к сестре за это лето и проскальзывают нотки нерасположения к Черткову, однако, нет вражды.

Дёменка становится местом летнего пребывания Чертковых: они приезжают туда и в 1895 и в 1896 годах.

Летом 1894 года Чертков в Дёменке делает то же, что и в Ржевске - работает над переводом на английский язык статьи Толстого по поводу празднеств в Тулоне, переписывает его черновики. Толстой дает ему свой дневник, и Чертков выписывает оттуда его размышления. Толстой отмечает эту работу Черткова в своем дневнике:

«Он передал мне выписки из моего дневника, очень хорошие» [30].

Малярия, которую захватил Чертков, настолько усилилась к концу лета, что он почти не смог бывать в Ясной Поляне, и Толстой часто ездит и ходит к Чертковым в Дёменку. Когда они уезжают, Толстой пишет Анне Константиновне, что ему не хватает общения с ними:

«Очень мне, к стыду моему, грустно без вас, сердечно грустно и страшно за Цицу, не noble son *[31], а большого. Что он? Только бы был такой, как всегда, и все будет хорошо» [32].

Вернувшись в Ржевск, Чертков пишет Толстому письмо, в котором рассказывает, что переживает состояние большой слабости и душевной вялости и чувствует удовлетворение лишь, когда занимается перепиской мыслей из его дневников.

Затем Чертков вновь принимается за свою работу по переводам и сообщает Толстому:

«Я живу теперь несколько бодрее и деятельнее. Перевел и отослал в Англию вашу статью о Монтене. Вчера же окончил перевод вашей статьи о сочинении Бондарева и надеюсь сегодня ее проверить и отослать. Затем хочу взяться за вашу статью о Золя и Ал. Дюма. Компиляцию новую часть записки о Хилковых, как я вам писал, я уже закончил. Свое заключение нет» [33].

В том же письме Чертков, сообщая полученное им от матери известие о безнадежной болезни Александра III, писал, что о возвращении детей Хилкова придется, повидимому, хлопотать уже перед новым царем.

Известие это скоро подтвердилось — царь умер через несколько дней.

Вслед за тем по всей стране началась обязательная присяга населения новому царю. Толстой сделал по этому поводу запись в своем дневнике:

---

* Благородный сын.

«Хотят удержать и спасти тонущее самодержавие и посылают на выручку ему православие, но самодержавие утопит православие и само потонет еще скорее» [34].

К Толстому с требованием принести присягу не обращались. Чертков оказался в другом положении. Местные власти предъявили ему требование принести присягу и получили категорический отказ. Чертков писал об этом Толстому:

«У нас три дня подряд непрошенные гости. Сначала пристав, справиться насчет присяги; на следующий день non — приводить к присяге; а вчера — прокурор со становым, чтобы спросить, почему я отказался. Становому и прокурору я в спокойной беседе высказал все» [35].

Отказ Черткова не имел для него никаких последствий. Но у него осталось тяжелое чувство от того, что служащие на его хуторе в Ржевке, из страха перед преследованиями, принесли присягу. Отчасти под влиянием этого чувства, отчасти для того, чтобы попытаться начать хлопоты по делу Хилкова перед новым царем, Чертков в декабре 1894 года поехал вместе с семьей в Петербург, причем остановился на несколько дней в Москве, чтобы повидаться с Толстым.

В Петербурге Черткову пришлось прописаться. Считая, что паспорт, в котором он значится, как православный, дает неверные сведения, Чертков, отдавая в прописку вид на жительство, присоединил к нему заявление о том, что православным себя не считает. Черткова вызвали к градоначальнику, который сказал

ому, что подобные заявления «смущают полицейских служащих», и просил впредь их не делать, но, учитывая его великосветские связи, был вполне любезен и не стал прибегать к каким-либо административным мероприятиям.

Чертков возобновил свои хлопоты по делу Хилкова. Толстой интересовался ими, но считал, что при новом царе они так же безнадежны, как и при старом:

«Как дело? Кажется все мертво там, откуда вы ждете жизни» [36].

В другом письме Толстой писал, что от записки Черткова он не ожидает никаких последствий. Черткову не удалось дождаться в Петербурге решения его дела, и лишь в мае, вернувшись в Ржевск, он узнал, что жена Хилкова получила отказ.

Бывший товарищ Черткова по службе в лейб-гвардии конном полку, Д. Ф. Тренов, к которому Чертков обратился с просьбой о содействии, написал ему об этом и добавил, что не ждал другого решения:

«Развязка Хилковского дела меня нисколько не удивила, ибо я таковую предвидел. Слуг у царя нет, а есть только прислужники» [37].

В Петербурге Чертков получил новую рукопись Толстого.

Еще в сентябре 1894 года Толстой записал в своем дневнике:

«Утром в постели после дурной ночи продумал очень живой художественный рассказ о хозяине и работнике» [38].

В январе 1895 года рассказ был окончен, и Чертков смог его прочитать. Как всегда, он

немедленно написал Толстому о своем впечатлении:

«Вчера утром прочел рассказ и до сих пор нахожусь под самым свежим, самым резким его впечатлением. Потом, как—я знаю по опыту—со мной всегда бывает с вашими писаниями, я буду постепенно глубже проникать сознанием в смысл того, что вы сказали и отдавать себе все более и более определенный отчет в том, как оно соприкасается и в каком отношении находится с жизнью вообще и в особенности с моею» [39].

В следующем письме Чертков по обыкновению высказал Толстому несколько критических замечаний относительно этой повести, с которыми Толстой частично согласился.

В конце февраля 1895 года в семье Толстого случилось несчастие, на некоторое время отодвинувшее в сторону все заботы и все дела: в два дня от скарлатины умер его семилетний сын, любимец всей семьи, Ванечка.

Толстой написал на другой же день об этом Черткову:

«У нас тяжелое испытание, милый друг. Ванечка заболел скарлатиной и через два дня, вчера вечером, 23-го, умер» [40].

В. Г. и А. К. Чертковы послали сочувственную телеграмму, но вслед за тем Чертков написал письмо, в котором, осторожно касаясь переживаемого Толстыми горя, писал:

«Мы с Галей были совершенно поражены неожиданным известием о постигшем вас горе. Под первым впечатлением я послал вам многословную телеграмму; но потом пожалел об

этом, потому что словами нельзя определить то, что думаешь и чувствуешь в подобных случаях, и, главное, что то, что́ происходит в душе наиболее близких к умершему, гораздо глубже и значительнее всего того, что́ могут сказать люди далекие, хотя бы и самые преданные друзья» [41].

Толстой писал в ответном письме, что смерть Ванечки глубоко потрясла Софью Андреевну и вместе с тем вызвала в ней необыкновенно мягкое настроение, очень сблизив всю семью в общем горе. О том же писала Черткову и Марья Львовна:

«Ваничка соединил и сплотил нас так любовно, как никогда еще не было. Папа очень болеет за мама, которая тяжело страдает, и сам очень грустит по Ваничке. Он очень привязался к нему и любил его исключительно. Мне кажется, что он постарел и сгорбился за это время, да и сам он не совсем здоров» [42].

Толстой сам в это время не раз пишет о том, что чувствует упадок жизненных сил, как будто приближение старости, и работа у него идет менее интенсивно. Через два месяца после смерти Ванечки он пишет Черткову:

«Я очень умственно—именно умственно—не могу сказать духовно—слаб. Нет мыслей и потребности выражать их. Старость ли это—новая ступень ее—или усталость от переживаемого напряженного состояния, но чувствую изменение в себе, и только стараюсь, чтобы это изменение не изменяло главной основы» [43].

Несмотря на то, что Толстому шел в это время шестьдесят шестой год, он был все еще

далек от старости в обычном смысле слова: в этом же письме он пишет Черткову о том, что начал учиться ездить на велосипеде, посещая с этой целью манеж, и даже записывает в своем дневнике, что это занятие его «безгрешно ребячески веселит». Но в его дневниках и в письмах к Черткову чаще, чем раньше, встречаются упоминания о вялости и ослаблении трудоспособности, и хотя он по-прежнему работает много и упорно, кажется, что жизнь его начинает подходить к тому повороту, за которым виднеется старость.

В это же время—27 марта 1895 года—Толстой делает в своем дневнике и первый набросок своего завещания. Он просит похоронить его возможно более скромно, воздержавшись от речей и некрологов, и обращается к своей семье с просьбой отказаться от права собственности на произведения, написанные до 1881 года. Об отказе от авторских прав на все, написанное после этого срока, Толстой еще раньше объявил печатно сам. Вместе с тем Толстой поручал разобрать и пересмотреть все свои бумаги Софье Андреевне, В. Г. Черткову и Н. Н. Страхову и особо останавливался на поручении, которое он давал Черткову:

«Дневники моей прежней холостой жизни, выбрав из них то, что стоит того, я прошу уничтожить, точно также и в дневниках моей женатой жизни прошу уничтожить все то, обнародование чего могло бы быть неприятно кому-нибудь. Чертков обещал мне еще при жизни моей сделать это. И при его, незаслуженной мною, большой любви ко мне и большой прав-

ственной чуткости, я уверен, что он сделает это прекрасно. Дневники моей холостой жизни я прошу уничтожить не потому, что я хотел бы скрыть от людей свою дурную жизнь—жизнь моя была обычная дрянная жизнь беспринципных молодых людей,—но потому, что эти дневники, в которых я записывал только то, что мучило меня сознанием греха,—производят ложно одностороннее впечатление и представляют... а впрочем пускай остаются мои дневники, как они есть. Из них видно по крайней мере то, что, несмотря на всю пошлость и дрянность моей молодости, я все-таки не был оставлен богом и хоть под старость стал, хоть немного, понимать и любить его» [44].

За несколько месяцев до того—19 октября 1894 года—Толстой писал Черткову о том, что перечитал свой дневник 1884 года, скопированный Чертковым, и испытал очень тяжелое чувство, думая о том, как много там резких отзывов о людях и как больно им будет когда-либо это прочесть. Толстой просил Черткова уничтожить этот дневник. Чертков ответил, что дневник этот, вместе с другими наиболее важными документами, он хранит в Петербурге в условиях, исключающих возможность чтения его посторонними людьми, и просил разрешения отложить на некоторое время получение этого дневника. В ноябре Чертков написал Толстому, что перечитывал его дневники, и считает, что их следует не уничтожать, а если это необходимо, можно вычеркнуть те места, которые Толстой имеет в виду. Толстой отвечал на это письмо:

«Очень благодарен за тот просмотр дневников, который вы сделали. Непременно надо сделать, как вы говорите: замазать все эти скверные места. И то же самое сделать в других. Сделайте это пожалуйста» [45].

Лето 1895 года Чертковы опять проводили в Дёменке. Толстой в ожидании их приезда писал Черткову:

«Вы говорите, что я на вас действую ободряюще, поднимающе, так же и вы действуете на меня... Мне очень хочется работать и незаметное делаю. Но вот уже 4 месяца, как нет у меня той упорной, пристальной работы, которая была эти последние года» [46].

Но к середине июня, когда Чертковы приехали в Дёменку, Толстой понемногу входит в обычную для него колею работы, которая ему не давалась весной. Он много работает над «Воскресением» и пишет ряд больших писем, в которых излагает свои взгляды.

Живя в Дёменке и бывая часто у Толстого, Чертков летом 1895 года обратил его внимание на то, что черновики его рукописей, письма, им полученные, и другие его бумаги хранятся в Ясной Поляне недостаточно бережно и в большом беспорядке.

Чертков условился с Толстым, что предложит своему помощнику, П. М. Трегубову, который жил у него, привести в порядок архив Толстого. П. М. Трегубов прожил в Ясной Поляне до конца сентября, занимаясь этой работой.

При этом Чертков просил особо выделить свои письма к Толстому и, вернувшись в Ржевск, писал об этом Толстому:

«В Ясной Поляне я воспользовался тем, что Иван Михайлович приводил в порядок полученные вами за последние годы письма, чтобы попросить его отобрать для меня мои письма вам, что он и сделал. Я хочу сохранить их для моего сына вместо дневника на случай, если он переживет меня раньше, чем будет в таком возрасте, чтобы непосредственно понять меня и мою жизнь. Я все собирался вести дневники с целью оставить ему в объяснение того в моей жизни, что могло бы впоследствии, без объяснения, служить для него соблазном или, по крайней мере, быть непонятным ему. Но последовательно вести дневник я как-то не умею; а между тем вам мне постоянно хочется писать все, что у меня на душе. Вот я и соединяю то и другое вместе: сохраняйте мои письма, а при свиданьях я буду их отбирать и сохранять для Димочки. Когда же захочется мне делать записи, как в дневнике, то и такие листки буду посылать вам для нущего общения с вами, которое мне дорого, а вы их сохраняйте вместе с моими письмами в той же папке, которую вышлю по почте. На папке этой я подписал просьбу, чтобы никто, кроме вас, не читал ее содержимого» [47].

Жизнь вблизи Ясной Поляны в летние месяцы давала возможность Черткову в непосредственном общении с Толстым осуществлять те дела, о которых им постоянно приходилось переписываться. Поэтому летом 1895 года у него является мысль приобрести около Ясной Поляны участок земли в размере крестьянского надела и переехать туда из Ржевска.

В сентябре, вернувшись в Ржевск, Чертков ведет по этому поводу переписку с Толстым и с Марьей Львовной, но вскоре оставляет этот план.

В то самое время, когда у него явилась мысль поселиться вблизи Ясной Поляны, за границей печаталась книга Е. И. Попова «Жизнь и смерть Е. И. Дрожжина», в которой были помещены письма Дрожжина к Черткову и разоблачались жестокости, творившиеся в дисциплинарных батальонах. Жандармы уже произвели обыски у Е. И. Попова и П. И. Бирюкова, и Чертков имел основания ожидать, что скоро придет и его очередь.

Думая о своем ближайшем будущем и присматриваясь к тому, что делается в это время в России, Чертков не мог не понимать, что тот путь, на который он вступил, должен рано или поздно привести его в ссылку. Зная это, устраиваться на постоянное жительство вблизи Ясной Поляны не имело смысла.

Ожидая, что правительство примет по отношению к нему те или иные административные меры, Чертков думает одно время эмигрировать из России и за границей развернуть свою издательскую деятельность, но вскоре отказывается от этой мысли.

В сентябре 1895 года он пишет Толстому об этом проекте, анализируя мотивы, вызвавшие у него желание уехать из России. Поделившись соображениями о том, как много можно сделать за границей, организовав в Англии издательство, свободное от тех притеснений, которые делает русская цензура, Чертков пишет:

«Допускаю также, что побудительная причина, гонящая меня отсюда, может быть простым малодушием. Но вместе с тем чувствую, что, оставаясь здесь и занимаясь той издательской деятельностью, которая должна неминуемо привести меня в тюрьму и от которой вместе с тем, я чувствую, что долее воздерживаться не могу—я не чувствовал бы себя правым перед женой и сыном и все время тосковал бы в душе. Можно возразить: почему же — вместо того, чтобы всей семьей уезжать за границу, не отказаться от этой издательской деятельности, без которой жил же я столько лет до сих пор?.. Дело в том, что, живя здесь, среди удерживаемого в темноте народа, я уже долее *не был бы в состоянии* молчать, бездействовать. Даже если бы я отложил свой отъезд на одну только зиму, то я теперь же, тотчас же возобновил бы то издательское дело, которое, вероятно, через несколько недель или месяцев расторгнуло бы меня с семьей».

В приписке к этому письму Чертков добавил:

«За границу мы навряд ли поедем по своей воле. Это, кажется, была минута малодушия с моей стороны» [48].

Отвечая на это, Толстой писал Черткову об его издательских планах:

«Про дело же это скажу, что признавая то, что хорошо и должно главные силы свои направлять на то, чтобы служить мыслью и словом не нашему брату, паразитам, испорченным грехом поедания своего ближнего, а народу трудовому—я сам это особенно живо чувствую

последнее время,—признавая это, я однако не сочувствовал вашему плану, во-1-х, потому что все мои писания—говорю искренно—не стоят того—не так просто и ясно написаны, чтобы их распространять с риском больших страданий своих и близких людей, а—главное—во-2-х, что мне бы было ужасно мучительно думать, что я, мои писания были причиной или хоть поводом страданий людей самых мне дорогих и близких. Это главное. Подождите моей смерти и тогда делайте. Если бы я сидел в тюрьме или был бит, тогда бы хорошо, а то я ем кушанье на миндальном молоке, окружен теми, кого я люблю, а дорогие мне люди из-за меня будут страдать» [49].

Чертков ответил Толстому, что не может согласиться с его доводами и думает решительно распространять те его произведения, которые могут вызвать преследования со стороны властей:

«Никогда не отказывавшись от исполнения ни одной вашей просьбы, я теперь решительно отказываюсь от исполнения вашей просьбы ждать вашей смерти, которой и не желаю и не могу дожидаться» [50].

Вместе с тем у Черткова складывается план теперь же начать систематически издавать в Англии те произведения Толстого, которые не могут появиться в России.

Еще в 1894 году у Толстого и Черткова завязалась переписка с Дж. Кенворти, бывшим пастором, который в своих письмах выражал полное сочувствие учению Толстого. В своей книжке «Анатомия пищеты», присланной Тол-

стому, Кенворти высказывался против социального строя, основанного на эксплоатации трудящихся. В своих статьях он развивал взгляды, близкие Толстому, но вместе с тем не вполне отрешался от наследия, вынесенного им из англиканской церкви: кружок своих единомышленников он называл «братскою церковью», и их воскресные собрания в местечке Кройдоне, где жил Кенворти, внешне напоминали религиозные собрания в протестантских общинах.

В 1895 году Кенворти задумал организовать издательство и ежемесячный журнал, который он предлагал предоставить Толстому для помещения его статей. У Чертковых явилась мысль широко использовать это начинание. Он пишет Кенворти письмо с предложением приехать в Россию и берет на себя половину его путевых издержек.

В конце декабря 1895 года Кенворти прибывает в Москву, куда к этому времени приезжает и Чертков.

В разговоре с Толстым они вырабатывают план издательства на английском языке произведений Толстого и других книг, близких по своему содержанию, причем Толстой выражает согласие для развития деятельности издательства предоставлять ему совместно с Чертковым право первого издания своих новых статей в переводе на английский язык.

В 1896 году реакционное направление правительственной политики не только не ослабело, но даже усилилось по сравнению с предыдущим годом.

Толстому вскоре пришлось столкнуться с административными преследованиями людей, сочувствовавших его взглядам.

Женщина-врач Холевинская, жившая в Туле, получила от Татьяны Львовны рукопись одного из запрещенных цензурой произведений Толстого и дала ее для прочтения одному из тульских рабочих.

В результате у нее был произведен обыск, она была арестована и в административном порядке выслана в Астрахань.

Даже Софья Андреевна, которую нельзя было заподозрить в сочувствии идеям Толстого, была возмущена этим делом и написала своей сестре, Т. А. Кузминской, письмо, не лишенное своеобразного колорита:

«Ты знаешь, Таня, как я ненавижу всех этих так называемых толстовцев. Праздный слабый народ, вечно с чем-то борющийся и шатающийся по чужим домам (богатым больше) и живущий на чужих хлебах. Но эта Холевинская—трудящаяся, хорошая девушка, лечит бедных, ничего не пропагандирует, весь грех, что у ней Левочкины сочинения. И ее хватали, сажали в острог (дворянку, порядочную женщину), держат под присмотром полиции, делают разные грубости» [51].

Толстой написал министру внутренних дел Горемыкину и министру юстиции Муравьеву письма, в которых заявлял, что сочинения, найденные у Холевинской, получены ею из Ясной Поляны, и если они содержат что-нибудь преступное, то следует привлекать к ответственности его самого, как автора этих сочинений, а не

тех, у кого могут быть найдены копии с его рукописей.

Письмо это осталось без ответа, и Софья Андреевна писала по этому поводу в том же письме Т. А. Кузминской:

«Ни один из министров ему не ответил, но Дондуков говорил, что Муравьев высказывал, что Левочку, самого его, не тронут, а пусть ему служат наказанием те преследования, которые выносят его последователи».

Чертков находился в другом положении, чем Толстой. Еще в начале дружбы с Толстым, в 1885 году, Чертков писал Толстому:

«Я получил сведения о том, что Победоносцев думает предпринять меры из-за того, что я „направо и налево распространяю ваши рукописи, завел какие-то литографские станки“ и т. п. На вас же Победоносцев смотрит, как на известного сумасшедшего и, мне говорили, не собирается вас трогать в виду вашего положения общественного и семейного, меня же он считает деятельным распространителем вашего революционного учения и при первом случае готов меня заключить в сумасшедший дом или сослать» [52].

В июле 1896 года в Ржевске, в отсутствие Черткова, жившего с семьей в Дёменке, был произведен обыск у его помощника Трегубова, вместе с Чертковым собиравшего материалы о преследованиях, которым в разных местах России подвергались люди, отпавшие от православной церкви.

Трегубов был оставлен на свободе, но жандармы взяли у него много рукописей.

Чертков должен был ожидать, что в ближайшее время наступит его очередь. Развязка наступила в связи с движением, которое происходило в эти годы на Кавказе среди духоборцев и давно уже привлекало внимание не только Толстого и людей, разделявших его взгляды, но и более широких общественных кругов.

Еще зимой 1894 года Е. И. Попов, посещая содержавшегося в Бутырской тюрьме товарища Е. И. Дрожжина, И. Т. Изюмченко, пересылавшегося после пребывания в дисциплинарном батальоне в Сибирь, увидал за решеткой другого пересыльного арестанта, П. В. Веригина, и обратил внимание на трех посетителей в своеобразной полукрестьянской полуказацкой одежде, которые пришли к нему на свиданье. Заговорив с ними, Попов узнал, что они духоборцы и приехали для свиданья со своим вождем П. В. Веригиным, находившимся в Бутырской тюрьме, по пути из г. Шенкурска Архангельской губернии в Обдорск Тобольской губернии, куда его пересылали, чтобы в большей степени изолировать от последователей, сносившихся с ним при помощи ходоков. Попов спросил их адрес, рассказал о них Толстому, и на следующий день Толстой вместе с Поповым и Бирюковым навестил их, чтобы поговорить с ними об их убеждениях.

Секта духоборов, или духоборцев, как они сами себя называют, сконцентрированная в то время в Тифлисской губернии и в Елизаветпольской и Карской областях, куда они были выселены в сороковых годах XIX века из Таврической губернии, переживала в конце вось-

мидесятых и в девяностых годах период острого религиозного брожения.

Духоборцы издавна отвергали обряды и таинства православной церкви, отрицательно относились к власти, и в их среде еще в начале XIX века бывали отдельные случаи отказов от выполнения воинской повинности. Вождь большей части духоборцев, П. В. Веригин, высланный в 1887 году в Архангельскую губернию, познакомившись там с политическими ссыльными, получил от них неизданные сочинения Толстого, и это чтение способствовало тому, что те элементы духоборческого учения, которые являлись близкими взглядам Толстого, были выдвинуты Веригиным на первый план. Он писал в соответствующем духе письма своим последователям, не упоминая в них, однако, о Толстом. Веригин не был с ним знаком лично, и, в свою очередь, Толстой до этого времени мало знал о духоборческом движении, хотя и живо им интересовался.

В разговоре с духоборцами Толстой выяснил свое единомыслие с ними по многим пунктам, но они не сказали ему прямо, что как-раз в это время получили предписание Веригина готовиться к общему отказу от военной службы.

В мае 1895 года, незадолго до отъезда из Ржевска в Дёменку, Чертков получил от Д. А. Хилкова письмо о том, что в апреле одиннадцать солдат духоборцев, находившихся в Елизаветполе, отказались выйти на пасхальный парад и затем заявили о том, что не желают продолжать военную службу. Чертков немедленно написал об этом Толстому.

Дальнейшие письма от Хилкова сообщали, как развертывается движение среди духоборцев: число отказавшихся солдат достигло сорока человек, они были приговорены военным судом к заключению в дисциплинарном батальоне и систематически подвергались там различным наказаниям от карцера до сечения розгами из колючих ветвей акации включительно.

В июне 1895 года духоборцы, являвшиеся последователями Веригина, торжественно сожгли оружие, а запасные вернули свои воинские документы; в Тифлисской губернии духоборцы, после сожжения оружия, были окружены казаками, которые нагайками погнали их к губернатору и били их на его глазах. Затем последовали другие мероприятия — казачий постой в духоборческих селах, соединенный с различными насилиями, аресты видных духоборцев, поддерживавших Веригина.

При каждом новом известии о преследованиях духоборцев Толстой чувствовал желание вмешаться в это дело. В начале августа 1895 г. он записывает в своем дневнике:

«Было письмо от Хилкова с описанием гонений на духоборов. Я написал письмо в английские газеты» [53].

В сентябре Толстой сообщает Черткову, что посылает за границу для помещения в английских газетах статью Бирюкова о преследованиях духоборцев, сопроводив ее своим письмом, и, спрашивая мнение Черткова об этом плане, добавляет:

«Очень мне недостает вас, чтобы посоветоваться» [54].

Чертков, с своей стороны, начал собирать материалы о преследованиях, которым подвергались духоборцы, готовясь начать при помощи своих связей хлопоты для облегчения их участи. Положение духоборцев продолжало быстро ухудшаться. Около четырех тысяч духоборцев Ахалкалакского уезда Тифлисской губернии были выселены из своих селений, их дома и имущество были проданы за бесценок, а сами они расселены в горных аулах, где были обречены на безработицу и голод.

В начале 1896 года, во время своей поездки в Петербург, Чертков пытался распространять сведения о положении духоборцев в сферах, близких к правительству, но эти шаги не имели видимого успеха.

Осенью 1896 года, вернувшись из Дёменки в Рженск, Чертков, совместно с Трегубовым, составляет обращение о помощи духоборцам, думая напечатать его в английских газетах, и работает над запиской о положении духоборцев, предназначенной для раздачи представителям власти. Он посылает Толстому проект обращения к обществу о помощи духоборцам и просит внести поправки.

Толстой решил присоединиться к этому воззванию путем письма, которое Чертков мог бы распространить вместе с воззванием, и передать расселенным в горах духоборцам деньги, которые он получал от театров, как поспектакльную плату за свои произведения, и всецело отдавал на благотворительность.

«Мое участие в этом деле,—писал Толстой Черткову,—то, что я напишу вам следующее;

очень, очень сочувствую вашему воззванию. Я знал уже и прежде об ужасном положении духоборов, но не знал тех страшных подробностей о смерти одного из заключенных и о болезненности всех Ахалкалакских обществ. В особенности жалки дети. У меня есть тысяча рублей, назначенная на благотворительность. Едва ли можно найти им лучшее употребление. Напишите, куда их направить» [55].

В ноябре Чертков пишет о том, что собирается ехать в Петербург, чтобы продолжать свои хлопоты. Вместе с тем он заканчивает книгу о деле Хилкова, предназначенную для опубликования за границей, в том случае, если будет потеряна всякая надежда на возвращение детей Хилкова их родителям, но решает предварительно еще раз попытаться добиться возвращения отнятых детей, постаравшись передать рукопись этой книги для прочтения царю, хотя почти не надеется на успех.

Толстой пишет Черткову, что хотел бы его видеть, и делится с ним своим настроением:

«А все жду вас и все откладываю писать вам, надеясь все — и так много — переговорить. Нужно переговорить о воззвании и о духоборах — это главное... Я редко проводил время так праздно, и потому дурно, как эти последние недели и особенно в Москве, и праздно не весело, а праздно — уныло, тяжело. Во всех своих работах остановился и не хочется приниматься ни за одну. Нынче лучше. Тоже переживаю то, что было трудно. И когда мне трудно, мне хочется видеть вас» [56].

Чертков приехал с семьей в Москву 12 декабря и прожил там больше недели. За это время был окончательно отредактирован текст воззвания о помощи духоборцам, и Толстой написал к нему свое послесловие. Воззвание было названо «Помогите», подписано Бирюковым, Трегубовым и Чертковым и начиналось словами, которые сами по себе должны были вызвать раздражение представителей власти:

«На Кавказе теперь совершается ужасное дело. Более четырех тысяч людей страдают и умирают от голода, болезней, истощения, побоев, истязаний и других преследований русских властей» [57].

В Петербурге Чертков сразу погрузился в напряженную и хлопотливую работу: он посещает людей, которых думает использовать в связи с делом духоборцев, и заканчивает записку о положении духоборцев, которую считает нужным вручить разным представителям высшей администрации. Он пишет о себе Толстому:

«С самого дня приезда сюда я оказался запряженным в известные вам дела, ради которых я приехал, и отпрягаюсь я только для того, чтобы поесть, поспать и немного душевно развлечься, так что писать вам так, как хотелось бы, сосредоточенно и о самом важном моем внутреннем содержании я не мог и еще не могу» [58].

У Толстого не было никаких иллюзий относительно конечного исхода этих хлопот, и он отвечал Черткову:

«Знаю, что вы движимы не личным, а христианским чувством, верю, что то, что вы де-

лаете, хорошо, но с другой стороны, может быть и по своей гадкой гордости, которую переношу на вас, осуждаю эти все демарши и не жду от них добра, думаю, что энергия эта нашла бы лучшее помещение» [59].

Через несколько дней после того, как Толстой написал это письмо, опасения его оправдались в полной мере.

Первого февраля Чертков получил приглашение явиться к министру внутренних дел Горемыкину и собирался на другой день им воспользоваться, предполагая, что от него желают получить дополнительные сведения и разъяснения по делам, о которых он хлопотал в Петербурге. Но утром следующего дня в квартиру Черткова явились жандармы, произвели обыск, отобрали собранные им материалы по делу Хилкова и многие другие документы.

Чертков решил отказаться от приглашения Горемыкина и ответил ему письмом:

«Получив вчера вечером приглашение явиться к Вам, я собрался было исполнить это сегодня, предполагая, что личное мое свидание с Вами может посодействовать желательному движению некоторых дел, в которых я принимаю самое глубокое душевное участие.

«Но сегодня утром ко мне в квартиру вторглись подведомственные Вам чины и, перерыв мои бумаги, захватили и увезли с собой многие из них.

«Подобный прием обращения со мною слишком ясно показывает мне, на каких началах основано то общение, в которое Вы пожелали со мной вступить. Не считая себя нравственно

в праве с своей стороны добровольно принять участие в сношениях, вызываемых на этой почве, искренне жалею о том, что мне приходится отказать себе в том свидании с Вами, на которое я возлагал надежды в интересах дела, могущего только пользоваться сочувствием всякого сторонника добра и правды» [60].

На другой день выяснилось, зачем министр внутренних дел приглашал к себе Черткова: И. Л. Горемыкин приехал к Е. И. Чертковой и объявил ей, что, согласно воле царя, сын ее должен быть выслан и ему предлагается выбор между ссылкой в Остзейский край или высылкой за границу.

Чертков выбрал высылку за границу и получил отсрочку до 13 февраля для необходимых сборов.

Вместе с тем состоялось постановление о ссылке Бирюкова и Трегубова — первый был сослан в город Бауск Курляндской губернии, а второй в город Феллин Эстляндской губернии, оба на пять лет.

Толстой, узнав о высылке Чертковых, немедленно выехал в Петербург вместе с Софьей Андреевной, чтобы проститься с ними.

В своем дневнике он сделал запись о том, что свидание с Чертковым было радостно [61].

В письме к Д. А. Хилкову, написанном от Чертковых, Толстой писал о тех днях, которые он провел с ними:

«Совестно радоваться при разлуке с дорогими близкими людьми, но радость сближения духовного, которое произошло вследствие этого события между многими людьми, настолько превы-

шает личное горе разлуки, что до сих пор не могу вызвать в себе печали, которая приличествует этому случаю. Они все так светлы, радостны и просты, что тоже не вызывают внешних чувств сожаления. В них совершается нечто гораздо более значительное, чем та перемена места, которой их насильственно подвергают»[62].

Софья Андреевна также была захвачена общим настроением и писала Т. А. Кузминской:

«К радости моей и удивлению *все* петербургское общество в разных слоях негодует на эти ссылки и отлично понимает источник злобы. Ну да бог с ними, то место в истории, которое займут Толстой и его последователи, насколько завиднее того, которое достанется на долю разных господ в роде Победоносцева и К°...

«Проводы и прощанье Чертковых и Бирюкова с друзьями были очень трогательны и торжественны. В день приходило до 40 человек самых разных сословий и положений: и высшей аристократии и мужики, писатели, дворники, ученые, музыканты, курсистки, военные, темные, разные дамы и женщины. Кто шел на дорогу, кто бежал за покупками, кто, сидя на полу, ораторствовал, кто записывал, кто, приехав с вокзала, ел кашу или похлебку вегетарианскую»[63].

Чертковы уехали в Англию, не зная, удастся ли им когда-нибудь вернуться в Россию.

Из Англии Чертков писал матери, подводя итоги пережитому в связи с высылкой за границу:

«Это изгнание из России как-то особенно наглядно показало мне, как резко я разошелся

с тем «высшим» русским обществом, в котором я родился и к которому я причисляю все правительство вместе с малодушно или корыстно потакающей ему аристократией» [64].

Л. Н. Толстой, В. Г. Чертков и П. И. Бирюков во время приездов В. Г. и А. К. Чертковых за границу в 1897 г.

VII

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в 1897—1902 гг.

С высылкой В. Г. Черткова из России настал новый период в отношениях Толстого и Черткова. Та работа по изданию произведений Толстого и сохранению его рукописей, которую Чертков вел, живя в Ржевске, продолжала оставаться основным его делом и в Англии, но там она естественно должна была принять несколько иные формы. Внешние условия английской жизни и новый круг людей вносили новые черты в жизнь Черткова, отражались на его деятельности и сказывались в его переписке с Толстым.

В. Г. и А. К. Чертковы уехали в Англию целым домом. С ними поехала мать В. Г. Черткова, пожелавшая их проводить. Они взяли с собой двух прислуг, долгие годы живших с ними в Ржевске, —Аннушку, с ранней юности служившую в их доме, и няню их сына, Катю, и пригласили поехать с собою Альберта Шкарвана, австрийского врача, словака по нацио-

нальности, разделявшего взгляды Толстого, отказывавшегося от военной службы и гостившего у них последнее время в Ржевске.

В Англии они решили поселиться в стороне от городской суетолоки, в обособленном доме, по возможности, в сельской местности, но не далеко от Лондона, чтобы в соседстве с Кенворти можно было легче развить издательскую деятельность. Эта работа должна была явиться естественным продолжением того дела, которое Чертков вел в России.

Толстой живо интересовался всеми деталями их жизни и писал им:

«Просил бы побольше подробностей о вашем житье. Какое помещение? Где? Кто хозяева? Кто к вам ходит? Как кто проводит время? Что делаете все вы, В. Г.? Что делает Галя? Димочка? Шкарван? Катя, Анюшка? Как проходит день?»[1]

В. Г. и А. К. Чертковы подробно отвечали на вопросы Толстого, и их письма дают возможность отчетливо представить себе их новый быт.

Чертковы поселились около Лондона, в Кройдоне, небольшом и тихом городке, где жил Кенворти и имелся кружок англичан, разделявших взгляды, близкие к учению Толстого. Они сняли здесь на полгода небольшой, но просторный двухэтажный дом с садиком. Дом стоял на самой окраине города и прямо за ним шел обширный зеленый луг, на котором гуляли дети и играла в футбол молодежь.

В новых условиях жизни было много непривычного, Анюшка горько плакала, глядя на газовую плиту и вспоминая русскую печку

и плиту, которую можно было топить настоящими дровами. Чертковы писали Толстому, что с грустью думают о незатейливом домике в Дёменке, где они жили летом в последние три года перед высылкой из России. Но в общем жизнь в Англии складывалась удобно, и многое способствовало тому, чтобы начать издательскую работу.

В первых же письмах из Англии Чертков рассказывает Толстому о своих планах относительно издания его статей по-русски и по-английски. Вместе с тем Чертков немедленно принимает меры для издания того воззвания, «Помогите», которое послужило непосредственным предлогом для его высылки из России.

Толстой поддерживает постоянное общение с Чертковым после его высылки — со дня отъезда Чертковых до конца 1897 года Толстой написал ему тридцать четыре письма,—но он все же остро ощущает его отсутствие.

Марья Львовна писала Черткову про своего отца:

«Он очень чувствует ваше отсутствие, и я чувствую, что ему одиноко иногда от сознания, что вы далеко. Он всегда говорит, что расстояние не может уничтожить близости и силы духовного общения, и это, конечно, верно, и он чувствует это и по отношению к вам, но по человечески все-таки это грустно и ему. Например, вчера, как пример жестокости вашей ссылки, он сказал, что, если бы он умирал и хотел бы вас видеть и проститься с вами перед смертью, то вас не пустили бы к нему—и, говоря это, у него дрогнул голос» [2].

Толстой, уехав весною в Ясную Поляну, где так часто бывал Чертков предыдущим летом, особенно остро ощущал его отсутствие и писал ему об этом в своих письмах:

«В Ясной Поляне беспрестанно думаю о вас. Вхожу в свою комнату утром и вспоминаю чувство, которое испытывал, находя вас на диване: крошечное недовольство, что я не один, и большую радость, что вы со мной. Не знаю, как я вам помогал, но вы много раз и самыми разными способами мне помогали жить лучше» [3].

«Беспрестанно теперь в Ясной Поляне чувствую вас. Пойду ли купаться, поеду ли верхом, сижу ли за обедом на террасе, а вы или шутите или серьезно и очень серьезно говорите что-нибудь с мальчиками. Вообще чувствую, как вас люблю и как много радости вы прибавляли в моей жизни» [4].

Высылка Черткова была особенно чувствительна Толстому оттого, что в это время он чувствовал себя в своей семье еще более одиноким, чем раньше.

Многое изменилось в доме Толстого за те четырнадцать лет, которые прошли с 1883 года, когда он познакомился с Чертковым. Три старших сына имели уже свои семьи и жили своей жизнью и своими интересами. Двое младших вырастали непутевыми дворянскими сынками; несмотря на все усилия их репетиторов им не давалось учение, и у них не было никаких интересов в области умственной жизни, но зато рано проснулся вкус к легким удовольствиям, огорчавшим их отца и мать.

Две старшие дочери — Татьяна Львовна и особенно Марья Львовна — были близки Толстому и охотно помогали ему в работе. Толстой знал, что в тяжелую минуту он может встретить у Марьи Львовны полное понимание и сам писал ей об этом:

«Милая Маша, хотя когда ты тут, я редко говорю с тобой, теперь, когда мне очень скверно на душе, хочется твоего сочувствия. Из всех семейных ты одна, как ни сильна твоя личная жизнь и ее требования, ты одна вполне понимаешь, чувствуешь меня» [5].

Но у обеих его дочерей в это время с большой силой проснулось стремление к своей собственной личной жизни, желание иметь свою семью, и Толстой ясно видел, как это чувство отодвигает для них на второй план все остальное и усиливает его одиночество. Чертков знал об этом и указывал на это дочерям Толстого.

Марья Львовна писала ему в ответ:

«Спасибо за то, что сказали нам о том, что говорил папа, о том, что он один тянет за веревку. Это было для меня неожиданно и ужасно больно. Это так незаметно подкралось, но это правда. Я немного говорила Гале о своем душевном состоянии, о той личной жизни, которой мне вдруг захотелось, и желание которой захватило меня, и от этого духовная жизнь замерла, и я распустилась. Мне кажется, что это произошло от того, что я перестала итти своим путем, а захотела итти другим, более легким» [6].

Уезжая за границу, Чертков с тревогой думал о том, что дочери Толстого, поглощенные своей личной жизнью, продолжают от него отходить.

и писал об этом Татьяне Львовне. На это письмо отвечала ему Марья Львовна:

«Я чувствую в вашем письме к Тане страх того, что мы можем оставить папа одиноким, и это очень тронуло меня. Правда, мы обе последнее время живем очень личной жизнью, но мне кажется, что для обеих нас на первом плане всегда стоит папа, и зная, что это лучшее в нас, мы никогда не отойдем от него так, чтобы он не чувствовал нашей любви и нашего полного духовного сочувствия ему и единения с ним»[7].

Меньше чем через три месяца после этого письма Марья Львовна вышла замуж за князя Н. Л. Оболенского, несмотря на то, что ее браку не сочувствовали отец и мать. И хотя ее отношения с отцом остались близкими, все же жизнь ее пошла своим путем, и она зажила своим домом, лишь время от время гостя в Ясной Поляне. Татьяна Львовна вышла замуж несколько позднее, но уже в 1897 году Толстой ясно видел, что ее отношения с М. С. Сухотиным, заполонившие ее внимание, клонятся к браку, и предчувствовал, что скоро и она оставит свой дом.

Младшая дочь Толстого, тринадцатилетняя Саша, живая и непокорная девочка с мальчишескими ухватками, из-за которых ей постоянно попадало от Софьи Андреевны, находившей, что она плохо усваивает манеры благовоспитанной девочки из хорошего дома, росла в постоянной оппозиции к матери, но была еще слишком мала для того, чтобы заменить отцу своих старших сестер.

Софья Андреевна попрежнему крепко держала в руках все хозяйственные дела Ясной Поляны, объяснялась с начальством учебных заведений, в которых плохо учились ее младшие сыновья, делала и принимала визиты, правила корректуры собрания сочинений Толстого, выходившие в ее издании, и вместе с тем вникала в каждую мелочь домашнего обихода.

«В мытье тоже толстое белье не выгодно,— писала Софья Андреевна своей сестре,— оно рвется скорее и мыла требует больше. Я это давно постигла. На ночные рубашки тоже надо купить в 40 копеек, хотя постараюсь в 38 копеек» [8].

Но она уже в значительной степени несла весь этот труд точно по инерции, чувствовала, что дом ее пустеет, и ее усилия во многом теряют свой смысл.

Еще в 1894 году Толстой записывал в своем дневнике:

«Положение наших детей очень дурно: нравственного авторитета нет никакого. Соня разрушает старательно мой, а на место его ставит свои комические требования приличия, выше которых им легко стать. Жалко и их и ее. Ее мне особенно жалко стало последнее время. Она видит, что все, что она делала, было не то и не привело ни к чему хорошему» [9].

Попрежнему заполняя свою жизнь всевозможными хлопотами, Софья Андреевна все же временами сама чувствовала, что эта громадная затрата сил в значительной степени остается бесплодной.

Весной 1897 года она писала своей сестре.

«Как наступает весна—томление мое усиливается, мне страстно хочется опять ждать весны и вашего приезда—и вместо этого видишь пустоту, все бóльшую вокруг себя, а себя чувствуешь старым корявым, облетевшим деревом, которое, когда-то пышное с густой листвой и цветущее, росло бодро и весело. По правде сказать, кроме горя, осложнения и всякой пустоты—ничего с годами мне жизнь не дает» [10].

Но несмотря на это, жизнь ее идет прежним путем, и чувство неудовлетворенности сказывается лишь в возрастающей раздражительности, на которую она сама иногда жалуется в письмах к своей сестре.

И как бы подводя итоги тому, что делается в доме Толстых, Марья Львовна летом 1897 года писала А. К. Чертковой:

«В Ясной грустно. Каждый переживает отдельно свои личные тяжести, и чувствуется, что все одиноки и грустны. Папа много пишет, всё статьи об искусстве, подписывался уже, но, конечно, продолжает работать, одно время он так работал, что трое—мама, Таня и Марья Васильевна не поспевали за ним... Папа очень грустен все это время и мне кажется, что ему одиноко» [11].

В тот самый день, когда Марья Львовна писала это письмо, Толстой, думая о своей жизни в семье за последние годы, пришел к выводу, что дальше так жить нельзя и надо уйти из дома.

Еще 12 января 1897 года Толстой писал Черткову:

«Я пишу вам нынче особенно потому, что мне очень тяжело и одиноко. Маши нет и никого нет

такого, как вы и Поша, кому хотелось бы излить душу, пожаловаться, попросить участия, сострадания. Жизнь, окружающая меня, становится все безумнее и безумнее: еда, наряды, игра всякого рода, суета, шутки, швыряние денег, живя среди нищеты и угнетения, и больше ничего. И остановить это, обличить, усовестить нет никакой возможности. Глухие скорее услышат, чем кричащие, не переставая. И мне ужасно, ужасно тяжело... В хорошие минуты говорю себе—то, что со мной, это мне нужно, что так нужно дожить до смерти,—а потом опять возмущение и желание и упрек, зачем не дано мне хоть перед смертью пожить хоть год, хоть месяц, свойственной мне жизнью, вне той лжи, в которой я не только живу, но участвую и утопаю».

8 июля Толстой написал Софье Андреевне большое письмо, после его смерти не раз воспроизводившееся в печати [12], в котором писал, что с годами ему все тяжелее становится несоответствие той жизни, которую ему приходится вести, с его убеждениями, и все больше необходимо уединение. Объясняя свое намерение уйти, он писал жене, что ни в чем ее не обвиняет, так как она не могла изменить свою жизнь ради того, что́ было ей чуждо и непонятно, но и сам он не мог и не может думать иначе, чем это требуют его убеждения. И благодаря Софью Андреевну за то самоотвержение, с которым она отдавала свои силы семье, Толстой писал, что просит примириться с его уходом, не искать его и не осуждать. Е.

Толстой не осуществил своего намерения и

остановился перед решительным разрывом. Он запечатал конверт и передал его своему зятю Н. Л. Оболенскому с просьбой вручить письмо Софье Андреевне после его смерти.

Оставаясь в семье, он прибегал к тому средству, которым усиленно пользовался в предыдущие годы и о котором незадолго до того писал своему брату Сергею Николаевичу Толстому:

«Живя в этой безобразной жизни, единственное успокоение это уйти с головой на 4 — 5 часов в день в свою работу, которую считаешь не бесполезной» [13].

Сам упорно работая и каждый день проводя по нескольку часов за письменным столом, Толстой считал, что регулярный труд необходим и для того, чтобы не поддаваться унынию и расслабляющему влиянию праздности. Через два месяца после высылки Черткова, Толстой писал Черткову:

«Ужасно я боюсь за то, что у всех ваших будет мало дела и неопределенное дело, и позволяю себе советовать, как можно стараться устроить себя в хомут, не брезгуя никакими делами. Это особенно важно на чужбине».

Вскоре после отъезда Чертковых Толстой высказывал и другое опасение:

«Я очень боюсь что вы испортитесь в Англии. Сейчас получил „Review of Review“—читал и так повеяло на меня этой удивительной английской самодовольной тупостью, что перенесся в вас и подумал о том, как вы с ними будете сходиться. Это я думаю про всех, кроме того маленького кружка свободных людей, среди которых вы живете или можете жить. Когда

у нас сталкиваешься и узнаешь про дикость и мыслей и чувств, то приписываешь это нашему режиму, а там у вас становишься втупик: зачем?» [14].

Чертков отвечал на это письмо Толстому: «Не английских общественных софизмов боюсь я: я не чувствую в себе недостатка в разборчивости в этом отношении... Но я ужасно боюсь, как бы это постоянное пребывание в полном противоречии с моими убеждениями в сфере материальной жизни, одинаковое и в Ржевске, и в Петербурге, и в Чёменке, и в Кройдоне, не притупило моей потребности так или иначе выбраться из моего преступного положения» [15].

В первые же недели после приезда в Англию Чертков начал подготавливать почву для той деятельности, к которой он хотел приступить. В молодости — в 1879 году — Чертков, приехав в Англию, остановился в доме русского посла и завязал знакомства в тесном кругу английской аристократии. Теперь он знакомится, с одной стороны, с русскими политическими эмигрантами, которые могли дать ему ряд полезных советов при организации печатания на русском языке произведений, которые нельзя было издавать в России, с другой стороны, с кружком англичан, объединявшихся вокруг Кенворти, в большей или меньшей степени сочувствовавших взглядам Толстого. Он навещает организованную ими в двух часах езды от Лондона, в Эссексе, колонию, где поселилось несколько человек, стремившихся к упрощению жизни и к работе на земле, и делится с Толстым своими впечатлениями.

В одном из первых писем к Толстому из Англии Чертков сообщает о знакомстве с Феликсом Волховским, редактором революционного издания «Летучие листки», в другом—о знакомстве с П. А. Кропоткиным.

Как и следовало ожидать, с новыми знакомыми Чертков вел не только разговоры о том, как выпускать в Англии русские издания, но и споры на принципиальные темы.

Отзвук этих споров сохранился в письме, которое написал Кропоткин Черткову после одной из таких бесед:

«Если бы вам удалось соединить большое количество людей—большое непременно, которые во имя общечеловеческой поруки (религия *разъединяет* людей, только чувство общечеловеческой солидарности может объединить их), рискуя положением, спокойствием, свободой и жизнью, если надо будет (опять-таки необходимое условие), подняли голос против *всякого* насилия сверху—экономического, политического и нравственного,—тогда насилие снизу, как самоотверженный протест против насилия сверху, все менее и менее становилось бы необходимым. Пока этого нет, насилие снизу останется фактором прогресса нравственного... Человечество всегда двигалось только *актуальными* силами, которые вы и пытаетесь создать. Удастся ли вам сплотить эти силы—не знаю; думаю, что нет» [16].

Пересылая это письмо, Чертков сообщал Толстому свои впечатления от знакомства с Кропоткиным.

«Он человек очень симпатичный, искренний,

горячий и трогателен своею непосредственной добротою, которою так и отдает от него» [17].

Толстой ответил, что письмо Кропоткина ему очень понравилось, но, разумеется, не согласился с его аргументацией.

«Его аргументы в пользу насилия мне представляются не выражением убеждения, но только верности тому знамени, под которым он честно прослужил свою жизнь» [18].

При содействии новых знакомых Чертков приступил к печатанию ряда изданий на русском языке. Первым выпуском вышла статья Черткова, написанная в 1896 году «Напрасная жестокость. О том, нужно ли и выгодно ли для правительства делать мучеников из людей, по своим религиозным убеждениям не могущих участвовать в военной службе», затем последовали другие книжки. Всего в 1897 году было выпущено на русском языке девять изданий, в том числе «Царство божие», а в следующем году отпечатан был уже первый каталог нового издательства [19].

Вместе с тем в первые же месяцы после приезда в Англию Чертков задумывает выпускать здесь периодическое издание.

Еще в 1894 году единомышленники Толстого начали время от времени переписывать на пишущей машинке и распространять в своем кругу выходивший по мере накопления материала сборник под названием «Архив Л. Н. Толстого», в котором помещались некоторые имеющие общий интерес письма, получаемые Толстым от людей, разделяющих его взгляды, некоторые статьи, известия о распространении взглядов

Толстого за границей и тому подобные сведе-
ни

оселившись в Англии, Чертков уже 16 апреля 1897 года пишет Толстому, что он думает выпускать это издание за границей и просит высылать ему материалы. Но выполнение этого намерения ему пришлось отложить из-за других дел, и оно получило осуществление лишь в 1898 году в форме издания «Листков свободного слова», а затем в виде журнала «Свободное слово».

Одновременно с русскими изданиями Чертков начал работу по выпуску английских изданий.

Эту работу Чертков ведет в двух направлениях: он сам переводит некоторые статьи Толстого, в частности, вскоре после приезда в Англию начинает работать над переводом «Христианского учения», и вместе с тем принимает участие в организации английского издательства, которое должно было выпускать произведения Толстого и другие книги, соответствующие взглядам Толстого.

Еще в декабре 1895 года, устраивая поездку Кенворти в Россию, Чертков имел в виду план создания за границей издательства, которое он в переписке с Толстым условно называл «международным Посредником», и содействовал тому, что Толстой дал обещание Кенворти предоставить ему возможность первому выпускать в переводе на английский язык свои произведения. Теперь Чертков вместе с Кенворти и с другими лицами вошел в состав участников этого издательского товарищества

«Brotherhood Publishing Company» («Братское книгоиздательство»).

В начале мая 1897 года Чертков пишет об этом Толстому, прося направлять на его имя первую копию новых статей, не давая их другим переводчикам до выхода в свет на английском языке, как это было обещано Кейворти. В то же время Чертков просил у Толстого разрешения издать по-английски «Христианское учение», которое сам Толстой считал неоконченным. Не получая ответа на это письмо, Чертков повторил свои вопросы:

«Я спрашивал вас о том, разрешите ли вы издать здесь ваше „Христианское учение“, о чем просят все наши здешние друзья, от которых было бы жестоко удержать возможность более внимательного изучения и распространения этой нужной всем книги? При этом я предлагал от себя сделать, в виде предисловия от издателя, оговорку о том, что работу эту вы считаете неудовлетворительной и хотите вновь написать, но *пока* согласились допустить издание этой версии, не решаясь отказать настойчивым просьбам ваших друзей. Спрашивал, даете ли мне „carte blanche“ издавать отделы из „свода“ ваших мыслей, собранных из разных источников и из дневников, доверяясь моему такту? Согласны ли присылать мне список каждого вашего нового писания и уже к нам сюда направлять всех переводчиков, причем я сообщал вам, как это важно для поддержки начатка международного „Посредника“.

Вместе с тем Чертков настойчиво просил Толстого своевременно отвечать на его письма:

«А то не могу вам высказать, как тяжело и больно чувствовать, что нить нашего письменного общения как будто обрывается и, написав вам письмо, уже никогда не узнаешь, получили ли вы его, как будто кинул его в бездонную бочку. А между тем без получения точных ответов на все эти вопросы, которые вам могут казаться ничтожными, прекращается для меня всякая механическая возможность доводить до конца, до настоящего результата, те свои и моих друзей работы над вашими писаниями, которым мы посвящаем столько времени труда и, главное, души» [20].

Получив это письмо, Толстой поспешил ответить на вопросы Черткова:

«Разумеется: да, да, да. Распространяйте „Христианское учение" с тем предисловием, которое вы предложили, издавайте выдержки из писем и дневников. Вы знаете, что я всегда так отношусь к своим писаниям, кто бы ни занялся ими; по отношению же вас, вы знаете, что я верю вам, и мне радостно, когда вы это делаете, потому что знаю, что вы делаете это с преувеличенным вниманием и уважением и, главное, не преувеличенною, а драгоценною любовью к тому, что во всем этом есть хорошего. Все, что напишу, непременно пришлю прежде всего вам» [21].

Для английского издательского товарищества, в котором Чертков участвовал вместе с Кейворти и другими лицами, обещание Толстого передавать свои новые статьи прежде всего Черткову имело особенное значение: оно не только обеспечивало тщательную работу над

переводом, но и должно было доставить некоторую материальную поддержку. Средств у издательства не было, и его издательская программа сама по себе была не такова, чтобы обеспечить безубыточное ведение работы. Согласно воле Толстого все его произведения немедленно после опубликования становились общим достоянием, любой издатель мог их переводить и перепечатывать, и новое небольшое издательство не могло, разумеется, конкурировать в этом отношении с крупными издательствами. Оно могло получить некоторый доход лишь от первого издания новых произведений Толстого. К тому же издательства коммерческого характера работали гораздо быстрее — они нередко давали не столько точный перевод, требовавший кропотливой работы, сколько вольный пересказ новых статей Толстого, который можно было изготовить иногда в несколько дней. Поэтому Чертков мог рассчитывать на то, что ему удастся опубликовывать новые произведения Толстого в переводах, выходящих под его наблюдением, лишь в том случае, если бы он получал статьи Толстого до издания их по русски, с тем чтобы они выходили одновременно и в России и в Англии.

Но осуществить этот план издания переводов произведений Толстого оказалось труднее, чем можно было думать. Чертков мог убедиться в этом на первом же опыте—при издании перевода статьи Толстого «Что такое искусство».

Толстой усиленно работал над этой статьей с начала 1897 года и в своих письмах рассказывал, как подвигается эта работа.

Как это обычно бывало у Толстого, в начале работа ему не давалась, но по мере того, как он углублялся в нее, она захватывала его все больше и больше.

В письме к своему брату, С. Н. Толстому, 22 февраля 1897 года, Толстой писал:

«Пишу об искусстве и работа подвигается плохо, а работа интересная и которую ты наверно одобришь, потому что найдешь в ней много своих мыслей».

Но уже через месяц он погрузился в свою работу настолько, что она начала его увлекать и радовать. М. Л. Толстая писала об этом Черткову:

«Папа здоров, бодр и очень много пишет свою статью об искусстве, говорит, что чувствует, что подходит к концу этой работы и радуется этому. Последние дни после писания он приходит очень веселый, шутит, подпрыгивает—и это всегда признак того, что ему хорошо работалось и что много переписки, чему я всегда радуюсь. Он говорит, что многое, многое надо и хочется сказать, и боится, что не успеет, времени и сил мало» [22].

В конце апреля Толстой, рассказывая Черткову о тяжелом настроении, которое в то время переживал, отмечал, что работа все же подвигается вперед и близится конец:

«Не скажу, что б был упадок духа, потому что, когда спрошу себя: кто я? зачем я?—отвечаю себе удовлетворительно, но нет энергии. Чувствую, что лилипутские волоски накладываются на меня и все меньше и меньше предприимчивости и деятельности. Все работаю—совестно говорить такое слово—вожусь с

статьей об искусстве, и вижу уже не только конец, но вижу только lacunes пустые места, которые надо заполнить. Без ложной скромности думаю, что будет не хорошо, то-есть не то, что дурно, а хорошего ничего не будет, хотя и не раскаиваюсь, что написал, и думаю, что нужно было это сделать. Ни писем, ни дневника вот уж месяц не пишу» [23].

Через несколько дней Толстой писал Черткову, поясняя, отчего забросил свой дневник и переписку:

«Не отвечаю я на письма и не пишу дневник, потому что чувствую себя всю нынешнюю зиму и теперь—весну—особенно временами, очень слабым. Только хватает энергии уметренной на утреннюю работу об искусстве. Не могу оторваться от нее и думаю, что кончаю. Особенно важного в ней не будет, но без ложной скромности скажу, что будет кое-что новое и отрицательное, обличительное, и положительное» [24].

Чем больше приближалась к концу эта работа, тем сильнее она захватывала Толстого. Несмотря на тягостные переживания, выливпиеся в его письме к Софье Андреевне от 8 июля, в котором он писал ей о том, что должен будет уйти из своего дома, Толстой продолжает усиленно работать над своей статьей и уже 12 июля пишет Черткову:

«Не знаю, что со мной сделалось, не могу ничем иным заниматься, как только моей статьей об искусстве. Так как она кончена, и теперь только прикладываю последний coup de main *,

* Делаю последний штрих.

то не могу ни о чем другом думать. Хочется поскорее освободиться. Иногда мне кажется, что очень хорошо, но чаще кажется, что ничтожно, что я не имею права свои последние силы класть на такое неважное дело, хочется делать другое, а я не могу оторваться от этого».

Получив это письмо, Чертков сообщил Толстому, что уже все подготовлено для немедленного перевода его статьи на английский язык, и еще раз напоминал о том, что успех работы организованного в Англии издательства зависит от того, будет ли ему предоставлено право первого перевода новых статей Толстого:

«Если поэтому статья эта будет целиком или по частям печататься по-русски в России, то поставьте непременным условием, чтобы издатель *никому* не давал корректур до выхода статьи, а то они могут, как раз уже было со мною, попасть в руки предприимчивого и скорописного переводчика, который где-нибудь успеет выпустить свой спешный перевод, который в таком случае, как бы неточен он ни был, закроет все двери для нашего тщательного и точного. Во всяком случае в интересах дела нашего международного «Посредника» желательно, чтобы, как я вам уже писал, *все* переводчики, обращающиеся к вам, были направлены ко мне сюда и чтобы ни одному из них вы не давали списка помимо меня. А также, чтобы я получил от вас рукопись для перевода, по крайней мере, недели *за три* до не только ее напечатания в России, но даже до ее распространения частным путем» [25].

Толстой подтвердил свое решение направлять свои рукописи, предназначенные для перевода, прежде всего Черткову:

«В том, что все мои писания поступят прежде всего к вам и вы будут распоряжаться переводами и изданиями, не может быть сомнения [26].

Было решено, что английский перевод будет предоставлен переводчику А. Ф. Моуду, который в то время, вместе с Чертковым и Кенворти, был одним из участников организованного ими издательства и согласился переводить для него эту статью.

Но и сам Толстой и Чертков недостаточно учитывали свойственное Толстому обыкновение вносить различные поправки в свои писания уже после того, как он считал их законченными, и подвергать их существенным изменениям даже в корректуре. Поэтому даже предоставляя рукопись своей статьи для перевода раньше, чем она передавалась для издания в России, Толстой продолжал ее изменять и неизбежно замедлял перевод. Русский издатель получал возможность выпустить ее скорее, так как мог быстрее вносить в нее поправки, чем английский, который не мог приступить к печатанию до тех пор, пока в переводе не будут сделаны те поправки, какие Толстой делал даже в корректурах русского текста. На этой почве неизбежно должны были возникнуть недоразумения.

Толстой переслал первую часть своей статьи Моуду, который начал усиленно работать над ее переводом, списываясь с Толстым относительно отдельных неясных выражений и добиваясь точной передачи подлинника.

Первое русское издание этой статьи Толстой предоставил Н. Я. Гроту, который должен был печатать ее в журнале «Вопросы философии и психологии».

Начав вносить поправки в свою статью, Толстой перестал посылать ее продолжение Мооду, предложив Гроту высылать корректуры с авторской правкой в Англию. Но эта мера вызывала замедление в печатании этой статьи в России и в то же время не давала необходимого срока для заблаговременного перевода ее в Англии.

Грот, не получив согласия на печатание уже набранных глав статьи в ноябрьской декабрьской книжке журнала, с тем чтобы остальные главы печатать в первой книжке следующего года, послал Толстому резкое письмо, в котором писал:

«Я предлагал разделить статью с точки зрения „литературной", а Вы мне пишете о каком-то английском переводчике, до которого мне нет дела. Разве у Вас с ним контракт?» [27].

Чертков, с своей стороны, писал Толстому о том, что промедление с высылкой продолжения этой статьи Мооду делает невозможным одновременное печатание этой статьи в России и за границей и подрывает все расчеты, связанные с ее изданием:

«Мы, рассчитывая на ваше обещание предоставить нам возможность первого издания всех ваших *новых* писаний в интересах нашего издательского дела, надеялись, что эта книга окажет нам подмогу в материальном отношении; а сторона эта до сих пор представляет один убыток и вследствие дефицита в кассе мы ничего не

моком издавать из того, что хотелось бы и что нужно было бы в интересах нашего дела... Таким образом оказывается, что весь этот план первоначального издания нами ваших новых писаний был только мечтой, а на деле продолжают эту выгоду получать те, кто ближе к вам, кто во время оказываются налицо и больше пристают к вам. Если бы вы знали, сколько труда и времени приходится здесь тратить с изданием ваших писаний и как убыточно все это было до сих пор» [28].

Софья Андреевна, недовольная тем, что Толстой не печатает свое новое произведение прежде всего в ее издании, с своей стороны упрекала его за это.

Толстой оказался между несколькими огнями и писал Черткову:

«Сейчас получил ваше сердитое письмо, милый друг, Владимир Григорьевич. Я совершенно понимаю вас, но жалею, что вы не имеете доверия ко мне, что я сделаю все так, чтобы было как можно выгоднее для вашего — нашего дела. Сначала я хотел напечатать всю книгу сразу и тогда устроил бы так, чтобы она одновременно вышла бы в России и Англии, теперь же, решив отдать первые главы в „Вопросы философии", я все-таки сделаю так, чтобы эти первые главы (вероятно, до 5-й включительно) вышли бы одновременно в Англии и в России. Я писал об этом Мооду и жду ответа.

«Удивительней всего, что здесь на меня сердятся за то, что я непременным условием печатания в России ставил то, чтобы в Англии вышло прежде (Грот из себя выходит за это и писал

неприятности), а вы на меня сердитесь за то, что здесь печатается, как вам кажется, в ущерб вашему изданию. Как много легче поступать, как все, не стараясь поступать лучше. Пока я печатал за деньги, печатание всякого сочинения была радость; с тех пор же как я перестал брать деньги, печатание всякого сочинения есть род страдания. Я так и жду: и от семьи, и от друзей, и от всяких издателей».

И в конце письма, смягчая свои слова, Толстой писал:

«Ну так вы, пожалуйста, не сердитесь; я помню интересы вашего—нашего издательства и ревниво защищаю и забочусь о них. Завтра напишу еще. Вы же поскорее известите меня: согласны ли вы отдать 5 глав в журнал и когда они выйдут, чтобы я по этому определил выход русского. Очень, очень вас любящий, об вас всегда думающий Л. Толстой» [29].

Письмо это отчетливо показало Черткову, в каком трудном положении оказался Толстой.

Упрекая себя, Чертков ответил Толстому:

«Простите меня, мой дорогой друг, простите мою невнимательность к вам. Именно невнимательность. По случаю этого чудовищного для меня события—того, что *я*, любя вас и ценя вас так, как я люблю и ценю вас, мог увеличить те неприятности и огорчения, которым вы подвергаетесь,—по случаю этого все думаю про себя весь вечер... Это урок, который я не забуду и который мне послужит на пользу... Создаешь перед собой какие-то дела, предприятия, планы, отдаешься им всей душой и из-за них не видишь того, что́ только и есть действи-

тельного в жизни—души того человека, с которым имеешь дело, забываешь ту душу, которую любишь больше своей» [30].

Вместе с тем Чертков писал, что хочет, доведя до конца издание книги Толстого об искусстве, выйти затем из числа членов издательства, ограничиваясь в дальнейшем редактированием переводов произведений Толстого, так как практическое дело, связанное с материальными затруднениями, может вновь поставить его в такое же неприятное положение.

Первые пять глав статьи Толстого появились на русском языке раньше, чем по-английски, и Толстой, написав о том, как досадно ему, что он не смог осуществить свое обещание выпустить текст на обоих языках одновременно, предложил Черткову печатать их по-английски вместе с второй половиной книги, которая по его предположению не могла быть пропущена без изменений русской цензурой. При этом он предложил написать, с своей стороны, предисловие для английского издания, разъясняющее, что оно полнее, чем русское.

Вместе с тем Толстой мог убедиться, насколько основательны опасения Черткова, что переводчики, пользуясь тем, что опубликованные произведения Толстого являются общим достоянием, будут переводить его статью спешно и небрежно.

В середине февраля Толстой писал Черткову:

«Ныне писал письмо в „Journal des Debats“ о том, что „Revue Blanche“ напечатала безобразный перевод двух глав, вырванных из всего и лишенных всякого смысла. И это не важно и

не надо бы, но так досадно стало, когда увидал этот перевод, что не успокоился бы, пока не написал» [31].

Вслед затем Толстой подписал заявление, уполномачивающее Черткова распоряжаться изданием его произведений за границей и сношениями с переводчиками. Таким образом Чертков формально сделался своего рода полномочным представителем Толстого за границей по литературно-издательским делам.

Весною 1898 года вышло наконец в свет английское издание книги Толстого об искусстве, но еще до того, как она появилась, Чертков осуществил намерение выйти из числа участников издательского товарищества, которое вскоре после того прекратило свое существование. Он решил сам по мере возможности продолжать выпускать свои издания не только на русском, но и на английском языке.

Внешние условия, казалось, складывались довольно благоприятно для того, чтобы Чертков мог заняться спокойной и неторопливой работой над редактированием и переводом произведений Толстого.

Осенью 1897 года Чертков с семьею переехал в Эссекс и, поселившись здесь близ городка Перлей, в двух часах езды от Лондона, нанял в сельской местности дом с яблоневым садом и участком земли. Недалеко оттуда помещалась его русская типография, находившаяся еще в зачаточном состоянии, но для которой он постепенно приобретал все необходимое.

Поблизости находилась небольшая колония англичан, во многом разделявших взгляды

Толстого и желавших упростить свою жизнь и заняться физическим трудом.

Еще в Кройдоне Чертков начал устраивать еженедельно у себя небольшие собрания, в которых принимали участие люди разных взглядов, слушая иногда чтение произведений Толстого, иногда доклады на те или иные темы, после чего всегда завязывалась оживленная беседа. Не ограничиваясь этим, Чертков принимал участие в собраниях, устраивавшихся по воскресеньям Кенворти и другими лицами, разъяснял взгляды Толстого и выступая в прениях.

Он писал Толстому об этих собраниях, рассказывая ему о людях, соглашающихся с его взглядами, иногда пересылал получаемые от них письма и записи их речей на собраниях, и Толстой отвечал ему на это:

«Какое счастье знать, что то, чем я живу, что мое настоящее *я* ограничивается не одним мною, а живет вне меня, в людях, совсем далеких по времени и месту и которых я никогда не видал. И зачем видеть? Хуже» [32].

В Эссексе Чертков продолжал то же общение с англичанами, которое он поддерживал в Кройдоне. Уже в начале 1898 года он пишет Толстому, что время от времени получает приглашения выступать на различных собраниях, на которых делает обычно сообщения о Толстом и его учении, о духоборцах и на другие темы такого же рода.

В то же время Чертков работает над большой статьей «Где брат твой» [33], касавшейся отказов от военной службы, содержавшей сведения

о духоборческом движении и дававшей критическую оценку действиям государственной власти в России по отношению к отказывающимся от военной службы вообще и духоборцам в частности.

Как и в прежние годы, Чертков пересылает свою рукопись Толстому. Очень одобряя эту статью в целом, Толстой подвергает ее в то же время внимательному анализу, давая советы по литературной технике:

«Главное, не бойтесь выключать. Надо, как с уравнениями поступать, приводя их в простейший вид. У вас там так много хорошего, что исключение всего, отягчающего статью, только улучшит ее. Со мной всегда так бывает— выключишь слабое, мало существенное, и невольно по дороге вставляешь существенное, и то, что прежде возвышалось, опускается, а возвышается совсем другое, новое, и понемногу все меньше остается жира и все больше мускулов» [34].

Вместе с тем Чертков продолжает ту же работу над произведениями Толстого, которую он вел в Ржевке, так же настойчиво спрашивает, переписываются ли письма Толстого, и просит высылать ему копии этих писем и разные черновики для хранения в архиве, который он привез с собою в Англию. Время от времени из Ясной Поляны по почте или с едущими в Англию людьми ему посылаются приготовленные для него бумаги. В свою очередь Чертков из Англии, так же как из Ржевска, пересылает Толстому выписки из его черновиков и некоторые варианты уже законченных руко-

писей, которые могли пригодиться для новых работ.

Условия переписки из-за границы, с неглас-ной, но постоянной перлюстрацией писем, были, разумеется, во многом неблагоприятны, однако, в общем письма обычно доходят по назначению, иногда залеживаясь по дороге. Получая от Толстого сообщение, что то или иное письмо, повидимому, задержано, Чертков прибегает к своеобразному приему, вставляя в свои письма к Толстому места, явно предназначенные для тех посторонних глаз, которые читают его письма.

«Рассчитываю, однако, —писал Чертков,—что если мои письма, посылаемые по почте, читаются теми жалкими людьми, которые служат началу, требующему чтения чужих писем исподтишка и тому подобных приемов, то они предпочтут, чтобы наша переписка продолжалась по почте и читалась ими, чем, чтобы она совершенно миновала их руки. Поэтому думаю, что письма мои будут до вас доходить по почте» [35].

Неизвестно, оказывали ли действие эти аргументы или другие причины, но письма Толстого доходили, повидимому, без перебоев, а письма Черткова, хотя и получались несколько хуже, но не настолько, чтобы создавался какой-либо перерыв в переписке. Разумеется, это не мешало Толстому и Черткову при случае пользоваться и оказиями, что было более приятно, хотя и не всегда более надежно.

Постоянное общение с Толстым путем переписки, получение его статей в рукописях до того, как они издавались в России, должны были создать благоприятные условия для той

редакционной и переводческой работы, которую намечал для себя Чертков. Но два дела, начавшиеся в 1898 году и тесно связанные друг с другом, в течение некоторого времени не давали ему возможности сосредоточиться на этой работе, потребовали большой затраты сил и заняли значительное место в его переписке с Толстым: переселение духоборцев из России и издание «Воскресения» на иностранных языках, которое по первоначальному проекту должно было дать часть средств, необходимых для переселения духоборцев.

В феврале 1897 года духоборцы, неоднократно подававшие прошения с просьбой разрешить им выезд из России, получили позволение переселиться за границу с обязательством не возвращаться больше на родину. В то же время получил возможность выехать за границу П. И. Бирюков и затем другие лица, сосланные в Прибалтийский край за помощь духоборцам.

Организовать переселение за границу восьми тысяч человек, выразивших желание уехать из России, не знающих иностранных языков, частично совершенно разоренных и истощенных болезнями, было очень трудно, и без помощи со стороны духоборцы, вероятно, не смогли бы разрешить эту задачу удовлетворительно. Толстой решил прийти им на помощь, принимая участие в организации переселения и содействуя получению необходимых для этого средств.

В марте 1898 года Толстой писал об этом Черткову:

«Главное и самое важное это духоборы. Они пишут мне вот уже третье письмо о том, что им

разрешено переселиться за границу, и просят помочь им...». Упомянув далее о том, что у духоборцев должно быть совещание, после которого выяснится, куда они хотят переехать и сколько человек переселятся, Толстой продолжает: «Но и не дожидаясь этого, я составляю и составил воззвание одно в английские и американские газеты, прося помощи всех истинных христиан, помощи и руководительством, указанием мест, способов передвижения и деньгами. Это воззвание я пришлю вам, вероятно, завтра. Если вы найдете его нехорошим — как всегда даю carte blanche исправлять его—пошлите с письмом, которое вы составите на приложенном бланке с моей подписью, в редакцию одной из больших газет: если не „Times", то „Daily News" или „Daily Chronicle" [36].

Чертков не только выполнил предложение Толстого, но и обратился к квакерам с просьбой о помощи духоборцам и стал членом комитета, созданного квакерами для организации переселения. Квакеры начали собирать деньги для переселения духоборцев и оказали во многих отношениях существенную поддержку этому начинанию.

Дело переселения духоборцев, сложное само по себе, оказалось особенно трудным от того, что приходилось вести организационную работу и в Англии и в России, причем участники этой работы, находившиеся в разных странах, не имели возможности заблаговременно лично договариваться ни друг с другом, ни с самими духоборцами.

При таком ведении дела неизбежны были недоразумения, споры и трения между отдельными его участниками. Пришлось спешно осуществлять проект переселения духоборцев на остров Кипр, так как необходимо было срочно перевезти часть духоборцев, ждавших пароход в Батуме, затем, уже после того как первая партия духоборцев была туда перевезена, выяснилась необходимость отказаться от Кипра в пользу Канады, где было больше свободной земли и лучшие климатические условия.

К хлопотам по переселению духоборцев скоро присоединились переговоры об издании за границей «Воскресения».

В середине июля 1898 года Толстой написал Черткову письмо, в котором сообщил, что решил напечатать три имеющиеся у него повести — ненапечатанные и не вполне законченные: «Воскресение», «Дьявол», которую в это время Толстой называет «Ртищев», и «Отец Сергий», и в виде исключения взять за первое их издание гонорар, который и пожертвовать на переселение духоборцев. Право на дальнейшие издания этих произведений не должно было составлять чьей-либо собственности.

От намерения напечатать последние две повести Толстой затем отказался, объяснив Черткову, что причиной этого является некоторое «поднявшееся неудовольствие дома»[37], но «Воскресение», по расчетам Толстого, могло дать значительную сумму, которая должна была покрыть ту часть расходов по переселению духоборцев, для оплаты которых не было денег.

Набрасывая смету на переселение духобор-

цев и еще не отказавшись от мысли печатать повесть «Отец Сергий», Толстой писал:

«Здесь в России я выручу тысяч 30 за две повести; за границей—у англичан, немцев и французов, надо выручить постольку же с каждой национальности, да будем еще собирать, прося богатых, так что надо надеяться, что денег достанет»[38].

Чертков должен был организовать издание переводов и приступил к переговорам с издателями и переводчиками, а Толстой тем временем начал перечитывать «Воскресение». Как это обычно у него бывало в таких случаях, работа его увлекла, и он начал вносить поправки.

30 августа 1898 года Толстой писал Черткову: «Я поправляю теперь „Воскресенье“. Прохожу по нем 2-й раз, много изменяю и, мне кажется, что это будет недурное сочинение. По крайней мере, работа над ним меня радует. Оно настолько готово, что могу посылать тетрадями для перевода».

Американские издатели, с которыми Чертков начал переговоры об издании «Воскресения», живо заинтересовались этим произведением, но для того, чтобы определить гонорар, они настойчиво выражали желание знать его содержание, получив хотя бы краткий конспект. Чертков написал Толстому, что просит его выслать конспект. Вместе с тем Чертков, в связи с настояниями квакеров, желавших, чтобы была внесена сумма, необходимая для расплаты с пароходствами за перевозку духоборцев, и уже много вложивших в это дело своих средств, частично данных ими в виде ссуды, просил не-

медленно выслать ему имеющиеся в распоряжении Толстого деньги, собранные для переселения духоборцев. Толстой решительно отклонил обе просьбы Черткова:

«Мне было неприятно и, покаюсь, оскорбительно ваше требование давать читать первые главы издателям. Я бы никогда не согласился на это и удивляюсь, что вы согласились на это. А уж конспекты для меня представляют что-то невообразимое. Хотят они или не хотят, а подавать на их одобрение, я удивляюсь, что вы, любя меня, согласились. Я помню, мне американские издатели не раз писали письма с предложениями очень большой платы, и я полагал, что дело так и будет, и так и поведется вами, но если надо показывать товар и дожидаться le bon plaisir * покупщиков, то, как мне ни желательно собрать деньги для духоборов, я не могу на это согласиться, потому что это и не практично, и есть средство, кроме унижения без всякой причины, еще и продешевить товар».

Далее, выражая готовность самому вести все переговоры, Толстой писал, что не может представить конспекты, так как хочет сохранить за собой возможность до тех пор, пока повесть не напечатана, ее изменять, и пояснял причины своего негодования:

«Так что мое возмущение против конспектов и предварительного чтения есть не гордость, а некоторое сознание своего писательского призвания, которое не может подчинить свою духовную деятельность писания каким-либо дру-

* Хорошего настроения.

гим практическим соображениям. Тут что-то есть отвратительное и возмущающее душу. Вообще жалею, что решился на этот шаг, тем более, что вы не облегчаете мне его, как во многих случаях, любя меня, делали, и напротив, заставляете меня в нем раскаиваться»[39].

Вместе с тем Толстой писал, что не может перевести деньги, собранные для духоборцев, Черткову, так как для успешности дела надо заранее знать, сколько денег, для чего и когда нужно, и что, будучи в России, он ближе к месту действия и легче может направить эти деньги туда, где они более всего необходимы.

На следующий день Толстой послал Черткову другое письмо, в котором писал:

«Вчера написал вам письмо, милый друг, и оно и то, какое впечатление оно произведет на вас, не выходит у меня из головы. Пожалуйста, покройте все, что там есть нехорошего, любовью.

Вместе с тем, возвращаясь к письму Черткова, Толстой писал, что не выполнил его желания, так как не уверен в его практичности:

«Мне кажется, что вы всегда набираете слишком много, не по силам, дела, и оно не двигается от этого. Вы от этого, от преувеличенной аккуратности, конотливы, медлительны, потом на все смотрите свысока, grand seigneur'ски* и от этого не видите многого, и кроме того, уже по физиологическим причинам, изменчивы в настроении, то горячечно деятельны, то апатичны. По этому всему думаю, что вы, вследствие хороших ваших свойств, очень драгоценный сотрудник,

* Как большой барин.

но один—деятель непрактичный. Вследствие этого я и хотел бы знать, что и как делается, и участвовать в решениях. О последнем пункте, может быть, тут есть и дурное чувство гордости, но дело в том, что это не возможно, так как я постоянно меняю. Главное же не сердитесь на меня и, если я ошибаюсь в вашей практичности, то тем лучше»[40].

Чертков решил не предпринимать дальнейших шагов ни в деле переселения, ни в деле издания повести, пока Толстой, узнав мотивы, им руководившие, не составит себе окончательного суждения об этих делах. Он отправил к Толстому в Россию своего сотрудника, англичанина Арчера, который должен был подробно рассказать о деловой стороне тех переговоров, какие приходилось вести Черткову в связи с переселением духоборцев и с изданием «Воскресения». Вместе с этим в приписке к письму А. К. Чертковой от 1 ноября Чертков объяснил мотивы, заставившие его просить Толстого прислать конспекты «Воскресения».

«Я сам и *не думал*, чтобы *вы* давали им конспект того, что будете писать, и удивляюсь, как вы могли меня заподозрить в этом. Я только хотел, чтобы не вы, а другой составил конспект того, что уже написано, в чем я не вижу ничего недостойного ни для кого именно потому, что это не товар. Желание же издателей вперед знать, принесет ли им доход или убыток то, во что вкладывают большие деньги, признаю вполне с их точки зрения законным. За эту повесть нам в Америке, не читая ни одной главы и не зная общего содержания, предлагают 8000 рублей.

Если же они узнают содержание, то я надеялся получить от 20000 до 30000 рублей в Америке. Я вперед знаю, что содержание для них не опасное, но убедить их в этом мог бы только, показав им конспект и первые главы. Но если этого нельзя, то можно получить сейчас и без того 8000 руб. Большие суммы, которые вам лично предлагают издатели, сразу станут сравнительно незначительными, когда они узнают, что вы несогласны дать им copyright*».

Арчер познакомил Толстого с положением дел, и Толстой написал Черткову:

«Благодаря вашей доброте, считаю наше печальное недоразумение оконченным, так что можем забыть о нем» [41].

Он продиктовал Арчеру содержание «Воскресения» и сделал запись в своем дневнике:

«Был недоволен Чертковым и увидал, что виноват я» [42].

С Арчером Толстой послал Черткову свой дневник. Чертков, с большой радостью получивший эту посылку, начал делать оттуда выписки мыслей для составлявшегося им свода и писал Толстому:

«Занятие, которое вы дали мне возможность возобновить, всегда было самым радостным моим занятием даже тогда, когда я пользовался личным общением с вами; теперь же при разлуке оно доставляет мне еще большее духовное удовлетворение и счастье» [43].

Получив от Толстого продиктованное им Арчеру изложение содержания «Воскресения»,

* Исключительное право на дальнейшие издания.

Чертков мог возобновить переговоры с иностранными издателями. С своей стороны, Толстой закончил переговоры с издателем «Нивы» А. Ф. Марксом, предложившим печатать роман в своем журнале, выдав в счет гонорара аванс, который можно было бы немедленно использовать для переселения духоборцев.

Так как произведения Толстого, согласно его воле, после их опубликования делались общей собственностью, то иностранные издатели, естественно, могли согласиться платить гонорар за первое их издание лишь при том условии, что в русском журнале «Воскресение» появится не ранее, чем в их издании: после опубликования в России каждый мог переводить и издавать бесплатно.

Но для того, чтобы своевременно переводить и печатать за границей роман, надо было, чтобы рукопись была переслана за границу заранее, между тем Толстой желал иметь возможность перерабатывать ее в корректурах. Маркс соглашался печатать «Воскресение» с таким расчетом, чтобы иностранные издатели могли одновременно печатать его в своих изданиях, но настаивал на том, чтобы определенное количество глав появлялось в каждом номере «Нивы».

Таким образом с изданием переводов «Воскресения» за границей создалось такое же положение, как и с изданием «Что такое искусство», и повторились те же самые недоразумения и затруднения. Разница была лишь в том, что «Воскресение» как художественное произведение привлекало еще больше внимания, чем «Что такое искусство», в деле принимали участие

различные иностранные издатели и переводчики, заинтересованные в нем материально, а издатель «Нивы» Марке, ставивший на первое место коммерческие интересы своего издательства, еще меньше склонен был считаться с интересами иностранных издателей, чем Н. Я. Грот.

Нет необходимости излагать все перипетии этого дела, которые занимают много места в переписке Толстого с Чертковым за 1898 и 1899 годы.

Толстой, еще 12 сентября 1898 года писавший Черткову, что он может посылать ему «Воскресение» по частям, с таким расчетом, что через два месяца может быть выслано все, погрузившись в работу, начал усиленно вносить поправки в рукопись.

Через три месяца — 13 декабря 1898 года — он писал Черткову:

«Я теперь решительно не могу ничем другим заниматься, как только „Воскресеньем“. Как ядро, приближающееся к земле все быстрее и быстрее, так у меня теперь, когда почти конец, я не могу ни о чем, нет, не „не могу“ и даже думаю, но не хочется ни о чем другом думать, как об этом».

Но конца этой работы не могло быть до выхода из печати книги, а между тем за границей было необходимо дать перевод с последней версии романа со всеми внесенными в нее поправками.

Начало «Воскресения» было послано Черткову до того, как оно стало печататься в «Ниве», но рукопись, которую он получил, требовала затраты больших усилий, прежде чем ее можно было бы передать переводчикам.

Марья Львовна писала Черткову:

«На-днях надеюсь прислать вам еще 20 глав „Воскресения". Достаточно ли ясны те, которые мы вам присылаем? Мы, должна сознаться, посылаем вам самые грязные и неразборчивые, надеясь на ваш опыт» [44].

Чертков по мере получения рукописей и их переписки передавал текст переводчикам, и вначале дело шло довольно успешно. Однако сразу выяснилось, что печатание «Воскресения» в *еженедельном* издании в России сильно ухудшает те условия, на которых можно было бы издать эту рукопись за границей: ежемесячные журналы не могли ее печатать, так как «Нива», выходя еженедельно, опережала бы их несколькими главами, которые могли быть переведены в любом еженедельном издании и появиться в печати раньше, чем у них. Еженедельных изданий, с которыми можно было бы заключить договор, было сравнительно не много и их издатели обычно предпочитали получить материал бесплатно, переводя и перепечатывая его вслед за выходом номеров журнала «Нива».

Тем не менее Чертков заключил договоры с американскими и французскими издателями. Но когда роман начал печататься в «Ниве», скоро выяснилось, что корректуры с последними поправками Толстого доставляются в Англию слишком поздно. Марке не обнаруживал желания считаться с интересами иностранных издателей и начал их обгонять, хотя Чертков в начале издания за границей, когда французский издатель стал перегонять «Ниву», решительно это приостановил. В результате иностранные

издатели и переводчики стали обвинять Черткова в нарушении договоров.

Толстой выражал желание, чтобы Марке несколько замедлил темп издания «Воскресения», но делал это в недостаточно категорической форме, о чем сам писал А. К. Чертковой:

«Так мне неприятно всякое недовольство от других людей, хотя бы от Маркса, что я спешу устранить его, а между тем забываю, что устраняя от себя, я надвигаю на Диму, который и так завален и в более тяжелых условиях, чем я» [45].

Черткову Толстой писал об этом в еще более энергичных выражениях:

«Не могу вам выразить, милый друг Владимир Григорьевич, как мне больно, что все-таки я во всех смыслах был причиною тех отвратительных неприятностей, которые вам пришлось перенести. Пожалуйста, не сердитесь на меня» [46].

Но отказаться от своего обыкновения править рукопись до последнего момента Толстой не мог, и замедление в высылке гранок продолжалось.

В конце концов Толстой предложил Черткову совсем отказаться от договоров с переводчиками и издателями, объяснив им причины, по которым происходило замедление в доставке оригинала. Но во избежание неустойки надо было ждать, чтобы это сделали сами издатели.

Американский издатель, впрочем, сам дал возможность прекратить с ним отношения, начав по-своему переделывать текст «Воскресения». Чертков писал об этом Толстому:

«Мой агент Reynolds (в Америке) превзошел свои уполномочия, согласившись на искажения

романа, и я поэтому тотчас прекратил как дальнейшую доставку рукописи, так и всякие дела с этим агентом, которому я вернул эти 2000 долларов, *отказавшись их принять* [47].

В конечном счете денежная выручка от издания «Воскресения» на иностранных языках оказалась совершенно незначительна, и расчеты на то, что этим путем можно будет оказать существенную материальную поддержку переселению духоборцев, не оправдались.

Одновременно с изданием «Воскресения» на иностранных языках Чертков решил приступить к печатанию этой книги в своей типографии на русском языке, с восстановлением всех мест, пропущенных в «Ниве» вследствие требований цензуры.

Издание это, выпущенное тиражом в две тысячи экземпляров, оказало поддержку издательству, которое организовал Чертков, так как привлекло к нему общественное внимание, но материальный эффект был незначителен; номинальная цена книги при небольшом тираже и дороговизне печатания в Англии оказалась настолько низкой, что при первом издании, за вычетом суммы издержек, осталось очень немного.

Между тем издательское дело, начатое Чертковым, очень нуждалось в денежной поддержке, так как интенсивно развивалось и все больше и больше захватывало внимание В. Г. и А. К. Чертковых.

Еще в первые месяцы после своего приезда в Англию Чертков начал собирать материалы для периодического издания, которое должно было, по его мысли, явиться продолжением выходив-

шего в России рукописного сборника «Архив Л. Н. Толстого».

В 1898 году это дело начало осуществляться в двух видах—в форме изданного Чертковым сборника «Свободное слово», под редакцией П. И. Бирюкова, которому Чертков передал материалы для этого издания, и «Листков свободного слова», выходивших под редакцией Черткова. «Листки» должны были более быстро откликаться на происходящие в России события, помещая наряду с небольшими статьями сообщения, которые могли бы устареть, если бы с опубликованием их пришлось ждать до выхода в свет сборника.

П. И. Бирюков, выпустив первый номер сборника «Свободное слово», в котором, между прочим, была напечатана большая статья Черткова «Похищение детей Хилковых», составленная по лишь частично уцелевшим у него после обыска в России материалам, и подготовив к изданию второй выпуск, уехал вместе с семьей в Швейцарию, где через некоторое время начал издавать журнал «Свободная мысль». В Англии осталось лишь издание «Листков свободного слова».

Первый выпуск этих «Листков», вышедший в свет в ноябре 1898 года, но подготовленный к изданию еще весною, представлял собою небольшую по размеру брошюру в шестьдесят восемь страниц, набранную в высшей степени убористым, но очень четким петитом. Кроме небольшой статьи Толстого «Две войны», он содержал отделы: «Сведения о духоборах», где, между прочим, было напечатано много писем духоборцев о перенесенных ими преследованиях, «Лев

Николаевич Толстой (сведения о нем и отрывки из его частных писаний)», «Из современной жизни», статьи и сообщения П. А. Кропоткина, Д. П. Маковицкого и А. Шкарвана и другие материалы.

Толстой, прочитав первый выпуск, писал:

«Сейчас прочел „Листок свободного слова". Прекрасно все, исключая последней страницы — обращения к пожертвованиям. Обращение это никаких пожертвований не вызовет, а роняет как-то достоинство редакции. Мне кажется, что пожертвования если вызывать, то вызывать надо частным образом, а в печати не хорошо. Остальное же все—весь тон—все прекрасно. Немножко бы только поменьше Толстого и хоть какие-нибудь сведения о правительственных грехах общих, а не исключительно религиозного гонения. Все время читаешь и думаешь: как бы сделать, чтобы все или возможно большее число людей прочли. Кажется—вероятно, я ошибаюсь—что на всякого непредубежденного, не вполне испорченного человека должно чтение это произвести неотразимое впечатление. И письма духоборов, и Шкарвана, и статья Кропоткина очень мне понравились» [48].

Чертков еще и до получения этого письма сообщал Толстому, что он предполагает ввести в «Листках свободного слова» «обличительный отдел». Об этом он писал в предисловии к первому выпуску:

«Люди, живущие в пределах нашего отечества, могут быть особенно полезны, сообщая нам такие факты из современной жизни, которые правительственные служители тьмы и обмана боятся

допустить к огласке в России, но ознакомление с которыми желательно в интересах всего русского народа» [49].

В следующем выпуске «Листков свободного слова», в основном составленном по тому же плану, как и первый выпуск, появились и сведения о проявлениях административного произвола в России не только в области преследований за религиозные убеждения, но и за общественную деятельность. Через некоторое время В. Г. и А. К. Чертковы приступили к подготовке материала для специального выпуска «Листков свободного слова», имевшего подзаголовок «Сведения о современной жизни в России» и содержавшего материалы о рабочем движении, студенческих волнениях, действиях администрации при подавлении крестьянских волнений и т. д. [50].

Редакционно-издательская работа чем дальше, тем больше захватывала внимание Черткова и его жены, которая принимала в ней большое участие, отдавая особенно много сил подготовлению к печати «Листков свободного слова».

Чертков пишет об этом Толстому 2 декабря 1898 года:

«Я вместе с Галей все больше и больше втягиваюсь в наше издательское дело и все больше чувствую, что это самое и есть наше дело в настоящее время и при настоящих обстоятельствах».

И почти в тех же выражениях Чертков не раз затем писал об этом Толстому, отмечая, что эта работа может более всего осмыслить для него пребывание за границей.

Но для развития издательской деятельности нужны были денежные средства, а их было очень мало, так как широко организовать сбор денег в России среди тех сочувствовавших изданию людей, которые могли бы уделять для этой цели деньги из своего заработка, было невозможно. Состоятельные же люди, либерально настроенные и критикующие правительственную власть на словах, за редкими исключениями ограничивались больше сочувствием, чем материальной поддержкой.

Вместе с тем значительно уменьшились те средства, которые предоставляла Черткову его мать: имение Е. И. Чертковой было в это время расстроено и доходность его сильно упала. Тальм обазом Чертков не мог постоянно вкладывать крупные суммы в издательство из личных средств.

Считая необходимым регулярно сообщать сведения о приходе и расходе средств издательства, Чертков начал публиковать детальные отчеты. Изучая их, можно убедиться в том, что приток средств со стороны был совершенно недостаточен для того, чтобы широко развернуть издательскую работу [51].

Из-за недостатка средств приходилось иногда медлить с опубликованием материалов относительно событий, на которые надо было откликаться возможно скорее.

Толстой, не зная о том, что очередной выпуск «Листков свободного слова», который должен был дать сведения о событиях русской жизни, не подлежавших опубликованию в подцензурной русской печати, задерживается изданием из-за

недостатка средств, писал Черткову 8 августа 1899 года:

«Вы пишете, что у вас готовы или готовятся статьи о голоде, о студентах, о Финляндии. Все это должно было явиться полгода тому назад. Теперь все это старо, назрели новые события. Нужно быстро и бойко, по-гершуновски, по-журнальному писать о современных событиях. А вы добросовестно исследуете их, как свойственно исследовать вечные вопросы».

Узнав из ответного письма Черткова, что причиной задержки было отсутствие средств для печати, Толстой поспешил взять обратно свой упрек. Но помещать собранные материалы в «Листках свободного слова» было, действительно, поздно, и они были выпущены отдельным изданием, в форме особых сборников [52].

То освещение российской жизни, которое давали «Листки свободного слова», вызывало сочувствие с разных сторон. П. А. Кропоткин писал Черткову, что радуется успеху этих «Листков», а затем, узнав о денежных затруднениях издательства, писал:

«Нашли ли вы средства на продолжение „Листков“? Вы ими громадную услугу оказываете в настоящую минуту. Надо продолжать во что бы то ни стало» [53].

Несмотря на материальные затруднения, «Листки свободного слова» продолжали выходить до 1902 года, когда они превратились в журнал, которому Чертков дал такое же название, как и сборникам, изданным в 1899 г.,—«Свободное слово». Новый журнал выходил под редакцией Черткова по мере накопления мате-

рнала и давал, наряду со статьями, сообщения о событиях, происходивших в России.

Параллельно с изданием «Листков свободного слова» велась работа по изданию отдельных книг.

В своей издательской деятельности Чертков не ограничивался выпуском писаний Толстого, но они занимали все же первое место среди его изданий, причем, разумеется, по-преимуществу выпускалось то, что не могло быть напечатано в России. Кроме отдельных произведений Толстого, Чертков задумал издать полное собрание его сочинений, запрещенных русской цензурой. Издание это было первоначально рассчитано на двадцать пять томов, и, для того чтобы его осуществить полностью, требовались большие средства, которыми издательство не располагало. Но Чертков все же приступил к этому делу, и, начиная с 1902 года, стали постепенно выходить отдельные томы, причем в первую очередь было намечено издать десять томов.

Менее успешно пошло осуществление другого замысла Черткова — издания «Свода мыслей Толстого», над которым Чертков вместе с женой и разными сотрудниками работал с 1889 года.

В мае 1897 года, вскоре после своей высылки из России, Чертков писал Толстому:

«В настоящее время наша работа над сведением ваших мыслей попредметно в систему, занимавшая Галю с ее помощниками и меня несколько лет, дошла до такого положения, что теперь можно приступить к тому, чтобы делиться с людьми ее результатами, то есть постепенно издавать отдельными выпусками окончательно

Л. Н. Толстой во время болезни в Крыму в 1902 г.

приведенные в порядок ее главы. Разрешите ли вы мне приступить к этому? Вы знаете, что содержание этого свода собрано из всех ваших писаний, имеющихся у меня на руках, в том числе писем к частным лицам, черновиков, выписок из дневника и тому подобное, за исключением, конечно, тех произведений, о которых вы меня предупреждали, что не желаете их обнародования».

Но из этой работы удалось напечатать немногое — «Мысли о боге», «О смысле жизни», «О воспитании и обучении», «О половом вопросе».

Толстой писал Черткову об этих изданиях: «Вообще все ваши соединения, как и „О половом вопросе“ сделаны с удивительным тактом и мастерством, хорошо, потому что руководимо любовью, которую я чувствую и за которую всегда умиленно благодарен» [54].

Но издание всего свода мыслей должно было потребовать очень больших затрат, и работа эта осталась в рукописи.

Одновременно с изданием произведений Толстого на русском языке Чертков продолжал работу по изданию их на английском языке.

В частности, Чертков принимает ближайшее участие в организации английского издательства «The Free Age Press», которое должно было выпускать произведения Толстого по самой дешевой цене, — делая их тем самым общедоступными. Издания эти имели значительный успех, так как, благодаря энергичной работе сотрудника Черткова англичанина Файфильда, удалось сделать их доступными по своей цене самым широким кругам читателей.

Вместе с тем Чертков продолжает сам работать над переводами некоторых произведений Толстого на английский язык. Пользуясь правом, которое ему предоставил Толстой, он ведет переговоры с переводчиками на разные языки.

Толстой, закончив работу над корректурами «Воскресения», немедленно принимается за очередные темы и пишет об этом Черткову:

«Перемен и добавлений к „Воскресению“ я не буду, да я думаю, и не могу делать: пуповина отрезана... Две темы следующие: одно письмо духоборам канадским об их жизни, об обмане собственности. Я начал писать, но не вышло. А хочется ясно показать молодым, увлекающимся людям из них, какой то и тонкий и грубый обман — желание собственности и обеспечения. Другая тема: о том, что Афанасий казначе[евский], помни[те], который служит теперь весовщиком на казанской дороге, рассказывал мне, что там грузчики работают 36 часов сряду. Я ездил туда и видел этих людей и эту работу и хочется рассказать это, что̀ довелось думать об этом» [55].

Последняя из этих тем легла в основу статьи Толстого «Рабство нашего времени».

Приступая к печатанию этой статьи, которая должна была выйти отдельной брошюрой в издании «Свободного слова», Чертков запросил Толстого, не сделает ли он заблаговременно поправок, чтобы не пришлось затем делать изменения, когда статья будет набрана, и получил ответ:

«Поправки я не хотел делать, но ваш вызов заставил меня пересмотреть, и я посылаю не-

которые изменения. Больше ни в каком случае не намерен делать, надеясь, что некоторые неясности, неточности, происходящие от меня, а иногда от переписчиков, вы сами поправите, на что я вам даю, как всегда, carte blanche» [56].

Вслед затем у Черткова начались переговоры с переводчиками, обращавшимися к нему, как к представителю Толстого по изданию его произведений за границей. Несмотря на то, что право переводов и издания предоставлялось переводчикам и издателям бесплатно, сношения с ними причиняли много неприятностей.

Чертков писал Толстому об условиях, при которых приходится вести это дело:

«Как вы знаете, от помещения переводов ваших писаний в разных странах мы не получаем решительно никакой денежной выгоды. Я настаиваю на том, чтобы все издатели знали определенно, что писания ваши предоставляются им безвозмездно, и что платить переводчикам приходится лишь за перевод» [57].

В других письмах Чертков писал о том же:

«Французских переводчиков к нам обращалось очень много, и мы, не обеспечивая ни одному из них на будущее время монополии для первого издания перевода по корректурным нашим листам, ведем сношения с ними так, чтобы преимуществом этим пользовались те, кто согласны затем дешевле всего издавать это же самое для рабочего народа» [58].

Чертков писал Толстому, что издатели и переводчики, зная, что произведения Толстого даются им бесплатно, не смогут предъявлять никаких претензий. Но в этом отношении он

ошибся – одни негодовали, отчего не им первым предоставлено право перевода, другие находили излишними те требования, которые предъявлялись Чертковым в отношении точности перевода. Большинству были непонятны те принципы, в силу которых они получали отказ в праве собственности на произведения Толстого, которые они издавали.

Чертков писал по этому поводу Толстому:

«Вообще мое положение между вами и теми, кто вас не понимает и не одобряет в том или в другом, очень двусмысленно: не решаясь осуждать вас, они вшят меня во всем, что им не по шерсти в ваших поступках, и в этих случаях чем преданнее и вернее я придерживаюсь ваших взглядов и желаний, которые в то же время и мои, чем тверже я действую в ваших нравственных интересах, тем больше мне достается от людей, не сочувствующих вашему образу действий» [59].

С своей стороны, Толстой пишет Черткову:

«Я знаю, как важно для дела и, главное, для вашего спокойствия, чтобы я твердо держался установленного порядка, чтобы за границу все мои писания проникали только через вас и потому строго держусь и буду держаться этого» [60].

Постоянные сношения с переводчиками позволяют Черткову иногда очень быстро осуществлять одновременное издание новых статей Толстого в разных странах. Таким образом Толстой, работая над статьями и зная, что они не смогут быть напечатаны в России, мог быть все же уверен, что вскоре, увидит свое писание, переведенным на многие языки.

В июле 1901 года, окончив статью «Единственное средство», Толстой писал Черткову:

«Посылаю вам, милый друг, статью „Единственное средство". Она мне не совсем нравится, хотя я и бесчисленное число раз ее переделывал. Думаю, что все-таки она может быть полезна» [61].

Меньше чем через два месяца — 12 сентября — Чертков сообщал Толстому:

„Единственное средство" уже появилось у нас на русском и английском языках. На немецком и французском должно было появиться на этих же днях».

Эта возможность быстро и без каких-либо переговоров и хлопот опубликовывать за границей новые статьи имела для Толстого особенное значение тогда, когда приходилось писать по поводу тех или иных событий, на которые желательно было реагировать без промедления, и о которых в России писать нельзя было совсем.

Так, когда Толстой, в связи с постановлением синода об его отлучении от церкви, начал получать многочисленные письма, в которых одни приветствовали его, другие на него нападали, и Софья Андреевна сочла нужным от своего имени написать протестующее письмо митрополиту Антонию, Толстой почувствовал необходимость высказаться по поводу постановления синода, составив свой «Ответ синоду». Он сообщил Черткову:

«Эти дни писал, кажется, кончил. Прежде всего пошлю вам» [62].

И Чертков немедленно принял меры для издания этой статьи.

Зимой 1900—1901 годов Толстой стал прихварывать, испытывая упадок сил. 18 января 1901 года он писал Черткову:

«Я все хвораю и слаб. Понемногу освобождаюсь от тела. В душе мне хорошо».

От близких Толстому по своим взглядам людей, живших в Москве, Чертков также получал сведения о том, что здоровье Толстого ухудшается.

Чертков решил сделать попытку увидаться с Толстым. Он написал письмо царю, в котором, упоминая, что для него нравственно невозможно употреблять принятые в таких случаях верноподданнические выражения, которые были бы в его устах неискренни, просил все же разрешить ему приезд в Россию для свидания с Толстым, выражая надежду, что необычная форма обращения не явится препятствием для удовлетворения этой просьбы.

«Вот уже четыре года,—писал Чертков,—что я живу за границей, лишенный возможности свободно жить на своей родине и разлученный со всеми наиболее близкими мне друзьями. Из них тот, с которым я теснее всего связан душою и сердцем и разлука с которым мне более всего тягостна — Лев Николаевич Толстой,—за это время значительно ослабел здоровьем и несколько раз был болен. В течение самого последнего времени, в особенности, силы его заметно слабеют, всякий новый приступ болезни отражается на нем гораздо серьезнее, нежели бывало прежде, и вообще весьма возможно, что ему не долго еще осталось прожить на земле. Поэтому я естественно испытываю горячую по-

требность, хотя бы еще один раз в жизни повидаться с ним и проститься, пока дальнейшее развитие его болезни не преградило возможности спокойного личного общения с ним» [63].

Как и нужно было ожидать, на эту просьбу последовал отказ.

В начале марта Толстой писал, что чувствует себя гораздо лучше, но у него все же время от времени продолжали повторяться заболевания, которые врачи объясняли приступами лихорадки.

В конце июня Толстой тяжело заболел: острый приступ лихорадки сопровождался настолько сильным ослаблением деятельности сердца, что в течение нескольких дней его жизнь была в опасности.

Едва поправившись, Толстой стал усиленно работать над начатыми ранее статьями. Стараясь сосредоточиться над одной из них «Что такое религия и в чем сущность ее», он пояснял Черткову:

«Надо торопиться» [64].

Но приступы болезни продолжались и вызывали тревогу у окружающих Толстого. Врачи советовали на зиму уехать в Крым. Графиня С. В. Панина предложила в распоряжение Толстого и его семьи прекрасный дом в своем имении Гаспра на Южном берегу Крыма, недалеко от Кореиза, и Толстые приняли ее предложение.

Толстой писал об этом Черткову в письме от 12 августа 1901 года:

«Собираются в Крым. Я, слава богу, почти совершенно равнодушен к этому—скорее мне приятно. Я так живо чувствую больное путе-

шествие, которое совершаю и в котором проезжаю последнюю станцию, что эти изменения в способе путешествия мало занимают меня».

По пути в Крым Толстой испытывал большую слабость, но в первое время по приезде в Гаспру стал чувствовать себя значительно лучше. Марья Львовна писала из Гаспры Черткову:

«Отец здесь чувствует себя очень хорошо, наслаждается теплом, красотой и тишиной. Так весело это видеть. Я уверена, что Крым должен ему помочь, и так рада, что удалось благополучно его сюда привезти» [65].

В двухэтажном особняке графини Паниной в Гаспре можно было с удобством жить большою семьею. Кроме самого Толстого, его жены и младшей дочери Александры Львовны, туда приехали Марья Львовна с своим мужем, Н. Л. Оболенским, Ольга Константиновна Толстая — сестра А. К. Чертковой, бывшая замужем за сыном Л. Н. Толстого, Андреем Львовичем, и впоследствии некоторые другие члены семьи Толстого.

Толстой продолжал и здесь усиленно работать, и Александра Львовна, которой исполнилось уже семнадцать лет, начала все больше и больше заменять ему в качестве переписчицы Марью Львовну, которая часто хворала. Муж Марьи Львовны, Н. Л. Оболенский, писал об этом Черткову:

«Всю переписку его работы делает Саша с большим старанием и охотой» [66].

Толстой, закончив статью «Что такое религия и в чем сущность ее», писал Черткову:

«Читаю новый роман Поленца „Der Grabenhäger", хуже „Büttnerbauer", но там есть выше прочтенная мною глава, которая так и потянула меня к художественной работе. Теперь особенно после того, как я кончил утомившую меня односторонюю работу о религии» [67].

Но приступы недомогания попрежнему время от времени сказывались, и Толстой продолжал прихварывать.

В январе 1902 года Толстой тяжело заболел: началось воспаление легких, которое при ослабленной деятельности сердца делало положение больного в высшей степени опасным. В Гаспру съехались врачи, в газетах ежедневно печатались бюллетени о ходе его болезни, и можно было со дня на день ожидать его смерти.

Чертков вынужден был оставаться вдалеке и, получая известия о том, что положение больного ухудшается, писал ему:

«Дорогой Лев Николаевич, не знаю, прочтете ли вы это письмо, не знаю, не в последний ли раз в жизни пишу „дорогой Лев Николаевич", и мне жалко, невыразимо жалко и грустно, что я не могу быть около вас в эти минуты» [68].

Письма из Гаспры от О. К. Толстой и помогавших в уходе за больным П. А. Буланже и Н. Л. Оболенского позволяли следить за положением Толстого, сообщая то, чего не могли дать телеграммы.

П. А. Буланже писал Черткову:

«Бывают у него минуты тоски, физической тоски, когда он задыхается, и в одну из таких минут он позвал меня и говорит: „только что

проснулся, услыхав два голоса: один говорит—хорошо, хорошо, а другой—умираю“ [69].

Бюллетени, которые ежедневно составляли врачи, пока не миновала опасность, каждый день по телеграфу сообщались Черткову, и в его архиве сохранилась толстая пачка посылавшихся из Гаспры телеграмм. Редакции иностранных газет, уже привыкшие считать Черткова как бы официальным представителем Толстого за границей, засыпали его запросами, и он организовал правильную передачу получаемых бюллетеней телеграфным агентствам, которые рассылали их сотням газет Америки и Европы.

Больше месяца положение оставалось напряженным, затем болезнь начала понемногу уступать.

2 марта Толстой продиктовал письмо Чертковым, первое после его заболевания:

«Здоровье мое, по словам докторов, поправляется, но по ощущению моему почти все то же самое: не могу повернуться со спины на бок и очень слаб. Но это не мешает мне интересоваться делом...».

И задав несколько вопросов относительно того, как идет печатание статей, написанных перед болезнью, Толстой писал в заключенье:

«Делаю я очень мало, кое-что записываю и невольно обдумываю самые разнообразные начатые вещи, которые, вероятно, никогда не будут кончены. На душе очень хорошо и спокойно и вокруг меня все хорошо и радостно».

Здоровье возвращалось очень медленно, силы были так слабы, что еще долго Толстой не мог

встать на ноги, но все же 23 марта уже смог написать письмо своей рукой и писал Черткову:

«Видно приходится жить».

В апреле наступила новая опасность: Толстой заболел брюшным тифом. Но его организм выдержал и это испытание.

Тем не менее близкие к Толстому люди считали, что болезнь не может пройти бесследно: она должна была стать гранью, за которой начиналась старость.

VIII

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в 1902—1906 гг.

В конце июня 1902 года Толстой вернулся из Крыма в Ясную Поляну, и жизнь его начала входить в привычную колею.

Для того чтобы лучше понять многое в переписке Толстого и Черткова, надо знать, как сложилась в это время жизнь Толстого в Ясной Поляне и Черткова в Англии.

Близость смерти, пережитая во время болезни, наложила свою печать и, изучая письма и дневники Толстого за это время, нельзя не видеть, как, справившись с болезнью, он все же отчетливо сознает, что нить его жизни может оборваться в каждую минуту.

Толстой сам пишет об этом Черткову в начале июля 1902 года:

«По секрету скажу вам, что, несмотря на то, что я поправляюсь, я чувствую, что скоро уйду от этой жизни. И не то, что мысль эта не оставляет меня, но я не оставляю этой мысли, et je

m'en trouve très bien *. Может быть, я ошибаюсь, но мне хотелось сказать это вам».

И в дневнике Толстой пишет о своем выздоровлении:

«Мое выздоровление похоже на то, что экипаж вытащили из трясины, в которой он завяз, не на ту сторону, куда неизбежно надо ехать, а на эту. Через трясину не миновать ехать» [1].

Но здоровье его начало быстро восстанавливаться и окрепло в гораздо большей степени, чем ожидали врачи и семья.

Во время болезни Толстого Софья Андреевна писала А. Б. Гольденвейзеру:

«Во всяком случае, жив ли будет еще несколько лет Лев Николаевич, жизнь его будет дряхлого старика, которого надо беречь, которому запрещены будут всякие волнения, движения, лишнее общение с людьми и т. д. Он, как малый ребенок, будет ложиться спать рано, есть кашки и молоко, гулять с провожатым, не будет разговаривать, не будет слушать музыку, и вообще должен беречь свое сердце, которое стало легко возбудимо и потому опасно для жизни» [2].

Но исключительно сильный организм Толстого преодолел не только болезнь, но и опасность дряхлости. Уже летом 1902 года Толстой начал вновь совершать большие прогулки пешком и верхом, и врачи с удивлением отмечали его выносливость.

Несмотря на полное выздоровление, болезнь все же явилась для Толстого как бы некоторым введением в права старости. Это прежде всего

---

* И я чувствую себя в этом отношении очень хорошо.

сказалось в согласии Софьи Андреевны не настаивать на жизни зимою в Москве.

До своей болезни Толстой каждый год осенью всячески оттягивал свой переезд в Москву, которая его тяготила и бесплодно утомляла. Но Софья Андреевна настойчиво требовала, чтобы он делил с нею жизнь в Москве. Осенью 1893 года она сама писала об этом сестре:

«Не знаю уж, когда он переедет в Москву. Очень ему не хочется, но для меня он переедет, когда я хочу. Подумаю еще об этом, не знаю, насколько я душевно сильна, чтобы прожить одной еще почти два месяца. Без него на меня находят прежние мои тревоги и безумия, при нем я, как при няньюшке, спокойна и разумна и потому гораздо счастливее» [3].

Теперь Софья Андреевна согласилась с мнением врачей, что для Толстого прежде всего необходим покой, и после того как отпал проект вновь поехать в Крым на осень и зиму, решила остаться на зиму в деревне.

Таким образом Толстой получает возможность жить в Ясной Поляне почти безвыездно, проводя годы старости в стороне от городской суеты.

Младшие сыновья Толстого к этому времени уже выросли, женились и поселились в своих имениях, и из всей семьи постоянными обитателями Ясной Поляны остались, кроме самого Толстого, лишь его жена и дочь Александра Львовна, все больше и больше помогавшая ему перепиской рукописей и писем. Но они почти никогда не бывали там одни: в Ясной Поляне всегда, особенно летом, бывало много гостей.

Толстой находится таким образом в общении с самыми разными людьми.

Софья Андреевна, и в деревне заполняющая свою жизнь непрерывными хлопотами и делами—от корректур новых изданий собрания сочинений Толстого до надзора за новыми постройками на скотном дворе,—попрежнему держит в своих руках все хозяйство дома и хотя иногда тяготится чересчур многочисленными посетителями, однако, скучает, если их нет, стараясь тогда немедленно придумать себе то или иное внешнее дело.

«Я решительно никого не приглашаю,—пишет Софья Андреевна своей сестре,—а все время гости, гости без конца, и мне иногда от усталости просто плакать хочется. Не говоря уже про детей и внуков—это и естественно и приятно,—но родственников, чужих, иностранцев—всякого народа толчется в Ясной непрерывно. Забота о помещениях, еде, лошадях и экипажах, постелях занимает столько времени и соображения, что жить некогда» [4].

Но зимой, когда гости приезжают реже, она жалуется Татьяне Андреевне на то, что одиночество ее тяготит:

«Трудно жить в деревне на старости лет; очень уж одиноко, однообразно. Целыми днями молчишь. Левочка до обеда почти невидим, посетителей мало, да и те ведь не избранные, а те, которые сами приезжают, и очень иногда неприятны» [5].

Толстой старается использовать эту жизнь на одном месте без внешних перемен и городского

шума, для того чтобы сосредоточиться на своих мыслях и своей работе.

И Софья Андреевна пишет о нем своей сестре:

«Левочка здоров, бодр, много гуляет, к сожалению, опять много верхом ездит и лихорадочно спешно работает свою умственную работу, точно спешит при жизни сделать, как можно больше» [6].

Переписка с Чертковым попрежнему занимает первое место среди писем, которые пишет в это время Толстой: после возвращения из Крыма, за вторую половину 1902 года, Толстой пишет Черткову двадцать писем — в среднем по письму в каждые восемь дней, рассказывая о своей работе и тех мыслях, которые его занимают.

В разговоре со своей невесткой, Ольгой Константиновной, Толстой говорит о Черткове:

«Мы с ним живем в один темп» [7].

Чертков в письмах Толстому, в свою очередь, попрежнему постоянно рассказывает ему о своей внутренней и внешней жизни, делится с ним своими планами, сообщает о том, как идет дело перевода и издания его статей, и с обычной прямотою высказывает свои суждения о его новых писаниях.

В первые годы пребывания в Англии В. Г. и А. К. Чертковы, поселившись сперва в Кройдоне, затем в Перлее, занятые очередными делами, жили там, как временные обитатели, всегда считаясь с возможностью переезда в другое место.

С течением времени у них все больше и больше является потребность выбрать себе постоянное местожительство и, наладивши свою внешнюю жизнь, делать свое дело.

Дом В. Г. и А. К. Чертковых и хранилище рукописей Толстого в Англии

Чертков писал об этом Толстому еще весной 1900 года:

«Главное, хочется мне этого внутреннего спокойствия, мира, при котором не беспокоишься о том, за что именно взяться, а ждешь ясной и несомненной внутренней уверенности, что тебе взяться нужно именно за это, а не за другое. Взявшись же за то или другое, не суетиться, боясь опоздать к следующему делу, а делать сосредоточенно и не торопясь, но настойчиво и напряженно это самое дело до конца» [8].

Осенью 1900 года был найден очень удобный особняк в ста пятидесяти километрах, к югу от Лондона, в сельской местности близ местечка Крайстчерч (Christchurch). Дом был расположен недалеко от берега моря, при нем был участок земли с фруктовым садом и огородом, и здесь можно было покойно жить и работать. Мать Черткова, проводившая лето и осень в Англии, решила приобрести этот дом для него и его семьи. В. Г. и А. К. Чертковы перевезли в Крайстчерч свою типографию, и тут начинают выходить одно за другим их издания.

Стремление Черткова построить свою жизнь так, чтобы неторопливо, но упорно делать до конца свое дело, в значительной мере осуществляется во время его жизни в Крайстчерче.

Его работа развивается в тех направлениях, которые уже определились в предшествующие годы: издается журнал «Свободное слово», выпуски которого выходят по мере накопления материала и в зависимости от наличности денежных средств, причем с декабря 1901 года по сентябрь 1905 года удается издать восемнад-

цать номеров. Печатается полное собрание сочинений Толстого, запрещенных в России, и к 1904 году удается осуществить большую часть первой серии этого издания, выпустив семь томов.

Продолжают выходить новые статьи Толстого отдельными брошюрами и некоторые другие книжки, выпускаемые издательством «Свободное слово», и развивается дело дешевого издания на английском языке книжек Толстого и других близких к ним по направлению произведений.

Поселившись в Крайстчерче, Чертков в соседнем городке Bournemouth вместе с несколькими англичанами регулярно устраивает открытые собрания — „The Progress Meetings for the consideration of the problems of life", на которых обсуждаются различные вопросы жизнепонимания, причем в прениях принимают участие люди разных взглядов. Местная газета «The Bournemouth Guardian» в продолжение четырех лет — с 1901 по 1904 год — постоянно помещает сообщения об этих собраниях.

В это время Чертков охотно принимает приглашения выступать с докладами о Толстом и его мировоззрении на разного рода собраниях — от собеседования в небольшом кружке до речи на конгрессе унитарианцев в Лондоне и доклада студентам Оксфордского университета включительно.

Чертков посылает Толстому записи некоторых своих докладов и пишет ему об этих своих выступлениях:

«Еще когда я только что приехал, милый Кропоткин говорил мне, что нельзя и не сле-

дует жить в чужой стране поглощенным одними только интересами своей страны, что от этого только слабеешь и теряешь под собой почву. Справедливость последней части его замечания я не имел случая испытать, потому что инстинктивно всегда искал общения с англичанами и всегда находил в этом освежение и укрепление для своих занятий на дому»[9].

Живя в своем доме, безопасном от посягательств русских жандармов, и не предполагая куда-либо оттуда переезжать, Чертков с особенной настойчивостью продолжает собирать в своем архиве рукописи произведений Толстого, заботясь о том, чтобы получить черновики его новых статей, оригиналы и копии его писем к разным лицам и переписанные экземпляры его дневников. Вместе с тем продолжается начатое еще в Ржевске П. М. Трегубовым дело собирания материалов о сектантском движении, и в издании «Свободного слова» появляются в форме небольших брошюр выпуски серии, озаглавленной «Материалы к истории и изучению русского сектантства».

Чертков постоянно просит Марью Львовну, ее мужа Н. Л. Оболенского и Александру Львовну списывать для него письма Толстого и высылать ему черновики, и они время от времени посылают ему эти рукописи почтовыми посылками, или с людьми, едущими за границу.

В январе 1901 года Марья Львовна посылает Черткову с А. М. Хирьяковым значительное количество черновиков произведений Толстого и копий его писем и пишет:

«Посылаю вам, дорогой Владимир Григорьевич, много добра и радуюсь вашей радости и тому, что все это, наконец, будет сохранно и при деле у вас. С любовью все это собиралось и с любовью будет вами приводиться в дело и порядок. Очень это хорошо» [10].

В начале 1903 года Чертков посылает список материалов своего архива, чтобы выяснить, не имеются ли в Ясной Поляне такие письма и рукописи, которых нет у него ни в подлинниках ни в копиях.

Н. Л. Оболенский отвечает Черткову, что с Хирьяковым ему посланы все черновики, которые в то время были подобраны; почти все копии писем, списки которых сохранились в Ясной Поляне, оказались уже имеющимися у Черткова, и оставалось лишь сделать копии некоторых еще незаконченных произведений Толстого, черновики которых пока еще нельзя было послать, так как они могли понадобиться Толстому при дальнейшей работе.

Для того чтобы хранить эти материалы в полной безопасности, Чертков задумывает сделать в своем доме совершенно недоступное огню помещение, оборудовав его согласно последнему слову противопожарной техники.

В 1906 году хранилище это было закончено. Оно представляло собой особое помещение, толстые бетонные стены которого были выложены изнутри синим, а извне красным огнеупорным кирпичом, и отделялось от остального дома целой системой дверей, начиная от наружных чугунных дверей особого устройства и кончая внутренними дверями. Согласно требованиям ар-

хивной техники, в помещении, где хранились рукописи, поддерживалась определенная температура при помощи газовой печки и вентиляции. Посторонние лица туда не допускались. Для занятий над рукописями была отведена особая комната, светлая и удобная, куда и могли выдаваться с разрешения Черткова рукописи для тех или иных работ.

В тесной связи с работой Черткова по собиранию рукописей и писем Толстого стоял вопрос и о дальнейшей судьбе этих материалов. Чертков, подготавливая к изданию писания Толстого, продолжает принимать некоторые меры, необходимые для того, чтобы дело можно было выполнить с возможно большей полнотой. Учитывая то обстоятельство, что письма Толстого к разным лицам формально являются собственностью адресатов, и возможно, что некоторые их владельцы, желая в свое время подороже продать автографы, могут воспротивиться их изданию, Чертков в августе 1902 года просит Толстого письменно подтвердить свое разрешение пользоваться копиями этих писем для издательских целей.

Толстой не сразу соглашается выполнить эту просьбу и пишет Черткову:

«Это имеет такой вид, что я пишу письма людям, имея в виду публику, а этого мне не хочется и этого нет в действительности. Я думаю, что можно списаться с теми, у кого письма. Да и вообще это не стоит того» [11].

Чертков ответил Толстому, что не думает «сетовать» по поводу этого ответа, всегда чувствует благодарность за то доверие, которое

Толстой ему постоянно оказывал и продолжает оказывать, поручая ему все дело публикации своих писаний.

Но в апреле 1903 года Чертков опять возвращается к этому делу и пишет Толстому большое письмо, в котором доказывает, что если это заявление не будет сделано, создастся очень нежелательное положение: не признавая права литературной собственности на свои писания для себя, Толстой фактически закрепит литературную собственность на свои письма за разными людьми, среди которых могут оказаться лица, чуждые по взглядам, желающие воспользоваться письмами для извлечения материальных выгод. Вместе с тем в свое время при издании писем Толстого окажется невозможным получить согласие всех адресатов, копии писем к которым имеются в архиве Черткова,—адреса многих совершенно неизвестны, многих, наверное, уже не будет в живых, и, таким образом создастся трудно преодолимое препятствие в деле «обобществления мыслей» Толстого. Вместе с тем Чертков указывал, что при печатании этих писем он, разумеется, примет меры к тому, чтобы не были опубликованы места, так или иначе затрагивающие интимную жизнь людей, с которыми переписывался Толстой, если это может быть им неприятно. Поэтому Чертков предложил Толстому, давая свое разрешение, сделать соответствующую оговорку.

Толстой ответил на это письмо согласием:

«Милый друг, Владимир Григорьевич. Получил ваше длинное письмо о моих письмах. Очень жалею, что выраженным мною опасением не

вызвать неудовольствия моих корреспондентов доставил вам столько забот. Я совершенно согласен с вашим предложением: сделать, как вы предлагаете. Вот и все» [12].

В следующем году Толстой в одном из писем к Черткову уже сам вернулся к вопросу о дальнейшей судьбе своих писаний. Завещание, изложенное Толстым в дневнике 1895 года, по которому он поручал после своей смерти подготовку к печати всех своих писаний Черткову, Н. Н. Страхову и своей жене и выражал желание, чтобы наследники отказались от собственности на его произведения, было переписано в 1901 году М. Л. Толстой, с исключением имени умершего Н. Н. Страхова, и подписано Толстым. Но Софья Андреевна, узнав об этом, решительно потребовала, чтобы эта бумага была передана ей. Толстой в конце концов уступил ее настояниям.

Софья Андреевна решила при этом не выполнять желание Толстого относительно отказа от собственности на его произведения.

«Отдать сочинения Льва Николаевича в *общую* собственность я считаю дурным и бессмысленным,—писала С. А. Толстая в своем дневнике 10 октября 1902 года.—Я люблю свою семью и желаю ей лучшего благосостояния, а передав сочинения в общественное достояние, мы наградим богатые фирмы издательские, в роде Маркса, Цетлина и другие. Я сказала Льву Николаевичу, что, если он умрет раньше меня, я не исполню его желания и не откажусь от прав на его сочинения; и если б я считала это хорошим и справедливым, я *при жизни*

его доставила бы ему эту радость отказа от права, после смерти это не имеет уже смысла для него»[13].

В письме от 13–26 мая 1904 года[14], Толстой, возвращаясь к своему завещанию, записанному в дневнике 1895 года, просит Черткова пересмотреть и разобрать оставшиеся после него бумаги и вместе с Софьей Андреевной распорядиться ими по своему усмотрению.

При этом Толстой вновь поручал Черткову пересмотреть дневники и опубликовать их, исключив «все случайное, неясное и излишнее».

Заканчивая письмо, Толстой писал Черткову:

«Благодарю вас за все прошедшие труды ваши над моими писаниями и вперед за то, что вы сделаете с оставшимися после меня бумагами. Единение с вами было одной из больших радостей последних лет моей жизни».

Выполняя попрежнему принятые на себя обязанности полномочного представителя Толстого за границей, Чертков продолжает раньше, чем кто-либо другой, получать рукописи новых статей Толстого, делится с ним своими критическими замечаниями, организует одновременное печатание его писаний в разных странах. Толстой в своих письмах Черткову все время держит его в курсе своих работ.

Едва оправившись от болезни, Толстой начинает работать над статьей «К рабочему народу».

Об этой статье он впервые сообщает Черткову в письме, в котором, отвечая на вопрос Черткова о том, что делается в России, объясняет, почему счел нужным заняться этой темой:

«Получил любезный друг, Владимир Григорьевич, ваше последнее письмо, где вы спра-

пишете о том, что́ мы в России думаем о положении вещей. Я, по крайней мере, хотя и живу в России, не могу себе составить никакого определенного мнения о том, чем все это кончится. Вы совершенно верно пишете, что русские люди проснулись. Это несомненно новый факт, и точно также верно пишет мне на-днях наш милый Булыгин, что теперешнее правительство напоминает ему того пьяницу, который говорит: „пить—умереть, и не пить умереть; так уж лучше пить". Это два главные явления. То, что русские люди, и народ даже, проснулись или просыпаются и потому начинают действовать; правительство же все глубже и глубже уходит в свою раковину и хочет не только удержать настоящее положение вещей, но и вернуться к более старому и отсталому. Из соединения этих двух явлений непременно должно выйти что-нибудь новое, но что это будет, я не могу даже гадать, да я думаю, и никто не может предвидеть, так как история никогда не повторяется. Одно, что мы можем знать, это то, что положение очень напряженное, и всем людям, желающим помочь делу осуществления добра, более чем когда-нибудь, надобно энергично действовать. Я живо чувствую это и, как я ни плох, занят теперь статьей „Обращение к рабочему народу", которую почти кончил и на-днях надеюсь выслать вам» [15].

Закончив статью и посылая ее Черткову, Толстой писал:

«Я, как всегда, много раз поправлял, но может быть от этого самого есть неловкости, несообразности, которые вы поправите» [16].

Чертков, прочитав статью, как обычно, предлагает Толстому некоторые поправки, уточняющие отдельные места. Вместе с тем он высказывает свои замечания, указывая на то, что встречающееся в статье огульное осуждение стачек несправедливо, так как стачки, без применения насилия, по его мнению, не заслуживают какого-либо порицания. А. К. Черткова, с своей стороны, писала Толстому по поводу отрицательного отзыва о революционерах, имеющегося в этой статье, что надо помнить об идейности, и даже не соглашаясь с ними, не забывать, что они руководствуются не плохими побуждениями.

Толстой принял часть поправок и ответил письмом, в котором сам подчеркивал, что высказывается с точки зрения русского „забитого" крестьянства:

«Как вы, милая Галя, меня осторожно усовещаете. Это не нужно: я вижу вашу душу и источник, из которого идет то, что вы говорите. Вы разумеется правы. Но не столько в осуждение вас или оправдание себя, а для того, чтобы указать на причину некоторого различия наших точек зрения, скажу, что вы, живя в Европе, видите рабочих фабричных, они кажутся вам всем народом, я же вижу 99% русского забитого крестьянского народа, которому, как средство выхода, спасения, выставляют борьбу классов, зло духовное и благо материальное, и не могу — без досады (виноват) видеть и слышать это. И потому увлекаюсь и неправ. Так вы не осуждайте меня очень, а также make allowance * и мне» [17].

* Делайте снисхождение.

В приписке к этому письму, предназначенной для Черткова, Толстой написал, что посылает еще поправки к статье «К рабочему народу» и добавил:

«Вообще делайте, как найдете лучшим. Как в доверенностях пишется: во всем спорить и пререкословить не буду. Et que ça finisse *. Много есть о чем писать, но теперь не могу. Дела все больше и больше, а сил все меньше и меньше, хотя на здоровье жаловаться не могу».

В одном из следующих писем Толстой сообщил, над чем работает он в это время:

«Я здоров и все пишу „Хаджи-Мурат“— балуюсь. Довел до того же, до чего доведены „Отец Сергий“ и другие, т. е. что связно и последовательно. Но хочется отделывать. А многое требуется более важное, как мне кажется»[18].

Потребность высказать свои мысли пересилила в конце концов стремление работать над художественной отделкой повести, и Толстой написал Черткову:

«Кончил „Хаджи-Мурат“, который в неотделанном вполне виде отложил и при жизни не буду печатать. Очень тяжело пишу „К духовенству“ и по вечерам чуть-чуть художественное» [19].

Вслед за небольшой статьей «К духовенству», которую Толстой окончил в начале ноября и послал Черткову с просьбой высказать свое «всегда нужное» суждение, он пишет новое произведение, впоследствии получившее заглавие «Разрушение ада и восстановление его».

---

* И пусть с этим будет кончено.

В начале января 1903 года затянувшаяся инфлуэнца вызывает у Толстого большой упадок сил. Но еще не оправившись от болезни, Толстой диктует письмо к Черткову, в котором пишет о своей работе:

«Я все слаб: день лучше, день хуже, но в общем все-таки идет как будто к лучшему, хоть это ничего и не значит... Послал вам прибавку к легенде, коли поспеет хорошо, не поспеет, и не надо. Это очень не важно. Да кстати: как озаглавить: „Легенда о разрушении ада и восстановлении его". Или просто: „О разрушении ада и восстановлении его"? Как найдете лучшим, так и сделайте» [20].

В приписке к этому письму Толстой писал о своих дальнейших творческих планах:

«За время болезни хорошо думается, одно не хорошо, что невольно представляются новые завлекательные работы, а надо не забывать, что года и болезнь ведут к близкой смерти. Особенно занимали меня в эту болезнь (этому содействовало и чтение прекрасных записок Кропоткина) воспоминания для автобиографических заметок, обещанных Поше [21], особенно радостны детские и особенно мучительны безумные года скверной жизни молодости. Хотелось бы все рассказать» [22].

Но недомогание Толстого затянулось, и до весны 1903 года он продолжает испытывать слабость, и ему не работается.

Чертков, узнав об этом, пишет Толстому:

«У меня к вам очень серьезная просьба или предложение: когда вам не пишется, то более серьезное, что вам хочется писать, то для того,

чтобы ваш писательский „талант“ не оставался бы непроизводительным, пишите так, между прочим, маленькие рассказы или притчи для иллюстрации той или другой нравственной или религиозной истины. Пишите хотя бы для детей только. Это очень нужно, и при вашем теперешнем периоде развития эти маленькие плоды, лишь только вы приложили бы к ним пальцы, отпадали бы от вас совсем зрелые и готовые для поступления к нам в пищу. А для того, чтобы не увлекаться слишком этим, т. е. не быть вовлеченным в тщательную обработку этих вещей, что могло бы отвлечь ваше внимание и силы от других работ, которые вы считаете более важными,—присылайте эти наброски, писанные, когда другая работа не клеется, присылайте их мне в частном письме в виде самого первоначального наброска. Я же буду их списывать и сохранять, а когда наберется достаточное количество, то когда-нибудь приплю вам для окончательного пересмотра, а если и не прийдется этого сделать, то и так хорошо: читатели будут знать, что это именно только черновые наброски...Вы не можете себе представить, каким *громадным* подспорьем для убедительности ваших остальных писаний служит всякое ваше художественное произведение, даже не произведение, а просто художественный образ, сравнение, притча» [23].

Но Толстой знал, что художественная работа, даже в такой начальной форме, требует большого душевного напряжения, и ответил Черткову, что не может выполнить эту просьбу:

«Совету вашему первому о том, чтобы писать художественное, когда не работается, не могу следовать. Если нет большого подъема душевного, невозможно писать художественное. Писать кое-как стыдно, особенно в мои годы. Но я не скучаю от неписания, которое впрочем теперь проходит. Все стараюсь изложить мое определение жизни в дневнике. Я посылаю вам несколько листков дневника...» [24].

Вслед затем, получив известие, что Толстой чувствует себя лучше и делает наброски своих воспоминаний по просьбе П. И. Бирюкова, составлявшего его биографию, Чертков пишет ему о том, какое значение может иметь эта работа.

Еще в июле 1902 года Чертков, сообщая, что он предоставил П. И. Бирюкову материалы из своего архива для задуманной им работы, писал Толстому, как важно было бы, чтобы он написал свои воспоминания. Теперь Чертков вновь возвращается к этой мысли и в письме от 31 марта 1903 года пишет Толстому:

«Я так рад известиям о том, что вам лучше. Также очень радовался тому, что вы по временам занимаетесь записыванием ваших воспоминаний. Боюсь только, что так как это касается вашей собственной личности, то это может показаться вам неважным. А между тем такое предположение было бы большою ошибкою. Мысль, рост сознания, связанные с определенною личностью, да еще с личностью самого писателя, да еще такого писателя, как вы,— имеют *громадное* значение для людей теперешнего и последующих поколений; и в *своем* роде—значение даже большее, чем самые тща-

тельно изложенные отвлеченные рассуждения. Если бы от меня зависело бы, то перед смертью каждого человека, в котором происходил при жизни рост духовного сознания, я отделял бы его в отдельное помещение, и на столько прибавлял бы ему жизни, чтобы он успел, хоть в общих чертах, письменно поведать людям главные, в его представлении, черты всех периодов прожитой им жизни. Составилась бы такая библиотека, в сравнении с которой побледнели бы, в смысле полезности, все остальные. Для меня по крайней мере ничто не бывает так поучительно, как подобные автобиографические воспоминания. А потому вы можете себе представить, как я желал бы, чтобы вы записывали ваши воспоминания. Последовательности вовсе не требуется. И не требуется останавливаться на том, о чем неприятно или тяжело вспоминать. Лучше всего просто описывать общими чертами значение и душевную характеристику эпох жизни, *иллюстрируя* это примерами из фактических воспоминаний, так подробно или неподробно, как бог на душу положит».

Но Толстой, занятый другими темами, не воспользовался и этим советом — воспоминания остались в виде незаконченного наброска.

Так же как и в предыдущие годы, Чертков посылает Толстому рукописи своих статей.

В марте 1903 года Чертков заканчивает большую статью «Насильственная революция или христианское освобождение» [25], в которой он противопоставляет революционному движению пассивное сопротивление путем отказа от выполнения правительственных распоряжений.

Получив и прочитав эту статью, Толстой пишет Черткову:

«Посвятил два дня, т. е. рабочее время дня на чтение и обдумывание вашей статьи. Кое-что изменял, исключал, в одном месте поставил 5. Статья, чрезвычайно важная по содержанию и заключающая много нужного добра, и потому занимался ею с радостью, сознанием важности дела».

Перечислив по главам намеченные исправления, Толстой подводит итоги своим замечаниям:

«Исправление должно состоять в том, чтобы не только сжать, выпуская не прямо идущее к теме, но и сжать фразы, выпуская слова, не боясь неясности. Кроме того, смягчить все выражения, как против правительства, так и против революционеров. Тоже смягчить похвалы революционерам за их самоотвержение».

В заключение Толстой писал, что постарается написать к этой статье предисловие, и заканчивал просьбой:

«Не сердитесь на меня за то, что я так смело поправлял и не только язык, но кое-где и мысли. Вы примете то, что годится, и отбросите негодящее» [26].

Чертков ответил, что с радостью прочитал письмо Толстого и вполне согласен с его поправками.

Вскоре после того—7 мая 1903 года—Толстой послал Черткову свою статью, озаглавленную «Послесловие к обращению к рабочему народу» и в свою очередь просил:

«Напишите, что заметите».

Ясная Поляна. Службы

Чертков написал Толстому, что вполне согласен с содержанием этой статьи, но не одобряет ее заглавия:

«Вот заглавие уж очень и не интересное и какое-то неловкое. Нельзя ли оставить „Послесловие к обращению к рабочему народу“ подзаголовком; а заглавие придумать, выражающее общую мысль статьи? Когда перечту ее, то постараюсь из вашего же изложения подобрать подходящее заглавие» [27].

Толстой ответил, что замечание Черткова ему кажется верным, и предложил:

«Не дать ли заглавие „К политическим деятелям“ и больше ничего?» [28].

Под этим заглавием статья и вышла в издании «Свободного слова» в том же году.

Переписываясь с Чертковым по поводу своих статей, Толстой в то же время сообщает ему о себе и своем самочувствии.

Начав письмо от 11 июня 1903 года деловым сообщением о том, что поправил корректуры одного из томов издаваемого Чертковым «Полного собрания сочинений Толстого, запрещенных в России», он рассказывает затем о своем настроении и работе:

«Я живу очень хорошо. Кое-что пишу в „Хаджи-Мурате“ о Николае Павловиче — отдельную главу, которая хотя будет и непропорциональна с целым, чрезвычайно привлекает меня. Еще, несмотря на очевидную близость конца, задумал три вещи, которые очень хочется написать и за которые хочу приняться. Нынче ходил с маленькими детьми 8-ми и 9-ти лет (одна — дочь лакея, другой — сын племянницы Денисенко) гу-

лять в лес, в самую глушь. Заблудились, устали и вернулись счастливые и довольные».

В других письмах Толстого к Черткову, написанных летом 1903 года, слышится такой же бодрый тон.

В начале августа Толстой, объясняя В. Г. и А. К. Чертковым, отчего он долго не отвечал на их письма, писал:

«Произошло это от того, что я слишком здоров. По утрам работаю—пишу, потом еду кататься верхом верст 20 и больше, потом ложусь перед обедом отдыхать, потом обедаю, потом усталость, чтение писем, гости. И каждый день говорю: напишу нынче письма—и не могу и откладываю. Главная причина утренняя умственная работа. Написал я за это время три сказки, которые отдал в еврейский сборник в пользу пострадавших в Кишиневе, и списки пришлю вам. Сказки плохи [29]. Но надо было освободиться от них. А рассказ совсем случайный „Дочь и отец“ [30], который я никуда не назначаю, не дурен. Еще много читал, думал и писал в двух главах „Хаджи-Мурата“ о Николае Павловиче. Это не кончено, но то, что задумано мною и как задумано, кажется мне хорошо и важно» [31].

В конце августа Толстой захворал, получив ушиб ноги во время прогулки верхом. Ушиб прошел, но Толстой продолжал прихварывать. Тем не менее он продолжает работать: пишет статью «О Шекспире и о драме» и предисловие к издаваемой Чертковым по-английски биографии проповедника учения о непротивлении злу насилием Гаррисона.

Чертков занят в это время подготовкой к печати очередных томов «Полного собрания сочинений Толстого, запрещенных в России». Он ведет эту работу с педантической точностью, нередко запрашивая Толстого по поводу отдельных мест или даже отдельных слов, вызывающих те или иные сомнения, и посылая Толстому гранки корректуры.

Например, в январе 1904 года Чертков пишет Толстому:

«Мы теперь приступаем к печатанию того тома вашего „Полного собрания [сочинений]", в котором будет „Краткое изложение Евангелия". Но оказывается, что у меня имеется два варианта *предисловия* к нему: одно, напечатанное уже нами в нашем отдельном издании краткого Евангелия с примечаниями из подробного исследования... Другая версия у меня рукописная была, по которой я дал набрать прилагаемые несверстанные еще гранки. Я думаю, даже почти уверен, что эта версия содержит ваши *последние* поправки. Но так как для „Полного собрания [сочинений]" очень важно, чтобы в этом не было ни малейшего сомнения, посылаю вам при сем обе версии, прося вас взглянуть на них и сообщить мне по возможности безотлагательно, которая из них последняя и окончательная».

Далее, обращая внимание Толстого на то, что он употребляет слова «церковь» и «секта», как синонимы, Чертков пишет, что обыкновенно в представлении читателя эти слова имеют различный смысл. Поэтому во избежание недоразумений он предлагает поместить оба слова

там, где Толстой, имея в виду и церковь и секты, употребляет лишь один из этих терминов. Подчеркивая в гранках эти места красным карандашом, Чертков поясняет:

«Во-первых, я не решаюсь брать на себя такое самоуправство, а во-вторых, вы, может быть, предпочтете исправить дело как-нибудь иначе, или оставить, как было первоначально»[32].

Толстой отвечал на это письмо:

«Тороплюсь поскорее отослать эту корректуру. Я все понял и в конце изменил иначе. Надеюсь, что вы одобрите. Все прекрасно. Вероятно, это последняя верстка. Всегда с любовью и благодарностью думаю о вас»[33].

Вспыхнувшая на Дальнем Востоке война между Россией и Японией отодвинула очередную работу, которой занят был Толстой. Он сам написал об этом Черткову:

«Перебила мои занятия художественными и философскими работами необходимость написать о войне. Надеюсь скоро кончить. Мне писал из Берлина редактор «Woche», прося статью о войне. Я отвечал ему, чтобы он обратился к вам, так как я пришлю, разумеется, вам и вы уже распорядитесь, как найдете хорошим»[34].

Толстой упорно работает над статьей о войне «Одумайтесь!», которая, как это почти всегда бывало с его статьями, не сразу ему далась, но чем больше он над ней работал, тем больше его увлекал процесс работы. В начале апреля Толстой посылает Черткову первые десять глав и продолжает работать над заключением статьи, делая вместе с тем поправки к тем главам которые он уже отправил в Англию.

И только в конце апреля он заканчивает эту статью и делает запись в своем дневнике:

«Все это время писал еще прибавление к статье о войне. Нынче кончил и доволен ей» [35].

Чертков, получив рукопись, пишет, что очень был рад ее прочитать и находит ее в высшей степени нужной. Затем он высказывает свои соображения относительно отдельных мест этой статьи.

Толстой предпослал каждой главе длинные эпиграфы, содержащие мысли о недопустимости войны, взятые у разных авторов.

Чертков пишет по этому поводу:

«Эпиграфы сами по себе великолепны и производят сильное впечатление. Но разбитые вперемежку с главами вашей собственной статьи, они слишком обрывают нить вашего рассуждения и нарушают то душевное слияние читателя с автором, которое необходимо для надлежащего восприятия его мысли. Собственно говоря, статья состоит из двух частей — 1) вашего изложения, 2) прекрасного собрания отдельных мыслей по поводу предмета вашей статьи. И так именно в виде двух отдельных частей и следовало бы печатать... Это было бы выгоднее и, повторяю, для вашей статьи и для самих эпиграфов, так как, когда они помещены между главами вашей статьи, то читатель или перескакивает через них или читает их поверхностно, чтобы не терять нити вашего рассуждения» [36].

Толстой не согласился с этим советом и ответил Черткову:

«Эпиграфы, я думаю, лучше оставить так, как есть. Я, когда читаю статьи с длинными эпиграфами, пропускаю их, а потом читаю» [37].

Чертков возразил, хотя, что это признание Толстого является как-раз аргументом в пользу выделения эпиграфов особо, но Толстой остался при своем мнении и, оговорившись, что при печатании статьи в газетах, если редакторы будут несогласны печатать выдержки из других авторов, можно сделать уступку, написал Черткову:

«На помещение эпиграфов отдельно я не согласен. Мне кажется, это совсем лишит эпиграфы их значения. Жалею, что несогласен с вами, но прибавляю, что если вы сделаете все-таки по-своему, то я не очень огорчусь» [38].

Чертков еще в предыдущем письме, убеждая Толстого выделить эпиграфы из текста статьи, сделал оговорку, что, разумеется, выполнит его желание с педантической точностью. Он не стал больше возражать по этому поводу, и эпиграфы остались на тех местах, где их поставил Толстой.

Чертков сам перевел «Одумайтесь!» на английский язык и организовал одновременное появление этой статьи в газетах Англии, Франции и Германии, а вслед затем она появилась в многочисленных отдельных изданиях в Европе и Америке.

Статья задела чувства людей, настроенных патриотически, и Толстой писал об этом Черткову:

«Получаю теперь письма озлобленные за статью. И мне больно от того, что чувствую себя виноватым. Нельзя отдаваться негодованию, не должно быть его, должна быть кроткая любовная рассудительность, убедительность. А этого нет у меня. И чувствую себя виноватым»,[39]

Чертков ответил на это Толстому, что до него доходят совсем другие отклики на эту статью— на многих она произвела большое впечатление — и что никакое другое писание Толстого за последнее время не имело такого действия. Вместе с тем Чертков не соглашался с теми упреками, которые делал Толстой себе относительно тона статьи «Одумайтесь!», и писал ему по этому поводу:

«Бывает случай, как на пожаре, когда необходимо закричать во все горло, и это ваше воззвание было таким криком. И я, глядя отсюда со стороны, вижу, скольких оно разбудило по всему миру и как благодарны вам все те, чей голос был недостаточно громок, чтобы так широко разнестись. Если исключить из жизни всякую страстность в хорошую сторону и способность возбуждаться и возмущаться (не против людей, а против зла), то жизнь во всех отношениях потеряла бы. Это не мешает тому, что имеют свое место и назначение также и выражения мысли более спокойные, созерцательные и общие, то-есть не вызванные впечатлением отдельных случаев страшных людских бедствий. Эти более спокойные выражения мысли могут, действительно, требовать более высокого духовного подъема и более совершенного равновесия между мыслью и чувством. Поэтому осуществимы они реже» [40].

Толстой в это время как-раз много думал о такой работе, которая давала бы ему возможность сосредоточиться на тех «спокойных, созерцательных и общих мыслях», о которых писал Чертков.

Еще в первых числах января 1904 года он начинает работать над осуществлением своего старого замысла—создать «Круг чтения», в котором были бы собраны мысли по вопросам религии и этики, взятые из разных источников, и, кроме того, давался бы соответствующий материал для чтения в форме небольших художественных рассказов.

Русско-японская война и вызванная ею статья «Одумайтесь!» отодвинула эту работу. Но закончив эту статью, Толстой возвращается к «Кругу чтения» и делает запись в своем дневнике:

«Война волнует, но меньше, потому что пар пошел в работу» [41].

Осенью 1904 года Толстой усиленно работает над «Кругом чтения» и пишет Черткову:

«Был очень напряженно занят „Кругом чтения“ и теперь кажется, что весь вышел и в голове труха и ничего писать не могу и радуюсь тому, что нисколько этим не огорчаюсь» [42].

В этом же письме он просит Черткова выслать ему для «Круга чтения» материалы из того «Свода», над которым Чертков работал вместе со своей женой и сотрудниками в течение многих лет, выписывая мысли Толстого из всех его писаний и располагая их в систематическом порядке:

«Я пришлю к вам все целиком, когда будет готово, и буду еще просить вас редактировать, изменять, выключать»,—добавляет Толстой.

Для Черткова эта работа Толстого могла быть особенно интересна, так как он сам, несмотря

на то, что очередные издательские дела берут у него много времени, продолжает напряженно думать на те же темы, которые интересуют и Толстого.

С характерным для него постоянством Чертков развивает мысли, занимавшие его еще двадцать лет тому назад, и делится выводами с Толстым.

Иногда в одном и том же письме Чертков пишет и о том или ином деле и о тех общих вопросах, которые в это время его занимают. Так, например, в письме от 2 июня 1904 года Чертков пишет о том, что меняет эпиграфы к статье «Одумайтесь!» так, как этого желает Толстой, и в то же время рассказывает Толстому о своих спорах с англичанином Бригом о свободе воли: мысли Брига, совершенно отрицавшего свободу воли, представляются Черткову неправильными, так как, если их довести до конца, они могут привести к отрицанию обязанности осуществлять в своей жизни свой долг и направлять жизненный путь в определенном направлении.

Через некоторое время Чертков опять возвращается к этому вопросу и в двух длинных письмах от 1 и 22 ноября рассказывает, как постепенно складывались его взгляды на свободу воли.

В первом из этих писем Чертков писал:

«Как я вам уже как-то писал, я помню, что много лет тому назад, во время одного разговора вашего с несколькими нашими единомышленниками, в котором свобода воли принималась, как несомненный факт, я отчасти потому, что об этом

вопросе сам по себе много думал раньше, отчасти потому, что всеобщее беспрекословное согласие с вами ваших собеседников меня раззадорило—заметил перед уходом от вас, что „собственно говоря, свободы воли вовсе и не существует". Вы посмотрели на меня внимательно, помолчали и при моем уходе сказали мне спокойно и очень серьезно, что, „нет, мы свободны и вы сами это сознаете" или что-то в этом роде. Помню после этого мое смешанное чувство с одной стороны, что вы никак не могли бы доказать нашу свободу воли, если бы я стал вам возражать, а с другой стороны, что вы, в сущности, правы, ибо я действительно был в душе уверен в возможности свободы воли и без этого сознания не мог бы жить».

Далее, приводя и сопоставляя мысли Толстого на эту тему, выраженные в «Царстве божием» и в дневниках, Чертков высказывает свое убеждение в том, что без признания свободы воли духовная жизнь человека свелась бы к случайному и безответственному действию.

Толстой, занятый в это время работой над «Кругом чтения», кратко откликается на письмо Черткова, выражая согласие с его взглядами:

«Относительно свободы воли я думаю, что ваши мысли справедливы, но выражены слишком сложно. Надо свести их в более простую форму, как делают в алгебре с уравнениями, но уравнение, я думаю, правильно» [43].

И дальше, рассказывая о своей работе над «Кругом чтения», Толстой сообщает те разделы,

по которым он хотел бы получить материалы для этой книги из «Свода», который составлял Чертков.

Работа над «Кругом чтения», которой отдавался в это время Толстой, была ему приятна. Он неохотно отрывался от нее, когда жизнь настоятельно требовала отклика на современные темы. Между тем наступил 1905 год, и с разных сторон к Толстому начали поступать запросы о том, как он относится к совершающимся событиям.

В январе 1905 года Толстой высказал свое мнение в небольшой статье—«Об общественном движении в России» и, посылая рукопись Черткову, писал:

«Мне неприятно было ее писать, потому что в ней много недосказанного, того, что я начал писать в большой статье об этом предмете. И теперь, отправляя ее, мне кажется, что она слаба и лучше вовсе не печатать ее. Если вы согласны с этим, так и делайте. Если же будете печатать, то печатайте, как есть. Не возвращайте меня к ней. Времени мало, а так хотелось бы многое еще сказать и, как мне кажется, более важное. Время очень волнительно и больше, чем когда-нибудь, надо стараться не поддаваться гипнозу массовому, и только с большей энергией, не отвлекаясь, делать то, что делал, если считаешь, что делал то, что должно» [44].

И в одном из следующих писем Толстой пишет, что закончил упомянутую им выше «большую статью»—«Единое на потребу». Вместе с тем он набрасывает обширный план

тех работ, которым он хотел бы отдать свои силы:

«Я зарылся в делах начатых. Окончить их очевидно немыслимо и выход из этих начинаний один—умереть. Но разумеется, как мужики говорят про хороших работников, с кочедыком (чем лапти плетут) в руках. Затеянные дела: „Круг чтения", рассказы для него—написал один и не кончил. Между прочим написал предисловие к Ламене, к Паскалю, к Хельчицкому и к „Учению XII Апостолов". Выбрал из Хельчицкого 8 мест для недельных чтений. Все это, вероятно, не пройдет в России, но может быть напечатано за границей.

«Другая работа—это изложение веры простое, ясное, народное, детское. Работаю над этим и очень приятно и полезно для себя, но до сих пор без результата. Думаю иногда, что эта работа мне не по силам. Буду стараться, а я не сделаю, так сделает кто-нибудь другой. А нужно, нужно, нужно.

«Третья работа—мои воспоминания, которые только начал. Четвертая работа—„Круг чтения", простым, понятным детям и народу, языком. Четвертая [sic], постоянно занимающая меня работа—это изложение моего философского миросозерцания. Это я отрывками записываю в дневниках. Пятая—главная работа—это исправление себя, своих гадостей, слабостей. Это все работы, необходимость которых я признаю, работы важные, но есть еще работы и планы работ легкомысленных для своего удовлетворения: это старые планы художественных вещей, которые вновь написать, а которые

исправить, и кроме того статьи на злобы дня, как теперь начатые мною о заступниках народа и о неправде земельной собственности и Генри Джордж. Вот нахвастался. Простите. Это вы своей неподобающей мне оценкой моей деятельности ввели в этот обман. В здоровые минуты помню, что время отъезда, temps de plier bagage *, и дело только в том, чтобы оставшиеся дни прожить так, как хочет того бог» [45].

Чертков получил это письмо в то время, когда перед ним начали открываться новые перспективы: явилась возможность побывать в России и повидаться с Толстым. Незадолго до того, учитывая, что положение в России несколько изменилось, Чертков решил сделать попытку получить разрешение приехать в Россию на три недели для свидания с матерью и с Толстым.

Е. И. Черткова решила обратиться с письмом к царю, прося разрешить ее сыну приезд в Россию на три недели. Чертков, стремясь получить разрешение приехать в Россию, тем не менее считал необходимым подчеркнуть, что он не находит возможным просить об этом разрешении, как о высочайшей милости, и не возьмет на себя никаких обязательств относительно дальнейшего своего поведения.

Он писал об этом своей матери:

«Очень очень благодарю тебя за твое доброе участие. По поводу твоего письма обо мне я понимаю вполне, что ты, с твоей точки зрения, употребила слово „милость“, но мне было бы

* Время укладывать багаж.

неприятно, если тот, кому письмо написано, подумает, что и я смотрю на это, как на „милость". Я считаю это не милостью, а временным перерывом жестокого и нравственно незаконного насилия. Точно также и относительно моего поведения, я могу только сказать, что *цель* моей просьбы не есть желание пропагандировать, а только свидеться, но никаких обещаний я давать не могу, оставляю за собой полную свободу действий, не связываясь решительно никакими ограничениями. Поэтому-то я и сомневаюсь в успехе. А если успех будет, то очень надеюсь, что он состоится не на основании недоразумения в этом отношении» [46].

Вопреки ожиданиям Черткова разрешение на поездку в Россию было дано, хотя и с некоторыми оговорками.

Чертков писал об этом Толстому:

«Милый друг, Лев Николаевич, пишу вам только несколько слов, чтобы сообщить, что я получил „разрешение" посетить Россию на три недели для того, чтобы повидаться с вами в Ясной и с матерью в Петербурге. Нет надобности выражать вам словами, какою радостью для меня будет личное свидание с вами, если, бог даст, оно состоится, тем более, что, судя по тому, как выдано было это разрешение, обнаруживается, что разрешение вообще вернуться жить в Россию при теперешней моей деятельности я навряд ли получу: во-первых, срок для приезда в Россию мне назначили *не раньше* 1-го июня, в виду ожидающихся беспорядков; во-вторых, остановиться мне разрешают *только* у вас и в Петербурге; в-третьих, категорически

настаивают, чтобы пребывание мое в России не превысило бы 3 недели. Все это, конечно, очень лестно, хотя, к сожалению, совсем не по заслугам; но вместе с тем обнаруживает, что о возвращении совсем в Россию пока думать нечего. И вот поэтому я тем более счастлив открывшейся, повидимому, возможности вас еще раз повидать лицом к лицу в этой жизни. И так, в июне надеюсь навестить вас» [47].

Толстой немедленно по получении этого письма ответил на него несколькими строчками:

«Я как будто предчувствовал, ничего не слыхав о ваших действиях для поездки в Россию, что я увижу вас. Теперь может быть и свидимся. Это будет для меня очень радостно» [48].

Во второй половине мая Чертков поехал в Россию и, пробыв несколько дней в Петербурге, приехал в Ясную Поляну. Он прожил там больше недели, и после его отъезда Толстой записал в дневнике:

«Третьего дня уехал Чертков. Было очень, сверх ожидания, хорошо с ним» [49].

Радостное настроение, которое пережил Толстой во время пребывания Черткова в Ясной Поляне, было тем более сильно, что и Софья Андреевна встретила Черткова приветливо и гостеприимно.

За последние годы перед приездом Черткова Толстой писал и опубликовывал почти исключительно такие произведения, которые не могли появиться в России и быть изданы С. А. Толстой, и то обстоятельство, что он пересылал эти свои рукописи Черткову для опубликования за границей, не могло нанести какой-либо

ущерб ее изданиям. Вместе с тем за семь лет, прошедших со времени высылки Черткова, естественно, в значительной степени сгладились те трения, которые бывали раньше между ним и Софьей Андреевной. И в ответ на письмо, в котором Чертков благодарил за гостеприимство, Софья Андреевна писала ему:

«Ваш приезд в Россию и ваше пребывание у нас было настоящим сердечным праздником, к сожалению, слишком коротким. Мне так радостно было видеть счастливое лицо Льва Николаевича, когда он смотрел на вас и беседовал с вами. И всем нам все время, каждую минуту вашего пребывания в нашем доме, было необыкновенно приятно и радостно» [50].

Чертков, с своей стороны, подвел итоги пережитому во время этого свидания с Толстым в одном из писем к нему после возвращения в Англию:

«Как хороши и дороги те духовные отношения, которые нас с вами соединяют: при таких отношениях все земное, все то, что можно выразить словами и что можно не успеть высказать,—все это—второстепенное, а главное, что нас соединяет и в чем одном наша истинная жизнь, не нуждается в переговорах и в обсуждении, а *есть* одно и то же в нас обоих, не нуждаясь в выражении. И последнее особенно ясно обнаружилось мне при нашем последнем свидании, когда после стольких лет разлуки, казалось, было так много, о чем переговорить и сговориться, а между тем общение наше прошло, как будто мы только вчера виделись и увидимся опять завтра» [51].

Ясная Поляна. Деревня

И в первом же письме после отъезда из Ясной Поляны Чертков так же пишет об очередных делах, связанных с опубликованием произведений Толстого, как писал об этом и в письмах, написанных перед поездкой в Россию. Он сообщает, что, будучи в Москве проездом в Петербург, постарался обеспечить напечатание в «Русской мысли» новой статьи Толстого «Великий грех» без редакционных пропусков, переговорив об этом за отсутствием редактора журнала В. А. Гольцева с Н. В. Давыдовым.

«К Давыдову я заехал вчера по дороге с вокзала. Гольцева, оказывается, сейчас нет в Москве. Но я объяснил Давыдову о том, как важно не допускать в русском издании таких урезок, которые могли бы придать обличительной стороне однобокий характер и тем усилить впечатление, что вы менее отрицательно стали относиться к правительственному, чем к либеральному, злу. Он вполне со мной согласился, и я решил предоставить ему контроль над действиями с вашей статьей Гольцева, который, как издатель, легко может допустить слишком много компромисса ради возможности поместить у себя вашу статью» [52].

Вернувшись в Англию, Чертков сразу же принимается за издательскую работу: сдает в набор для отдельного издания на русском языке статью «Великий грех» и уже 8 июля нового стиля посылает корректуру Толстому, обращая его внимание на некоторые мысли, нуждающиеся в более ясной формулировке во избежание недоразумений. Вместе с тем он редактирует перевод этой статьи на английский язык, чтобы

поместить ее в газете «Times», и, окончив эту работу, начинает редактировать английский перевод статьи Толстого «Единое на потребу».

Толстой, возвратив корректуру статьи «Великий грех», пишет Черткову о переводе и издании других своих последних произведений и рассказывает о своей работе:

«Получил от Кросби письмо с просьбой написать предисловие к его статье о Шекспире, и решил напечатать свою статью. Пускай она будет в виде предисловия. За одно переводите и издавайте „Божеское и человеческое". Надеюсь, что это не будет нехорошо.—Послал вам предисловие к „Великому греху". Все это время дурно работается, кажется, что много могу и хочу сделать и ничего не выходит. А события будят, требуют ответа на них. Может быть, заблуждаюсь, но так кажется» [53].

Чертков, в свою очередь, рассказывает о своей деятельности. В длинном письме, начатом 12 и оконченном 28 августа, Чертков сообщает Толстому:

«Все последнее время я был преимущественно занят переводом и корректурою ваших статей — работой очень радостной, хотя и довольно напряженной. Я очень рад, что статьи эти, все без разбора, принимаются в „Times" и что они вследствие этого получают сразу всемирное распространение. Вчера я был совсем удивлен, получив от редактора „Times" ответ, что он принимает „Единое на потребу", которая появится одновременно в разных странах 29 и 31 августа нового стиля». Продолжая это письмо после перерыва, Чертков писал: «Сегодня же

28-ое. Следовательно, письмо это я пишу больше двух недель. Меня отвлекали разные текущие хлопоты, между прочим, приезд 180 духоборов из Якутска, для которых пришлось все приготовить. Ездил встречать их в Лондон, а завтра еду с Димочкой проводить их в Ливерпуль. Некоторые из них гостили у нас здесь. Сейчас с нами Ольховик с семьей и родственниками, приехавший из России отдельно. Кроме того, к этой партии присоединяются некоторые отдельные духоборы с Кавказа, также прибывшие отдельно, и духоборка с ребенком, застрявшая у нас, вследствие болезни глаз. Одним словом у нас незаметно образовался настоящий переселенческий пункт, а это требует обширной и внимательной переписки и хлопот, что поглощает много времени».

Отвечая на это письмо, Толстой писал Черткову:

«Часто думаю о том особенном счастьи, которое мне выпало на долю иметь такого друга и товарища, как вы. Одно последнее время, сколько вы работали для нашего (хочется думать, что не нашего, а божьего) дела: мои две статьи, духоборы 180 человек, дальнейшие ваши работы. Ну, да счеты эти сведутся сами собой, мне только хотелось сказать, что я радуюсь и как я радуюсь тому, что вы есть» [54].

Получив от Толстого письмо о том, что он находит возможным печатать свою статью «О Шекспире и о драме» и рассказ «Божеское и человеческое», Чертков начинает переводить статью о Шекспире и сдает в набор рассказ «Божеское и человеческое». Вместе с тем неко-

торые места в этом рассказе вызывают критические замечания Черткова, и, как всегда, он делится ими с Толстым. Посылая корректуру этого рассказа Толстому, Чертков писал:

«Посылаю вам корректуру „Божеского и человеческого". Хотя и не уверен, будет ли вам это приятно, но вы найдете на полях заметки мои карандашом, выражающие некоторые наши сомнения, требующие вашего разрешения. Если вам захочется делать крупные изменения в изложении, то ради бога не стесняйтесь, опасаясь причинить нам лишний труд. Наша типография существует главным образом для печатания ваших писаний, и было бы просто обидно, если бы вы больше с нами стеснялись, чем вею жизнь поступали с коммерческими типографиями. Мы рады будем, если нужно все набрать вновь, хотя вещь эта нам кажется превосходной и так, как она есть» [55].

Толстой, как всегда, прочитав свой рассказ в корректуре, начал вновь над ним работать и писал об этом Черткову:

«Получил ваше письмо, милый друг, и корректуру „Божеского и человеческого". Боюсь, что сделаю этим вам большое затруднение, но, начав перечитывать „Божеское и человеческое", ужаснулся на то, что главная часть—предсмертные часы Светлогуба—отвратительно дурны. Спасибо, что прислали. Напечатать это не только было бы позорно, но жалко потерять случай высказать много нужного. Я постараюсь и намерен это сделать. Не сделал же этого до сих пор потому, что очень был занят» [56].

Через две с половиной недели Толстой пишет, что внес в рассказ свои поправки, отдал его переписать и думает немедленно выслать рукопись. Но затем он вновь и вновь принимается за эту работу. Только через два месяца возвращает рассказ и пишет Черткову:

«„Божеское и человеческое“ я так много изменял, исправлял, что больше не могу и не буду. Оно переписывается и завтра будет выслано вам» [57].

Осенью 1905 года Чертков предпринимает и некоторые новые шаги для планомерного издания произведений Толстого на иностранных языках. Организованное им за несколько лет до того издательство «The Free Age Press» с целью издания по возможно более дешевым ценам писаний Толстого и близких ему по своему содержанию произведений довольно широко развило работу. Издательство выпускало даже значительные по своему объему книжки—«В чем моя вера», «Так что же нам делать», «О жизни», «Царство божие внутри вас»,—расценивая их по шести пенсов,—т. е. около двадцати пяти копеек за экземпляр. Издания расходились довольно хорошо, но крайне низкая их цена привела к тому, что средства издательства в конце-концов истощились.

Для того чтобы спасти издательство от ликвидации, Чертков задумывает использовать первое издание новых произведений Толстого для получения средств на продолжение работы «The Free Age Press» и намечает некоторые мероприятия с этой целью.

Чертков в письме от 12 октября 1905 года подробно написал Толстому о своих планах. Толстой поспешил ответить ему полным согласием:

«Мне одно жалко было, что вы так много писали о деле, а мало или скорее ничего о себе. Для меня нет и не может быть сомнения, что то, что́ вы делаете,—хорошо, и во всех этих делах мне только совестно, что я невольный повод забот, и боюсь, часто тяжелый для вас. И всякий раз, вспоминая об этом, только живее и живее чувствую мою благодарность вам» [58].

Вслед за тем Чертков принимает некоторые меры и для того, чтобы произведения Толстого, раньше напечатанные за границей, публиковались бы в России возможно более точно и верно.

Резкое ослабление цензуры в результате революции 1905 года позволило разным издательствам начать перепечатывать в России произведения Толстого, ранее запрещенные и напечатанные за границей, причем иногда они пользовались не изданиями Черткова, а другими, менее точными, например, изданиями женевского книгоиздателя М. К. Ольшванга. При этом не только не учитывались дополнения, какие можно было бы сделать по рукописям Толстого, но часто опускались по тем или иным соображениям отдельные места из текста Толстого.

В связи с этим Чертков решил предложить всем русским издателям обращаться к нему за проверенным текстом произведений Толстого, которые они намеревались переиздать, и писал по этому поводу Толстому:

«Я разумеется, поставил бы себе в обязанность снабжать ревнительно всех обращающихся ко мне русских издателей точными экземплярами всех ваших, изданных уже, писаний, и вместе с тем употребил бы все мое влияние на то, чтобы читающую публику не вводили в заблуждение относительно общего духа и всестороннего характера ваших писаний, выпуская из печати нецензурные места без указаний на то, что таковые выпущены» [59].

Уступки, которые вынуждено было сделать правительство после всеобщей забастовки в октябре 1905 года, открывают для Черткова возможность перенести свою деятельность в Россию. Толстой излагает свою точку зрения на происходящие события в статье «Конец века», посылает рукопись Черткову и в то же время спрашивает о дальнейших его планах:

«Нынче я вновь пересмотрел эту статью, сделал в ней поправки и прибавления и отошлю вам одновременно с этим письмом или днем позднее. Статья эта, как увидите, имеет, кроме внутреннего значения, еще и временное, и желательно выпустить ее поскорее. Я не обманываюсь результатами, которые она может иметь, но все-таки думаю, что хоть несколько людей, прочтя ее, задумаются над тем, что они делают и что надо делать. Теперь ее можно напечатать в России, и у меня просят ее, но я торопился послать ее вам и хотел бы поступить с ней так же, как со всеми прежними. Если решу печатать здесь, то предварительно сообщу вам.

«Перемена цензуры и свобода цензуры должна будет отразиться на вашей жизни и дея-

тельности. Что вы думаете и что предпринимаете?» [60].

Чертков принимает меры для одновременного издания статьи «Конец века» в разных странах, продолжает вести текущую работу и вместе с тем обдумывает свое возвращение в Россию. В ответ на вопрос Толстого, Чертков сообщает, что он и Анна Константиновна считают необходимым вернуться в Россию, с тем чтобы и там продолжать свою работу по изданию и распространению произведений Толстого. При этом они предполагают, если не помешают события, весной приехать в Россию, а затем поселиться в Финляндии, потому что там можно будет, вероятно, более спокойно жить и работать, и даже собираются перевезти туда со временем свою типографию, так как цензурные условия там, наверное, будут более благоприятны, чем в России.

Вместе с тем В. Г. и А. К. Чертковы надеялись, что, поселившись в Финляндии, они смогут проводить лето в окрестностях Ясной Поляны и быть, таким образом, в непосредственном общении с Толстым.

В марте 1906 года Чертков получил уведомление, что «в силу указа от 21 октября 1905 г.» он может возвратиться в Россию.

Чертков предполагал, как писал об этом и раньше, приехать в Россию с семьей летом и, пожив в Петербурге и близ Ясной Поляны, поселиться на зиму в Финляндии. Но болезненное состояние жены не позволило Черткову осуществить этот план, и, в конце-концов, он решил поехать в Россию сперва один,

с тем чтобы вернуться туда с семьею в следующем году.

В ожидании личной встречи Толстой и Чертков в первой половине 1906 года сравнительно мало пишут друг другу, ограничиваясь по преимуществу письмами об очередных издательских делах.

Толстой сам отмечает это в одном из своих писем:

«Как мне жалко, что мы переписываемся только о делах, то есть о пустяках» [61].

Чертков пишет ему в ответ:

«Я тоже чувствую, что жалко, что мы все переписываемся только о „делах“, и я все надеюсь, что вот вот удосужусь немного больше и буду писать вам „по душе“... Теперь о делах. Кстати о том, что вы их называете „пустяками“. Я совершенно понимаю, что *вы* так смотрите на весь мелочной внешний механизм издания и распространения ваших писаний. Для вас серьезная, важная сторона дела — это выражать ваши мысли, как можно лучше. И когда они оформлены на бумаге, то остальное, как они распространяются между людьми, — не важно, а подробности об этом — пустяки. Но для *меня* все, что касается издания ваших писаний, не может быть пустяками, потому что это одно из важнейших дел моей жизни, одна из выпавших мне форм служения богу и людям. Поэтому, хотя я и жалею, что „деловая“ переписка с вами так часто загораживает дорогу более душевному обмену мыслей, тем не менее считаю своим долгом отдавать этим деловым вопросам столько внимания и времени, сколько

необходимо, чтобы дело шло успешно и правильно» [62].

В июне Чертков сообщил Толстому, что рассчитывает в ближайшем месяце приехать в Ясную Поляну.

Отвечая на это письмо, Толстой писал:

«Теперь очень, очень радуюсь вашему приезду и буду считать дни. Софья Андреевна тоже ждет вас с удовольствием и определила комнату для вас во флигеле. Всем будет удобно» [63].

Чертков приехал в Ясную Поляну 27 июля и уехал оттуда в первых числах августа. Толстой отметил его приезд записью в своем дневнике:

«Здесь Чертков и мне очень приятно» [64].

Марья Львовна, гостившая в Ясной Поляне в первые дни после приезда Черткова, писала Татьяне Львовне:

«Я очень жалею, что ты при мне не была в Ясной. Там было очень приятно. Папаша здоров и бодр, Чертков очень мил, Саша очень деятельна и весела, мама, хотя у нее все болит под ложечкой, бегает целый день за грибами в очках и грязном фартуке, и все в очень хороших отношениях» [65].

Толстой, навестив вместе с Чертковым Марью Львовну, уехавшую в Пирогово, где она жила в то время с мужем, писал в своем дневнике:

«За это время приезжал Чертков. Я ездил с ним к Маше. Чертков очень был приятен, но боюсь, что много от того, что он очень высоко ценит меня» [66].

Чертков, с своей стороны, писал матери, что все встретили его очень гостеприимно и друже-

любно и что он чувствует себя хорошо в Ясной Поляне.

Чертков застал Толстого в то время, когда он много работал, в частности заканчивал свою статью «О значении русской революции», с черновыми рукописями которой Чертков познакомился в Ясной Поляне. И в одном из писем, написанных вскоре после возвращения Черткова в Англию, Толстой подводил итоги своей работе и писал о мыслях, которые его занимают:

«Как вы, вероятно, знаете, я много писал это время: кончил статью „О революции“ [67], написал о Генри Джордже, предисловие к „Social Problems“ [68] и письмо китайцу [69], которым утруждаю вас. Если же не стоит и некому перевести, то пошлю его через консула по-русски. И, как всегда у меня бывает при окончании долгой работы, я в нерешительности, за что взяться: начинаю новое художественное и бросаю, хочется писать Воспоминания и новый Круг чтения и хочется, главное, уяснить и, как можно проще, жизнь: что это такое и какая она должна быть. В последние дни только об этом и думаю» [70].

Эта работа над своими писаниями и над своими мыслями о жизнепонимании, которые Толстой постоянно записывает в своем дневнике, не прерывается у него в это время, даже в самые трудные минуты.

В сентябре 1906 года Софья Андреевна переносит тяжелую болезнь, и профессор Снегирев, вызванный в Ясную Поляну, делает ей операцию, причем Толстой мало надеется на благоприятный исход болезни. Он с волнением ду-

мает об исходе операции и, уйдя в это время из дома в соседний лес, напряженно ожидает там вестей, которые должны были принести ему дочери.

И все же в тот же день он не только заносит свои мысли в дневник, но и делает запись о своем предисловии к книге Генри Джорджа.

В ноябре Толстому пришлось пережить тяжелое испытание: после нескольких дней болезни умерла от воспаления легких его дочь Марья Львовна. И так же как в дни болезни Софьи Андреевны, Толстой продолжал работать, думать о жизни и смерти и записывать свои мысли в дневнике.

Накануне смерти Марьи Львовны Толстой писал Черткову:

«У нее крупозное воспаление легкого, нынче 8-й день, и она очень, очень плоха. Смерть ее эгоистически для меня, хотя она и лучший друг мой из всех близких мне, не страшна и не жалка—мне недолго придется жить без нее, но просто, не по рассуждению больно, жалко ее—она, должно быть, и по годам своим хотела бы жить,—и жалко просто страданий—ее и близких. Жалко и неприятно эти тщетные усилия лечением продлить жизнь. А смерть все больше и больше и в последнее время так стала мне близка, нестрашна, естественна, нужна, так непротивуположна жизни, а связана с ней, как продолжение ее, что бороться с ней свойственно только животному инстинкту, а не разуму. И потому всякая разумная, не разумная, а умная борьба с нею, как медицина—неприятна, нехороша.

«Многое хочется писать и напишу непременно после, а теперь отвечу только по пунктам на ваше письмо.

«О Шекспире у Сытина[71] помню и понимаю и одобряю. Очень жалею, что забыл про „Божеское и человеческое" и поместил в „Круге чтения". О Шекспире я получил уже из Англии от англичан два сочувственных письма, которые мне были приятны, и грубые ругательства от русских читателей, которые тоже для меня не лишены приятности. Статью о Ничше пишите. Это всегда полезно, и вы можете сделать это хорошо, так как стоите на той точке зрения, с которой видно заблуждение. Одно нужно -прощать, не сердиться, не упрекать, а жалеть, как мы жалеем больного человека, сравнивая его с здоровым. Жалеть же человека, лишенного блага духовной жизни, жалеть еще более свойственно. Вам странно слышать, от меня слышать, такие слова, когда я столько раз, почти всегда отступал самым резким образом от этого правила. Да, но человек растет, и чем старше, тем быстрее. Вы не поверите, как много мне открылось своей плохоты в последнее время. Часто мне теперь приходится давать и посылать проезящим мои последние писания, и я почти всегда колеблюсь послать многие, почти все, при воспоминании о тех недобрых чувствах, жестоких осуждениях, которые там выражены. Только очень немногие свободны от них. Хотелось бы провести отдельную черту под всеми прежними и на то короткое время, которое осталось, начать новое, менее недоброе».

В конце письма сделана приписка:

«Писал это письмо утром, а сейчас, в час ночи, Маша скончалась. Я еще не могу оценить всей потери» [72].

Через неделю после смерти Марьи Львовны Софья Андреевна в письме к своей сестре Т. А. Кузминской, рассказав подробно о последних днях жизни Марьи Львовны, писала о Толстом:

«Что испытывает Лёвочка, я не знаю. На вид он спокоен, занят попрежнему своим писаньем, гуляет, ездит верхом и даже играл на-днях в винт. Маша из всех детей *его* любила больше всех и в ней мы теряем ту сердечную опору, которая всегда была наготове помочь, сочувствовать всякому и тем более тому, что касалось ее отца» [73].

По смерть Марьи Львовны не прошла бесследно для Толстого. Он с особенной отчетливостью пережил то чувство близости конца своей жизни, которое испытывал не раз, и это настроение нашло отражение в его письме к Черткову, написанном через месяц после смерти Марьи Львовны. Толстой, сам перенесший за это время небольшое заболевание — инфлуэнцу, — писал Черткову в ответ на его сочувственное письмо по поводу смерти Марьи Львовны:

«Благодарствуйте, милый друг, за ваше письмо. Я долго не отвечал, потому что хворал, и теперь еще очень слаб телом. На душе так серьезно, хорошо, как никогда не бывало. Странно чувствовать, что только накануне смерти начинаешь жить свободно, свободно для себя, для бога, а не для людей» [74].

И еще более отчетливо сказалось это настроение в записи, сделанной Толстым в дневнике за три дня до смерти Марьи Львовны:

«Маша сильно волнует меня. Я очень, очень люблю ее. Да, хочется подвести отдельную черту под всей прошедшей жизнью и начать новый, хоть самый короткий, но более чистый эпилог»[75].

IX

Последние годы

Последние годы жизни Толстого в Ясной Поляне, за исключением нескольких месяцев перед его уходом из дома, внешне мало отличаются от предыдущих. Так же каждый день после утреннего завтрака он делает небольшую уединенную прогулку, так же заносит свои мысли в дневник, так же работает над своими рукописями, а во вторую половину дня разговаривает с приезжающими к нему людьми, читает и отвечает на письма.

Но вместе с тем эти годы жизни Толстого имеют свои особенности: многое, намечавшееся уже раньше, выявляется с большей остротой, приближение смерти, которое он чувствует, сказывается в записях его дневника, в его письмах и в некоторых делах.

Несмотря на то, что Толстой по-прежнему сильнее и крепче, чем большинство людей его возраста, он продолжает испытывать постепенный упадок сил. Это ощущение вызывает у

него то же самое настроение особенной сосредоточенности на своей внутренней жизни, которое отразилось в его дневнике во время болезни Марьи Львовны и в письме к Черткову после ее смерти.

В августе 1907 года Толстой пишет в своем дневнике:

«Чувствую значительное ослабление всего, особенно памяти, но на душе очень, очень хорошо»[1].

В последние годы Толстой несколько раз переживает почти полную потерю памяти, и хотя обычно эти болезненные явления проходят через несколько часов, они все же каждый раз вызывают мысли о близости конца. Он пишет новые статьи, время от времени у него являются замыслы художественных работ, которые он частично осуществляет, но он не раз отмечает в дневнике и в письмах к Черткову, что уже не чувствует в себе достаточных сил, необходимых для художественного творчества. И вспоминая однажды услышанный им разговор двух крестьян, когда молодой крестьянин звал старика купаться и получил ответ—«я уже откупался»—Толстой любит говорить о себе:

— Я уже откупался.

Он продолжает писать свои статьи, но особенно много времени отдает работе, требовавшей меньшего напряжения творческих сил и вместе с тем широко отражавшей его жизнепонимание: собиранию и распределению материалов для нового издания «Круга чтения», для сборника мыслей «На каждый день» и для трид-

цати одного выпуска серии «Путь жизни», на которыми он много работал в 1910 году.

В последние годы жизни Толстого усиливается поток писем в Ясную Поляну, и Толстой постоянно отвечает на самые разные вопросы.

Ему пишут люди, казалось бы, мало имеющие общего между собою — от едва грамотного крестьянина, который рассказывает ему о своих поисках веры, или гимназистки, спрашивающей его о том, «как жить», или «что читать», и кончая такими деятелями и писателями как Ганди или Б. Шоу. У него просят совета в семейных делах, хотят узнать его мнение о воспитании детей, присылают ему на отзыв свои произведения, наконец, обращаются к нему с просьбами о материальной помощи, несмотря на то, что он давно уже отказался от своей собственности. В 1910 году Толстой часто получает больше тридцати писем в день и нередко отвечает на десять—двенадцать писем, то ограничиваясь небольшой надписью на конверте полученного письма, которая кладется в основу ответа, написанного по его поручению, то лично отвечая письмом, иногда превращающимся в небольшую статью. Это общение с людьми доставляет Толстому нередко неприятные минуты — часто получаются пустые письма, не стоящие времени, потраченного на их чтение, но не мало получается и таких, которые он читает с интересом и с радостью.

Несмотря на то, что внешне жизнь Толстого, казалось бы, идет в эти годы благополучно, в действительности, как показывают его дневники, многое его удручает. Те тяжелые пережива-

ния, которые ему приходилось испытывать и раньше, не только не сглаживаются с течением времени, но делаются все острее и острее, пока, наконец, в 1910 году его жизнь в Ясной Поляне не становится в высшей степени тягостной.

Толстой и раньше тяжело переживал противоречие между своими убеждениями и всей обстановкой яснополянской усадьбы.

После революции 1905—1906 года отношения между крестьянами и помещиками обострились даже там, где не было аграрных волнений, и это сказалось и в Ясной Поляне. В своем дневнике Толстой отметил тот сдвиг, который произошел в это время: «Революция сделала в русском народе то, что он вдруг увидал несправедливость своего положения. Это сказка о царе в новом платье. Ребенком, который сказал то, что́ есть, что царь голый, была революция»[2]. И в первую очередь это сказалось на отношении крестьян к помещичьей собственности.

Софья Андреевна, все время находившаяся в страхе за свою собственность и готовая охранять ее любыми мерами, просит прислать в Ясную Поляну двух стражников, и один из них живет в усадьбе еще в 1909 году, когда в других имениях Тульской губернии администрация уже не держит стражников, находящихся на государственной службе.

В ноябре 1907 года Софья Андреевна пишет о стражниках Т. А. Кузминской:

«У нас теперь живут постоянно два стражника вооруженных, один в доме спит. Объезжают леса и всю усадьбу, у проходящих спрашивают вид и обыскивают, нет ли оружия»[3].

В другом письме — 27 июля 1908 года — Софья Андреевна рассказывает о своем помещичьем хозяйстве и опять пишет о стражниках:

«Счастливая, что у тебя есть даже досуг писать. А я чисто в смоле киплю. Хозяйство всякое просто замучило. Переменила стражников; мучилась со сборами денег за покосы, всякую копейку сама получала и за покос внесли мне в нынешнем году 1400 р., да за сад 1200 р., так что я могу содержать Ясную Поляну в нынешнем году без приплат, а то приходилось добавлять. За аренду земли тоже получу 1400 руб.».

Но несмотря на присутствие стражников барское имущество не было в безопасности, и Софья Андреевна в том же письме сообщает Татьяне Андреевне:

«На этих днях еще обокрали флигель: матрасы, лампы, гардины и проч., и еще мед из улей вырезали. Жить в деревне в России стало невыносимо. И стражники ничего не помогают».

Когда стражников, наконец, убирают, Софья Андреевна нанимает объездчика-черкеса, который, охраняя лес, нередко избивает крестьян, попадающихся на барской земле, и Толстому приходится выслушивать жалобы пострадавших, которые никак не могут усвоить его слова о том, что он не хозяин в Ясной Поляне, так как давно уже отказался от собственности, передав ее семье.

Среди крестьян растет озлобление, и они не всегда считают нужным это скрывать. Летом 1909 года Толстой рассказывает А. Б. Голь-

денвейзеру, что слышал, как баба, от которой яснополянский приказчик требовал уплаты денег или отработки за потраву, проходя через усадьбу и увидав семью Толстых за завтраком, крикнула:

«Ишь, черти, жрут тут» [4].

В дневнике от 10 июня 1907 года Толстой делает запись:

«Все больше и больше, почти физически, страдаю от неравенства; богатство, излишество нашей жизни среди нищеты; и не могу уменьшить этого неравенства. В этом тайный трагизм моей жизни».

И в одном из писем к Черткову Толстой, как бы подводя итоги своим переживаниям, пишет:

«Две вещи в разные стороны все больше и больше влияют на меня. В сторону радости это все больше и больше, судя по письмам и личным свиданиям,—людей, идущих вместе с нами к одной цели, к приближению к любви, к богу. Радует не одно то, что я, хоть немного, содействовал этому (это дурная радость), но то, что мы не одни и, идя к любви, любим друг друга. (Это что-то я глупо пишу, ну да с вами можно и глупости писать, вы поймете, как не глупости). Нерадостная же сторона, все больше и больше, к стыду моему, мучащая меня, это та среда, те условия, в которых я живу, особенно земельные, это порабощение людей посредством земельной собственности, в котором, хоть косвенно и против воли, страдая, но участвую. Никогда о грехе крепостного права я не чувствовал в $^{1}/_{100}$ так больно, как чувствую этот грех» [5].

Время от времени Толстой пытается говорить с Софьей Андреевной по поводу тех или иных ее мероприятий для охраны поместья, но разговоры эти обычно оставляют только тяжелый осадок и не приводят ни к каким результатам. Характер Софьи Андреевны, и в прежнее время несдержанной и способной на резкую до грубости выходку, не раз устранявшей тяжелые сцены, когда дело касалось защиты интересов семьи, как она их понимала,—с годами не становится мягче.

Прежде Софья Андреевна была окружена большою семьею и после каждой вспышки раздражения скорее входила в обычный круг очередных дел и забот о детях, требовавших ее непосредственного участия. Теперь дети выросли, и многое изменилось в доме Толстых.

Сын Толстого, Илья Львович, писал об этом вскоре после смерти отца:

«Дети, все взрослые и живущие самостоятельными семьями, отодвинулись на второй план, семья фактически распалась» [6].

Вместо ухода за маленькими детьми, временами очень утомлявшего Софью Андреевну, но вместе с тем и доставлявшего ей свою радость, осталось лишь упорное стремление сохранить и увеличить свое состояние, чтоб оставить возможно большее наследство своим сыновьям и их семьям. Для этого требовалось не только охранять свои помещичьи права, но и добиваться, чтобы право собственности на сочинения Толстого осталось бы за его семьей.

Еще в декабре 1897 года М. Л. Толстая, рассказав в письме к Татьяне Львовне о том, как

бурно требовала Софья Андреевна у Толстого права печатать его новые произведения в первую очередь в своем издании, недоуменно спрашивала: «Когда же это кончится, когда мама утихнет и начнет жить?»[7].

Временами казалось, что Софья Андреевна начинает «утихать», но это представление оказывалось обманчивым, и в последний год жизни Толстого пребывание в Ясной Поляне сделалось для него тягостнее, чем когда-либо раньше.

Переписка Толстого с Чертковым в последние годы жизни Толстого, за исключением того периода, когда Чертков, живя вблизи Ясной Поляны, почти ежедневно видится с Толстым, идет попрежнему интенсивно.

Так же как и в первое время знакомства Черткова с Толстым, их переписка охватывает весь круг вопросов, которые им близки, начиная с мыслей о своем жизнепонимании и кончая практическими делами.

Письма о вопросах веры попрежнему занимают довольно значительное место в их переписке, и в этой области между Толстым и Чертковым существует полное единомыслие. Для того, чтобы дать некоторое представление о письмах этого порядка, можно привести хотя бы небольшой отрывок из переписки Толстого и Черткова на эти темы.

В январе 1907 года Чертков пишет Толстому письмо, в котором рассказывает о своем отношении к молитве и о том, как, по его мнению, надо понимать и объяснять другим слово «бог»:

«Какая это радость эта способность человека находить в себе бога, раздваиваясь и противопоставляя это истинное вечное *я* тому другому личному, маленькому, преходящему, который так зазнается и все захватывает в свои руки. Не знаю в точности, как бывает с вами, но у меня молитва большей частью начинается с такого раздвоения себя, и только сознав и как бы расположив в себе по местам эти две составные „личности", я могу от лица одного ясно и определенно обращаться к другому и поддерживать с ним самый точный и последовательный разговор, в котором он мне указывает где мои ошибки, что делать, и, главное, отвлекает меня от моего низменного *я* в божественную область света, разумения, мира и радости... Думаю, что бы то бы ошибкой начать с утверждения бога, как чего-то само по себе существующего и требующего непосредственного признания не начиная с своего „я" и не подходя к общему богу по той нити, которая начинается во мне самом, сознанием моей внутренней непосредственной не то, что связи, а даже прямо *участия* в боге. По поводу слова „бог" мне хочется к своей книжечке о революции сделать еще *одно* маленькое приложение, объясняющее, почему мы продолжаем и не можем не продолжать употреблять эти слова: „бог", „религия". А то я знаю, что для многих они служат камнем преткновения— говорю о желающих понять, но не могущих, а не о нежелающих, которым никто не угодит».

Получив это письмо и дополнение, сделанное Чертковым к статье «О революции», написанной в 1904 году и вновь пересмот-

ренной для второго издания. Толстой писал Черткову:

«Милый, дорогой друг. Сейчас получил и прочел ваше письмо и добавление к статье „О революции". Чувство, возбужденное во мне, часто возбуждаемое и другими случаями (вчера вечером читал о Кросби и его отношении ко мне—не ко мне Льву Николаевичу, а ко мне, что есть во мне истинного), чувство это, особенно сильно вызванное вашим письмом: за что мне такая радость?! Как это сделалось, что люди так же, как я, еще больше, чем я, любят то самое, чем я живу, и служат тому же самому, чему служить я уже начинаю чувствовать свое бессилие. Поправок и замечаний к вашему прибавлению никаких не имею сделать. Одно бы желал, чтобы оно имело как можно больше распространения, но—это истинное распространение в душах людей—не в нашей власти» [8].

В дальнейших письмах Чертков продолжает делиться с Толстым своими мыслями о боге, наконец, вновь посылает ему свою заметку о слове «бог», которая разрослась в небольшую статью и должна была быть помещена в книжке о революции, в виде особого приложения.

Толстой, соглашаясь с мыслями Черткова, однако, отчеркивает в рукописи места, по его мнению излишние, и отмечает те положения, которые ему кажутся сформулированными недостаточно точно и хорошо.

Он пишет об этом Черткову:

«Статью вашу о боге получил и читал, делая отметки. При свидании, если оно будет, поговорю, а если нет, то напишу, если буду жив.

Вступление и самая мысль хороши очень, но изложение мне не нравится, не соответствует значительности предмета. Я всегда так одинаково хвалил ваши писания, что рад случаю осудить, показать этим мою искренность» [9].

В других письмах Толстой рассказывает о себе и своих делах. В начале 1907 года Толстой с большим интересом ведет у себя на дому занятия с крестьянскими детьми из Ясной Поляны, причем пробует излагать свое жизнепонимание в доступной детям форме.

Он пишет об этом Черткову:

«Я долго не писал вам и не отвечал на ваше последнее, потому что весь поглощен занятиями с мальчиками. Похвалиться не могу. Но чую, что, если бог велит прожить еще, то может выйти из этого что-нибудь не бесполезное. Все еще в очень хаотическом состоянии, но пользу во всех отношениях, которую я чувствую от этого общения, нельзя достаточно оценить. Для меня очевидно, что они гораздо и умнее и лучше, чем я думал, а я гораздо глупее, чем тоже воображал. „Аще не будете, как дети“. На них виден еще человек, какой он предположен тем, кто его сделал. Он уже загажен, но все-таки иногда видишь его во всей красоте» [10].

В ожидании приезда Чертковых Толстой весною 1907 года подыскивает для них дом вблизи Ясной Поляны, около деревни Ясенки, и так же, как в 1894 году, когда Чертковы собирались впервые провести лето около Ясной Поляны, подробно описывает найденное для них помещение, высказывая свои соображения о том, во что обойдется его оборудование. Вместе с

тем он пишет, что Софья Андреевна радостно приняла известие о приезде Чертковых. Но мысль о длительном пребывании Чертковых вблизи Ясной Поляны тревожила Софью Андреевну и она писала сестре: «приезжают на днях Чертковы жить в Ясенках. Но мало жду от этого радости» [11].

Получив известие, что Чертковы приехали в Россию, Толстой телеграфирует им в Москву:

«Невыразимо радуюсь. Давайте поручения. Располагайте нами» [12].

В дневнике своем от 20 июля Толстой делает запись о Чертковых:

«Главное, Чертковы. Радостно общение с ними».

Чертковы прожили в Ясенках до середины сентября. Толстой находился в это время в таком же постоянном общении с ними, как и в те годы, когда они проводили лето в Дёменке перед высылкой Черткова.

После отъезда Черткова Толстой пишет ему в Москву, где он должен был остановиться с семьей по пути в Англию:

«Странно и грустно, что вас нет.....Точки эти означают все, что́ я думаю и чувствую о вас, но не хочу портить словами» [13].

В первом письме к Чертковым, адресованном в Англию, Толстой пишет всей семье:

«Сейчас написал гору писем, милые, милые друзья Галя и Дима и Димочка, и вам пишу последним. А пишу вам последним потому, что тем – надо думать, что́ написать, не слишком уже наврать, а вам могу писать, что попало, вы все поймете, если есть, что́ понимать, и все простите, если нечего понимать или что́ плохо. Спасибо

за ваше письмо из Москвы. Очень оно радостно было мне... Вы верно уже дома. Пишите. У меня все не по заслугам хорошо. Очень усердно работаю новый „Круг чтения" и начерно кончил. Здесь Репин пишет портреты Софьи Андреевны и мой вместе. Пустое это дело, но подчиняюсь, чтобы не обидеть».

И в конце письма Толстой, возвращаясь мысленно к минувшему лету, добавил:

«Очень, очень хорошо было нам лето это. Спасибо за это, а о будущем я не думаю» [14].

В своих письмах к Черткову после его возвращения в Англию в 1907 году Толстой, так же как и всегда, держит его в курсе своих занятий, сообщает о своей работе над сборником «На каждый день», который он называет в письмах новый «Круг чтения» и пишет о своем самочувствии.

В начале ноября Толстой пишет Черткову:

«За все это время я занят все только новым „Кругом чтения". Исправляю, изменяю и все не кончаю. Нынче вновь писал отделы. Как всегда бывает, когда чем-нибудь очень занят, кажется, что дело это очень важно» [15].

В следующем письме Толстой пишет Черткову о себе:

«Я чем старше становлюсь и физически слабее, тем мне все лучше и лучше. Как я желаю всем такого же блага и как я твердо уверен, что все получат его. Столько людей меня любят, и так легко мне становится любить людей» [16].

В октябре 1907 года был арестован секретарь Толстого Н. Н. Гусев. Этот арест был особенно неприятен Толстому, потому что Гусеву предъ-

являлось обвинение, которое правильнее было бы предъявить самому Толстому. При обыске у Гусева была найдена изданная в России брошюра Толстого «Единое на потребу», в которой были вставлены рукою Гусева имевшиеся в издании «Свободного слова», но пропущенные при перепечатке в России, отзывы о царях: Толстой давал резкие характеристики русским самодержцам, начиная с Ивана Грозного и кончая «малоумным гусарским офицером» Николаем II.

Местные власти сперва склонны были считать Гусева автором этих вставок. Потребовалось вмешательство Толстого, удостоверившего свое авторство, и лишь после усиленных хлопот Гусев был в конце концов освобожден. Толстой прибег при этом к содействию своего знакомого, члена государственного совета, графа Д. А. Олсуфьева. В письме к нему Толстой упомянул, между прочим, что жалеет о резкости выражений, которыми характеризовал русских царей.

В свое время Чертков обратил внимание Толстого на резкость некоторых из этих отзывов: первоначально Толстой в этой статье употреблял слова не только нецензурные, но и непечатные. Толстой согласился с Чертковым, и эти выражения не появились в печати даже в заграничном издании, но общий смысл его отзывов о царях остался неизменным. Теперь, получив от Толстого копию его письма к графу Д. А. Олсуфьеву, Чертков выразил опасение в том, что сожаление Толстого относительно резкости своих отзывов о царях, может

произвести впечатление, будто он отказывается от некоторых своих утверждений под влиянием преследований своих единомышленников.

Чертков писал об этом Толстому:

«Позвольте мне откровенно сообщить вам те вопросы, которые меня смущают: 1) Почему раскаяние в ваших резких выражениях о представителях правительства явилось тогда, когда подвергся преследованию за правое дело один из ваших единомышленников, то есть тогда, когда случилось то, чего вы сами для себя всегда так желали и что должно случиться с каждым из нас, ваших друзей, если только мы будем исполнять свое назначение? 2) Почему вы не выражаете раскаяния в отзывах, гораздо более резких, о других людях, например, революционерах и либералах, которые не преследуют ваших друзей? 3) Если бы революционеры причинили какое-нибудь страдание кому-нибудь из ваших единомышленников за распространение таких писаний ваших, в которых вы резко и откровенно выражаете свое мнение о них—революционерах,—то вызвало бы ли это с вашей стороны заявление революционерам, что вы каетесь в ваших резких отзывах о них? 4) Своевременно [ли] каяться перед людьми в своих обличительных отзывах о них, когда эти люди производят над близким нам человеком то самое зло, за которое их обличал?» [17].

Толстой, отвечая Черткову, не согласился с его сомнениями:

«На все ваши вопросы,—писал Толстой,—отвечу (пожалуйста, не настаивайте на своем, не спорьте), отвечу: да, да, да, раскаиваюсь,

сожалею, потому что не зачем было говорить то, что оскорбительно для человека, хотя бы он был и распроцарь. Точно так же раскаивался бы, если бы кто-нибудь пострадал по случаю моих оскорбительных им слов от революционеров. Раскаивался бы даже, если бы и не пострадал. Просто мне больно за Гусева и стыдно за себя, за недоброе слово. Вы знаете лучше меня, как все можно сказать добром и как это гораздо действительнее; как это не нужно и потому совестно...».

Далее, рассказав Черткову о письме, полученном от заключенного в тюрьме за отказ от военной службы Иконникова, Толстой писал:

«Какая радость жить душою в людях, которые поднимают тебя в ту же высь, на которую сами поднимаются. Столько, столько у меня радостей и с каждым днем все больше и больше. Вчера был парикмахер из маленького городка Орловской губернии Севека. Весь горит огнем только что воспринятой истины и желанием итти проповедывать ее. В числе этих радостей, вы это знаете, больная и давнишняя моя, не скажу радость моей дружбы, но моего духовного единства с вами. А вы хотите со мной спорить, но для спора нужно двоих, а я не могу с вами спорить, потому что знаю, что мы согласны» [18].

В следующих затем письмах Толстой и Чертков уже не возвращаются к этой теме. Оба они заняты своей очередной работой, и время от времени сообщают о ней друг другу.

В. Г. и А. К. Чертковы зимой 1907 — 1908 годов готовятся к окончательному переезду в Россию, намеченному на лето 1908 года, заканчивают

свои дела в Англии и усиленно продвигают вперед составление «Свода мыслей Толстого», который им хотелось в основном закончить до возвращения в Россию. В этой работе помогает им приехавший с этой целью из России Ф. А. Страхов, и несколько человек переписывают включенные в «Свод» изречения.

Толстой продолжает свою работу над «Кругом чтения» и сборником «На каждый день». В феврале 1908 года, получив от Черткова письмо с его замечаниями по поводу этой работы, Толстой пишет ему:

«Замечания ваши на „Круг чтения“ признаю верными и прошу их делать побольше. Не могу передать, насколько радости мне доставляет эта работа над „Кругом чтения“. Я кончил только поправки для старого „Круга чтения“. Надеюсь, что он значительно будет лучше первого. От Сытина ничего еще не получил [19]. Тоже кончил начерно новый „Круг чтения“, но не трогаю его. Хочется написать о положении христианского мира. Начал даже. — Работа одна нужна, одна удовлетворяет — это работа внутренняя и что дальше, то больше. — Много посещают меня и много пишут, и стараюсь, как бы не согрешить с этими посетителями и корреспондентами, но редко удается. Но не отчаиваюсь» [20].

В начале 1908 года Чертков ненадолго приезжал в Россию, чтобы подготовить переезд своей семьи, и провел в середине января и в первых числах марта по нескольку дней в Ясной Поляне. Толстой, так же как и после прежних посещений Черткова, отмечает в своем дневнике и

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков за работой в 1908 г. во время болезни Толстого

в письмах к Черткову, что общение с ним было радостно.

После возвращения Черткова в Англию в марте 1908 года Толстой, вместо того чтобы писать ему письмо, говорит для него перед валиком фонографа, подаренного незадолго до того Эдисоном. Чертков мог затем, получив этот валик, слышать живую речь Толстого:

«Хочу, хоть в фонограф, сказать вам несколько слов, милый друг. Ваши приезды и всегда мне были радостны, а в этот приезд мне было особенно дорого общение с вами. Здоровье мое очень хорошо—и телесно, а духовно и говорить нечего. Только теперь узнаю то, что́ мне казалось странным: что можно на старости лет чувствовать одну только неперестающую благодарность за усиливающееся, увеличивающееся внутреннее благо» [21].

Несмотря на то, что здоровье Толстого продолжает слабеть и что весною 1908 года он дважды—2 марта и 12 апреля—испытывает в течение нескольких часов резкую потерю памяти,—он продолжает много работать и начинает писать новую статью—«Закон насилия и закон любви». В письме, начало которого Толстой продиктовал в фонограф, а конец написал сам, он говорит Черткову об этой статье:

«Статья моя, к удивлению моему, мне нравится и подвигается».

И в приписке к этому письму Толстой добавляет:

«Хочется приписать еще то, что здоров, работается и думается. Юбилей мой, к большому успокоению моему, сошел на нет. Очень много

работы и по старому и по новому „Кругу чтения“ (нынче прислал февраль, а январь у них), и по статье, и по приготовлению к урокам ребят, и по письмам, которых особенно много» [22].

Закончив начерно свою статью, Толстой берется за другую работу, захватывающую его целиком. Газеты ежедневно приносят в это время известия о десятках смертных приговоров, которые выносят военно-полевые суды. Толстой тяжело переживает эти сообщения и в мае 1908 года начинает писать статью «Не могу молчать».

Первого июня Толстой диктует письмо к Черткову:

«Посылаю вам, милый друг, несколько страниц, написанных мною о теперешних смертных казнях у нас. Это так мучает меня, что я не могу быть спокоен, пока не выскажу всех тех чувств, которые во мне это вызывает. Надеюсь, что вы поможете мне поместить это, если возможно, в русских газетах или по крайней мере за границей. Не пишу вам своей рукой, потому что нынче чувствую себя очень слабым, а откладывать дело, о котором пишу, не хочется. Жду вас с великим нетерпением и любовью. Двойную главу пятую предоставляю вам решить: выкинуть ли ее или оставить, и тогда следующие главы—из V сделать VI-ую и т. д.».

На следующий день, отправляя это письмо Черткову, Толстой пишет, что просит его, если это будет нужно, внести в рукопись те или иные поправки и еще раз подчеркивает, что считает нужным опубликовать статью возможно скорее:

«Пожалуйста, если можете, напечатайте ее

поскорее. Нужно это для меня, для моей совести» [23].

Чертков, получив «Не могу молчать», немедленно написал Толстому, сделав по обыкновению некоторые замечания относительно отдельных мест статьи.

Толстой ответил телеграммой:

«Изменения вполне одобряю. Издавайте скорей. Толстой» [24].

На другой день, получив свою рукопись с поправками, намеченными Чертковым, Толстой писал:

«Я телеграфировал вам, милый друг, вперед зная, что все, что вы сделаете, будет прекрасно. Сейчас получил статью, и все не так, а лучше, чем я ожидал... S'il n'y avait pas Tshertkoff, il faudrait l'inventer. Pour moi du moins, pour mon bonheur* — много—pour mon plaisir** — мало, а для того, чтобы я узнал, большое благо полного единения. Если найдете нужным и невредным, внесите маленькие добавления и поправки, которые выслал вам Гусев» [25].

В своем дневнике Толстой сделал запись об этой статье:

«Чертков прекрасно поправил» [26].

Чертков принимает меры к тому, чтобы статья «Не могу молчать» была возможно скорее напечатана в России и за границей. Третьего июля 1908 года статья появилась одновременно в русских и в иностранных газетах, причем в

---

* Если бы не было Черткова, его надо было бы выдумать. Для меня по крайней мере, для моего счастья.

** Для моего удовольствия.

одной Германии она была опубликована в двухстах периодических изданиях.

Во второй половине июня Чертковы, возвратившись в Россию, поселились вблизи Ясной Поляны, приобретя усадьбу Телятинки. С этого времени до марта 1909 года, когда Чертков был выслан из Тульской губернии, переписка Толстого с Чертковым заменяется личным общением: за этот период Толстой написал Черткову лишь несколько небольших записок, за исключением одного письма, представляющего собою удостоверение относительно права Черткова на публикацию писем Толстого разным лицам.

Живя в Телятинках, Чертков не принимает непосредственного участия в издательской деятельности, но попрежнему настойчиво заботится о том, чтобы писания Толстого печатались на тех основаниях, которые были ранее установлены Толстым, и не превращались бы в собственность издателей. Вместе с тем он, так же как и раньше, готовится к тому, чтобы со временем обеспечить исчерпывающее издание писаний Толстого, собирая его черновые рукописи и письма.

С этой целью Чертков просит Толстого письменно подтвердить данное еще раньше разрешение печатать письма, которые Толстой писал разным лицам. Во избежание недоразумений Толстой пишет Черткову особое письмо:

«Владимир Григорьевич! В виду того, что вы готовите для издания все мои писания и желали бы для этого иметь право свободно пользоваться и этими частными письмами к разным лицам —

сим удостоверяю, что в случае, если вы или те, кому вы при себе или после себя поручите продолжать это дело, нашли бы желательным включить в издание моих писаний те или другие из моих частных писем к кому бы то ни было, коими с которых имеются у вас или будут вами получены от меня или другими путями, то предоставляю как вам, так и продолжателям вашего дела, полное право делать это, согласно вашему или их благоусмотрению.

«Даю вам это разрешение и потому, что предполагая, что некоторые из моих писем могут иметь общее значение, я уверен, что как вы, так и те, кому вы предоставите продолжать вашу работу, сумеют наиболее целесообразным образом воспользоваться ими; и потому еще что, вообще не признавая литературной собственности, я не желал бы, чтобы мои письма становились частной собственностью тех лиц, к которым они адресованы. Лев Толстой» [27].

Поселившись вблизи Ясной Поляны, Чертков постоянно видится с Толстым и, так же, как и в предыдущие годы, помогает ему в некоторых делах: переводит его письма на английский язык, разбирает черновики рукописей, которые Толстой попрежнему отдает ему на сохранение, беседует с посетителями, которых направляет к нему Толстой.

Чертков оказывает содействие Толстому разными путями. Еще в 1907 году, рекомендовав Толстому в качестве секретаря Н. Н. Гусева, Чертков берет на себя его вознаграждение, а после ссылки Гусева подыскивает Толстому другого секретаря, В. Ф. Булгакова, который и

живет в Телятинках, чтобы совсем не быть в материальной зависимости от Софьи Андреевны.

Дом Чертковых в Телятинках становится своего рода центром, куда тянутся люди, сочувствующие взглядам Толстого, — здесь они чувствуют себя проще, чем в Ясной Поляне, где их связывала чуждая им обстановка барского дома.

Сын В. Г. и А. К. Чертковых, девятнадцатилетний юноша, близко сходится с крестьянской молодежью соседних деревень, и его товарищи из этой среды постоянно бывают в доме Чертковых.

Дом Чертковых скоро привлекает внимание местной администрации: там часто останавливаются подозрительные, с точки зрения властей, люди, которые не спешат посылать в прописку свои паспорта. Чертков охотно вступает в беседы с местными крестьянами и с крестьянской молодежью, бывающей в Телятинках, не скрывая своих взглядов на церковь и государство. Местный священник, становой пристав и некоторые помещики считают его политически неблагонадежным, и начинаются соответствующие доносы.

Уже в октябре 1908 года тульский губернатор срочно предлагает исправнику установить негласное наблюдение над Чертковым, так как «по дошедшим сведениям» он распространяет «противоправительственные взгляды» среди крестьянской молодежи. Исправник немедленно начинает посылать донесения не только о действиях, но даже о планах Черткова. Так, сообщая, что Чертков дает крестьянам «Календарь для каждого», издававшийся «Посредни-

ком», и статью «Не могу молчать», исправник добавляет:

«О чем доношу Вашему превосходительству и присовокупляю, что тем же Чертковым печатается собственным изданием календарь противоправительственного направления под заглавием „Вокруг чтения“ и таковой в самом непродолжительном времени выйдет из печати. Меры против распространения этих брошюр приняты». [28]

В феврале 1909 года тульский губернатор доносит министру внутренних дел, что Чертков занимается «агитацией и пропагандой», благодаря чему «в настроении местных крестьян происходит весьма заметный переход к худшему», и просит разрешения воспользоваться своим правом на основании положения об усиленной охране удалять из вверенной ему губернии неблагонадежных лиц. Упомянув о близости Черткова к Толстому, губернатор писал:

«Опасаться, что последний будет существенным образом реагировать на принятые против Черткова меры, почему они возбудят в обществе вящий к деятельности Черткова интерес, по мнению моему, нет оснований, ибо, согласно полученным мной совершенно доверительным частным образом сведениям от семьи графа Толстого, главным образом от его сыновей Андрея и Михаила, Лев Николаевич сам тяготится влиянием Черткова, но не может по недостатку в этом отношении твердости характера, избавиться от этого влияния, причем многие основные взгляды Черткова, как слишком крайние, не разделяются графом Толстым;

в миросозерцании его за последнее время, повидимому, наступает поворот в сторону смягчения крайностей его учения, которые проповедуются его последователями, идущими, по словам самого графа Толстого, гораздо дальше, чем он предвидел и желал» [29].

Министр внутренних дел дал согласие на высылку Черткова из Тульской губернии «без производства обыска у названного лица», и 5 марта исполняющий должность тульского губернатора подписал постановление о высылке Черткова из Тульской губернии, так как его пребывание там является «опасным для общественной тишины и спокойствия». Постановление о высылке застало Черткова больным и ему была дана отсрочка до конца месяца.

Высылка Черткова из Тульской губернии вызвала негодование не только Толстого, но и Софьи Андреевны. Она немедленно написала письмо в редакцию газеты «Русские ведомости», в котором выказывала свое возмущение мерой, принятой в отношении Черткова. Через два месяца, 9 мая 1909 года, она писала своей сестре об этом мероприятии с таким же негодованием: «Говорят, что тульские дворяне ходатайствовали о высылке Черткова. А во всей России нет более подлых, необразованных и плохих дворян, как в Тульской губернии. Нашли кого слушать. И какой деспотизм стал в России: без суда, без вины, на основании чуть ли не бабьих сплетен, наказывают 50-летнего почтенного человека тем, что выгоняют его из собственного дома от его семьи, озлобляют и народ, и нас и семью Чертковых».

Чертков уехал в Петербург, надеясь добиться там отмены постановления о высылке его из Тульской губернии.

В первых числах апреля Толстой писал ему в Петербург:

«Обновляю ваш блок-нот письмом к вам, милый друг, Владимир Григорьевич. Вы, верно, сами знаете, как вы мне не достаете, са́мому для меня важному и нужному *мне*».

В том же письме Толстой сообщал Черткову о своей работе над статьей «Неизбежный переворот»:

«Я пишу письма и кончаюсь с моей статьей. Надеюсь, что не ошибаюсь, занимаясь тем, чем занимаюсь, потому что единственный мотив какнибудь не совсем бесполезно употребить остающиеся силы. Пожалуйста, не пишите мне, если не очень хочется, а если захочется и напишете, то буду очень рад сердцем почувствовать вас, опять самого настоящего *вас*. Вчера и нынче получил очень хорошие письма. Такая радость, что с столь многими, чуждыми по внешности людьми живешь одним и тем же и так близко».

Восьмого апреля Чертков, отвечая на это письмо, как бы подвел итоги тому, что пришлось пережить за последнее время, начиная с небольшой болезни, которую он перенес в начале марта, и кончая вынужденным отъездом из Телятинок:

«Все это время после болезни и пережитых волнений мое сознание находится в каком-то мало содержательном, мало живом состоянии, более созерцательном, чем активном, как вы, вероятно, заметили при моих последних посеще-

ниях Ясной Поляны. Состояние это продолжается и по сейчас. Хорошего в нем только то, что я его и не принимаю за настоящую жизнь, а сохраняю в глубине своей души представление, воспоминание, отголосок истинной духовной жизни, а потому и возможность ее нового расцвета. Спасибо вам, милый друг, за ваше сердечное письмо и вообще за всю вашу любовь, за все, что вы мне дали, если можно за это благодарить. Вы говорите, что я вам недостаю. Мое положение другое: я выношен из колен, по которой ехал и, как вероятно, пассажиры после крушения, не могу еще очнуться, ориентироваться. До сих пор я уезжал из одного места, приезжал в другое, по моей собственной инициативе, зная, для чего я это делаю и что собираюсь делать дальше. Когда нас выслали из России, мы поехали всей семьей и притом из места, где только временно жили гостями. Теперь же совсем другое: я вынижен один из места, где пустил корень, и оставил за собою всех, кто мне дороже всего (за исключением матери) и местность, обстановку, очень дорогую моему сердцу. И я чувствую себя как-то растерянным. Не думайте только, что я жалуюсь на свою судьбу или жалею себя и горюю. Нет, слава богу, я держу себя в руках и не испытываю даже временных припадков настоящего уныния. Я хотел только передать вам то странное состояние какой-то пустоты, в котором сейчас нахожусь».

Толстой ответил Черткову большим письмом, в котором писал:

«Хочется вам написать, милый друг, о своей

внутренней духовной жизни, которая, благодарю бога, не оставляет меня. Хочу написать, что я пережил [в] последние дни и что, очень вероятно, покажется многим совсем ничтожным, давно известным, старым, но про вас знаю, что вы поймете то, что я испытал, если и не так, как я испытал, то все-таки любя то же, что и я, поймете, что́ меня радует и волнует. А это вот что. Дня четыре тому назад, ночью, когда я лучше всего думаю, я стал думать кое о чем тяжелом, и вдруг мне ясно стало, что то, что тяжело, может быть тяжело для Толстого, но для *меня* нет и не может быть ничего тяжелого, трудного, для меня, для моего настоящего *я* все легко, все благо. И когда я понял, ясно понял это, я стал перебирать все, что беспокоит, мучит меня, и ясно сознал, что это все разрешает: хочется Толстому дурно думать о человеке, осудить кого в мыслях, не хочется Толстому, оторвавшись от занятий, беседовать с человеком, которого считаешь пустым, спроси только у *него*, у *я*. Он бесповоротно решает, и решения его всегда таковы, что от исполнения их всегда хорошо, радостно. Радостное состояние это ясного раздвоения на два существа: одного жалкого, гадкого, подлого, и другого всемогущего, чистого, святого, сделалось со мною [в] последние дни, и я хочу поделиться с вами этой радостью. Если что представляется запутанным, трудным (таково ваше положение), стоит только ясно разделить эти два, живущие в одном, существа, и все сейчас же станет легко и просто.

«Чертков хочет вернуться в Телятинки, хочет продолжать руководить сыном, хочет не разлу-

чаться с женой — продолжать многие годы делаемое дело. Все это может быть хорошо, а может быть и не совсем, надо спросить его, того, кто не родился и не умрет и кто хочет только добра и не одному Черткову, а всему миру и неразделько слит с Чертковым. Надо его спросить, и он решит, и решение его будет благо для всех

«Пишу вам это потому, что это ясное разделение себя на Толстого и *я* мне вдруг сделалось особенно резко и дало мне новую силу и радость. Может быть вам это будет не так, но мне хотелось поделиться с вами своей радостью» [30].

Чертков и сам уже не раз делился с Толстым подобными же размышлениями и, получив это письмо, ответил, что временами испытывает такое же состояние и считает эти минуты самыми радостными в своей жизни.

В Петербурге Чертков энергично хлопочет о своем возвращении в Тульскую губернию, но все его хлопоты оказываются безрезультатными.

Толстой пишет ему, что с волнением ждет решения его дела. Вместе с тем Толстой напоминает, что и отсутствие личных свиданий не может нанести ущерб их дружбе.

«Давно не писал вам, Владимир Григорьевич, не ищу обращения, наши отношения вне этого. А думаю о вас слишком много—слишком, потому что хочется быть готовым к разлуке внешней на земле... Как и вы, так и я, в наши хорошие минуты, мы знаем, что связь наша не может быть прервана не только Столыпиными, но и смертью. Такая связь, как у нас с вами, такая у нас,— позволяю себе думать—с многими и многими людьми, которых мы и не видали и про сущест-

вование которых не знаем, и с такими живыми и с такими же умершими. Я это чувствую в хорошие минуты, и тогда личные отношения, и радостные и тяжелые, отступают на второй, сотый план. Хотел сказать „будет" — поговорим о себе, о вас, о наших близких, о делах, но удивительное дело, не могу этим интересоваться. А надо».

И дальше Толстой рассказывает Черткову о его семье, оставшейся в Телятинках, и о своей работе, упоминая о том, что хочет выполнить желание Черткова, который постоянно советовал ему писать в художественной форме:

«Галю видаю почти через день и нахожу всегда одинаково спокойной, разумной, доброй. Димочку мало вижу, а хотелось бы поговорить с ним, покопаться в его молодой душе. Странна молодость с своей стремительностью и неведением. Дома у меня все по-старому хорошо. Слава богу, работы, которая кажется нужной, много. Все хочу исполнить ваше желание и не для вас, а для себя, так ясно, что нужно и просится, а руки не доходят, да и, главное, слаб. Часа 2, 3 в день чувствую себя в силе писать, а то слаб» [31].

Чертков, ведя в Петербурге хлопоты о своем возвращении, в то же время продолжает заботиться об издании сочинений Толстого и подготавливает почву для печатания нового «Круга чтения», получившего в конце-концов название «На каждый день». Он пишет Толстому о тех трудностях, которые встречаются при осуществлении этого издания:

«Сытин был здесь, и я с ним, наконец, окончательно сговорился относительно издания по-

вого „Круга чтения". Оказывается, что цензурные условия изо дня в день настолько ухудшаются, что издавать, что бы то ни было, написанное вами, делается очень рискованным. Мы, однако, с Сытиным сговорились так: приступаем к ежемесячному выпуску нового „Круга чтения", начиная с Июня (для того, чтобы первый выпуск тотчас же поступил в продажу). Издаваться будет здесь, в Петербурге, без обозначения фирмы Сытина, хотя издание это будет его. Хирьяков вычеркивает все нецензурное. Напечатают сначала 10 экземпляров, которые пошлют в цензуру. Если издание не остановят, то приступят к печатанию настоящего издания» [32].

В другом письме Чертков сообщает, что вел переговоры с Сытиным о повторном издании старого «Круга чтения» и при этом выяснилась невозможность издать полностью, вследствие цензурных препятствий. Поэтому Чертков сговорился с Сытиным о том, что поручит А. М. Хирьякову вычеркнуть нецензурные места, чтобы издание могло состояться.

В конце мая 1909 года Толстой послал Черткову в Петербург выписки из своих последних дневников:

«Посылаю вам кое-что из последних моих дневников,—писал Толстой.—Знаю, что вам интересно это - то, что́ у меня в душе делается так же, как мне, что́ в вашей душе делается. Всех дневников не посылаю, потому что решил писать только для себя. А если знаешь, что будут читать, то—я по крайней мере—не могу уж быть совсем прост и искренен с собой».

Далее, сообщив, что «за это время все возился» с статьей «Неизбежный переворот», которую считает оконченной, и что «конался» над заметкой «Единая заповедь», которую тоже кончил, Толстой отвечает на письмо Черткова о переиздании «Круга чтения»:

«Пожалуйста, поощрите Сытина издать 2-ое издание старого „Круга чтения“. Книжка эта очень очень нужна, и мне так всегда хочется давать ее людям, а ее нет уже. Пускай Хирьяков вымарывает все опасное. Очень ему благодарен за этот его скучный труд, и пускай безжалостно марает. Как бы много ни вымарал, останется все-таки много добра. А то я уже дума[л] сам издать. Надеюсь, что, когда выйдет, он мне пришлет много экземпляров, чтобы я мог раздавать»[33].

Чертков отвечал, что вполне понимает чувство, мешающее Толстому давать читать свой дневник целиком. В то же время Чертков выражал опасения за судьбу дневников Толстого, если они останутся не переписанными:

«Мне было бы только жаль, если б дневник ваш оставался решительно никем не списанным, даже Александрой Львовной, так как это опасно, как в случае пожара, так и вашей смерти: те, для которых содержание его ценно и нужно, могли бы лишиться его» [34].

Вместе с тем Чертков писал Толстому, что посылает ему последнюю корректуру июньского выпуска «На каждый день» и что эта книжка выйдет в ближайшее время в свет, если не будет конфискована цензурой.

Еще в конце мая Толстой писал Черткову, что собирается поехать в гости к своей дочери,

Татьяне Львовне, в родовое имение ее мужа, М. С. Сухотина, Кочеты, расположенное около границы Тульской и Орловской губерний, и приглашал Черткова воспользоваться этим случаем для того, чтобы повидаться.

Восьмого июня Толстой уехал в Кочеты и вернулся оттуда лишь в начале июля. В Кочетах он много работал над статьей «Единая заповедь», хотя незадолго до того сообщал Черткову, что статья эта окончена.

Толстой писал об этой работе Черткову:

«Я у Тани, и мне здесь очень хорошо. Все пишу „Единую заповедь". Мне кажется, что нужно, а я теперь в тех хороших условиях, что всякий месяц, неделю, день должен, по вероятиям, считать последним. И потому не могу из предстоящих дел не выбирать того, что считаю наиболее нужным... Вы пишете о том, чем нужнее всего помогать народу, или скорее, хоть кое-чем отплачивать ему. И, разумеется, вы правы, но чувствую свое бессилие, свою слабость. Эту статью начал для простого читателя, а кончилось тем, что статья почти недоступна простому читателю. Но не отчаиваюсь, буду стараться» [35].

В следующем письме Толстой продолжал развивать те же мысли:

«Вчера я прочел нашим (человек 5) мою статью „Единая заповедь", которая, как мне кажется, может вызвать в людях хорошие мысли и чувства. Но читая ее вчера нашему брату, изуродованным жалким людям, я убедился (хорошо убедиться в этом в 81 год), что все, что я пишу, глупо, потому что обращено не к той

публике, которой это нужно, — к миллионам рабочих без- и полуграмотным, но к неизвращенным, разумным людям. И в 1-й раз не умом, а всем существом, понял всю глупость того, что делал, и намерен те месяцы, дни, часы, которые мне остались, обратить на писание для них, передачу им того, что я, мне кажется, что знаю, и они, мне кажется, не знают: писать для них и в рассудительной и в художественной форме» [36].

В Кочетах Толстой получил известие, что Черткову окончательно отказано в разрешении вернуться в Тульскую губернию.

В письме к Черткову, после получения этого известия, Толстой писал:

«Постараюсь увидать вас, где бы вы ни были. Хоть и неприлично говорить это, и глупо, и часто несправедливо, мне кажется, что я скоро уйду, и я не отгоняю эту мысль — она и полезна и приятна, и потому хотелось бы до отхода повидаться» [37].

Татьяна Львовна придумала способ, при помощи которого Чертков мог повидаться с Толстым в Кочетах, не нарушая постановления о воспрещении ему жительства в Тульской губернии. Она предложила снять для Черткова помещение в деревне Суворово, расположенной в четырех верстах от Кочетов, но находившейся уже на территории Орловской губернии, и Чертков, поселившись там, мог бы посещать Кочеты, возвращаясь для ночлега в снятую для него избу.

Чертков приехал в Суворово в конце июня и провел там несколько дней.

В этот приезд так же, как и обычно, Чертков мог познакомиться с очередной работой Толстого. Посылая ему в Суворово свою статью «Единая заповедь», Толстой писал:

«Посылаю вам, милый друг, „Единую заповедь". Если удосужитесь, прочтите с карандашем в руках. Ваши замечания мне очень дороги. Надеюсь быть у вас часов в 5» [38].

Убедившись в том, что в ближайшее время не удастся вернуться в Телятинки, Чертков решил не оставаться в Петербурге.

Так же, как двадцать с лишним лет тому назад, Чертков селится вместе с Анной Константиновной в имении его родственников Паниковых — в Крекшине, Московской губернии. Здесь летом 1903 года он заканчивает давно уже начатое им общедоступное изложение статьи Толстого «О жизни». Вместе с тем Чертков пишет воспоминания об одном из эпизодов своей юности, оказавшем влияние на его дальнейшее развитие — «Дежурство в военных госпиталях» [39].

Посылая эту рукопись Толстому, Чертков писал.

«На прилагаемые воспоминания мои вы можете смотреть более или менее, как на письмо к вам, так как некоторые места я действительно писал вместо письма к вам. Пожалуйста, прочтите их сначала последовательно и, если вас не затруднит, с карандашем в руках» [40].

Толстому очень понравились эти воспоминания. Он читал их вслух в Ясной Поляне и после чтения сказал А. Б. Гольденвейзеру:

«Какой удивительный человек Чертков. И какой он совсем особенный, непохожий на других» [41].

Летом 1909 года Толстому пришлось пережить много тяжелого. Вскоре после его возвращения из Кочетов произошло острое столкновение между Софьей Андреевной и Александрой Львовной, резко заступившейся за крестьянина, которого стражник задержал во время ловли рыбы в яснополянском пруду и собирался бить. Толстой несколько раз в это время пишет в своем дневнике, что чувствовал себя больным после разговоров с Софьей Андреевной и что у него являлась мысль уйти из Ясной Поляны.

Получив приглашение принять участие в конгрессе мира, который должен был состояться в августе 1909 года в Стокгольме, Толстой собирается поехать в Швецию. Софья Андреевна заявляет, что не допустит этой поездки. И когда Толстой не соглашается с ее аргументами, она добивается своего другими средствами.

Толстой записывает в своем дневнике:

«После обеда заговорил о поездке в Швецию, поднялась страшная истерическая раздраженность. Хотела отравиться морфием, я вырвал из рук и бросил под лестницу. Но когда лег в постель, спокойно обдумал, решил отказаться от поездки. Пошел и сказал ей. Она жалка, истинно жалею ее. Но как поучительно. Ничего не предпринимал, кроме внутренней работы над собой. И как только взялся за себя, все разрешилось.»[42].

Но несмотря на то, что поездка в Швецию не состоялась, настроение Софьи Андреевны не меняется к лучшему, и в Ясной Поляне попрежнему тяжело.

Толстой, как и всегда, старается уйти в свою работу и довольно много пишет в это время. Окончив, наконец, статью «Единая заповедь», он принимается за статью о науке.

Толстой часто пишет в это время Черткову, так же как всегда, пересылает ему рукописи, прося дать свой отзыв, делится своими мыслями и с особенной теплотой пишет о той близости, которую чувствует, думая о нем:

«Мне кажется,—пишет Толстой,—что я по старческой слабости, не переставая, пишу и пишу много пустяков и, главное, повторений. Вы, как настоящий друг, скажите, не боясь меня огорчить. Теперь кроме "Неизбежного переворота", есть „Единая заповедь" и еще о науке. Il n'y a pas de raison que ça finisse*. Пожалуйста, скажите. К вам приехать—радостная мечта. Надеюсь исполнить. Писать больше почти нечего, кроме того, что вы мне близки, близки, и мне радостно не только быть с вами, но думать о вас»[43].

В другом письме Толстой рассказывает Черткову о своем настроении и размышлениях в связи с теми трудными минутами, которые ему приходилось в это время переживать:

«Жил дурно все это время, был не добр. А как только нет любви—нет радости, нет жизни, нет бога. Одна дырочка в ведре—и вся вода вытечет... Да, бог—любовь, это для меня такая ясная несомненная истина, но в последнее время я все яснее и яснее не то, что вижу, но чувствую всем существом, что проявлять любовь в жизни, нам, дряхлым людям, да с еще более дурным,

---

* Нет оснований к тому, чтобы это кончилось.

гадким прошедшим не легко, а тут на каждом шагу дилеммы и, во имя любви, исполнивши одно требование о любви, нарушишь другое. Одно спасенье жить только в настоящем, нести крест на каждый день, час, минуту. А я так плох, и все больше и больше хочется умереть. Прежде хотелось по вечерам, а теперь и по утрам. И это мне приятно. Не думайте, что я жалуюсь вам. Не имею ни права, ни желания, и большей частью только благодарен, особенно когда один» [44].

Чертков, в свою очередь, пишет Толстому о тех мыслях, которые вызывают у него письма Толстого, сообщает о своих мероприятиях для опубликования новых произведений Толстого, в частности уведомляет, что статья «Неизбежный переворот» уже отправлена в Англию для перевода на английский язык. Он пересылает копию и перевод своего письма к англичанину Райту, который, составив статью о Толстом для Британской энциклопедии, послал Черткову для отзыва свое изложение религиозных взглядов Толстого. Чертков нашел, что Райт не вполне точно передал мысли Толстого о бессмертии и поспешил разъяснить ему точку зрения Толстого.

Толстой одобрил письмо Черткова Райту и ответил:

«Получил ваше письмо,—милый друг,—и очень радовался на то единство духовное, в котором сознаю себя с вами» [45].

Поселившись в Крекшине, Чертковы несколько раз приглашают Толстого приехать в гости вместе с Софьей Андреевной, Александрой

Львовной, домашним врачом Д. Н. Маковицким и старым слугой Толстых, Н. В. Сидорковым.

Толстой решил поехать к Черткову и писал ему за несколько дней до отъезда:

«Очень хочется, и каждый день жду возможности ехать к вам. Должно быть это будет не позже 2-го. Стараюсь не тяготиться всем тем, что связывает меня. Стыжу себя за это, сравнивая свое положение с положением других, в тысячи раз худшим... Все эти дни, дней пять, ничего пристально не работаю. Много разных планов—хочется многое сказать, но уж силы плохи, и не мешает и помолчать. Саша мне прекрасно помогает в переписке и проч. Как часто завидую тем старикам—особенно у буддистов—которые уходят в известные годы в пустыню...».

Вместе с тем Толстой писал о своих очередных работах:

«Я, кроме Магомета [46], составил книжечку изречений Лаотзе с маленьким предисловием [47]. Нам хочется с Иваном Ивановичем собрать и издать книжечки копеечные всех мудрецов религиозных. Это я думаю, очень нужно. Также „На каждый день" он Нюнь издает просто книжечками по копейке под заглавием не „На каждый день", а „Для души" [48]. Так и все он хочет издать. Что̀ Сытин» [49].

И в конце письма Толстой опять пишет о своем настроении:

«Другим не говорю этого, но вам скажу, что мне последнее время грустно, тяжело. Разумеется, потому, что сам плох. Но не унываю, стараюсь быть получше» [50].

Третьего сентября Толстой, вместе с женою и дочерью, Д. П. Маковицким и П. В. Сидорковым выехали в Крекшино и по пути остановились в Москве. Толстой не был в Москве в течение нескольких лет, и его неожиданный приезд произвел сенсацию. Газеты были полны статьями корреспондентов, а на обратном пути в Ясную Поляну ко времени отхода поезда, с которым должен был ехать Толстой, собралась громадная толпа, устроившая ему овацию.

В Крекшине В. Г. и А. К. Чертковы постарались сделать все необходимое для того, чтобы Толстой мог жить у них, не нарушая своих привычек и сохраняя весь свой обычный распорядок дня. Так же, как в Ясной Поляне, он делал каждый день прогулку пешком или верхом, так же писал днем в своей комнате, а вечерами беседовал с гостями или слушал музыку.

В Крекшине Толстой пробыл с 4 по 18 сентября и перед своим отъездом решил сделать завещание, которое должно было иметь юридическое значение, так как пожелания, высказанные им раньше в дневнике и в письмах к Черткову, формально не были обязательны для наследников, и можно было опасаться, что воля его останется неисполненной.

Толстой не раз заявлял о своем отказе от литературной собственности на все, что он написал после 1881 года, но Софья Андреевна постоянно говорила, что не согласна с его волей.

При жизни Толстого нельзя было помешать бесплатному печатанию и перепечаткам его новых произведений, но Софья Андреевна не скрывала своего стремления к тому, чтобы за-

крепить литературное наследство Толстого за собой и своей семьей.

Толстому не раз приходилось вести тяжелые для него разговоры с женой на эту тему.

В начале мая 1908 года, еще до возвращения Черткова в Россию, Толстой, написав в своем дневнике о том, что его тяготят некоторые получаемые им письма, сделал затем запись о разговоре с Софьей Андреевной:

«Ничье не письма, а разговор о праве на мои сочинения после смерти. Трудно перенес [51].

В начале декабря 1908 года Софья Андреевна спросила Черткова о том, что он намерен делать с имеющимися у него черновиками и списками неизданных произведений Толстого. Чертков ответил, что позаботится об их издании, а затем передаст их рукописи туда, где будут храниться все рукописи Толстого.

В ответ на это Софья Андреевна начала доказывать, что Толстой отдал в общее пользование только те свои произведения, написанные после 1881 года, которые уже появились в печати, а те его произведения, которые еще не напечатаны, принадлежат семье. И хотя Толстой, присутствовавший при этом разговоре, очень решительно возразил против такого толкования, она настаивала на своем и в конце-концов сказала, что он еще «может сдаться».

В июле 1909 года, переживая тяжелые дни в Ясной Поляне, Толстой сделал запись в своем дневнике:

«Все больше и больше думаю о том, чтобы уйти и сделать распоряжение об имуществе» [52].

В Крекшине, 18 сентября 1909 года Толстой

осуществил это намерение «сделать распоряжение» о своем наследстве.

По завещанию, которое сделал Толстой в это время, его произведения, написанные до 1881 года, оставались в пожизненном пользовании Софьи Андреевны. Все остальные произведения, написанные до 1881 года, но не напечатанные, и все, написанное после 1881 года, передавались Черткову для того, чтобы было обеспечено их безвозмездное издание. После смерти Черткова его права должны были перейти к тем, кому он поручит это дело.

Завещание это было подписано свидетелями, но во избежание осложнений не было сообщено Софье Андреевне.

Толстые проездом из Крекшина в Ясную Поляну остановились на один сутки в Москве, и Александра Львовна воспользовалась этим для того, чтобы показать текст завещания присяжному поверенному Н. К. Муравьеву и выяснить, насколько оно формально правильно.

Оказалось, что завещание это не имеет юридической силы, — надо было указать определенное лицо или учреждение, которому завещаются в собственность произведения Толстого, с тем, чтобы уже в дальнейшем наследник выполнил бы его посмертную волю.

Чертков отказался быть юридическим наследником литературной собственности Толстого. Поэтому Толстой решил написать завещание на имя своей дочери, Александры Львовны, выразив в объяснительной записке к завещанию свое желание, чтобы фактически его произведения не составляли бы ничьей частной

собственности и чтобы все его рукописи были бы переданы Черткову, который должен был заняться пересмотром их и изданием на тех же основаниях, на каких он вел это дело при жизни Толстого.

В конце октября текст завещания, выработанный при ближайшем участии Н. К. Муравьева, был отвезен в Ясную Поляну Ф. А. Страховым.

Через несколько дней Ф. А. Страхов, вернувшись в Москву, сообщил, что Толстой решил сделать в первоначальном тексте завещания существенное изменение — оставить в общее пользование все свои писания, не исключая тех, которые были опубликованы до 1881 года. В соответствии с этим желанием Н. К. Муравьев внес изменения в текст завещания. Толстой подписал это завещание первого ноября 1909 года, причем так же, как и в первый раз, было решено, во избежание тягостных семейных осложнений, не доводить об этом до сведения Софьи Андреевны [53].

После возвращения из Крекшина Толстой попрежнему часто пишет Черткову, причем нередко его письма по своему тону напоминают запись в дневнике. В одном из таких писем Толстой пишет Черткову:

«Душевное состояние мое хорошо. Не так хорошо, как бывает, что всему радуешься, а не дурно тем, что несмотря на телесное недомогание — печень, должно быть, и от того мрачность — дорикусь и работаю в той области, в которой всемогущ. Смешно сказать, но чем старше делаюсь, тем больше чувствую себя учеником, переходку из высших классов в низшие, учусь азам, тогда

как воображаю, что *все* знаю. Азы, которым учусь и никак не могу выучиться, в том, чтобы при всякой такой встрече, общении, прежде чем начать говорить, помолиться, также прежде, [чем] начать писать, думать даже, делать то же. И все не могу: скажу глупое, дурное, злое и только потом [вспомню], что надо было прежде помолиться. Редко, очень редко успеваю, но не отчаиваюсь, хотя понемногу да подвигаюсь. Утешительно при этом то, что важно не то, чего достигну, а то, что не переставая достигаю. И хорошо бывает. Не знаю, хорошо ли дурно это, но последнее время очень, очень хочется умереть, главное от той страшной разницы, противоречия, которое я сознаю между своим пониманием жизни—не головным, а всем существом—и совершенно и безнадежно несогласным, противоречивым—людей мира. Должно быть так надо, но как будто чувствуешь, что ничего сделать не можешь и не нужен. Ну, да это личные пустяки» [54].

Чертков писал Толстому в ответ:

«Хочется мне сказать вам, милый, дорогой друг и, главное, брат по духовной жизни, что я очень рад и благодарен вам, что сообщаете мне о вашем внутреннем душевном состоянии: мне это особенно нужно и дорого с тех пор, как я разлучен с вами. И мне дорого знать и радостное и печальное, происходящее у вас» [55].

И дальше Чертков пишет о том, что желание смерти вследствие противоречия между убеждениями и повседневной жизнью является соблазном, потому что каждый обязан выполнять свой долг, не думая о последствиях. Вместе с тем

никто не должен заранее мысленно ограничивать те возможности, которые в нем скрыты: не только в тридцать лет, но и в восемьдесят и в девяносто пять человек может сделать шаг, который поднимет его на высшую ступень и даст выход из того тупика, куда, казалось, зашла его жизнь.

Толстой ответил Черткову на это письмо:

«Я рад теперь, что написал вам в минуту моей слабости. Это вызвало ваше такое хорошее, бодрящее письмо» [56].

В других письмах Толстой пишет Черткову об очередных делах — выражает желание ускорить издание «На каждый день», сетуя на Сытина, очень медленно издающего очередные выпуски, рассказывает о посетителях, бывающих в Ясной Поляне, и сообщает о своих работах. Он пишет в это время «Проезжий и крестьянин» и, как всегда, не раз переделывает эту статью.

Чертков, получив рукопись «Проезжего и крестьянина», пользуется случаем, чтобы еще раз написать Толстому о том, что художественная форма изложения особенно убедительна, так как не вызывает желания спорить.

Упомянув, что эта вещь должна произвести большее впечатление, чем те статьи, в которых отсутствует диалог, Чертков пишет Толстому:

«Мой личный эгоистический элемент, столь мешающий восприятию хорошего, устраняется при такой форме изложения. Я присутствую просто, как зритель, наблюдающий других, переносящийся в *их* души, забывающий себя. А забвение себя есть лучшее состояние для того, чтобы чувствовать и ценить то, что хорошо, и отдавать

предпочтение тому, что действительно справедливо. Логика убедительна, а когда она применяется к тому, что действительно верно, то она неотразима, но только при том непременном условии, чтобы воспринимающий был беспристрастен, а не глубоко религиозные люди, каковыми является пока еще *большинство* людей, бывают беспристрастны *только* тогда, когда забывают себя. То же и по отношению к чувству: обратись к незнакомому человеку с воззванием о том, чтобы стал добрее—в большинстве случаев он от этого станет злее. Но заставь его при помощи художественных образов перенестись в положение и в душу других с тем, чтобы он, забыв *себя* и *тебя*, в *них* почувствовал доброе и злое, и, если ты, художник, сам сильно радуешься доброму и жалеешь о злом, то это же чувство ты *наверное* передашь всем, воспринимающим твое художественное произведение, сообразно со степенью душевной чуткости каждого из них. Вот почему и сцены вроде ваших „Разговоров проезжего с крестьянином“ или „Разговор с проходими“, или „Детской мудрости“, в которых, хотя и преобладает рассудочный элемент, но с тонкой примесью чувства—равно, как и чисто художественные произведения,—сильнее действуют на чувство и ум, т. е. на сознание читателя, чем то же самое, высказанное в форме непосредственного рассуждения» [57].

Окончив «Проезжего и крестьянина», Толстой принимается за другие работы.

В ноябре Толстой пишет Черткову:

«Я никогда не забывал и не забываю того, что вы делали и делаете для распространения

моих писаний, и никогда не распоряжаюсь и не буду распоряжаться ими помимо вас. И то, что все мои последние писания только скучные повторения, тоже знаю и не огорчаюсь. Есть важнее и душевнее дела. Знаю тоже, что я „откупался", т. е. высказал в литературной форме все, что имел сказать, и что все то, что пишу теперь, очень слабо, но будет по инерции одобрено. Je ne me fais pas d'illusion là dessus*. Но мне и так, очень, очень хорошо, особенно имея таких друзей, как вы» [58].

И в то же время он упорно работает над новым произведением, в котором наблюдения над деревенской жизнью, переданные в художественной форме, соединяются с рассуждениями «Три дня в деревне». В начале января 1910 года эти очерки в основном были окончены, хотя Толстой продолжает еще, по обыкновению, долго вносить поправки и изменения в рукопись.

Толстой пишет об этом Черткову:

«Работы свои, кажется, очень неудачные, я кончил — рад, что развязался с ними. Вы виновны в том, что они в более или менее художественной форме. Все это вместе должно составить одно целое. И как это ни плохо, каждое отдельно, вместе это может быть полезно. Вместе это так: 1-й День в деревне — Бродячие люди. 2-й День в деревне — Живущие и умирающие. 3-й День в деревне — Подати, и 4-е Сон. Две из них переписаны, две будут переписаны на-днях и высланы вам. Очень хочется видеться с вами. Это странно, но вы так близки мне, что мне

---

* У меня нет иллюзий на этот счет.

писать вам как-то неудобно. Мне слишком много хочется сказать. А не могу сказать всего—не успею—так и ничего» [59].

Чертков, получив рукописи «Бродячие люди» и «Сон», пишет Толстому:

„Бродячие люди"—великолепно, ново, очень трогательно, сильно и убедительно».

Далее Чертков сообщает Толстому замечание, которое сделала Анна Константиновна: в заключении, там где сказано, что бездомные бродячие люди должны вызывать «чувство сострадания»—лучше было бы сказать: «чувство стыда и сострадания».

Относительно рукописи «Сон» Чертков делает, с своей стороны, замечания, близкие к тем, которые он в свое время высказал по поводу сочетания художественного изложения и рассуждений Позднышева в «Крейцеровой сонате»:

«„Сон" разумеется, вещь очень содержательная, но художественная сила описания сна нарушается тем, что вы вставили туда длинное рассуждение, очень хорошее само по себе, но такое, которое и по мыслям и даже по форме изложения принадлежит и может принадлежать только вам самим. А потому я думаю, что вещь эта значительно выиграла бы в художественной цельности, а потому и в убедительности впечатления, если бы ваше собственное рассуждение было бы совсем выделено из описания сна, в котором следовало бы оставить только то, что по тону своему действительно соответствует тому „составному" другу вашему, которого вы слышали во сне. В прилагаемом списке я постарался сделать это изменение и, кажется мне,

что статья очень от этого выиграла тем, что и художественные требования соблюдены и ни одна ваша собственная мысль не пропала».

И, предложив еще несколько мелких поправок, Чертков писал в конце письма:

«Не стану извиняться за свою смелость в том, что предлагаю вам эти изменения, так как по опыту знаю, что, согласитесь вы или нет с моим мнением, вы не станете сердиться на меня за то, что без стеснения высказываю, что́ думаю» [60].

Получив это письмо, Толстой записал в своем дневнике:

«Вчера, кажется, было письмо Черткова с исправлением „Сна“. Как хорошо» [61].

Отвечая Черткову, Толстой писал:

«Получил, милый друг, сейчас ваше письмо с исправленной статьею. Не могу вам передать всю степень моего одобрения вашего исправления „Сна“. Пожалуйста, так, в этом исправленном виде, пускайте его. Буду без совести пользоваться вашими трудами, выдавая их за свои. Это не шутка, а истинная правда. Также и слово „стыдно“ прекрасно и надо вставить. Статью с маленьким изменением в переходе от сна к рассуждению посылаю обратно. Если бы не любил вас, как брата по вере, друга по единству взглядов, я бы не мог бы не любить вас из-за благодарности за вашу такую неоценимую помощь со всех сторон тому делу, которому мы оба стараемся служить нашей жизнью» [62].

Изучая письма Черткова к Толстому в последний год его жизни, можно убедиться, что выражение Толстого о том, что Чертков помогает «со всех сторон», не является преувеличением.

С обычной своей настойчивостью и прямолинейностью, не останавливаясь перед неприятными конфликтами с другими людьми, Чертков продолжает выполнять принятые им на себя обязанности единственного представителя Толстого по всем делам, связанным с его литературными произведениями.

Когда П. А. Сергеенко начинает подготавливать к изданию сборник писем Толстого, Чертков предлагает ему поставить на книге слова «перепечатка разрешается», чтобы издатели не могли считать опубликованные им письма Толстого своей собственностью. Когда П. А. Сергеенко уклоняется от того, чтобы дать согласие на это требование, Чертков посылает ему соответствующее письмо, и Толстой делает приписку о своем согласии с письмом Черткова.

Вместе с тем Чертков опубликовывает в газетах письмо, в котором в «качестве уполномоченного Л. Н. Толстого по делу проведения в печать его впервые появляющихся писаний», сообщает, что Толстой, не возражая против публикации своих писем, поручил ему заявить о том, что просит лиц, публикующих эти письма, соблюдать два условия:

«Во-первых, не желая, чтобы какие бы то ни было его писания становились чьей бы то ни было собственностью, но желая, чтобы при первом их появлении в печати они становились доступными всем для безвозмездной перепечатки, как он печатно заявил еще в 80-х годах, Лев Николаевич просит издателей делать при его письмах соответствующее заявление о том, что никаких прав литературной собственности

на печатаемые письма не имеется. Во-вторых, желая тщательно избежать того, чтобы в его письмах проходило в печать что-либо неуместное с точки зрения его, Льва Николаевича, или получателей его писем или же упоминаемых в письмах третьих лиц, и вместе с тем, не имея времени для этой цели самому просматривать и редактировать свои письма, Л. Н. Толстой просит издателей предварительно доставлять эти письма мне для просмотра и редактирования» [63].

Когда редакция «Русских ведомостей» опубликовала статью Толстого «О ложной науке», выпустив без его разрешения те мысли, с которыми она была особенно несогласна [64], Чертков пишет статью «Две цензуры для Толстого», в которой восстанавливает все пропущенные места и решительно протестует против действий редакции газеты [65].

Вместе с тем Чертков принимает разные меры для того, чтобы облегчить Толстому самый процесс его работы, начиная с приглашения секретаря, а затем и переписчика, которые живут в Телятинках, ежедневно бывая в Ясной Поляне, и кончая приобретением для Толстого вечных перьев лучших английских фирм.

Толстой в начале 1910 года, так же как и в 1909 году, не раз делает записи в дневнике о том, как тяготит его та обстановка, в которой ему приходится жить в Ясной Поляне, и пишет, что у него нет прежнего упоретва в работе. Тем не менее он все-таки продолжает много работать, переделывая «На каждый день» в небольшие книжечки на разные темы, составившие

серию «Путь жизни», и отвечая на письма, получаемые им от самых разных людей. Софья Андреевна писала 13 марта своей сестре о его самочувствии и работоспособности:

«Сам он все таки слабеет, иногда целый день ничего не ест, иногда находит на него спячка. А то опять ничего, поедет верхом и утром много занимается. Эта привычка так велика, что он без нее не может жить».

В марте 1910 года Толстой, благодаря Черткова за то, что он предоставил ему возможность пользоваться помощью секретаря — В. Ф. Булгакова — и переписчика — С. М. Белинького, пишет о своей работе:

«Мне кажется, да я и вполне уверен, что мне ничего не нужно, а кончается тем, что два таких работника, не переставая, работают и все не успевают. А все от того, что приписывают мне несвойственное мне значение, и я по слабости своей поддаюсь этому соблазну» [66].

Толстой не раз пересылает в это время Черткову свои ответы на письма из-за границы, прося перевести на английский язык, а иногда предлагает Черткову самому составить ответ на то или иное английское письмо.

Получив письмо от Ганди, Толстой пишет Черткову:

«Сейчас и вчера вечером читал присланную мне с письмом книгу (одну раньше, другую после) одного индусского мыслителя и борца против английского владычества Gandhi, борющегося посредством Passive Resistance *. Очень

---

* Пассивное сопротивление.

он близкий нам, мне человек. Он читал мои писания, перевел на индусский язык мое письмо индусу [67], его же книга Indian Home Rule[68] по-индусски была запрещена британским правительством. Он просит моего мнения об его книге. Мне хочется подробно написать ему [69]. Переведете вы мне такое письмо?» [70].

В других письмах Толстой пишет Черткову о своем самочувствии. Временами, несмотря на тяготящие его внешние условия, он чувствует себя хорошо. В конце марта Толстой пишет Черткову:

«Надо бы удержаться от хвастовства, но уж очень хочется перед вами: на душе все лучше и лучше. Дай бог, чтобы у вас было, наверное, и есть тоже. Растения растут сначала быстро, а потом медленно, а духовная жизнь наоборот» [71].

Но затем постоянное противоречие между взглядами Толстого и окружающей обстановкой сказывается на его душевном состоянии. В середине апреля он записывает в дневнике:

«Проснулся в 5, и все время думал, как выйти, что сделать. И не знаю. Писать думал. И писать гадко, оставаясь в этой жизни. Говорить с ней? Уйти? Понемногу изменять? Кажется, одно последнее буду и могу делать. А все-таки тяжело» [72].

Вскоре после того Толстой пишет Черткову:

«Я же, дорогой друг, все в том же подавленном состоянии: не могу писать, и нужно постоянное усилие, чтобы не отдаваться недобрым чувствам».

В том же письме Толстой рассказывает о своей

работе над комедией «От ней все качества», которую он писал для домашнего спектакля, устраивавшегося в Телятинках сыном В. Г. Черткова и его товарищами:

«Пьесу я им не решаюсь дать, так она плоха. А от меня ждут что-нибудь, по крайней мере, не совсем глупое. Впрочем, в теперешнем состоянии не могу писать» [73].

Дочь Толстого, Татьяна Львовна Сухотина, приглашает его погостить у нее в имении Кочеты. Толстой охотно принимает это приглашение и в начале мая уезжает из Ясной Поляны. Вместе с тем он пользуется этим случаем, чтобы повидаться с Чертковым. Еще в начале апреля Толстой пишет Черткову:

«Вы мне очень недостаете, и я все мечтаю, что как-нибудь эта глупость развяжется. Vous me manquez * особенно потому, что есть вещи, которые я никому не могу сказать, кроме вас, и которые мне никто не скажет, кроме вас» [74].

Незадолго до отъезда к Сухотиным Толстой спрашивает Черткова, не приедет ли и он в Кочеты:

Чертков решает ехать в Кочеты и, по приглашению М. С. и Т. Л. Сухотиных, на этот раз останавливается не в соседней деревушке Орловской губернии, а у них в имении.

Толстой записывает в своем дневнике:

«Большая радость: приехал Чертков» [75].

Толстой в первый же день после приезда Черткова передал ему для переписки свой дневник, сказав, что сперва почувствовал некоторое

---

* Вас мне недостает.

стеснение при мысли, что его дневник будет прочитан, но потом решил писать так, как будто никто не будет читать то, что он напишет.

Толстой чувствовал себя хорошо в Кочетах и довольно много писал: перерабатывал и поправлял предисловие к «Пути жизни», работал над комедией «От ней все качества» и над статьей о самоубийствах. Вместе с тем он подолгу гулял в парке и в окрестностях имения, постоянно вступая в разговоры с крестьянами, радуясь тому, что здесь его не знают и принимают за простого старика, и много читал, перечитывая французских мыслителей Монтеня, Ла Боэти, Ла Рошфуко, книги которых он нашел в старинной библиотеке Сухотиных.

Чертков прожил в Кочетах почти две недели — с 7 по 19 мая. Он переписал в это время для Толстого его предисловие к «Пути жизни», просмотрел по его просьбе начало статьи о самоубийствах и много беседовал с ним на разные темы [76].

Толстой вернулся в Ясную Поляну 20 мая, и на следующий же день ему пришлось иметь неприятный разговор с Софьей Андреевной — деревенские бабы жаловались Толстому на то, что им запретили проходить через усадьбу в казенный лес, где они могли брать траву для подкорма скотины. Софья Андреевна, в конце-концов, согласилась отменить свое распоряжение, но положение вещей от этого не улучшилось. Через неделю произошел еще более тяжелый разговор с Софьей Андреевной. Когда Толстой, в ответ на слова Софьи Андреевны о том, что ей надоело хозяйство, посоветовал ей

хозяйство бросить и куда-нибудь уехать, она стала кричать, что ее гонят из дома, и у нее началась истерика. В конце-концов она успокоилась, но у Толстого в течение целого дня были перебои в деятельности сердца[77].

Вскоре после того Толстой записал в своем дневнике:

«Очень приятное доброе чувство к Соне— хорошее, духовно-любовное. На душе хорошо несмотря на бездеятельность»[78].

Но уже через три дня Толстой, вернувшись с прогулки, застал объездчика-черкеса, поймавшего в барском лесу старика-крестьянина из Ясной Поляны, и приведшего его в усадьбу.

Толстой записывает в дневнике, что ему очень тяжело и у него опять являются мысли об уходе. Через день, гуляя в лесу, встречает крестьянского парня и после разговора с ним делает запись в дневнике:

«Встретил малого, спрашивает, можно ли ходить, а то черкес бьет. И так тяжело стало»[79].

Толстому стало настолько тягостно пребывание в Ясной Поляне, что он рад был возможности, хотя бы ненадолго, оттуда уехать. Еще до поездки в Кочеты Чертков писал Толстому в одном из своих писем, что нанял дачу вблизи села Мещерского, Подольского уезда, Московской губернии, в трех часах езды по железной дороге от Ясной Поляны и звал его приехать в гости.

Толстой вскоре после своего возвращения из Кочетов пишет Черткову:

«Ожидаю радость поездки к вам и вспоминаю радость нашего свидания у Сухотиных. Запи-

маюсь я эти последние дни самыми несогласными двумя делами: пьесой, т. е. дребеденью, и переработкой предисловия к книжкам из „На каждый день“, которым я à tort и à raison * приписываю важность. Привет Гале. Увижу я [ее] стало быть не в Телятинках, а у вас, если буду жив» [80].

Толстой поехал вместе с Александрой Львовной и Д. П. Маковицким к Чертковым 12 июня и вернулся оттуда 23 июня. Так же как и во время поездки к Чертковым в Крекшино, он продолжал у них свои работы – закончил предисловие к серии «Пути жизни» и написал «Ответ на приглашение Славянскому съезду в Софию» [81].

Вместе с тем он знакомился с окрестностями, беседовал с местными крестьянами, посетил с большим интересом больницы для душевнобольных в селах Троицком и Мещерском и побывал на текстильной фабрике, где расспрашивал о заработках и о положении рабочих.

В то время, когда Толстой был у В. Г. и А. К. Чертковых, получилось известие, что Черткову будет разрешено пребывание в Телятинках пока там будет жить его мать. В. Г. и А. К. Чертковы решили вернуться в Телятинки в ближайшие дни.

Толстой пробыл у Чертковых до 23 июня.

Утром этого дня он сделал запись в своем дневнике:

«Вчера только что лег, еще не засыпал, телеграмма: „умоляю приехать 23“. Поеду и рад случаю делать свое дело. Помоги бог».

---

* Верно или нет.

Вечером того же дня, приехав в Ясную Поляну, Толстой записал в дневнике:

«Нашел хуже, чем ожидал: истерика и раздражение. Нельзя описать. Держался не очень дурно, но и не хорошо, не мягко» [82].

После возвращения Толстого от Чертковых начинается наиболее тяжелый период его жизни в Ясной Поляне. О последних месяцах жизни Толстого в Ясной Поляне писали много, и нет надобности подробно на них останавливаться. Для этого потребовалось бы изложить и проанализировать значительное количество материалов, и такая задача может стать предметом особой работы. Поэтому здесь необходимо ограничиться лишь сообщением основных, не вызывающих особых споров фактов, и только в той мере, в какой это нужно для того, чтобы история отношений Толстого и Черткова не осталась незаконченной.

Вернувшись от Чертковых, Толстой нашел Софью Андреевну в состоянии величайшего раздражения, и сразу начались тяжелые истерические сцены. Эта атмосфера все сгущается до самого ухода Толстого из дома.

Еще в 1898 году, в одном из писем к Татьяне Андреевне, Софья Андреевна писала о бывающих у нее приступах раздражительности, и сама называла их «мои тревоги и безумства».

Теперь эти «тревоги и безумства», мучительные и для Толстого, и для нее самой, начинают повторяться изо дня в день. Записи в дневниках Толстого показывают, насколько тяжело отражаются на нем в это время настроение и некоторые поступки Софьи Андреевны.

Дружба Толстого с Чертковым, который в течение многих лет ведал всеми делами, связанными с изданием произведений Толстого, имел в своем распоряжении черновики большей части рукописей Толстого за последние двадцать пять лет и пользовался его неограниченным доверием, являлась, по мнению Софьи Андреевны, наиболее значительным препятствием для осуществления ее желания, чтобы литературные произведения Толстого достались ее семье. Вместе с тем у нее создается представление, будто Чертков решил вызвать разрыв между нею и ее мужем. И она начинает испытывать острую ненависть к Черткову, принимающую форму своего рода навязчивой идеи, в значительной степени определяющей все ее поведение в последние месяцы жизни Толстого.

Она желает во что бы то ни стало добиться прекращения общения Толстого с Чертковым и получить в свое распоряжение рукописи, которые были переданы Черткову Толстым.

Еще в 1909 году она возмущалась высылкой Черткова из Тульской губернии и в письме к сестре называла его почтенным человеком. Теперь она приходит в отчаяние при мысли о возвращении Черткова, рассказывает всем и каждому, что Чертков постоянно отнимает у Толстого его рукописи и поставил себе целью окончательно отдалить его от жены.

А. Б. Гольденвейзер, проводивший лето 1910 года вблизи Ясной Поляны и постоянно там бывавший, пишет в своем дневнике:

«Перед самым приездом Льва Николаевича, вечером, она сказала, что больна: разделась,

легла в постель, начала стонать. Льву Николаевичу она почти всю ночь не дала спать; сразу показала ему все свои записки, где писала, что он с Чертковым хотят запереть ее в сумасшедший дом, что он влюблен в Черткова, что он всегда склонен был влюбляться в мужчин и т. п. Про Черткова Софья Андреевна говорит: я его отсюда выживу. Я Льва Николаевича отвяжу от Черткова. Куда он, туда и я»[83].

Чертков вернулся в Телятинки 27 июня.

Софья Андреевна, желая помешать его встрече с Толстым, настояла на том, чтобы Толстой поехал с ней в гости к их сыну, Сергею Львовичу, в его имение. Но у Сергея Львовича Толстые пробыли недолго, уехав 28-го, они вернулись в Ясную Поляну 29 июня. На следующий день Чертков приехал в Ясную Поляну.

С 30 июня до 24 июля Толстой и Чертков видятся друг с другом не менее часто, чем в прежние годы, когда Чертковы жили вблизи Ясной Поляны. Но Софья Андреевна делает все для того, чтобы помешать их встречам, начиная с подслушивания у дверей, когда они разговаривают друг с другом, и кончая тяжелыми истерическими сценами, которые она постоянно устраивает Толстому.

Узнав о том, что дневники Толстого за последние десять лет хранятся у Черткова, Софья Андреевна требует, чтобы они были взяты у Черткова и переданы ей. Толстой отклоняет это требование, но Софья Андреевна изо дня в день возобновляет разговоры на эту тему, впадает в истерику, угрожает самоубийством. В конце-концов Толстой принимает решение взять свои

дневники, но не для того, чтобы передать их Софье Андреевне, а с тем, что они будут храниться в нейтральном месте—несгораемом ящике банка.

14 июля Толстой написал Софье Андреевне письмо, впоследствии не раз воспроизводившееся в печати [84], в котором сообщал ей об этом своем решении. В том же письме Толстой писал Софье Андреевне, что, поскольку ей в данное время тяжелы его встречи с Чертковым, он готов их прекратить, но предупреждал ее, что если все же не наступит «добрая и мирная» жизнь, то он уедет из Ясной Поляны.

В этот день Толстой записал в своем дневнике:

«Очень тяжелая ночь. С утра начал писать ей письмо и написал. Пришел к ней. Она требует того самого, что я обещаю и даю. Не знаю, не слишком ли слабо, уступчиво. Но я не мог иначе сделать. Поехали за дневниками. Она все в том же раздраженном состоянии, не ест, не пьет... Привезла Саша дневники. Ездила два раза. И Соня успокоилась, благодарила меня. Кажется, хорошо. От Бати [85] тронувшее меня письмо. Ложусь спать. Все не совсем здоров и слаб. На душе хорошо».

Посылая за дневниками, Толстой писал Черткову:

«Вы поймете, милый друг, всю тяжесть приносимой мною жертвы лишения личного, надеюсь, временного лишения, общения с вами, но знаю, что вы любите не меня Льва Толстого, а мою душу. А моя душа—ваша душа, и требования ее один и те же. Саша все расскажет вам. Мне хорошо, очень хорошо. И будет уже совсем

хорошо, и еще лучше, когда я получу от вас то, что ожидаю—вашего единения со мною во имя того, чем мы оба живем. Все будет хорошо, если мы не ослабеем. Помоги бог. Л. Т. Пишите».

В волнении Толстой забыл написать в этом письме, что просит передать свои дневники Александре Львовне.

В тот же день он пишет Черткову второе письмо:

«Я так был взволнован нынче утром, что, написав вам, думал, что я написал главное: то, чтобы вы сейчас же отдали дневники Саше. Теперь прошу вас об этом. Саша же прямо свезет их [в] банк. Очень тяжело, но тем лучше. Крепитесь в добре и вы, милый друг».

После того как Толстой взял свои дневники, Софья Андреевна заявила, что она не возражает против того, чтобы Чертков бывал в Ясной Поляне, и перерыв в личном общении Толстого с Чертковым, таким образом, был отсрочен.

Своим письмом к Софье Андреевне Толстой сделал попытку смягчить ее настроение, но положение от этого не изменилось. Толстой по-прежнему не был намерен менять свою волю относительно своих произведений, изложенную в его завещании.

В июле 1910 года он дважды переписывает завещание, решив сделать добавление, что в случае смерти Александры Львовны ее права и обязанности передаются Татьяне Львовне. 22 июля завещание в окончательной форме было подписано Толстым и свидетелями, причем, так же, как и раньше, оно не было доведено до сведения Софьи Андреевны.

Тяжелые сцены в яснополянском доме не прекращаются. Софья Андреевна просит Толстого отдать ей ключи от несгораемого ящика в банке, в котором должны были храниться дневники, и, получив отказ, бежит к себе в комнату и, схватив склянку с опием, кричит, что она выпила все и отравилась. А когда Толстой прибегает на ее крик, она заявляет, что сказала это «нарочно».

Толстой по совету дочерей решается переговорить о душевном состоянии Софьи Андреевны с врачами.

Приглашенный в Ясную Поляну невропатолог, доктор Г. И. Россолимо, поставил диагноз:

«Дегенеративная двойная конституция: паранойяльная и истерическая, с преобладанием первой, в данный момент эпизодическое обострение».

Г. И. Россолимо и приехавший с ним врач Д. В. Никитин, не раз лечивший Толстого и его семью, наметив обычные меры, рекомендуемые нервно-больным,—ванны, прогулки и т. д.,—высказали мнение, что было бы желательно, чтобы Софья Андреевна и Лев Николаевич некоторое время пожили отдельно друг от друга.

Острая вражда Софьи Андреевны к Черткову не уменьшается и после того, как у него были взяты дневники.

18 июля Толстой записывает в своем дневнике:

«Неукротимая ненависть к Черткову».

24 июля Софья Андреевна пишет Т. А. Кузминской письмо, переполненное резкими отзы-

вами о Черткове. Она утверждает, что не может чувствовать себя покойной за судьбу дневников Толстого:

«Дневники взяли от Черткова, но Лёвочка положил их в государственный банк в Туле на свое имя и во всякое время опять тайком же может отдать Черткову, которому подчинен и просто влюблен в него».

Мысль о том, что Чертков останется жить вблизи Ясной Поляны приводит ее в ужас:

«Не могу без ужаса подумать,—продолжает Софья Андреевна.—что Черткова правительство оставило в нашем соседстве. Урядник говорил, что без Черткова совсем другой народ стал, гораздо лучше и тише. Чертков и Льва Николаевича толкает своим влиянием писать злое и революционное».

Толстой и Чертков решают временно прекратить встречи друг с другом.

Толстой пишет, в связи с этим решением, Черткову:

«Думаю, что мне не нужно говорить вам, как мне больно и за вас и за себя прекращение нашего личного общения, но оно необходимо. Думаю тоже не нужно говорить вам, что требует этого от меня то, во имя чего мы оба живем. Утешаюсь и думаю, что прекращение это только временное, что болезненное состояние это пройдет. Будем переписываться» [86].

Между Толстым и Чертковым начинается постоянный обмен письмами. Чертков решительно высказывает убеждение в том, что Софье Андреевне не следует делать дальнейших уступок, так как каждая новая уступка вызывает

дальнейшие требования и только способствует той нездержанности, которую все больше и больше проявляет Софья Андреевна. Толстой, во многом соглашаясь с Чертковым, пишет, что Софья Андреевна вызывает чувство жалости.

В других письмах он рассказывает о своем самочувствии, делится с ним своими мыслями, пишет о переводе на английский язык своих ответов на английские письма, о том, что надо ускорить издания, которые выпускает Сытин, и о других очередных делах.

Атмосфера в Ясной Поляне остается попрежнему тягостной. Толстой делает об этом не раз записи в своем дневнике. Вместе с тем, зная, что его дневник может быть прочитан другими и, в частности, Софьей Андреевной, которая старается прочесть то, что он пишет, хотя бы тайком, подбирая ключи к ящикам его письменного стола, он заводит другой дневник, который называет «настоящий дневник для себя одного», и тщательно прячет его, часто меняя места, где он хранится.

В первой же записи в этом дневнике Толстой, в связи с своим завещанием, пишет, что если существует даже самая малая возможность того, что написанное им нужно людям, то нельзя лишать их «этой духовной пищи» в угоду некоторым его сыновьям. Но на следующий день, после беседы с П. И. Бирюковым, отрицательно относившимся к составлению завещания, он записывает в дневнике:

«Чертков вовлек меня в борьбу, и борьба эта очень и тяжела и противна мне. Буду стараться

Л. Н. Толстой у В. Г. Черткова в деревне Суворово
в 1909 г.

любя (странно сказать, так я далек от этого) вести ее» [87].

В письме от 2 августа Толстой, сообщая Черткову о своем разговоре с П. И. Бирюковым, сказавшим ему, что завещание не надо было делать тайно от семьи, писал, что согласился с Бирюковым. Вместе с тем Толстой писал, что не следовало пользоваться юридической формой завещания, узаконенной правительством, которое он отрицает, и лучше было бы не предпринимать ничего.

Чертков ответил большим письмом, в котором обстоятельно напоминал мотивы, вызвавшие составление завещания, и доказывал, что это был единственный способ обеспечить осуществление воли, которую Толстой уже не раз высказывал в течение многих лет.

В ответ на это Толстой писал:

«Пишу на листочках, потому что пишу в лесу, на прогулке. И с вчерашнего вечера и с нынешнего утра думаю о вашем вчерашнем письме. Два главные чувства вызвало во мне это ваше письмо: отвращение к тем проявлениям грубой корысти и бесчувственности, которые я или не видел или видел и забыл; и огорчение и раскаяние в том, что я сделал вам боль своим письмом, в котором выражал сожаление о сделанном. Вывод же, какой я сделал из письма, тот, что Павел Иванович был неправ и такие неправ был и я, согласившись с ним, и что я вполне одобряю вашу деятельность, но своей деятельностью все-таки недоволен: чувствую, что можно было поступить лучше, хотя и не знаю, как. Теперь же не раскаиваюсь в том, что сделал,

то есть в том, что написал то завещание, которое написано, и могу быть только благодарен вам за то участие, которое вы приняли в этом деле» [88].

В другом письме Толстой писал Черткову, что хотел бы его видеть, но не может этого сделать, так как Софья Андреевна находится в прежнем состоянии и внушает ему чувство жалости.

«Сижу в саду,—писал Толстой,—не могу нынче ничего работать, думаю о вас и вот пишу вам. Сказать мне вам чего-нибудь такого, чего вы не знаете, нет ничего. Одно скажу, что мне в последнее время как-то совестно, смешно и вместе с тем неприятно избегать вас, но не могу, не умею ничего сделать другого. Мне жалко ее, и она несомненно жалчее меня, так что мне было бы дурно, жалея себя, увеличить ее страдания. Мне же, хотя я и устал, мне в сущности хорошо, так хорошо, что тоже в последнее время внешний успех моей деятельности, прежде очень занимавший меня, совсем не интересует меня. Все ближе и ближе подходит раскрытие, наверное, благой, предугадываемой тайны и приближение это не может *не привлекать, не радовать* меня» [89].

Время от времени Толстой пишет о своей работе. Он думает о новых произведениях, но в это время не может ничем заняться кроме ответов на письма и работы по исправлению корректур «Пути жизни»:

«Все ничего не делаю, кроме писем, пишет Толстой,—но очень, очень хочется писать и именно художественное. И когда думаю об

этом, то хочется еще и потому, что знаю, что это доставит вам удовольствие. Может быть, и выйдет настоящее яйцо, а если и болтушка, то что делать» [50].

Еще в конце июля Толстой получил письмо от Татьяны Львовны, приглашавшей его приехать в Кочеты. Тогда же он начал думать об этой поездке, надеясь несколько отдохнуть от тех условий, в которых ему пришлось жить в Ясной Поляне. Софья Андреевна выразила желание ехать вместе с ним, и Толстой ответил на ее вопрос о том, следует ли ей это делать:

— Как хочешь. Если хочешь, поезжай.

Толстой прожил в Кочетах больше месяца — с 15 августа по 22 сентября—и, как всегда, часто писал в это время Черткову. Нет необходимости подробно останавливаться здесь на их переписке в этот период, тем более, что письма Толстого к Черткову, написанные в Кочетах, напечатаны в книге А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого».

В Кочетах Толстой чувствовал себя значительно лучше, чем в Ясной Поляне, хотя многое и здесь было ему тягостно. Противоречие между взглядами Толстого и той обстановкой, в которой приходилось ему жить, оставалось и в Кочетах и даже сказывалось тут в еще большей мере.

Толстой сам писал об этом Черткову:

«Тяготит меня, как всегда, и особенно здесь, роскошь жизни среди бедноты народа. Здесь мужики говорят: на небе царство господнее, а на земле царство господское. А здесь роскошь особенно велика, и это словечко засело мне в

голову и усиливает сознание постыдности моей жизни» [91].

Софья Андреевна в Кочетах, особенно в начале ее пребывания там, была гораздо сдержаннее, чем в Ясной Поляне. Правда, и в этот период она почти ежедневно с раздражением говорит на те же самые темы, которые волновали ее в Ясной Поляне, и Толстой не раз пишет в своих дневниках, что она ему «жалка и тяжела». Однако, в Кочетах она была гостьей, и это до некоторой степени влияло на ее поведение.

30 августа Софья Андреевна вернулась на пять дней в Ясную Поляну, затем вновь приехала на неделю в Кочеты. В Ясной Поляне она сняла портрет Черткова, висевший в кабинете Толстого, пригласила в дом священника, который отслужил там молебен, и была попрежнему раздражительна и возбуждена.

Вернувшись в Кочеты и прожив там с 5 по 12 сентября, она через некоторое время опять возобновила свои обычные разговоры о литературной собственности на произведения Толстого и о Черткове, и, как это видно по дневнику Толстого, снова начались истерические сцены, в высшей степени тягостные.

Чертков делает в это время попытку объясниться с Софьей Андреевной и пишет ей большое письмо, стараясь разъяснить свое поведение, но получает от нее ответ, в котором она попрежнему обвиняет его в том, что он «отбирал» у Толстого дневники и рукописи, и вызывал у него враждебное чувство к жене [92].

Через четыре дня после отъезда Софьи Ан-

деревны из Кочетов Толстой пишет Черткову письмо, в котором как бы подводит итоги своему пребыванию в Кочетах:

«Пишу вам, милый друг, чтобы сказать, что я все попрежнему в среднем и телесно и духовно состоянии. Стараюсь смотреть на мои тяжелые, скорее трудные, отношения с Софьей Андреевной, как на испытание, нужное мне, и которое от меня зависит обратить себе в благо, но редко достигаю этого. Одно скажу, что в последнее время „не мозгами, а боками", как говорят крестьяне, дошел до того, что ясно понял границу между противлением—деланием зла за зло, и противлением - неуступания в той своей деятельности, которую признаешь своим долгом перед своей совестью и богом. Буду нытаться. Я хорошо отдохнул эти 4 дня и обдумал свой образ действий при возвращении, которое уже не хочу и не могу более откладывать. Должно быть переедем около 20, скорее после, чем прежде.

«Я ничего путного здесь не делал. Вчера и нынче был занят письмом к Гроту, брату философа, для помещения в его сборнике о Ник. Гроте. Письмо не важное, о различии религиозного и так называемого научного философского понимания жизни. У Грота Николая не было этого религиозного понимания. Уж я давно вам все пишу, что мне хочется писать, и я все ничего не пишу, [так] что лучше уж не писать этого и примириться с этим бездействием. Но не могу, все-таки хочется.

«Мне тоже очень хочется видеться с вами, и я, хотя и не знаю, как, но думаю устроить это,

когда приеду. И, разумеется, объявив об этом, кому это неприятно» [93].

22 сентября Толстой выехал из Кочетов в Ясную Поляну. В этот день он сделал запись в своем дневнике:

«Еду в Ясную и ужас берет при мысли о том, что меня ожидает. Только fais ce, que doit...[94]. А только молчать и помнить, что в ней душа — бог».

Софья Андреевна встретила Толстого упреками за то, что он долго не возвращался в Ясную Поляну, и на другой же день возобновились истерические сцены, повторявшиеся затем почти ежедневно.

Толстой пишет в дневнике, что чувствует потребность в художественной работе, но не может ее осуществить в том тяжелом душевном состоянии, которое переживает. Он продолжает заниматься преимущественно ответами на письма и корректурой книжек «Пути жизни».

Воздерживаясь от встреч с Чертковым, Толстой продолжает поддерживать тесное общение с ним путем переписки. Он посылает Черткову свои большие письма к К. Я. Гроту о философии и религии и к чешским студентам о социализме, которое превратилось в статью, оставшуюся не вполне законченной. Чертков, в свою очередь, посылает Толстому рукопись первых четырех глав своей большой статьи «О правильном мышлении», над которой он начал работать еще в годы жизни в Ржевске, и свой дневник с 14 июля по 1 октября 1910 года.

Толстой прочитал дневник Черткова и сделал на нем надпись:

«Спасибо, что прислали, дали заглянуть, сколько можно, в свою душу».

О рукописи Черткова Толстой написал:

«В статье вашей первые три отдела очень хороши, 4-й—„Сложное мышление“—мне кажется слишком сложным и неясным» [95].

Чертков, получив письмо Толстого к Гроту, вернул его, проделав над копией письма небольшую работу: он удалил из текста письма то, что относилось лично к Гроту. Получилась заметка о философии и религии.

Толстой писал Черткову по этому поводу:

«Не успеваю благодарить вас, милый друг, столько вы мне делаете, не только приятного, но хорошего».

И упомянув о присланных Чертковым портрете М. А. Шмидт и брошюре, изданной журналом «Всемирный вестник», Толстой продолжал:

«...3) И самое главное о Гроте. Я не успел еще прочесть, только заглянул и вижу и знаю, что статья выиграла от вашей дружеской и общей для дела бескорыстной работы. Нынче же получил письмо от К. Грота. Вы прочтете и решите, как найдете лучшим. 4) За статейку о социализме. Тоже только пробежал и тоже уверен, что все на пользу» [96].

Чертков отвечал на это письмо:

«Вы меня трогаете вашей благодарностью за те маленькие работы над вашими писаниями, которые я от время до времени исполняю по мере сил и исполнение которых доставляет мне только удовольствие. Лишенный одной из величайших радостей моей жизни—личного общения с вами—прошу вас, дорогой друг, почаще

обращаться ко мне за тем маленьким содействием, которое я в состоянии оказывать вам по той или иной части» [97].

Третьего октября Толстой пережил в сильной степени один из тех болезненных приступов, которые бывали у него в последние годы, — глубокий обморок с судорогами, резкое ослабление памяти и общую слабость, длившуюся два дня. Под влиянием болезни Толстого Софья Андреевна была сдержаннее в течение нескольких дней.

Вместе с тем Татьяна Львовна и Сергей Львович, приехавшие в Ясную Поляну, пытались повлиять на Софью Андреевну и смягчить ее настроение. Толстой, оправившись от болезни, писал Черткову:

«Она больна и все другое, но нельзя не жалеть ее и [не] быть к ней снисходительным. И об этом я очень, очень прошу вас ради нашей дружбы, которую ничто изменить не может, потому, что вы слишком много сделали и делаете для того, что̀ нам обоим одинаково дорого, и я не могу не помнить этого. Внешние условия могут разделить нас, но то, что̀ мы — позволяю себе говорить за вас — друг для друга, ничем и никем не может быть ослаблено. Я только, как практический совет в данном случае, говорю: будьте снисходительны. С ней нельзя ни считаться, ни логически рассуждать. Все это, говорю к тому, что, если возникнет, в чем я уверен [возможность] прежних естественных отношений, то не ставьте преград тому, чего мне так хочется» [98].

На другой день после этого письма Софья Андреевна согласилась поручить Татьяне Львовне пригласить Черткова в Ясную Поляну. Со

своей стороны, Толстой просил Александру Львовну передать Черткову приглашение приехать в Ясную Поляну.

Чертков приехал к Толстому вечером 7 октября, но больше не возобновлял своих посещений, потому что враждебное отношение к нему Софьи Андреевны осталось неизменным.

Толстой после отъезда Черткова сделал запись в своем дневнике:

«Был Чертков. Очень прост и ясен. Много говорили обо всем кроме наших затрудненных отношений. Оно и лучше. Он уехал в 10-м часу. Соня опять впала в истерический припадок, было тяжело» [99].

Со стороны Софьи Андреевны продолжались упреки, требования и тяжелые истерические сцены.

Чертков пишет Толстому:

«Александра Львовна мне все рассказала о том, что у вас происходит, и мне хочется высказать вам только одно: уезжайте ради бога, уезжайте поскорее опять в Кочеты, пока Сухотины еще там. Если вы не хотите сделать это для себя, то сделайте это для Софьи Андреевны. Она совершенно очевидно опять увлечена по тому же пути душевного волнения и требовательности, которых сама остановить не в силах. А потому на вас лежит нравственная обязанность поставить зависящие от вас препятствия к тому, чтобы это состояние, столь же, если не более, мучительное для нее, чем для других, не развивалось дальше все crescendo *, как непре-

---

* Возрастая.

менно будет, если вы останетесь в той же обстановке и при тех же условиях. А средство, чтобы помочь ей, у вас только одно—то испытанное средство, которое уже несколько раз помогало, насколько только возможно помочь, а именно переменить обстановку, уехать в Кочеты. И следует это сделать непременно» [100].

В это же время Чертков пишет большое письмо Христо Досеву, болгарину, разделявшему взгляды Толстого. Христо Досев в письме к А. К. Чертковой выражал недоумение по поводу того, что Толстой остается жить в Ясной Поляне, и высказывал опасение, что его внешняя жизнь стушевывает в глазах людей все значение и смысл его слов и мыслей.

Отвечая на это письмо, Чертков писал Х. Досеву, что Толстой остается жить в Ясной Поляне не потому, что это приятно—жизнь в своем доме для него давно уже стала крайне тягостной,—а лишь оттого, что опасается поступить эгоистично, отказавшись «от несения того испытания, которое ему назначено». При этом Чертков высказывал убеждение в том, что Толстой может еще осуществить не раз являвшееся у него желание уйти из дома, если он почувствует, что ему следует уйти [101].

Вместе с тем Чертков проделывает в это время другую небольшую работу. В связи с тем, что по слухам, Софья Андреевна думала продать право на издание сочинений Толстого, написанных до 1881 года и находившихся в ее пользовании, издательской фирме «Просвещение» за миллион рублей, Чертков составил для Толстого проект заявления, которое должно было быть

опубликовано в виде письма в редакции газет. В этом заявлении Толстой предупреждал о том, что предположения тех или иных издателей о покупке его произведений не могут осуществиться, так как издание его сочинений, написанных до 1881 г., предоставлено им Софье Андреевне без права передачи, а сочинения, появившиеся в печати после этого года, могут всеми перепечатываться безвозмездно.

Толстой, получив копию письма Черткова к Х. Досеву и проект заявления, ответил сперва коротенькой запиской:

«Не отвечаю на ваши все радостные для меня письма. После. Подписал заявление, но посылать еще не нужно. Когда найду, что нужно, сообщу. Очень очень не благодарю, но радуюсь тому единению духовному, которое сознаю и особенно живо испытываю» [102].

В тот же день Толстой писал Черткову:

«Прочел ваше письмо и другие бумаги. Что я могу сказать вам другого, милый друг, кроме все того же, что всегда чувствую к вам... Не хочется говорить. Наши отношения такие, что слов, лишних слов не нужно и боишься сказать их».

Жизнь в Ясной Поляне оставалась все такой же тягостной: мучительные сцены следуют одна за другой, и почти в каждой записи Толстого в его интимном дневнике повторяется слово—«тяжело».

И все чаще и чаще у Толстого является мысль, что надо положить этому конец и уйти из дома.

Когда у Толстого раньше являлась мысль уйти из дома, чтобы устранить противоречие

между своими убеждениями и окружавшей его барской обстановкой, он, оставаясь дома, не раз писал в своем дневнике, что делает это, не желая резко нарушать мир в семье и причинять боль близким. Теперь его присутствие дома только увеличивало раздражительность Софьи Андреевны, давая ей возможность вновь и вновь предъявлять одни и те же требования и делать одни и те же упреки.

Дальнейшее пребывание в Ясной Поляне теряло смысл.

Тем не менее Толстому нелегко было принять окончательное решение.

За два дня до ухода из дома он пишет в дневнике:

«Все то же тяжелое чувство, подозрения, подсматривание, и грешное желание, чтобы она подала повод уехать. Так я плох. А подумаю уехать и об ее положении—и жаль и тоже не могу» [103].

Толстой делится своими мыслями об уходе из дома с Александрой Львовной и с Чертковым, но еще не решается сделать последний шаг. 26 октября Толстой пишет Черткову письмо—последнее, написанное ему из Ясной Поляны:

«Нынче в первый раз почувствовал с особенной ясностью -до грусти—как мне недостает вас. Есть целая область мыслей и чувств, которыми я ни с кем не могу так естественно [делиться]—зная, что я вполне понят—как с вами. Нынче было таких несколько мыслей-чувств. Одна из них о том (я нынче во сне испытал толчок сердца, который разбудил меня, и, проснув-

шись, вспомнил длинный сон, как я шел под гору, держался за ветки и все-таки поскользнулся и упал, т. е. проснулся. Все сновидение, казавшееся пропедшим, возникло мгновенно), так одна мысль—о том, что в минуту смерти будет этот, подобный толчку сердца в сонном состоянии, момент вневременный, и вся жизнь будет этим ретроспективным сновидением. Теперь же мы в самом разгаре этого ретроспективного сновидения. Иногда мне это кажется верным, а иногда кажется чепухой.

«Вторая мысль-чувство это опять-таки, иные виденное мною уже третье в эти последние два месяца художественное, прелестное иное художественное сновидение. Постараюсь записать его и предшествующие, хотя бы в виде конспектов.

«Третье, это уже не столько мысль, сколько чувство, и дурное чувство — желание перемены своего положения. Я чувствую что-то недолжное, постыдное в своем положении, и иногда смотрю на него — как и должно — как на благо, а иногда, противлюсь, возмущаюсь.

«Саша сказала вам про мой план, который иногда в слабые минуты обдумываю. Сделайте, чтобы слова Саши об этом и мое теперь о них упоминание, были бы, comme non avenue*.

«Очень вы мне недостаете. На бумаге всего не расскажешь. Ну хоть что-нибудь. Я пишу вам о себе. Пишите и вы о себе и как попало. Как вы поймете меня с намека, так и я вас. Ну до свиданья. Если что-нибудь предприму,

---

* Как не бывшее.

то, разумеется, извещу вас. Даже может быть потребую от вас помощи» [104].

Чертков в ответном письме также не строит никаких конкретных планов, связанных с возможностью ухода Толстого. Он пишет Толстому о том, что понимает его мысль о жизни, как о сновидении:

«Помню, как давно выраженное вами представление о здешней жизни, как о сновидении, меня в свое время прельстило. И с тех пор в лучших состояниях своей духовной жизни, в особенности, когда бывает оттенок утомления от мирской суеты или грусти по уходящему из этой жизни дорогому существу—во мне особенно живо и радостно возникает это представление об этой жизни, как о сне, от которого предстоит проснуться» [105].

На следующий день, 27 октября—накануне ухода Толстого—Чертков пишет ему большое письмо. Он убеждает Толстого попытаться работать над своими рукописями так же, как он это делал раньше, после утренней прогулки, а не браться за письма, на которые Толстой в последнее время стал отвечать по утрам, почти совсем перестав писать свои статьи и художественные произведения.

«С наступлением у вас теперешнего вашего периода решительной старости,—пишет Чертков,—очень вероятно, что эта напряженная энергия мысли не так ощутительно проявляется у вас по утрам; но все же не может быть сомнения в том, что утренние часы, после ночного сна—самые дорогие и плодотворные для умственной работы. А между тем, насколько мне

известно, вы теперь как раз в это время получаете почту и раньше, чем на свежую голову сосредоточиться на самостоятельной работе, вы знакомитесь с содержанием всех полученных вами в этот день писем. Мне кажется, что в чисто практическом отношении—это большая ошибка. Ведь это все равно, как если бы перед тем, как уединиться в свою душу для того, чтобы работать в самой ее глубине, потребность какой именно духовной работы она предъявляет, вы впустили бы в свою комнату толпу людей, из которых одни настойчиво просили бы у вас материальной помощи, другие — духовной, другие обличали и бранили бы вас, другие выражали бы вам сочувствие, еще другие переносили бы вас в их внутреннюю жизнь и т. д. и т. д.».

Толстой этот день провел так же, как и обычно,—читал и писал письма, ездил кататься верхом и лег спать в половине двенадцатого ночи. Ничто не указывало на то, что это был последний день, который он проводит в Ясной Поляне. Но утром этого дня Толстой набросал начерно письмо, которое он задумал оставить Софье Андреевне, если у него окончательно сложится решение уйти из дома. Ночью, услышав шорох, увидев свет в своем кабинете и поняв, что Софья Андреевна разыскивает и, может быть, читает его дневник, он решил немедленно уехать.

Немного погодя, встав с постели, он исправил и переписал прощальное письмо Софье Андреевне, начал укладывать свои вещи, разбудил Александру Львовну и Д. П. Маковицкого и сообщил им о своем намерении.

Еще в потемках он выехал из дома, решив сперва поехать в Оптину пустынь, вблизи которой, в Шамардине, жила его сестра, монахиня Марья Николаевна Толстая. В Шамардине он ходил нанимать избу, думая поселиться в деревне. Но опасаясь, что Софья Андреевна может туда приехать, он решил ехать дальше. Вместе с присоединившейся к нему Александрой Львовной и Д. П. Маковицким Толстой выехал на юг, взяв билеты в направлении на Ростов на Дону.

Александра Львовна условилась с Чертковым, что Толстой будет давать знать ему о себе, подписываясь в телеграммах условным именем—Николаев, а Александра Львовна выбрала для себя имя Фроловой.

Уезжая из Шамардина 31 октября, Толстой написал письмо Черткову, прося сообщать обо всем, что делается в Ясной Поляне, и давая поручения получать и пересылать свои письма. В приписке к этому письму Толстой писал:

«Мы боялись, как бы Софья Андреевна не приехала в монастырь, и решили уехать сейчас же. Едем на юг, вероятно, на Кавказ. Так как мне все равно, где быть, я решил избрать юг, особенно потому, что Саша кашляет. Разумеется, будем извещать вас о том, где будем. Если захотите телеграфировать, то телеграфируйте в Ростов Фроловой. Очень бы желательно было узнать, что делается там. Если по-старому, то хоть два слова. Я здоров и радостно быть с Сашей».

На другой день, 1 ноября, Чертков почти одновременно получил две телеграммы:

«Вчера захворал. Боюсь огласки. Нынче лучше. Если дальше. Примите меры. Известите. Николаев».

И вслед за тем пришла телеграмма от Александры Львовны:

«Вчера слезли Астапово. Сильный жар, забытье. Утром температура нормальная, теперь снова озноб. Ехать немыслимо. Высказал желание видеться с вами. Фролова».

Чертков выехал с первым же поездом и утром второго ноября приехал в Астапово.

Последние дни жизни Толстого Чертков провел около него, помогая в уходе за больным и тщательно записывая его последние слова [106].

Смерть Толстого не прервала той работы по опубликованию его произведений, которая при его жизни являлась основным делом Черткова.

Началась новая полоса деятельности Черткова, заканчивающаяся редактированием юбилейного издания полного собрания сочинений Толстого, в основу которого в значительной степени положены рукописи, письма и другие материалы, которые Чертков сохранял и собирал в течение многих лет с такой исключительной настойчивостью.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ*

Глава I

[1] Дневники С. А. Толстой, ч. II, изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1929, стр. 105.

[2] Л. Н. Толстой, Исповедь. Полное собрание сочинений под ред. П. И. Бирюкова, т. XV, изд. И. Д. Сытина, стр. 12.

[3] Письмо Л. Н. Толстого к графине А. А. Толстой, февраль 1880 г. Переписка Л. Н. Толстого с графиней А. А. Толстой, изд. о-ва Толстовского музея, Спб. 1911, стр. 328.

[4] Письмо Л. Н. Толстого к Н. Н. Страхову от 11 октября 1882 г. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, изд. о-ва Толстовского музея, Спб. 1914, стр. 299.

[5] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской, ноябрь 1879 г. ГТМ.

[6] Краткая автобиография графини С. А. Толстой, сборник «Начала», 1921 г. № 1, стр. 153.

[7] Дневник Толстого. Запись от 15 марта 1884**.

---

* Сокращения: ГТМ—Государственный Толстовский музей. АЧ—архив Черткова. АТ—архив Толстого, находящийся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина.

** Толстой вел дневник 1884 года в французской записной книжке с печатными датами по новому стилю но руководствовался старым стилем, по которому приводится цитаты.

[8] Письма гр. Л. Н. Толстого к жене, изд. 2, М. 1915, стр. 335.

[9] «Л. Толстой и В. В. Стасов». Переписка 1878—1906. Изд. «Прибой», Лгр. 1929, стр. 54, 56.

[10] Письмо Л. Н. Толстого к Н. Н. Страхову от 11 октября 1872 г. «Письма Л. Н. Толстого 1848—1910» под редакцией Н. А. Сергеенко, изд. «Книга» М. 1910, стр. 94.

[11] Письмо Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому от 25 апреля 1878 г. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Спб. 1914, стр. 166.

[12] Письмо Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому от 29 ноября 1881 г. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Спб. 1914, стр. 289.

[13] Письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 29 ноября 1881 г. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Спб. 1914, стр. 288.

[14] В. Н. Алексеев. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Рукопись ГТМ.

[15] Письмо Л. Н. Толстого к В. Н. Алексееву, от 5 октября 1881 г. ГТМ.

[16] В. Н. Алексеев. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Рукопись ГТМ.

[17] Письмо Л. Н. Толстого к В. Н. Алексееву, декабрь 1884 г. ГТМ.

[18] Т. Л. Сухотина—Толстая. Друзья и гости Ясной Поляны. М. 1923, стр. 36.

[19] К. С. Шохор-Троцкий. Сютаев и Бондарев. «Толстовский ежегодник на 1913 г.» Отдел: Статьи и материалы. Спб. 1913, стр. 5.

[20] Письмо Л. Н. Толстого к М. А. Энгельгардту, декабрь 1882 г.—январь 1883 г. Копия АЧ.

Глава II

[1] Дневник В. Г. Черткова. Запись от 18 марта 1893 г. АЧ.

[2] Письмо графа А. А. Бобринского к В. Г. Черткову. Письма к В. Г. Черткову за 1872 г. АЧ.

[3] Письмо Н. Мальцева к В. Г. Черткову от 1 октября 1873 г. АЧ.

[4] В. Г. Чертков. Дежурство в военных госпиталях.

Страница из воспоминаний, изд. «Единение» и «Солдат-гражданин». М. 1918, стр. 3.

[5] Письмо В. Г. Черткова к Е. И. Чертковой от 22 декабря 1877 г. АЧ.

[6] В. Г. Чертков. Дежурство в военных госпиталях. Страница из воспоминаний, изд. «Единение» и «Солдат-гражданин». М. 1918, стр. 5.

[7] Дневник В. Г. Черткова. Запись от 8 января 1884 г. АЧ.

[8] Письмо Р. А. Писарева к В. Г. Черткову от 10 октября 1879 г. АЧ.

[9] Письмо барона Фредерикс к Г. А. Черткову от 29 июля 1879 г. АЧ.

[10] Письмо В. Г. Черткова к Е. И. Чертковой от 26 декабря 1879 г. АЧ.

[11] Недатированное письмо князя С. Васильчикова к В. Г. Черткову. Письма к В. Г. Черткову за 1880 г. АЧ.

[12] Письмо Р. А. Писарева к В. Г. Черткову от 9 апреля 1880 г. АЧ.

[13] Письмо В. С. Шрамма к В. Г. Черткову от 6 августа 1872 г. АЧ.

[14] Письмо В. С. Шрамма к В. Г. Черткову от 6 ноября 1879 г. АЧ.

[15] Письмо Р. А. Писарева к В. Г. Черткову от 14 апреля 1881 г. АЧ.

[16] Недатированное письмо князя В. П. Голицына к В. Г. Черткову. Письма к В. Г. Черткову за 1881 г. АЧ.

[17] Письмо князя В. П. Голицына к В. Г. Черткову от 12 ноября 1881 г. АЧ.

[18] Письмо Д. Ф. Трепова к В. Г. Черткову от 24 октября 1881 г. АЧ.

[19] Дневник В. Г. Черткова за 1905 г. АЧ.

[20] Дневник В. Г. Черткова. Запись от 8 января 1884 г. АЧ.

[21] Письмо Р. А. Писарева к В. Г. Черткову от 12 сентября 1881 г. АЧ.

[22] Недатированное письмо Р. А. Писарева к В. Г. Черткову. Письма к В. Г. Черткову за 1882 г. АЧ.

[23] Письмо В. С. Шрамма к В. Г. Черткову от 17 декабря 1881 г. АЧ.

[24] Письмо Е. И. Чертковой к В. Г. Черткову от 25 ноября 1882 г. АЧ.

[25] Письмо Е. И. Чертковой к В. Г. Черткову от 17 марта 1883 г. АЧ.

[26] Недатированное письмо Е. И. Чертковой к В. Г. Черткову. Письма к В. Г. Черткову за 1883 г. АЧ.

[27] Письмо В. Г. Черткова к Е. И. Чертковой. Зима 1883 г. АЧ.

[28] Письмо В. Г. Черткова к Е. И. Чертковой от 9 февраля 1884 г. АЧ.

[29] Заметка В. Г. Черткова о книге Н. В. Давыдова «Из прошлого». АЧ.

[30] Г. А. Русанов. Воспоминания. «Толстовский ежегодник на 1912 г.» М. 1913.

[31] Телеграмма Н. В. Давыдова В. Г. Черткову от 23 октября 1883 г. АЧ.

Глава III

[1] В. Г. Чертков. Заметка о знакомстве с Толстым, составленная для П. И. Бирюкова. П. И. Бирюков. «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. II, изд. 2, М. 1913, стр. 470.

[2] Письмо В. Г. Черткова к Е. И. Чертковой от 9 декабря 1883 г. АЧ.

[3] Письмо Черткова к Толстому от 14 ноября 1883 г. АЧ.

[4] Письмо В. Г. Черткова к Е. И. Чертковой от 24 ноября 1883 г. АЧ.

[5] Дневник В. Г. Черткова. Запись от 10 декабря 1883 г. АЧ.

[6] Письмо Толстого к Черткову от 5 декабря 1883 г.

[7] Письмо Черткова к Толстому от 7 декабря 1883 г.

[8] Письмо С. А. Толстой Т. А. Кузминской. Январь 1884 г. ГТМ.

[9] Дневник Толстого за 1884 г. Записи от 16 и 9 марта.

[10] Письмо Толстого к А. С. Бутурлину от 19 февраля 1884 г. Копия АЧ.

[11] Письмо С. А. Толстой Т. А. Кузминской от 28 февраля 1884 г. ГТМ.

[12] Дневник Толстого за 1884 г. Записи от 18 марта, 23 апреля, 19 апреля.

[13] Дневник Толстого за 1884 г. Запись от 6 апреля.
[14] Письмо Черткова к Толстому от конца января 1884 г.
[15] Письмо Черткова к Толстому от 13 марта 1884 г.
[16] Письмо Толстого к Черткову от начала марта 1884 г.
[17] Письмо Черткова к Толстому от 8—9 марта 1884 г.
[18] Письмо Толстого к Черткову от 18 марта 1884 г.
[19] Письмо Толстого к Черткову. Март 1884 г.
[20] Письмо Толстого к Черткову от 28 марта 1884 г.
[21] Письмо Черткова к Толстому от 25 марта 1884 г.
[22] Письмо Черткова к Толстому от 8 апреля 1884 г.
[23] Письмо Черткова к Толстому от 31 мая 1884 г.
[24] Письмо Толстого к Черткову от 9 июня 1884 г.
[25] Письмо Черткова к Толстому от 4 июля 1884 г.
[26] Письмо Толстого к Черткову от 18 апреля 1884 г.
[27] Дневник Толстого. Запись от 25 июня 1884 г.
[28] Письмо Черткова к Толстому от 4 июля 1884 г.
[29] Письмо Черткова к Толстому от 15 июля 1884 г.
[30] Дневник Толстого. Запись от 7 мая 1884 г.
[31] Дневник Толстого. Запись от 3 июля 1884 г.
[32] Письмо Толстого к Черткову от 24 июля 1884 г.
[33] Дневник Черткова. Запись от 15 августа 1884 г.
[34] Письмо Черткова к Толстому от 15 сентября 1884 г.
[35] Письмо Черткова к Толстому от 26 сентября 1884 г.
[36] Письмо Черткова к Толстому от 15 сентября 1884 г.
[37] Письмо Толстого к Черткову от 28—29 августа 1884 г.
[38] Письмо Толстого к Черткову от 5—7 сентября 1884 г.
[39] Письмо Толстого к Черткову от 7 ноября 1884 г.
[40] Письмо Толстого к Черткову от 1 октября 1884 г.
[41] Письмо Толстого к Черткову от 10 октября 1884 г.

Глава IV

[1] Письмо Черткова к Толстому от 24 октября 1884 г.
[2] П. Д. Сытин. Из пережитого. «Полвека для книги». Литературно-художественный сборник, посвященный

пятидесятилетию издательской деятельности И. Д. Сытина. М. 1916, стр. 21.

[3] Письмо Черткова к Толстому от 27—28 ноября 1884 г.

[4] Письмо И. Н. Крамского к В. Г. Черткову от 27 октября 1884 г. АЧ.

[5] Письмо Черткова к Толстому от 1 декабря 1884 г.

[6] Письмо Толстого к Черткову от 2 декабря 1884 г.

[7] Письмо Черткова к Толстому от 28 сентября 1884 г.

[8] Письмо Черткова к Толстому от 8 декабря 1884 г.

[9] Письмо Толстого к Черткову от 17 декабря 1884 г.

[10] Письмо Толстого к Черткову от 5—6 февраля 1885 г.

[11] Письмо Толстого к Черткову от 2—3 января 1885 г.

[12] Письмо Черткова к Толстому от 12 января 1885 г.

[13] Письмо Черткова к Толстому от 24 февраля 1885 г.

[14] Письмо Толстого к Черткову от 1—2 июня 1885 г.

[15] Письмо Черткова к Толстому от 1 мая 1885 г.

[16] Письмо Черткова к Толстому от 5—6 мая 1885 г.

[17] Письмо Толстого к Черткову от 9 декабря 1884 г.

[18] Письмо Л. Н. Толстого к С. А. Толстой от 14 марта 1885 г. Письма гр. Л. Н. Толстого к жене. Изд. 2, М. 1915, стр. 262.

[19] Письмо Толстого к князю Л. Д. Урусову от 12 апреля 1885 г. ГТМ.

[20] Письмо Толстого к Черткову от 2 мая 1885 г.

[21] Письмо Толстого к Черткову от 6—7 декабря 1885 г.

[22] Письмо Черткова к Толстому от 4 июня 1885 г.

[23] Письмо Толстого к Черткову от 9—10 июня 1885 г.

[24] Письмо Толстого к Черткову от 23—24 июля 1885 г.

[25] Письмо Толстого к Черткову от 6—7 июня 1885 г.

[26] Письмо Черткова к Толстому от 14 июня 1885 г.

[27] Письмо Толстого к Черткову от 23—24 июня 1885 г.

[28] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 9 января 1885 г. ГТМ.

[29] Письмо И. Е. Репина к Черткову от 29 августа 1887 г. АЧ.

[30] Письмо Черткова к Толстому от 17 сентября 1886.

[31] Дневник В. Г. Черткова. Запись от 9 ноября 1885 г. АЧ.

[32] Письмо Толстого к Черткову от 6—7 декабря 1885 г.
[33] Письмо Толстого к Черткову от 9—15 декабря 1885 г. АТ.
[34] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской, почти полностью напечатано в книге В. А. Жданова «Любовь в жизни Толстого», кн. 2, изд. М. и С. Сабашниковых, М. 1928, стр. 58—59.
[35] Письмо Черткова к Толстому от 4—5 октября 1885 г.
[36] Письмо Черткова к Толстому от 8 августа 1886 г.
[37] Письмо Толстого к Черткову от 1 сентября 1886 г.
[38] Письмо Толстого к В. Г. и А. К. Чертковым от 6 ноября 1886 г.

Глава V

[1] Письмо Толстого к Черткову от 19—21 января 1887 г.
[2] Дневник В. Г. Черткова. Запись от 27 февраля 1887 г. АЧ.
[3] Письмо Черткова к Толстому от 9—10 февраля 1887 г.
[4] Письмо Толстого к Черткову от 13 февраля 1887 г.
[5] Письмо Толстого к Черткову от 14 сентября 1887 г.
[6] Письмо Черткова к Толстому от 2 января 1887 г.
[7] Письмо Толстого к Черткову от 6—7 февраля 1887 г.
[8] Письмо Черткова к Толстому от 9 февраля 1887 г.
[9] Письмо Толстого к Черткову от 13 февраля 1887 г.
[10] Письмо Толстого к Черткову от 2 апреля 1887 г.
[11] Недатированное письмо В. Г. Черткова к Е. И. Чертковой, относящееся к 1884 или 1885 годам. АЧ.
[12] Письмо Черткова к Толстому от 10 декабря 1886 г.
[13] Письмо В. Г. Черткова к Е. И. Чертковой от 1 декабря 1886 г. АЧ.
[14] Письмо Толстого к Черткову от 21 июля 1887 г.
[15] Письмо Толстого к Черткову от 16 октября 1887 г.
[16] Письмо Толстого к Черткову от 2 ноября 1887 г.
[17] Письмо Черткова к Толстому от 19 ноября 1887 г.
[18] Письмо Толстого к Черткову от 22 ноября 1887 г.
[19] Письмо Толстого к Черткову от 27 ноября—1 декабря 1887 г.

[20] Письмо Толстого к Черткову от 6 декабря 1887 г.
[21] Письмо Черткова к Толстому от 27 декабря 1887 г.
[22] Письмо Черткова к Е. И. Чертковой от 24 февраля 1888 г. АЧ.
[23] Письмо Черткова к Толстому от 1 мая 1888 г.
[24] Письмо Толстого к Черткову от 20—28 сентября 1888 г.
[25] Письмо Черткова к Толстому от 7 июня 1889 г.
[26] Письмо Толстого к Черткову от 27 августа 1889 г.
[27] Письмо Толстого к Черткову от 21 декабря 1888 г.
[28] Письмо Толстого к Черткову от 5 июля 1888 г.
[29] Письмо Толстого к Черткову от 11 декабря 1892 г.
[30] Письмо Черткова к Толстому от 27 октября 1889 г.
[31] Дневник Толстого. Запись от 31 октября 1889 г.
[32] Дневник Толстого. Запись от 27 января 1890 г.
[33] Недатированное письмо Толстого к Черткову, относящееся, вероятно, к началу февраля 1890 г. АТ.
[34] Письмо Толстого к Черткову от 11 июня 1890 г.
[35] Письмо Черткова к Толстому от 4 сентября 1890 г.
[36] Письмо Толстого к Черткову от 17 сентября 1890 г.
[37] Письмо Н. Н. Страхова к Толстому от 29 октября 1893 г. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым, изд. о-ва Толстовского музея, Спб. 1914, стр. 453.
[38] Письмо Толстого к Черткову от 11 декабря 1892 г.
[39] Письмо Толстого к Черткову от 3 февраля 1893 г.
[40] Письмо Толстого к Черткову от 14 декабря 1891 г.
[41] Письмо Черткова к Толстому от 28 апреля 1891 г.
[42] Письмо Толстого к Черткову от 22 июня 1892 г.
[43] Письмо Черткова к М. Л. Толстой от 28 июля 1890 г. Копия АЧ.
[44] Письмо Толстого к Черткову от 8 апреля 1890 г.
[45] Письмо Черткова к Толстому от 16 августа 1890 г.
[46] Письмо Черткова к Толстому от 8 августа 1886 г.
[47] Письмо Толстого к Черткову от 24 апреля 1890 г.
[48] Письмо М. Л. Толстой к Черткову. Июль 1890 г. АЧ.
[49] Письмо М. Л. Толстой к Черткову от 22 февраля 1894 г. АЧ.
[50] Дневник Толстого. Запись от 2 мая 1891 г.
[51] Дневник Толстого. Запись от 10 июня 1891 г.
[52] Письмо Толстого к Черткову от 18—19 марта 1891 г.

[53] Дневник Толстого. Запись от 1 октября 1892 г.
[54] Письмо Толстого к Н. Н. Ге от 28 ноября 1892 г. Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка изд. «Academia» М.—Л. 1930, стр. 129.
[55] Письмо Толстого к Черткову от 19 октября 1892 г.
[56] Письмо Толстого к Черткову от 29 февраля 1888 г.
[57] Дневник Толстого. Запись от 14 июля 1891 г.
[58] Письмо Черткова к П. И. Бирюкову от 31 января 1889 г. Копия АЧ.
[59] Письмо Толстого к В. Г. и А. К. Чертковым от 18 мая 1889 г.
[60] Письмо Черткова к Толстому от 22 июля 1889 г.
[61] Письмо А. Г. Чертковой к В. Г. Черткову от 7 июня 1888 г. АЧ.
[62] Письмо Черткова к Толстому от 12 июня 1887 г.
[63] Письмо Черткова к Толстому от 8—9 апреля 1888 г.
[64] Письмо Черткова к Толстому от 18 марта 1888 г.
[65] Письмо Черткова к Толстому от 18 марта 1888 г.
[66] Письмо Черткова к Толстому от 15 ноября 1891 г.
[67] Письмо Черткова к Толстому от 22 декабря 1891 г.
[68] Письмо Черткова к А. П. Эртелю от 25 декабря 1895 г. Письма А. П. Эртеля. М. 1909, стр. 343.
[69] Недатированное письмо Черткова к П. Д. Кившенко, относящееся к концу восьмидесятых годов. Копия АЧ.
[70] Письмо Черткова к Толстому от 12 ноября 1891 г.
[71] Письмо А. П. Эртеля к Черткову от 30 марта 1891 г. Письма А. П. Эртеля. М. 1909, стр. 259.
[72] Письмо Черткова к Толстому от 10 апреля 1893 г.
[73] Письмо Толстого к Черткову от 3 апреля 1893 г.

Глава VI

[1] Дневник В. Г. Черткова. Запись от 18 марта 1893 г. АЧ.
[2] Письмо Черткова к Толстому от 6 марта 1893 г.
[3] Письмо В. Г. Черткова к Е. П. Чертковой от 14 марта 1893 г. АЧ.
[1] Письмо В. Г. Черткова к Е. П. Чертковой от 9 апреля 1893 г. АЧ.
[5] Письмо Толстого к Черткову от 3 мая 1893 г.
[6] Письмо Черткова к Толстому от 16 июня 1893 г.

[7] Письмо Черткова к Толстому от 15 июня 1893 г.
[8] Письмо Толстого к Черткову от 22 июня 1893 г.
[9] Письмо А. К. Чертковой к Толстому от 27 августа 1893 г. Копия АЧ.
[10] Письмо Толстого к А. К. Чертковой от 4 сентября 1893 г.
[11] Письмо П. И. Бирюкова к Черткову от 4 ноября 1893 г. АЧ.
[12] Письмо Толстого к Черткову от 21 июля 1893 г.
[13] Е. И. Попов. Жизнь и смерть Е. Н. Дрожжина (1866—1894). С предисловием Л. Н. Толстого. Изд. Ф. Готгеймера. Берлин 1895.
[14] Письмо Толстого к Черткову от 5 ноября 1893 г.
[15] Письмо Черткова к Толстому от 18 ноября 1893 г.
[16] Письмо Толстого к Черткову от 24 декабря 1893 г.
[17] Письмо Е. И. Чертковой к В. Г. Черткову от 1 января 1894 г. АЧ.
[18] Напечатано в книге «Лев Толстой и русские цари». Изд. книгоиздательств «Свобода» и «Единение». М. 1919, стр. 15—19.
[19] Письмо Толстого к Черткову от 9 декабря 1893 г.
[20] Письмо Толстого к Черткову от 3 ноября 1893 г.
[21] Письмо Толстого к Черткову от 5 ноября 1893 г.
[22] Письмо Черткова к Толстому от 12 ноября 1893 г.
[23] Письмо М. Л. Толстой к В. Г. Черткову от 3 декабря 1894 г. АЧ.
[24] Письмо Толстого к Черткову от 18 марта 1894 г.
[25] Письма гр. Л. Н. Толстого к жене, изд. 2. М. 1915, стр. 469.
[26] Письмо Толстого к В. Г. и А. К. Чертковым от 7 апреля 1894 г.
[27] Письмо Толстого к Черткову от 30 апреля 1894 г.
[28] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 8 апреля 1894 г. ГТМ.
[29] Письмо Толстого к Черткову от 12 мая 1894 г.
[30] Дневник Толстого. Запись от 13 июля 1894 г.
[31] «Благородный сын»—шутливое обозначение пятилетнего сына Чертковых, Димы.
[32] Письмо Толстого к В. Г. и А. К. Чертковым от 18 августа 1894 г.
[33] Письмо Черткова к Толстому от 14 октября 1894 г.

[34] Дневник Толстого. Запись от 30 октября 1894 г.
[35] Письмо Черткова к Толстому от 18 ноября 1894 г.
[36] Письмо Толстого к Черткову от 16 января 1895 г.
[37] Письмо Д. Ф. Трепова к Черткову от 12 июня 1895 г. АЧ.
[38] Дневник Толстого. Запись от 6 сентября 1894 г.
[39] Письмо Черткова к Толстому от 25 января 1895 г.
[40] Письмо Толстого к Черткову от 24 февраля 1895 г.
[41] Письмо Черткова к Толстому от 28 февраля 1895 г.
[42] Письмо М. Л. Толстой к Черткову от 10 марта 1895 г. АЧ.
[43] Письмо Толстого к Черткову от 26 апреля 1895 г.
[44] «Толстовский ежегодник» на 1912 г., Спб. 1913. стр. 10.
[45] Письмо Толстого к Черткову от 26 ноября 1894 г.
[46] Письмо Толстого к Черткову от 8 июня 1895 г.
[47] Письмо Черткова к Толстому от 5 октября 1895 г.
[48] Письмо Черткова к Толстому от 19—24 сентября 1895 г.
[49] Письмо Толстого к Черткову от 7 октября 1895 г.
[50] Письмо Черткова к Толстому от 13 октября 1895 г.
[51] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 12 июля 1896 г. ГТМ.
[52] Письмо Черткова к Толстому от 8 мая 1885 г.
[53] Дневник Толстого. Запись от 5 августа 1895 г.
[54] Письмо Толстого к Черткову от 21 сентября 1895 г.
[55] Письмо Толстого к Черткову от 30 октября—2 ноября 1896 г.
[56] Письмо Толстого к Черткову от 2 декабря 1896 г.
[57] Помогите! Воззвание к обществу по поводу гонений на кавказских духоборов, составленное П. Бирюковым, И. Трегубовым и В. Чертковым. С послесловием Л. Н. Толстого. Изд. В. Черткова. Лондон, 1897.
[58] Письмо Черткова к Толстому от 11 января 1897 г.
[59] Письмо Толстого к Черткову от 25 января 1897 г.
[60] Письмо Черткова к Горемыкину от 2 февраля 1897 г. Копия АЧ.
[61] Дневник Толстого. Запись от 7 февраля 1897 г.
[62] Письмо Толстого к Д. А. Хилкову от 12 февраля 1897 г. КопияА Ч.

[63] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 12 февраля 1897 г. ГТМ.
[64] Письмо Черткова к Е. И. Чертковой от 22 апреля 1897 г. АЧ.

Глава VII

[1] Письмо Толстого к Черткову от 8 марта 1897 г.
[2] Письмо М. Л. Толстой к Черткову от 27 марта 1897 г. АЧ.
[3] Письмо Толстого к Черткову от 7 мая 1897 г.
[4] Письмо Толстого к Черткову от 26 мая 1897 г.
[5] Письмо Толстого к М. Л. Толстой от 12 января 1897 г. Копия АЧ.
[6] Письмо М. Л. Толстой к В. Г. Черткову от 19 января 1896 г. АЧ.
[7] Письмо М. Л. Толстой к В. Г. Черткову от 24 марта 1897 г. АЧ.
[8] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 14 сентября 1898 г. ГТМ.
[9] Дневник Толстого от 25 июня 1894 г.
[10] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 24 марта 1897 г. ГТМ.
[11] Письмо М. Л. Толстой к А. К. Чертковой от 8 июля 1897 г. АЧ.
[12] Письмо Толстого к С. А. Толстой от 8 июля 1897 г. Письма гр. Л. Н. Толстого к жене 1862—1910. М. 1915, стр. 524.
[13] Письмо Толстого к С. Н. Толстому от 22 февраля 1897 г. ГТМ.
[14] Письмо Толстого к Черткову от 11 марта 1897 г.
[15] Письмо Черткова к Толстому от 31 марта 1897 г.
[16] Письмо П. А. Кропоткина к Черткову от 10 июня 1897 г. АЧ.
[17] Письмо Черткова к Толстому от 19 июня 1897 г.
[18] Письмо Толстого к Черткову от 19 июня 1897 г.
[19] Каталог изданий Владимира Черткова. Purleigh, Essex, England, 1898.
[20] Письмо Черткова к Толстому от 16 июня 1897 г.
[21] Письмо Толстого к Черткову от 19 июня 1897 г.
[22] Письмо М. Л. Толстой к В. Г. Черткову от 27 марта 1897 г. АЧ.

[23] Письмо Толстого к Черткову от 30 апреля 1897 г.
[24] Письмо Толстого к Черткову от 7 мая 1897 г.
[25] Письмо Черткова к Толстому от 28 июля 1897 г.
[26] Письмо Толстого к Черткову от 8 августа 1897 г.
[27] Письмо Н. Я. Грота к Л. Н. Толстому от 26 ноября 1897 г. АТ.
[28] Письмо Черткова к Толстому от 21 декабря 1897 г.
[29] Письмо Толстого к Черткову от 13 декабря 1897 г.
[30] Письмо Черткова к Толстому от 31 декабря 1897 г.
[31] Письмо Толстого к Черткову от 14 февраля 1898 г.
[32] Письмо Толстого к Черткову от 16 июля 1897 г.
[33] В. Чертков. «Где брат твой?» Purleigh, Essex. 1898 г.
[34] Письмо Толстого к Черткову от 4 мая 1898 г.
[35] Письмо Черткова к Толстому от 15 сентября 1898 г.
[36] Письмо Толстого к Черткову от 17 марта 1898 г.
[37] Письмо Толстого к Черткову от 9 октября 1898 г.
[38] Письмо Толстого к Черткову от 12 августа 1898 г.
[39] Письмо Толстого к Черткову от 15 октября 1898 г.
[40] Письмо Толстого к Черткову от 16 октября 1898 г.
[41] Письмо Толстого к Черткову от 31 октября 1898 г.
[42] Дневник Толстого. Запись от 2 ноября 1898 г.
[43] Письмо Черткова к Толстому от 2 декабря 1898 г.
[44] Письмо М. Л. Толстой-Оболенской к Черткову от 23 ноября 1898 г. АЧ.
[45] Письмо Толстого к А. К. и В. Ч. Чертковым от 15 марта 1899 г.
[46] Письмо Толстого к Черткову от 4 апреля 1899 г.
[47] Письмо Черткова к Толстому от 21 ноября 1899 г.
[48] Письмо Толстого к Черткову от 5 декабря 1898 г.
[49] «Листки свободного слова». Повременное издание под редакцией В. Черткова. № 1, ноябрь 1898 г.
[50] «Листки свободного слова», № 8, 1899 г.
[51] Отчет книгоиздательства «Свободного слова» В. и А. Чертковых за период 1897—1900 г. A. Tchertkoff. Christchurch, 1901. Отчет книгоиздательства «Свободного слова» В. и А. Чертковых за 1901 год. A. Tchertkoff. Christchurch 1902.
[52] Студенческое движение 1899 г. Сборник, составленный под редакцией А. и В. Чертковых. 1899 г. Финляндский разгром. Сборник под редакцией В. Черткова. 1900.

[53] Письмо П. А. Кропоткина к В. Г. Черткову от 30 июня 1901 г. АЧ.
[54] Письмо Толстого к Черткову от 14 сентября 1901 г.
[55] Письмо Толстого к Черткову от 31 декабря 1899 г.
[56] Письмо Толстого к Черткову от 1 сентября 1900 г.
[57] Письмо Черткова к Толстому от 19 сентября 1900 г.
[58] Письмо Черткова к Толстому от 29 декабря 1900 г.
[59] Письмо Черткова к Толстому от 26 января 1901 г.
[60] Письмо Толстого к Черткову от 12 декабря 1900 г.
[61] Письмо Толстого к Черткову от 18 июля 1901 г.
[62] Письмо Толстого к Черткову от 30 марта 1901 г.
[63] Письмо Черткова к Николаю II от 6 февраля 1901 г. Копия АЧ.
[64] Письмо Толстого к Черткову от 12 августа 1901 г.
[65] Письмо М. Л. Толстой-Оболенской к Черткову от 15 сентября 1901 г. АЧ.
[66] Письмо П. Л. Оболенского к Черткову от 28 сентября 1901 г. АЧ.
[67] Письмо Толстого к Черткову от 30 ноября 1901 г.
[68] Письмо Черткова к Толстому от 10 февраля 1902 г.
[69] Письмо П. А. Буланже к Черткову от 20 февраля 1902 г. АЧ.

Глава VIII

[1] Дневник Толстого. Запись от 20 сентября 1902 г.
[2] Письмо С. А. Толстой к А. Б. Гольденвейзеру от 13 марта 1902 г. А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, М. 1922, стр. 83.
[3] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 22 октября 1898 г. ГТМ.
[4] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 2 июля 1903 г. ГТМ.
[5] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 17 ноября 1903 г. ГТМ.
[6] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 3 апреля 1903 г. АГТМ.
[7] Письмо О. К. Толстой к А. К. Чертковой от 16 марта 1904 г. АЧ.

[8] Письмо Черткова к Толстому от 27 мая 1900 г.
[9] Письмо Черткова к Толстому от 19 июня 1901 г.
[10] Письмо М. Л. Толстой-Оболенской к Черткову от 16 января 1901 г. АЧ.
[11] Письмо Толстого к Черткову от 7 сентября 1902 г.
[12] Письмо Толстого к Черткову от 19 апреля 1903 г.
[13] Дневник С. А. Толстой 1897—1909. Книгоиздательство «Север». М. 1932, стр. 204.
[14] Опубликовано в приложении к Дневнику Л. Н. Толстого, под ред. В. Г. Черткова 1895—1899 гг. М. 1916, стр. 257—258.
[5] Письмо Толстого к Черткову от начала июля 1902 г.
[16] Письмо Толстого к Черткову от 22 июля 1902 г.
[17] Письмо Толстого к А. К. Чертковой от 17 августа 1902 г.
[18] Письмо Толстого к Черткову от 2 сентября 1902 г.
[19] Письмо Толстого к Черткову от 11 октября 1902 г.
[20] Письмо Толстого к Черткову от 11 января 1903 г.
[21] «Воспоминания детства», написанные для биографии, составлявшейся П. И. Бирюковым.
[22] Письмо Толстого к Черткову от 11 января 1903 г.
[23] Письмо Черткова к Толстому от 23 марта 1903 г.
[24] Письмо Толстого к Черткову от 22 марта 1903 г.
[25] Впервые напечатано в журнале «Свободное слово» 1903 г. №№ 5, 6, 7, 8, 1904 г. №№ 9, 10. Отдельное издание: В. Чертков. О революции. Насильственная революция или христианское освобождение. С предисловием Л. Толстого. Изд. «Свободное слово», Christchurch 1904. Второе дополненное издание вышло в России, М. 1907.
[26] Письмо Толстого к Черткову от 29 марта1903 г.
[27] Письмо Черткова к Толстому от 27 мая 1903 г.
[28] Письмо Толстого к Черткову от 22 мая 1903 г.
[29] Сказки: «Ассирийский царь Ассардахон», «Три вопроса» и «Труд, смерть и болезнь». Первоначально предназначались для сборника «Помощь» (Гилф), изданного на жаргоне, изд. «Фолксбильдунг», Варшава 1903, где напечатаны первая и вторая из этих сказок. По-русски появились в других изданиях: первые две в издании «Посредника», М. 1904, а последняя в прибавлении к журналу «Свободное слово» за 1904 г. № 9.

[30] Рассказ «После бала», впервые напечатанный в «Посмертных художественных произведениях Л. Н. Толстого», изд. А. Л. Толстой, т. I, М. 1911.

[31] Письмо Толстого к В. Г. и А. К. Чертковым от 9 августа 1903 г.

[32] Письмо Черткова к Толстому от 22 января 1904 г.

[33] Письмо Толстого к Черткову от 19 января 1904 г.

[34] Письмо Толстого к Черткову от 19 февраля 1904 г.

[35] Дневник Толстого. Запись от 29 апреля 1904 г.

[36] Письмо Черткова к Толстому от 2 мая 1904 г.

[37] Письмо Толстого к Черткову от 27 апреля 1904 г.

[38] Письмо Толстого к Черткову от 13 мая 1904 г.

[39] Письмо Толстого к Черткову от 1 июля 1904 г.

[40] Письмо Черткова к Толстому от 27 июля 1904 г.

[41] Дневник Толстого. Запись от 2 августа 1904 г.

[42] Письмо Толстого к Черткову от 27 ноября 1904 г.

[43] Письмо Толстого к Черткову от 27 ноября 1904 г.

[44] Письмо Толстого к Черткову от 22 января 1905 г.

[45] Письмо Толстого к Черткову от 17 апреля 1905 г.

[46] Письмо В. Г. Черткова к Е. Н. Чертковой от 13 апреля 1905 г. АЧ.

[47] Письмо Черткова к Толстому от 26 апреля 1905 г.

[48] Письмо Толстого к Черткову от 24 апреля 1905 г.

[49] Дневник Толстого. Запись от 6 июня 1905 г.

[50] Письмо С. А. Толстой к В. Г. Черткову от 6 июля 1905 г. АЧ.

[51] Письмо Черткова к Толстому от 21 сентября 1905 г.

[52] Письмо Черткова к Толстому от 6 июня 1905 г.

[53] Письмо Толстого к Черткову от 6 июля 1905 г.

[54] Письмо Толстого к Черткову от 4 сентября 1905 г.

[55] Письмо Черткова к Толстому от 9 октября 1905 г.

[56] Письмо Толстого к Черткову от 18 октября 1905 г.

[57] Письмо Толстого к Черткову от 19 декабря 1905 г.

[58] Письмо Толстого к Черткову от 7 октября 1905 г.

[59] Письмо Черткова к Толстому от 4 января 1906 г.

[60] Письмо Толстого к Черткову от 4 ноября 1905 г.

[61] Письмо Толстого к Черткову от 1 марта 1906 г.

[62] Письмо Черткова к Толстому от 24 марта н. с. 1906 г.

[63] Письмо Толстого к Черткову от 27 июня 1906 г.

[64] Дневник Толстого. Запись от 30 июля 1906 г.
[65] Письмо М. Л. Толстой-Оболенской к Т. Л. Толстой-Сухотиной от 3 августа 1906 г. ГТМ.
[66] Дневник Толстого. Запись от 24 августа 1906 г.
[67] Л. Н. Толстой. «О значении русской революции». Изд. «Посредник» [М. 1906].
[68] Предисловие к книге Г. Джорджа «Общественные задачи», перевод С. Д. Николаева, изд. «Посредник», М. 1907.
[69] Письмо к китайцу Ku-Hung-Ming'у, октябрь 1906 г., напечатано под названием: Л. Н. Толстой. Письмо китайцу. Изд. «Посредник», М. 1907.
[70] Письмо Толстого к Черткову от 3 октября 1906 г.
[71] Статья Толстого «О Шекспире и драме» появилась в России впервые в издававшейся И. Д. Сытиным газете «Русское слово» (№№ 277, 278, 279, 280, 281, 282, 285 за 1906 г.). Толстой во время свидания с Чертковым в 1905 г. разрешил ему напечатать эту статью и рассказ «Божеское и человеческое» с тем, чтобы гонорар, который мог бы быть выручен за первое издание этих статей, пошел бы на покрытие расходов по дешевым английским изданиям произведений Толстого. Чертков в письме от 3 декабря 1906 г., на которое отвечает Толстой, напомнил этот разговор.
[72] Письмо Толстого к Черткову от 26 ноября 1906 г.
[73] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 3 декабря 1906 г. ГТМ.
[74] Письмо Толстого к Черткову от 28 декабря 1906 г.
[75] Дневник Толстого. Запись от 23 ноября 1906 г.

Глава IX

[1] Дневник Толстого. Запись от 8 августа 1907 г.
[2] Дневник Толстого. Запись от 11 марта 1910 г.
[3] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 9 ноября 1907 г. ГТМ.
[4] А. В. Гольденвейзер. «Вблизи Толстого», т. I, М. 1922, стр. 316.
[5] Письмо Толстого к Черткову от 25 мая 1909 г.
[6] Л. Толстой. «Кто виновник?»—«Русское слово» 1910 г. № 209.

[7] Письмо М. Л. Толстой к Т. Л. Толстой от 13 декабря 1897 г. ГТМ.

[8] Письмо Толстого к Черткову от 21 января 1907 г.

[9] Письмо Толстого к Черткову от 19 мая 1907 г.

[10] Письмо Толстого к Черткову от 6 апреля 1907 г.

[11] Письмо С. А. Толстой к Т. А. Кузминской от 13 июня 1907 г. ГТМ.

[12] Телеграмма Толстого Черткову от 15 июня 1907 г.

[13] Письмо Толстого к Черткову от 16 сентября 1907 г.

[14] Письмо Толстого к Чертковым от 26 сентября 1907 г.

[15] Письмо Толстого к Черткову от 2 ноября 1907 г.

[16] Письмо Толстого к Черткову от 17 ноября 1907 г.

[17] Письмо Черткова к Толстому от 10 декабря 1907 г.

[18] Письмо Толстого к Черткову от 9 декабря 1907 г.

[19] И. Д. Сытин в то время выпускал второе издание «Круга чтения».

[20] Письмо Толстого к Черткову от 10 февраля 1908 г.

[21] Письмо Толстого к Черткову от 11 марта 1908 г.

[22] Письмо Толстого к Черткову от 25 марта 1908 г.

[23] Письмо Толстого к Черткову от 2 июня 1908 г.

[24] Телеграмма Толстого Черткову от 8 июня 1908 г.

[25] Письмо Толстого к Черткову от 9 июня 1910 г.

[26] Дневник Толстого. Запись от 10 июня 1908 г.

[27] Письмо Толстого к Черткову от 30 января 1909 г.

[28] Дело канцелярии тульского губернатора секретного стола «О вредной деятельности Черткова», л. 35. ГТМ.

[29] Дело канцелярии тульского губернатора секретного стола «О вредной деятельности Черткова», л. 46 ГТМ.

[30]. Письмо Толстого к Черткову от 11 апреля 1909 г.

[31] Письмо Толстого к Черткову от 12 мая 1909 г.

[32] Письмо Черткова к Толстому от 23 апреля 1909 г.

[33] Письмо Толстого к Черткову от 25 [?] мая 1909 г.

[34] Письмо Черткова к Толстому от 25 мая 1909 г.

[35] Письмо Толстого к Черткову от 18 июня 1909 г.

[36] Письмо Толстого к Черткову от 23 июня 1909 г.

[37] Письмо Толстого к Черткову от 24 июня 1909 г.

[38] Письмо Толстого к Черткову от 1 июля 1909 г.

[39] В. Г. Чертков. «Страничка из воспоминаний. Декурство в военных госпиталях»—«Вестник Европы»,

1909, № 11. Отдельные издания: изд. Сытина, М. 1911 «Единение» и «Солдат-гражданин». М. 1918.

[40] Письмо Черткова Толстому от 8 августа 1909 г.

[41] А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, М. 1922, стр. 285.

[42] Дневник Толстого. Запись от 26 июля 1909 г.

[43] Письмо Толстого к Черткову от 23 июля 1909 г.

[44] Письмо Толстого к Черткову от 2 августа 1909 г.

[45] Письмо Толстого к Черткову от 28 августа 1909 г.

[46] Изречения Магомета, не вошедшие в Коран. Избраны Л. Н. Толстым. Перевод с английского С. Д. Николаева. Изд. «Посредник», М. 1910.

[47] Изречения китайского мудреца Лао-Тзе, избранные Л. Н. Толстым. Изд. «Посредник», М. 1910.

[48] Под этим заглавием появилась лишь одна книжечка из задуманной Толстым и П. И. Горбуновым-Посадовым серии—«Для души». Изречения мыслителей разных стран и разных веков, избранные Л. Н. Толстым. Изд. «Посредник», М. 1910.

[49] Толстой имеет в виду издание И. Д. Сытина «На каждый день», которое выходило отдельными выпусками крайне медленно.

[50] Письмо Толстого к Черткову от 31 августа 1909 г.

[51] Дневник Толстого. Запись от 5 мая 1908 г.

[52] Дневник Толстого. Запись от 22 июля 1909 г.

[53] Текст завещания воспроизведен факсимиле в Толстовском ежегоднике на 1913 год. Спб. 1914, стр. 25—30. История его составления дана в книге В. Г. Черткова «Уход Толстого». М. 1922.

[54] Письмо Толстого к Черткову от 12 октября 1909 г.

[55] Письмо Черткова к Толстому от 20 октября 1909 г.

[56] Письмо Толстого к Черткову от 22 октября 1909 г.

[57] Письмо Черткова к Толстому от 25—26 декабря 1909 г.

[58] Письмо Толстого к Черткову от 19 ноября 1909 г.

[59] Письмо Толстого к Черткову от 14 января 1910 г.

[60] Письмо Черткова к Толстому от 24 января 1910 г.

[61] Дневник Толстого. Запись от 27—28 января 1910 г.

[62] Письмо Толстого к Черткову от 27 января 1910 г.

[63] «Новая Русь» от 25 декабря 1909 г. № 354.

[64] «Русские ведомости» от 10 ноября 1909 г.

[65] В. Г. Чертков. «Две цензуры для Толстого»— «Жизнь для всех», 1910, № 2.

[66] Письмо Толстого к Черткову от 1 марта 1910 г.

[67] Письмо Толстого к индусу Т. Дасу, на русском языке впервые напечатано в Собрании сочинений Толстого, под редакцией П. И. Бирюкова, изд. Сытина, т. XX стр. 240.

[68] M. Gandhi. Indian Home Rule, Natal 1910. [М. Ганди. Индусское самоуправление.]

[69] Письмо Толстого к Ганди от 25 апреля 1910 г. копия ГТМ.

[70] Письмо Толстого к Черткову от 22 апреля 1910 г.

[71] Письмо Толстого к Черткову от 24 марта 1910 г.

[72] Дневник Толстого. Запись от 13 апреля 1910 г.

[73] Письмо Толстого к Черткову от 17 апреля 1910 г.

[74] Письмо Толстого к Черткову от 8 апреля 1910 г.

[75] Дневник Толстого. Запись от 7 мая 1910 г.

[76] Чертков делал в это время в своем дневнике записи о разговорах с Толстым и впоследствии опубликовал их в статье «Свидание с Л. Н. Толстым в Кочетах у М. С. и Т. Л. Сухотиных». — Толстовский ежегодник на 1913 год. Спб. 1914.

[77] А. Б. Гольденвейзер. «Вблизи Толстого», т. II, стр. 34—35.

[78] Дневник Толстого. Запись от 2 июня 1910 г.

[79] Дневник Толстого. Запись от 6 июня 1910 г.

[80] Письмо Толстого к Черткову от 3 июня 1910 г.

[81] Собрание сочинений Толстого, под редакцией П. И. Бирюкова, изд. Сытина, т. XX, стр. 475.

[82] Дневник Толстого. Запись от 23 июня 1910 г.

[83] А. Б. Гольденвейзер. «Вблизи Толстого», т. II, стр. 69.

[84] Письма гр. Л. Н. Толстого к жене. Изд. 2, М. 1915, стр. 585—589.

[85] «Батей» называли в семейном кругу В. Г. Черткова.

[86] Письмо Толстого к Черткову от 26 июля 1910 г.

[87] Интимный дневник Толстого. Запись от 31 июля 1910 г.

[88] Письмо Толстого к Черткову от 12 августа 1910 г.

[89] Письмо Толстого к Черткову от 7 августа 1910 г.

[90] Письмо Толстого к Черткову от 14 августа 1910 г.
[91] Письмо Толстого к Черткову от 25 августа 1910 г.
[92] Письмо Черткова к Софье Андреевне и ее ответ напечатаны в книге А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого». т. II. М. 1923.
[93] Письмо Толстого к Черткову от 16 сентября 1910 г.
[94] Любимая французская поговорка Толстого: fais ce que doit, advienne, qui pourra (делай, что должно, пусть будет, что будет). Этой поговоркой, недописанной до конца, оканчивается последняя собственноручная запись в дневнике Толстого.
[95] Письмо Толстого к Черткову от 1 октября 1910 г.
[96] Письмо Толстого к Черткову от 11 октября 1910 г.
[97] Письмо Черткова к Толстому от 10 октября 1910 г.
[98] Письмо Толстого к Черткову от 6 октября 1910 г.
[99] Интимный дневник Толстого. Запись от 7 октября 1910 г.
[100] Письмо Черткова к Толстому от 14 октября 1910 г.
[101] Письмо Черткова к Досеву напечатано в книгах: В. Г. Чертков. «Уход Толстого», М. 1922, стр. 16—24 и А. Б. Гольденвейзер. «Вблизи Толстого», т. II, М. 1923, стр. 324—333.
[102] Письмо Толстого к Черткову от 22 октября 1910 г.
[103] Интимный дневник Толстого. Запись от 26 октября 1910 г.
[104] Письмо Толстого к Черткову от 26 октября 1910 г.
[105] Письмо Черткова к Толстому от 26 октября 1910 г.
[106] Эти записи использованы Чертковым в его брошюре «О последних днях Толстого», изд. Сытина, М. 1911.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ *

Агеев, Афанасий Николаевич (1861—1908)—крестьянин деревни Казначеевки вблизи Ясной Поляны, сочувствовавший взглядам Толстого. Служил некоторое время на Московско-Курской ж. д. В 1903 г. присужден к ссылке в Сибирь на поселение по обвинению в богохульстве.—290.

Александр II (1818—1881)—российский император с 1855 по 1881 г.—18, 27, 28.

Александр III (1845—1894)—российский император с 1881 по 1894 г.—27,28, 55, 56, 202, 204, 206, 216.

Алексеев, Василий Иванович (1848—1919)—педагог, участник революционного движения 70-х годов, член кружка чайковцев. В 1875 г. вместе с Н. В. Чайковским эмигрировал в Америку, был одним из основателей русской земледельческой колонии в штате Канзас. Вернувшись в Россию после распада колонии, был учителем детей Толстого в 1877—1881 гг. С 1900 г. состоял директором Нижегородского коммерческого училища.—16—19, 438.

— «Воспоминания о Толстом». Рукопись ГТМ.—438.

Алексеев, Петр Семенович (1849—1913)—врач, автор ряда статей и брошюр о вреде алкоголизма.—165.

— «О пьянстве». С предисловием гр. Л. Н. Толстого «Для чего люди одурманиваются». Издание редакции журнала «Русская мысль», Москва 1891 г.—165.

Алехин, Аркадий Васильевич (1854—1918)—во вто-

---

* Названия литературных произведений помещаются в алфавитном порядке после фамилии автора.

рой половине 80-х и в начале 90-х годов—единомышленник Толстого, основатель трудовой земледельческой общины «Шевелево» в Смоленской губернии.—179.

Алехины, Митрофан Васильевич (р. 1857) и Аркадий Егорович—участники земледельческой общины Байрачная в Харьковской губ. (1890—1892 гг.).—180.

Анпушка—см. Морозова, Анна Григорьевна.

Антоний (1846—1912)—митрополит Петербургский в 1898—1912 гг.—293.

Антонин, Марк Аврелий—римский император с 161 по 181 г. н. э., философ, принадлежавший к школе стоиков.—11.

«Размышления». —21.

Аниотка—крестьянская девочка из деревни Ясная Поляна.—92.

«Архив Льва Николаевича Толстого». Сборник, выходивший в Москве в 1894—1896 гг. в количестве 40—60 экземпляров. Размножался на ремингтоне и мимеографе. Всего вышло 12 номеров. Редакторами были: №№ 1—4—Ф. А. Страхов, №№ 5—10—П. И. Бирюков, №№ 11 и 12—В. Г. Чертков.—253, 283.

Арчер, Герберт (Archer)—англичанин, сочувствовавший взглядам Толстого. В 1898 г. и в начале 1899 г.—сотрудник Черткова. Принимал деятельное участие в переселении духоборов в Канаду.—276, 277.

Афанасий—см. Агеев, Афанасий Николаевич.

Баллу, Адин (Ballou; 1803—1890)—американский проповедник учения о непротивлении злу насилием.—166.

— «Катехизис непротивления» («Christian Nonresistance» and «Questions answered»).—166.

Барыкова, Анна Павловна, урожд. Каменская (1839—1893)—писательница, автор сатиры «Как царь Ахреян ходил богу жаловаться», в последние годы жизни—сотрудница издательства «Посредник».—161.

Барятинская, Елена Михайловна, княгиня, урожденная гр. Орлова-Денисова—двоюродная сестра В. Г. Черткова.—56.

Баттересби (Batteresby)—английский журналист друг В. Г. Черткова.—121.

Бедфордский герцог (Duke of Bedford)—знакомый В. Г. Черткова.—42.

Белинький, Самуил Моисеевич (р. 1877)—сочувствовавший взглядам Толстого и помогавший ему в качестве переписчика в 1910 г.—403.

Бернби (Burnsby)—друг В. Г. Черткова, бывший его гувернер.—42.

Бестужев-Рюмин, Константин Николаевич (1829—1897)—профессор Петербургского университета по кафедре русской истории, учредитель высших женских курсов.—35.

Библия.—36.

Бирюков, Павел Иванович (1860—1931)—единомышленник и биограф Толстого, находившийся в дружественных отношениях с ним, начиная с 1884 г. Деятельный участник работы книгоиздательства «Посредник», которым он заведывал с 1893 по 1897 г., когда должен был оставить эту работу вследствие ссылки в Прибалтийский край за организацию помощи духоборам. В 1898—1904 гг. жил за границей, будучи выслан из России. Автор ряда статей о русском сектантстве.—107, 108, 118, 121, 126, 127, 135, 148, 184, 185, 197—200, 225, 231, 236, 238, 239, 249, 270, 283, 316, 318, 416, 417, 445, 446, 447.

— «Лев Николаевич Толстой. Биография». Изд. «Посредник». т. I, М. 1906; т. II, М. 1908; изд. Государственного издательства, тт. I, II, IV, М. 1923; т. III, М. 1922.—318, 451.

— «Гонение на христиан в России»—статья о преследовании духоборов в России, впервые напечатанная в переводе на английский язык в газете «Times» 23 октября 1895 г., с письмом Толстого к редактору газеты.—233.

Бобринский, Алексей Александрович (р. 1852)—граф, крупный землевладелец, с 1896 г.—сенатор, с 1907 г.—член третьей Государственной думы, с 1912 г.—член Государственного совета, лидер фракции правых.—438.

Бондарев, Тимофей Михайлович (1820—1896)—крестьянин, уроженец области Войска Донского, сосланный в 1867 г. в Минусинский уезд, Енисейской губернии, за переход в секту иудействующих. Написал большое сочинение «Торжество земледельца, или трудолю-

бие и тунеядство». Толстой высоко ценил сочинение Бондарева и содействовал его опубликованию, но оно появилось в печати лишь в сокращении.—216, 433.

Бриггс, Вильям (Briggs; р. 1884)—англичанин, знакомый В. Г. и А. К. Чертковых.—329.

Британская энциклопедия (Encyclopedia Britannica)—справочное издание, начавшее выходить в 1768 г. и с тех пор неоднократно переиздававшееся.—389.

Будда («просветленный»)—наименование Гаутамы Сиддарты (VI—V вв. до н. э.), основателя религии буддистов, возникшей в Индии и широко распространившейся среди народов Азии.—161.

Буланже, Павел Александрович (1863—1925)—служивший в управлении железных дорог, разделявший многие взгляды Толстого. Автор статей и воспоминаний о нем. Будучи в 1897 г. выслан за границу за организацию помощи духоборцам, провел несколько лет в Англии, в Швейцарии и в других странах, причем некоторое время помогал Черткову в его издательской деятельности.—172, 297, 450.

Булгаков, Валентин Федорович (р. 1886)—секретарь Толстого в 1910 г., впоследствии автор ряда статей и книг о Толстом.—373, 403.

Булыгин, Михаил Васильевич (р. 1863)—окончив пажеский корпус, учился в Петровской сельскохозяйственной академии, но оставил ее, чтобы заняться личным земледельческим трудом. Во многом разделил взгляды Толстого, с которым был знаком с конца 80-х годов.—313.

Бутурлин, Александр Сергеевич (1845—1916)—участник революционного движения шестидесятых годов, знакомый Толстого.—440.

Васильчиков, Сергей Илларионович, князь—флигель-адъютант, офицер лейб-гвардии конного полка.—45, 439.

Веригин, Петр Васильевич (1859—1924)—руководитель большей части духоборцев. С 1887 по 1902 г. был в ссылке, сперва в Шенкурске, Архангельской губернии, потом в Обдорске, Тобольской губернии; в 1902 г. уехал в Канаду, где и оставался руководителем общины духоборцев до своей смерти.—231—233.

«Викфильдский священник»—см. Гольдсмит «Викфильдский священник».

Випер, Цецилия Владимировна (1860—1922)—гражданская жена кн. Д. А. Хилкова.—203—206, 218.

Владимир Александрович, великий князь (1847—1909)—сын императора Александра II, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа в 1884—1905 гг.—56.

Волховской, Феликс Вадимович (1846—1914)—деятель революционного движения с конца 60-х годов, участник кружка чайковцев. Приговоренный к ссылке на поселение в 1878 г. по процессу 193-х, бежал из Сибири и с 1890 г. жил в Лондоне, как политический эмигрант.—252.

Вольтер, Франсуа (Voltaire; 1694—1778).—138.

«Вопросы философии и психологии»—журнал, издававшийся с 1889 г. Н. А. Абрикосовым, а с 1894 г. Московским психологическим обществом при поддержке Н. А. Абрикосова, выходил четыре-пять раз в год.—150, 262, 263.

Воронцов-Дашков, Илларион Иванович, граф (1837—1916)—в 1881—1897 гг. министр императорского двора, с 1897 г. член Государственного совета, в 1905—1915 гг. наместник Кавказа.—56, 142, 206.

Воронцовы-Дашковы, граф и графиня.—56.

«Всемирный вестник»—журнал, издававшийся в 1903—1908 гг. в Петербурге.—423.

Гагарин, Сергей Сергеевич, князь (1832—1890)—шталмейстер императорского двора.—56.

Галя—см. Черткова, Анна Константиновна.

Ганди (Gandhi; р. 1869)—вождь индийского национального движения, проповедник пассивного сопротивления. Провозгласив лозунг «несотрудничества», т. е. бойкота английских правительственных учреждений, Ганди приобрел исключительную популярность в Индии, но, когда начавшееся массовое национальное движение стало принимать революционные формы, он вступил в соглашение с индусскими буржуазными конституционалистами и выразил согласие примириться с английским правительством при условии предоставления Индии прав доминиона.—354, 403, 404, 456.

—Indian home Rule», Natal 1910 (Индусское самоуправление»).—404, 456.

Гаррисон, Вильям Ллойд (Garrison; 1805—1879)—американский общественный деятель.—166.

— «Декларация основ, принятых членами общества, основанного для устройства между людьми всеобщего мира».—166.

Гаршин, Всеволод Михайлович (1832—1890)—писатель.—103, 111, 185.

— «Сторож будки»—рассказ, перепзданный «Посредником» в 1887 г. под заглавием «Сигнал».—139.

Ге, Николай Николаевич (1831—1894)—художник, близкий знакомый Толстого, разделявший его взгляды, автор ряда портретов Толстого и членов его семьи.—19—20, 180, 445.

Гейден, Александр Федорович, граф (р. 1859)—сын генерал-губернатора Финляндии гр. Ф. Л. Гейдена.—50, 107.

«Гилф» («Помощь»)—сборник на еврейском языке (так называемом жаргоне) в пользу евреев, пострадавших от кишиневского погрома (Варшава, 1903). Вышел в изд. «Фолксбильдунг».—322, 451.

Голенищев-Кутузов, Александр Васильевич, граф—флигель-адъютант, офицер Кавалергардского полка.—51.

Голицын, Василий Павлович, князь—друг молодости В. Г. Черткова.—50, 51, 107, 439.

Голицын, Павел Павлович, князь—знакомый В. Г. Черткова.—138.

Гольденвейзер, Александр Борисович (р. 1875)—пианист, с 1906 г. профессор Московской консерватории, близкий знакомый Толстого и его семьи.—301, 356, 357, 386, 410, 419, 450, 456.

— «Вблизи Ясной поляны. Записи за 15 лет». Изд. Центрального т-ва «Кооперативное издательство», т. I, М. 1922; т. II, М. 1923.—419, 455—457.

Гольдсмит, Оливер (Goldsmith; 1728—1774)—английский писатель.

— «Викфильдский священник» (The Vicar of Wakefield)—роман, вышедший в 1767 г. и переведенный на многие языки.—138.

Гольцев, Виктор Александрович (1850—1906)—писатель, с 1885 г. фактический редактор либерального журнала «Русская мысль».—337.

Гончаров, Иван Александрович (1812—1891)—писатель.—48.

Горбунов, Иван Иванович (литературное имя—Горбунов-Посадов; р. 1864)—писатель, единомышленник Толстого, сотрудник издательства «Посредник» с 1887 г. С 1897 г., после высылки В. Г. Черткова и П. И. Бирюкова,—руководитель «Посредника», широко развивший издательскую деятельность в области детской литературы, педагогики, сельского хозяйства и в других областях.—153, 158, 195, 197, 390, 455.

Горемыкин, Иван Логинович (1839—1917)—в 1895—1899 гг.—министр внутренних дел; с 1899 г. член Государственного совета, в 1906 и в 1914—1916 гг. председатель совета министров.—229, 237, 238, 447.

Григорович, Дмитрий Васильевич (1822—1899)—писатель.—138.

Гриша—действующее лицо в повести Толстого «Детство и отрочество».—149.

Грот, Константин Яковлевич (р. 1853)—историк, профессор Варшавского университета в 80-х годах.—421—423.

Грот, Николай Яковлевич (1852—1899)—профессор Московского университета по кафедре философии и психологии, редактор журнала «Вопросы философии и психологии».—262, 263, 279, 421—423, 449.

Гулливер—см. Свифт, Д., «Путешествие Лемюэля Гулливера».

Гусев, Николай Николаевич (р. 1882)—личный секретарь Толстого в 1907—1909 гг., впоследствии автор ряда статей и книг о Толстом.—364, 365, 367, 371, 373.

Давыдов, Николай Васильевич (1848—1920)—судебный деятель, знакомый Толстого и его семьи.—62—65, 230, 337, 440.

— «Из прошлого», Москва 1914.—440.

Дашкевич, Ольга Андреевна, сотрудница редакции юбилейного издания полного собрания сочинений Толстого—4.

Дегтярева, Екатерина Васильевна—домашняя ра-

богиня Чертковых, из крестьянок деревни Лизиновки, Острогожского уезда, Воронежской губернии.—241, 242.

«Дед Мартын»—рассказ, напечатанный без фамилии автора в журнале «Русский рабочий» (перевод рассказа Saillens, P., «Père Martin».—116.

Делакруа, Огюст (Delacroix, August; 1809—1868)—франц. художник-акварелист, пользовавшийся особенной известностью в начале 60-х годов XIX века.—4.

Денисенко, Елена Сергеевна (р. 1863)—племянница Толстого, дочь его сестры М. Н. Толстой.—321.

Джордж, Генри (George, Henri; 1839—1897)—американский писатель-социолог, развивавший идею национализации земли посредством единого земельного налога.—333, 347.

— «Общественные задачи» («Social Problems»)—книга, опубликованная в 1884 г. в Америке, переведенная на русский язык С. Д. Николаевым и изданная «Посредником» с предисловием Толстого в 1907 г.—347, 453.

Дима—см. Чертков, Владимир Владимирович.

Дитерихс, Анна Константиновна—см. Черткова, Анна Константиновна.

«Дон-Кихот»—см. Сервантес, Мигуель.

Досев, Христо Федосеевич (1887—1919)—болгарин, единомышленник Толстого.—426, 427, 457.

Дрентельн, Елизавета Сергеевна—врач.—153.

— «О беременности, родах и уходе за родильницей и новорожденным». Изд. «Посредник», М. 1888.—153.

Дрожжин, Евдоким Никитич (1866—1894)—сын крестьянина, народный учитель, отбывавший заключение в дисциплинарном батальоне за отказ от военной службы.—200—203, 207, 225, 231.

Дюма (сын), Александр (Dumas-fils; 1824—1895)—французский писатель.—216.

«Евангелие».—11, 23, 36, 37, 51, 145.

«Евангелие от Иоанна».—158.

Еврейский сборник—см. «Гилф».

Екатерина II (1729—1796)—российская императрица в 1762—1796 гг.—365.

«Жизнь Сократа»—см. Калмыкова, А. М., «Греческий учитель Сократ».

Жилин—действующее лицо в повести Толстого «Кавказский пленник».—111.

Журавов, Иван Герасимович (р. 1862—ум. в середине 90-х годов)—крестьянский писатель.—137.

—«Раздел». Рассказ, изд. «Посредник», М. 1887.—137.

«Заднепровская ведьма или свадьба на Лысой горе»—лубочная книжка.—101.

Златовратский, Николай Николаевич (1845—1911)—писатель.—99.

Золя, Эмиль (Zola; 1840—1902)—франц. писатель—216.

Иван IV Грозный (1530—1584)—царь с 1533 г.—365.

Изюмченко, Николай Трофимович (1867—1927)—крестьянин Курской губ., отбывавший заключение в дисциплинарном батальоне за отказ от военной службы.—231.

Иконников, Антон Иванович (р. 1883)—отказывавшийся от военной службы в 1904 и повторно в 1905 и 1907 гг., за что отбывал заключение в дисциплинарном батальоне и затем в арестантских ротах.—367.

«Календарь для каждого». Под ред. А. С. Зонова, изд. «Посредник», М. 1909.—374.

«Календарь с пословицами» на 1887 г., Спб. 1887.—144.

Калмыкова, Александра Михайловна, урожд. Чернова (1849—1926)—общественная деятельница, автор и издательница народных книг, принимавшая деятельное участие в издании марксистских журналов во второй половине 90-х годов.—122, 126, 135.

— «Греческий учитель Сократ». Изд. «Посредник», М. 1886.—122.

Касатский-Ростовцев, князь—действующее лицо повести Толстого «Отец Сергий».—164.

«Каталог изданий Владимира Черткова». Purleigh 1898.—253, 448.

Катехизис Баллу—см. Баллу, Адин, «Катехизис непротивления».

Катя—см. Дегтярева, Екатерина Васильевна.

Кенворти, Джон (Kenworthy)—английский писатель, бывший пастор, во многом разделявший взгляды Толстого .—227, 228, 251, 254—256, 261, 267.

— «Анатомия нищеты» («The anatomy of Misery»).—227, 228, 242.

Кившенко, Надежда Даниловна—народная учительница.—189, 445.

«Книжки Недели»—ежемесячный литературный журнал; выходил в виде приложений к газете «Неделя» с 1878 г.—134.

Кожухов, Евгений Алексеевич (1821—1895)—председатель Петербургского цензурного комитета и член совета Главного управления по делам печати.—138, 139.

Короленко, Владимир Галактионович (1853—1921)—писатель.—103.

Крамской, Иван Николаевич (1837—1887)—худ. знакомый Толстого и Черткова.—4, 105, 106, 108, 442.

Кропоткин, Петр Алексеевич, князь (1842—1921)—революционер, писатель и ученый, теоретик анархизма.—252, 253, 284, 287, 306, 448, 450.

— «Записки революционера». Лондон 1902.—316.

Кросби, Эрнест (Crosby; 1856—1907)—американский писатель и общественный деятель, единомышленник Толстого, автор ряда статей и книг о Толстом.—338, 361.

Кузминская, Татьяна Андреевна, урожд. Берс (1846—1925)—младшая сестра Софьи Андреевны Толстой.—11, 75, 76, 133, 213, 214, 229, 230, 239, 247, 248, 303, 350, 355, 356, 363, 376, 403, 409, 414, 437, 440, 442, 443, 446—448, 450, 453.

Кутузов, граф—см. Голенищев-Кутузов, граф.

Ла Боэти, Этьен (La Boëtie; 1530—1563)—французский писатель и философ-моралист.—406.

Ла Рошфуко, Франсуа, герцог (La Rochefoucauld; 1613—1680)—французский писатель, философ-моралист.—406.

Лао-тзе (Лао-дзе, Лао-тзы, Лао-си)—китайский философ, живший в VI веке до н. э.—390.

— «Изречения китайского мудреца Лао-дзе, избранные Л. Н. Толстым». Изд. «Посредник», М. 1910.—390, 455.

«Лев Толстой и В. В. Стасов». Переписка. Изд. «Academia» 1929.—437.

«Лев Толстой и русские цари». Изд. кн-в «Свобода» и «Единение», М. 1919.—446.

Левашев, Николай Васильевич (1827—1888)—генерал-адъютант.—56.

Левин, Константин Дмитриевич—действующее лицо в романе «Анна Каренина».—12.

Лесков, Николай Семенович (1831—1895)—писатель.—103.

— «Сказание о Федоре-христианине и друге его Абраме-жидовине». Напечатано впервые в журнале «Русская мысль» 1886, № 12.—143.

— «Христос в гостях у мужика». Изд. «Посредник». М. 1885.—104.

Лессинг, Готтольд Эфраим (Lessing; 1729—1784)—немецкий писатель.—138.

— «Натан Мудрый»—драма, перевод Н. Н. Вейнберга, изд. «Посредник. М. 1887.—138.

«Летучие листки»—издание «Фонда вольной русской прессы», выходившее в Лондоне в 1893—1899 гг. (всего вышло 46 номеров) под ред. Ф. В. Волховского и С. М. Кравчинского.—252.

Лизавета Ивановна—см. Черткова, Елиз. Ив.

«Листки свободного слова»—повременное издание под ред. В. Черткова, издававшееся в Англии в 1898—1902 гг. (всего вышло 25 номеров).—254, 283—288, 449.

Магомет (ок. 571—632)—основатель мусульманской религии.—390.

— «Изречения Магомета, не вошедшие в Коран, избранные Толстым». Перевод с английского С. Николаева: изд. «Посредник», М. 1910.—390, 455.

Маковицкий, Душан Петрович (1866—1921)—врач, словак по национальности, единомышленник Толстого; в 1904—1910 гг.—домашний врач Толстого.—284, 390, 391, 408, 431, 432.

Маковкина—действующее лицо в повести Толстого «Отец Сергий».—165.

Максимов, Василий Максимович (1844—1911)—художник, член Товарищества передвижных выставок.—191.

— «Семейный раздел в крестьянском быту»—картина, написанная в 1876 г. и находящаяся в Государственной Третьяковской галлерее.—191.

Маликов, Александр Капитонович (1849—1904)—участник рев. движения 60-х и 70-х годов.—17.

Мальцев, Николай Сергеевич—товарищ В. Г. Черткова.—438.

Мальцев, Сергей Иванович (1810—1893)—генерал-майор в отставке, собственник чугунолитейных и стеклянных заводов, крупный землевладелец.—21.

Маракуев, Владимир Николаевич—книгоиздатель, выпускавший в 80-х годах народные издания под фирмой «Народная библиотека».—74, 99.

Марья Александровна—см. Шмидт, Мария Александровна.

Мария Васильевна—см. Сяськова, Мария Васильевна.

Мария Павловна, великая княгиня, урожд. принцесса Мекленбург-Шверинская (р. 1854).—56.

Мария Федоровна (1847—1928)—императрица, жена Александра III.—56.

Марк Аврелий—см. Антонин, Марк Аврелий.

Маркс, Адольф Федорович (1838—1904)—издатель еженедельного иллюстрированного журнала «Нива», книгоиздатель.—278—281, 311.

«Материалы к истории и изучению русского сектантства»—серия изданий, выпускавшихся кн-вом «Свободное слово».—307.

«Международный посредник» — обозначение издательства, которое, по мысли Толстого и Черткова, должно было бы за границей вести такую же работу, какую вело в России издательство «Посредник».—254, 255, 260.

Михаил Николаевич, великий князь (1832—1909)—сын Николая I, председатель Государственного совета в 1886—1905 гг.—56.

Моисей—по библейским преданиям, вождь и законодатель еврейского народа.—158.

Монтэнь, Мишель (Montaigne; 1533—1592)—французский писатель и философ.—406.

Мод, Алексей Францевич (Maude, Aylmer; p. 1858)—знакомый Толстого и его семьи, сочувствовавший некоторым взглядам Толстого, переводчик его сочинений

на английский язык и автор его биографии, выдержавшей в Англии ряд изданий.—261—263.

Мопассан, де, Гюи (de Maupassant; 1850—1893)—французский писатель.—216.

Морозова, Анна Григорьевна (р. 1869)—сперва домашняя работница у Чертковых, затем экономка, ведавшая их домашним хозяйством в течение многих лет.—241, 242.

Муравьев, Никита Михайлович (1796—1845)—декабрист, один из руководителей Северного общества.—27.

Муравьев, Николай Валерьянович (1850—1908)—с 1894 по 1905 г. министр юстиции, затем русский посол в Италии.—229, 230.

Муравьев, Николай Константинович (р. 1871)—присяжный поверенный, в царское время многократно выступавший защитником в политических процессах, председатель Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г.—393, 394.

Нечаев, Сергей Геннадиевич (1848—1882)—деятель революционного движения 60-х годов.—23.

«*Нива*»—ежемесячный иллюстрированный журнал, издававшийся А. Ф. Марксом и его наследниками в Петербурге с 1869 по 1917 г.—134, 278—280, 282.

Никита—действующее лицо в драме Толстого «Власть тьмы».—142.

Никитин, Дмитрий Васильевич (р. 1874)—врач.—414.

Николаев—условная подпись Толстого под телеграммами после ухода из Ясной Поляны в 1910 г.—432, 433.

Николаев, Сергей Дмитриевич (1861—1921)—переводчик сочинений Генри Джорджа, сторонник его учения, сотрудник кн-ва «Посредник». —453, 455.

Николай I (1796—1855)—российский император с 1825 по 1855 г.—27, 321, 322.

Николай II (1868—1918)—российский император с 1894 по 1917 г.—41, 294, 333, 365, 450.

Николай Михайлович, великий князь (1859—1918)—сын вел. кн. Михаила Николаевича.—56.

«*Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей*». Сборник, Москва . 1911.—421.

Ницше (Nietzsche; 1844—1900)—немецкий философ.—349.

«*Новая Русь*»—газета.—455.

Новоселов, Михаил Александрович (р. 1864)—во второй половине 80-х и в начале 90-х годов сочувствовавший взглядам Толстого, впоследствии издатель православной «Религиозно-философской библиотеки».—180.

«*Новый и полный оракул*, весьма удачно предсказывающий будущее по предложенным вопросам, составленный по запискам знаменитых астрологов»—лубочная книжка.—101.

Нортхемптон, лорд (Lord of Northampton)—знакомый В. Г. Черткова.—42.

«*О Финляндии*»—см. «Финляндский разгром».

Оболенские, князья—знакомые Толстых.—75.

Оболенский, Леонид Егорович (1845—1906)—писатель, издатель журнала «Русское богатство» в 1883—1891 гг.—111.

Оболенский, Николай Леонидович, князь (р. 1872)—сын племянницы Толстого Е. В. Оболенской, муж М. Л. Толстой.—111, 246, 250, 296, 297, 307, 308, 346, 450.

«*Обращение Черткова, Бирюкова и Трегубова о помощи духоборцам*»—см. «Помогите».

Олсуфьев, Дмитрий Адамович, граф (р. 1862)—сын близких знакомых семьи Толстых, гр. А. В. и А. М. Олсуфьевых, член Государственного совета.—365.

Ольга Федоровна, великая княгиня—жена вел. кн. Михаила Николаевича.—56.

Ольховик, Петр Васильевич (р. 1874 г.), крестьянин, отказавшийся в 1895 г. от несения военной службы, приговоренный к заключению в дисциплинарном батальоне на 3 года, а затем сосланный в Якутскую область. В 1905 году эмигрировал и поселился в Калифорнии.

Орлов, Владимир Федорович (1843—1898)—участник революционного движения 60-х годов; в 80-х годах учитель железнодорожной школы.—23, 24.

Орлов-Давыдов, Андрей Владимирович, граф (1830—1905)—управляющий Московской дворцовой конторой.—75.

«Отчет книгоиздательства «Свободного слова» В. и А. Чертковых за период 1897—1900 гг.». Chrischurch 1901.—449.

«Отчет книгоиздательства «Свободное слово» В. и А. Чертковых за 1901 г.», изд. «Свободного слова», Chrischurch 1902.—449.

Павел, апостол—деятель раннего христианства; согласно христианскому преданию, автор ряда посланий к единоверцам.—110.

Памфилий—действующее лицо в повести Толстого «Ходите в свете, пока есть свет».—148.

Панина, Наталья Павловна, графиня—статс-дама.—42.

Панина, Софья Владимировна, графиня—либеральная общественная деятельница, товарищ министра народного образования, затем общественного призрения при временном правительстве.—295, 296.

Паскаль, Блез (Pascal; 1623—1662)—французский мыслитель, математик и физик. Толстой высоко ценил книгу «Мысли Паскаля», которая сохранилась в яснополянской библиотеке в издании «Pens es de Pascal, precedées de sa vie par m-me Perier, sa soeur». Paris 1850.—332.

Паскевич, Ирина Ивановна, княгиня (1835—1919), сестра гр. И. И. Воронцова-Дашкова—142.

Пашков, Василий Александрович (1831—1902)—крупный землевладелец, бывший полковник гвардии. С 1874 г. под влиянием проповедника лорда Редстока начал среди аристократических кругов энергичную проповедь евангелического христианского учения. С именем Пашкова связывалось также сектантское движение, получившее некоторое распространение в крестьянской среде. Попытки вести пропаганду евангелических идей среди рабочих не имели успеха, и созданный с этой целью журнал «Русский рабочий» влачил жалкое существование. В 1884 г. Пашков был выслан из России без права возвращения. Пашков был женат на тетке В. Г. Черткова, Александре Ивановне, урожд. графине Чернышевой-Кругликовой.—36, 149.

Пашковы—семья В. А. Пашкова.—149, 386.

Пеллико, Сильвио (Pellico; 1789—1854)—итальянский писатель и революционер. Его записки «Мои тем-

ницы», опубликованные в 1[illegible]32 г., переведены на многие языки.—138.

«Переписка Л. Н. Толстого с графиней А. А. Толстой». Изд. Общества Толстовского музея. Спб. 1911.—437.

Петр I (1672—1725)—российский император—97.

«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым». Изд. Общества Толстовского музея, Спб. 1914.—437, 438, 444.

Писарев, Рафаил Алексеевич (1850—1906)—видный земский деятель, помещик Епифанского уезда, Тульской губернии.—40, 41, 45, 48, 49, 53, 54, 62, 64, 70, 439.

«Письма гр. Л. Н. Толстого к жене». Изд. 2-е, М. 1915.—437, 442, 446, 448, 456.

«Письма Л. Н. Толстого 1848—1910 гг.», собранные и редактированные П. А. Сергеенко. Т. I, Москва 1910; т. II. М. 1911.—401, 438.

Плутарх (ок. 50—120 н. э.)—греческий писатель, автор нравоучительных философских сочинений, составитель биографий выдающихся греческих и римских государственных и общественных деятелей.—138.

Победоносцев, Константин Петрович (1827—1906)—в 1880—1905 гг. обер-прокурор синода; имея исключительное влияние на Александра III, являлся вдохновителем реакционной политики правительства в его царствование.—206, 230, 239.

«Повесть о приключениях английского милорда Георга и о бранденбургской марк-графине Фредерике-Луизе с присовокуплением истории бывшего визиря Марцимириса и сардинской королевы Терезии»—лубочная книжка.—100, 102.

«Поджигатель», см. Толстой, «Упустишь огонь, не потушишь».

Познышев—действующее лицо в повести Толстого «Крейцерова соната».—399.

Поленц, Вильгельм (Polenz; 1861—1903)—немецкий писатель.—297.

— «Der Büttnerbauer»—роман, впервые напечатанный в 1895 г.—297.

— «Der Grabenhäger»—роман, впервые напечатанный в 1897 г.—297.

«Помогите!»—Обращение к обществу по поводу гонений на кавказских духоборов. Составлено П. Бирю-

ковым, П. Трегубовым и В. Чертковым. С послесловием Л. Н. Толстого. Изд. В. Г. Черткова, Лондон 1897.—236, 243, 447.

Попов, Евгений Иванович (р. 1864)—в конце 80-х и в 90-х годах—единомышленник Толстого, участник интеллигентских земледельческих общин.—200, 203, 225, 231.

— «Жизнь и смерть Е. П. Дрожжина». Изд. Готгеймера, Берлин 1895.—203, 225, 446.

«Посредник»—книгоиздательство и книжный склад.—107, 108, 111, 117—120, 122, 123, 127, 131, 137, 138, 140, 148, 153, 179, 191—199, 374.

Потехин, Алексей Антипович (1829—1908)—писатель.—138.

— «На миру»—повесть, впервые напечатанная в журнале «Вестник Европы» 1877 г., № 4—5.—138.

— «Хворая»—повесть, впервые напечатанная в журнале «Вестник Европы» 1876 г., № 2—3. Отдельно издана книгоиздательством «Посредник» в 1887 г.—138.

Поша—см. Бирюков, Павел Иванович.

Провозглашение Гаррисона—см. Гаррисон, В. Л., «Декларация основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира».

«Просвещение», книгоиздательство.—426.

Пругавин, Александр Степанович (1850—1920)—писатель и общественный деятель, исследователь русского сектантства.—99.

Райт, Чарльз (Wright; р. 1862)—доктор прав. С 1893 г. библиотекарь и секретарь, затем директор Лондонской библиотеки, автор ряда статей о Толстом и переводчик его произведений на английский язык, лично знакомый с Толстым с 1908 г.—389.

Редсток, Гренвиль (Radstock; 1831—1913)—лорд, отставной подполковник индийской службы, проповедывавший преимущественно в великосветских кругах евангелическое христианство.—37.

Репин, Илья Ефимович (1844—1930)—художник. Познакомившись с Толстым в 1880 г., неоднократно

гостил у него в Ясной Поляне, написал ряд портретов Толстого и членов его семьи.—6, 120, 128, 185, 364, 442.

Рёскин, Джон (Ruskin; 1819—1900)—писатель.—122.

Рихтер, Оттон Борисович (1830—1908)—генерал-адъютант, член Государственного совета, заведующий делами «комиссии по принятию прошений и жалоб, приносимых на высочайшее имя» в 1885—1897 гг.—202, 205.

Россолимо, Григорий Иванович (1860—1928)—с 1889 по 1911 г.—приват-доцент, с 1917 по 1928 г.—профессор Московского университета по кафедре нервных болезней.—414.

Ростовцев, Николай Дмитриевич (1845—1921)—мелкий землевладелец Острогожского уезда Воронежской губернии, местный земский деятель, сблизившийся с Чертковым в начале 80-х годов и неоднократно помогавший ему в его попытках улучшить положение местных крестьян и в некоторых практических делах.—189.

Русанов, Гавриил Андреевич (1844—1907)—единомышленник и знакомый Толстого, бывший член окружного суда.—64.

— «Воспоминания». Толстовский ежегодник на 1912 г.». М. 1913.—440.

«*Русская мысль*»—ежемесячный либеральный журнал, издававшийся в Москве в 1880—1918 гг.—113, 337.

«*Русские ведомости*»—либеральная газета, издававшаяся в Москве в 1863—1918 гг.—376, 402, 455.

«*Русский рабочий*»—ежемесячный журнал евангелического направления, основанный в 1875 г. М. Г. Нейкер и закрытый администрацией в 1885 г.—116.

«*Русское богатство*»—ежемесячный журнал, издававшийся в Петербурге в 1876—1918 гг., с 1892 г. выходил при ближайшем участии Н. К. Михайловского и В. Г. Короленко и других представителей народничества.—111, 113, 134.

«*Русское слово*»—газета, издававшаяся И. Д. Сытиным в Москве в 1895—1918 гг.—453.

Руссо, Жан-Жак (Rousseau; 1712—1778)—французский писатель.—138.

Савихин, Василий Иванович (подлинная фамилия его Иванов)—рабочий монетного двора в Петербурге,

автор нескольких рассказов из крестьянской жизни.—111. 137.

Самарины—старинная московская дворянская семья, владевшая крупными поместьями, известная своими славянофильскими и консервативными традициями. Из семьи Самариных Толстые несколько ближе других знали Петра Федоровича и Дмитрия Федоровича, дочь которого была подругой Т. Л. Толстой.—75.

«*Сапожник*»—см. Толстой, Л. Н., «Где любовь, там и бог».

Светлогуб—действующее лицо в повести Толстого «Божеское и человеческое».—340.

Свифт, Джонатан (Swift; 1667—1745)—английский сатирик и политический деятель—138.

—«Путешествия по различным отдаленным народам мира Лемюэля Гулливера».—138.

Свияжский, Николай Иванович—действующее лицо в романе Толстого «Анна Каренина».—12.

«*Свободная мысль*»—журнал, издававшийся П. И. Бирюковым в Швейцарии в 1899—1901 гг.—283.

«*Свободное слово*»—издательство В. Г. и А. К. Чертковых.—290, 306, 307, 321, 365.

«*Свободное слово*»—периодическое издание, выходившее под редакцией В. Г. Черткова в Англии (Christchurch) в 1901—1905 гг.; вышло 18 номеров.—254, 287, 305. 451.

«*Свободное слово*»—сборник, издававшийся В. Г. Чертковым под редакцией П. И. Бирюкова; вышло два номера: № 1, Purleigh 1898, и № 2, Purleigh 1899.—283, 287.

«*Свод мыслей Л. Н. Толстого* или полное собрание мыслей Толстого». Хранится в рукописном виде (около 25 000 карточек) в ГТМ.—169, 288, 328, 331, 368.

«*Сельский вестник*»—еженедельная газета, предназначавшаяся для волостных правлений, издававшаяся при «Правительственном вестнике» с сентября 1881 г.—106.

Семенов, Сергей Терентьевич (1868—1922)—крестьянский писатель.—137.

— «Два брата». Рассказ. Изд. «Посредник», М. 1887.—137.

Сервантес, Мигуель (Cervantes; 1547—1616)—испанский писатель.

— «Дон Кихот Ламанческий»—роман в двух частях, первая часть которого появилась в 1604 г. и вскоре же была переведена на многие языки.—138.

Сергеенко, Петр Алексеевич (1854—1930)—писатель.—401.

Сергий—иеромонах, действующее лицо в повести Толстого «Отец Сергий».—164—166.

Сидорков, Илья Васильевич (р. 1858)—слуга в доме Толстых с 1893 г.—390. 391.

«Сказка о славном и сильном богатыре Бове-Королевиче и о прекрасной его супруге Дружевне»—лубочная книжка.—101.

«Сказка о четырех братьях»—революционная народовольческая брошюра, составленная Л. Тихомировым.—201.

Снегирев, Владимир Федорович (1847—1916)—врач-гинеколог, с 1884 г.—приват-доцент, с 1897 г.—профессор Московского университета.—347.

Сократ (469—399 до н. э.)—греческий философ.—122.

Стасов, Владимир Васильевич (1824—1906)—музыкальный и художественный критик, библиотекарь Публичной библиотеки в Петербурге.—13.

Стебут, Иван Александрович (1833—1923)—агроном, профессор Петровской сельскохозяйственной академии, учредитель первых женских высших сельскохозяйственных курсов.—70.

Столыпин, Петр Аркадьевич (1862—1911)—в 1906—1911 гг. министр внутренних дел и председатель совета министров; один из крупнейших представителей правительственной реакции после революции 1905 г.—380.

Страхов, Николай Николаевич (1828—1896)—публицист, литературный критик и автор ряда статей и книг по вопросам философии, выступал противником материализма.—11, 14—16, 166, 221, 311, 437, 438.

Страхов, Федор Алексеевич (1861—1923)—единомышленник Толстого, автор статей и книг по вопросам философии.—368, 394, 444.

«Стрелочник»—см. Гаршин, В. М., «Сторож будки».

«Студенческое движение 1899 года»—сборник под ре-

дакцией А. и В. Чертковых, изд. «Свободного слова», Purleigh 1899.—449.

Сухотин, Михаил Сергеевич (1850—1914)—муж Т. Л. Толстой, землевладелец, член первой Государственной думы.—246, 384, 405, 425.

Сухотины, Михаил Сергеевич и Татьяна Львовна. —406, 407, 425

Сытин, Иван Дмитриевич (р. 1851)—издатель и книгопродавец. В начале своей деятельности мелкий издатель лубочной литературы. Перед революцией—председатель правления крупнейшего акционерного издательства, издававшего газету «Русское слово» и ряд других периодических изданий, владевшего сетью книжных магазинов и мощной типографией.—102—104, 127, 130, 138, 148, 349, 368, 381—383, 390, 396, 453, 454, 455.

— «Из пережитого». «Полвека для книги». Литературно-художественный сборник, посвященный пятидесятилетию издательской деятельности И. Д. Сытина. М. 1916.—441.

Сютаев, Василий Кириллович (1819—1892)—крестьянин Тверской губернии, сектант.—21—23, 438.

Сяськова, Марья Васильевна—переписчица, работавшая в издательстве «Посредник».—248.

Тепловы—знакомые семьи Толстых.—75.

Тимофей—крестьянин деревни Ясная Поляна.—92.

Толстая, Александра Андреевна, графиня (1817—1904)—двоюродная тетка Толстого, фрейлина при дворе Николая I и Александра II, статс-дама при дворе императрицы Марии Федоровны. Познакомившись с Толстым в 1855 г., в течение многих лет принадлежала к числу его друзей, хотя перелом во взглядах Толстого отразился на их отношениях.—10, 437.

Толстая, Александра Львовна (р. 1884)—дочь Л. Н. Толстого.—246, 296, 302, 307, 346, 383, 387, 389, 391, 393, 408, 412, 413, 425, 428, 429, 431—433.

Толстая, Мария Львовна (1871—1906)—дочь Л. Н. Толстого, с 1897 г. была замужем за кн. Н. Л. Оболенским.—3, 8, 149, 171—173, 175, 176, 181, 209, 211, 220, 243, 245—247, 248, 258, 280, 296, 307, 311, 346, 348—351, 353, 358, 444, 446—451, 453, 454.

Толстая, Мария Николаевна (1830—1912)—сестра

Л. Н. Толстого, была замужем за своим троюродным братом, гр. Валерьяном Петровичем Толстым, с которым разошлась в 1857 г. В 80-х годах поселилась при женском монастыре близ деревни Шамардино, Калужской губернии, где и приняла затем монашество.—432.

Толстая, Ольга Константиновна, урожд. Дитерихс (р. 1872)—сестра А. К. Чертковой, с 1899 г.—жена Андрея Львовича Толстого.—296, 297, 304, 450.

Толстая, Софья Андреевна, урожд. Берс (1844—1919)—с 1864 г. жена Л. Н. Толстого.—7—9, 11—13, 17—21, 75, 76, 119, 126, 127, 133, 174, 179, 181, 211, 213—215, 220, 221, 229, 230, 239, 246—250, 259, 263, 293, 296, 301—304, 311, 312, 335, 336, 346—348, 350, 355, 356, 358, 359, 363, 364, 374, 376, 387, 389, 391—394, 403, 406—416, 418—422, 424—428, 431, 432, 437, 440, 442, 443, 446—448, 450, 452, 453, 456, 457.

— «Дневники». Ч. II, изд. М. и С. Сабашниковых. М. 1929.—438.

— «Дневники». Ч. III, изд. «Север», М. 1932.—451.

— «Краткая автобиография». Сборник «Начала», Петроград 1921, № 1.—12, 437.

Толстая, Татьяна Львовна (р. 1864)—дочь Л. Н. Толстого; с 1895 г. была замужем за М. С. Сухотиным.—8, 75, 171, 246, 248, 249, 346, 358, 384, 385, 405, 419, 424, 425, 454.

— «Друзья и гости Ясной Поляны». М. 1923.—438.

«*Толстовский ежегодник на 1912 год*». Издание Общества Толстовского музея, Москва 1913.—447.

«*Толстовский ежегодник на 1913 год*». Издание Общества Толстовского музея, II. 1914.—438, 455, 456.

Толстой, Алеша (1881—1886) сын Л. Н. Толстого.—8.

Толстой, Андрей Львович (1887—1916)—сын Л. Н. Толстого.—296, 375.

Толстой, Ванечка (1888—1895)—младший сын Л. Н. Толстого.—181, 214, 219, 220.

Толстой, Илья Львович (1866—1933)—сын Л. Н. Толстого; автор воспоминаний о Толстом—«Мои воспоминания».—149, 181, 358.

— «Кто виновник»—статья, напечатанная в газ. «Русское слово» 1910, № 269.—453,

Толстой, Лев Львович (р. 1869)—сын Л. Н. Толстого; автор ряда повестей и рассказов, не имевших успеха.—210, 211.

Толстой, Лев Николаевич (1828—1910).

— «Азбука», первое издание, С. Петербург 1872.—92.

— «Азбука», изд. «Посредник»—см. «Новая краткая азбука».

— «Анна Каренина»—роман, начатый печатаньем в журнале «Русский вестник» в 1875 г.; отдельное издание, М. 1878.—5, 12.

— «Ассирийский царь Ассархадон»—сказка, впервые напечатанная в сборнике «Гилф», изд. «Volksbildung», Варшава 1903.—322, 451.

— «Бог правду видит, да не скоро скажет»—рассказ, впервые напечатанный в журнале «Беседа» 1872, № 3. В изд. «Посредник» напечатан в 1885 г.—104, 111.

— «Божеское и человеческое»—рассказ, впервые напечатанный в сборнике «Круг чтения», М. 1906.—338—341, 349, 453.

— «В чем моя вера». Впервые напечатана в количестве 50 экз. М. Типолитография И. Н. Кушнерева и К°, 1884.—21, 68, 74, 76, 84, 95, 110, 341.

— «В чем моя вера», перевод на английский язык—см. Tolstoy, L., «Christ's Christianity».

— «Великий грех»—статья, впервые напечатанная в журнале «Русская мысль» 1905, № 7.—337, 338.

— «Великий грех»—английский перевод—см. Tolstoy, L., «A great iniquity».

— «Власть тьмы, или коготок увяз—всей птичке пропасть»—драма, впервые напечатанная в издании «Сочинения графа Л. Н. Толстого», М. 1886. В изд. «Посредник» напечатана в Москве в 1887 г.—141—144.

— «Воззвание о помощи духоборам»—см. Письмо к обществу о помощи духоборам.

— «Война и мир»—роман, начаты печа-

таньем в журнале «Русский вестник» 1865 Отдельное издание, М. 1868—1869.—5.

— «Воскресение».—Роман, впервые напечатанный в журнале «Нива» 1899. Отдельное издание Владимира Черткова, Purleigh 1899.—223, 270, 272—282, 290.

— «Воспоминания детства»—впервые напечатано в книге П. И. Бирюкова «Биография Л. Н. Толстого», т. I, М. 1906.—316, 318, 322, 347, 451.

— «Где любовь, там и бог»—рассказ, впервые напечатанный изд-вом «Посредник», М. 1885.—116, 120.

— «Два старика». Изд. «Посредник», М. 1886.—121, 134.

— «Две войны». «Листки Свободного слова» 1898, № 1.—283.

— «Детская мудрость». «Посмертные художественные произведения», изд. гр. Ал. Л. Толстой, М. 1911, т. II.—397.

— «Детство и отрочество»—повесть, впервые напечатанная под заглавием «История моего детства» в журнале «Современник» 1852, т. XXXV.—78, 149.

— «Для души». Изречения мыслителей разных стран и разных веков. Изд. «Посредник», М. 1910.—390, 455.

— «Для чего люди одурманиваются?». Предисловие к книге д-ра Н. С. Алексеева «О пьянстве». Издание редакции журнала «Русская мысль». М. 1891.—165.

— «Дневники».—4, 9, 12, 75, 77, 79, 80, 89, 92, 154, 163, 164, 170, 173—176, 177—179, 181, 215—218, 221, 222, 233, 238, 247, 259, 277, 301, 312, 318, 323, 328, 330, 335, 346, 348, 351, 353, 354, 363, 371, 383, 387, 392, 400, 404, 405, 407, 409, 411—416, 420, 422, 425, 427, 428, 431, 437, 440, 441, 444—450, 452—457.

— «Дневники» 1895—1899 гг., под ред. В. Г. Черткова, М. 1916.—451.

— «Дочь и отец»—см. «После бала».

— «Дьявол»—рассказ, впервые напечатан-

ный в издании «Посмертные художественные произведения», изд. гр. А. Л. Толстой, М. 1911, т. I.—272.

— «Единая заповедь»—статья, впервые напечатанная в «Юбилейном сборнике Литературного фонда (1859—1909)», Спб. 1909.—383—386, 388.

— «Единое на потребу». Christchurch 1905.—331, 365.

— «Единое на потребу»—английский перевод. См. Tolstoy, L., «The one thing is needful».

— «Единственное средство»—статья, впервые напечатанная в журнале «Листки Свободного слова» 1901, № 24.—293.

— «Закон насилия и закон любви». Изд. Свободного слова», Christchurch 1909.—369.

— «Ильяс (текст к картине)». М. 1886.—120.

— «Иртенев» см. «Дьявол».

— «Исповедь»—первое издание с подзаголовком: «Вступление к ненапечатанному сочинению», M. Elpidine, Genève 1884.—121, 437.

— «Исповедь», английский перевод—см. Tolstoy, L. «Christ's Christianity».

— «К духовенству». См. «Обращение к духовенству».—315.

— «К политическим деятелям». Изд. «Свободного слова», Christchurch 1903.—320, 321.

— «К рабочему народу». Изд. «Свободного слова», Christchurch 1902.—312, 313, 315.

— «Кавказский пленник»—рассказ, впервые напечатанный в журнале «Заря» 1872, № 2. В изд. «Посредник» напечатан в марте 1885 г.—111, 315.

— «Книги для чтения» («Первая русская книга для чтения», Спб. 1874; «Вторая русская книга для чтения», Спб. 1874; «Третья русская книга для чтения», Спб. 1874; «Четвертая русская книга для чтения», Спб. 1874.—92.

— «Конец века» (О предстоящем перевороте). Изд. «Свободного слова», Christchurch 1905.—343, 344.

— «Краткое изложение Евангелия». M. Elpidine, Genève 1890—95, 121.

— «Краткое изложение Евангелия». «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных русской цензурой», изд. «Свободного слова», Christchurch 1905.—323.

—«Краткое изложение Евангелия», английский перевод. См. Tolstoy, L. «Christ's Christianity».

— «Крейцерова соната». Собрание сочинений, часть XIII. Произведения последних годов, изд. С. А. Толстой, М. 1890.—152, 159, 162, 163, 399.

— «Крестник»—рассказ, впервые напечатанный с подзаголовком «Народное сказание» в журнале «Книжки Недели» 1886, № 4.—134.

— «Круг чтения». Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении. Изд. «Посредник», тт. I и II.—123, 328, 330—332, 349, 353, 364, 368, 375, 376, 382, 384.

— «Ламенэ»—недельное чтение в книге «Круг чтения», т. II, вып. 2, М. 1906.—332.

— «Легенда о разрушении ада и восстановлении его»—см. «Разрушение ада и восстановление его».

— «Много ли человеку земли нужно»—сказка, впервые напечатанная в журнале «Русское богатство» 1886, № 4, стр. 177—191. «Посредником» была издана вместе с рассказом «Зерно с куриное яйцо» и «Как чертенок краюшку выкупал» в одной книжке под заглавием]. «Три сказки». М. 1886.—121, 134.

— «Мысли о боге» [Собранные В. Г. Чертковым]. Изд. «Свободного слова», Pulreigh 1900.—289.

— «На каждый день». Учение о жизни, изложенное в изречениях. Январь, февраль,

июнь, июль, август (пять выпусков).—Спб., 1909; сентябрь—Спб. 1910.—347, 353, 364, 368, 381—383, 390, 396, 402, 408, 455.

— «Неделание»—статья по поводу писем Э. Золя и А. Дюма, впервые напечатанная в журнале «Северный вестник» 1893, № 9.—216.

— «Неизбежный переворот»—статья, впервые напечатанная в газете «Русские ведомости» 1909, № 207.—377, 383, 388, 389.

— «Не могу молчать»—статья, напечатанная во многих газетах 3 июля 1908 г.—370—372, 375.

— «Новая краткая азбука». Изд. «Посредник», М. 1887.—140.

— «Новый круг чтения»—см. «На каждый день».

— «О воспитании и обучении. (Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Г. Чертковым) изд. «Свободного слова» Christchurch—1901.—289.

— «О Генри Джордже»—см. «Предисловие к книге Генри Джорджа».

— «О жизни». Изд. М. К. Элпидина. Genève 1891.—144, 150, 151, 161, 341, 386.

— «О значении русской революции». Изд, «Посредник», М. 1906.—346, 347, 453.

— «О ложной науке. Ответ крестьянину»—статья, полностью впервые напечатанная в газете «Киевские вести» 1909, № 300, № 301, № 302; с сокращениями напечатанная в газ. «Русские ведомости» 1909, № 258 от 10 ноября.—388, 402.

— «О науке»—см. «О ложной науке».

— «О переписи в Москве», М. 1882.—20.

— «О половом вопросе» (Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Чертковым). Изд. «Свободного слова», Christchurch 1901.—289.

— «О самоубийстве»—статья, напечатанная в газете «Русское слово» от 9 марта 1910 г.—406.

— «О смысле жизни» (Мысли Л. Н. Толсто-

го, собранные В. Чертковым). Изд. «Свободного слова», Christchurch 1901.—289.

— «О социализме»—неопубликованная рукопись.—422.

— «О Шекспире и о драме» (Критический очерк)—статьи, впервые напечатанная в газете «Русское слово» 1906, №№ 277—282 и № 285. Отдельное издание: «О Шекспире и о драме». Критический очерк. Изд. И. Д. Сытина, М. 1907.—322. 338. 348. 349. 453.

— «О Шекспире и о драме», английский перевод. См. Tolstoy, L., «On Shakespeare and the drame».

— «Об искусстве»—см. «Что такое искусство».

— «Об общественном движении в России»—статьи, впервые напечатанная в журнале «Свободное слово», Christchurch 1905, № 22.—331.

— «Обращение к духовенству»—впервые напечатано в книге «Л. Н. Толстой. 1. Восстановление ада. Легенда. 2. Обращение к духовенству». Изд. «Свободного слова», Christchurch 1903.—315.

— «Обращение к рабочему народу». См. «К рабочему народу».

— «Одумайтесь!». Изд. «Свободного слова», Christchurch 1904.—324—329.

— «Одумайтесь!»—английский перевод. См. Tolstoy, L., «Bethink yourselves».

— «Ответ на определение синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма». «Листки Свободного слова» 1901. № 22.—293.

— «Ответ на приглашение славянскому съезду в Софии от 20 июня 1910 г.». Полное собрание сочинений Толстого под ред. П. И. Бирюкова, т. XX.—408.

— «Ответ синоду»—см. «Ответ на определение синода от 20—22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма».

— «Отец Сергий»—повесть, впервые напе-

чатанная в издании «Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого» под ред. В. Черткова, изд. А. Л. Толстой, М. 1911.—164—166, 272, 273, 315.

— «От ней все качества»—пьеса, впервые напечатанная в издании «Посмертные художественные произведения», изд. А. Л. Толстой, М. 1911, т. I.—404, 406.

— «Паскаль»—недельное чтение в книге «Круг чтения», т. II, вып. 2.—332.

— «Первая ступень»—статья, впервые напечатанная в сборнике «Вопросы философии и психологии» 1892, № 13.—192.

— «Петр I»—Исторический роман, задуманный и начатый Толстым, но оставленный в стадии предварительных черновых набросков.—97.

— «Письмо к К. Я. Гроту» от 25 сентября 1910 г., напечатанное в сборнике: «Николай Яковлевич Грот в очерках, воспоминаниях и письмах товарищей и учеников, друзей и почитателей», Спб. 1911.—422, 423.

— «Письмо к духоборам, переселившимся в Канаду», от 15/27 февраля 1900 г., впервые напечатанное в журнале «Свободная мысль» 1900, № 9.—290.

— «Письмо к индусу Т. Дасу» от 14 декабря 1908 г., впервые напечатанное в Полном собрании сочинений Толстого под ред. П. И. Бирюкова, т. XX, стр. 240.—404, 456.

— «Письмо к китайцу», впервые напечатанное в книжке: «I. Л. Н. Толстой. Письмо к китайцу. II. Китайская мудрость. Мысли китайских мыслителей, собранные Л. Н. Толстым». Изд. «Посредник», М. 1907.—347, 453.

— «Письмо к обществу о помощи духоборам»—Сборник «Свободное слово» 1898, № 1.—271.

— «Письмо к редактору английской газеты», напечатанное в газете «Times» от 23 октября 1895 г. в виде предисловия к статье

П. И. Бирюкова о преследовании духоборов.—233.

— «Поджигатель»—см. «Упустишь огонь—не потушишь».

— «Поликушка»—повесть, впервые напечатанная в журнале «Русский вестник» 1863, т. XLIII, № 2.—138.

— «Полное собрание сочинений, запрещенных русской цензурой». Под ред. В. Черткова. Изд. «Свободного слова», Christchurch.—288, 306, 321, 323.

— Полное собрание сочинений. Под ред. П. И. Бирюкова, т. XV. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1912—1913.—437, 456.

— Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова. Юбилейное издание.—433.

— «После бала»—рассказ, впервые напечатанный в «Посмертных художественных произведениях», изд. А. Л. Толстой, М. 1911, т. I.—322, 452.

—«Послесловие к Крейцеровой сонате». Сочинения, т. XIII. Произведения последних годов. М. 1891.—159, 163, 164.

— «Послесловие к обращению к рабочему народу»—см. «К политическим деятелям».

— «Посмертные художественные произведения». Под ред. В. Г. Черткова. Изд. А. Л. Толстой, М. 1911.

— «Предисловие к биографии Гаррисона».—322.

— «Предисловие к книге Алексеева «О пьянстве».—см. «Для чего люди одурманиваются».

— «Предисловие» к книге Генри Джорджа «Общественные задачи». Перевод с английского С. Д. Николаева, изд. «Посредник», М. 1907.—333, 347, 348.

— «Предисловие» к книге Е. И. Попова «Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина (1866—1894)», изд. Готгеймера, Берлин 1895.—203.

— «Предисловие» к книге: «И. Хельчицкий, Сеть вере» («О великом борце за правду христову Петре Хельчицком»). Изд. «Посредник», М. 1905. Книжка была конфискована и переиздана в 1918 г. тем же издательством.—332.

— «Предисловие» к книге «Путь жизни» (Первоначальная версия). Сочинения Л. Н. Толстого», изд. С. А. Толстой, т. XVII, М. 1911.—406, 408.

— «Предисловие к «Краткому изложению Евангелия». «Полное собрание сочинений, запрещенных русской цензурой». Изд. «Свободного слова», Christchurch 1905.—95, 323, 324.

— «Предисловие к Ламене» см. «Ламене».

— «Предисловие к Паскалю» см. «Паскаль».

— «Предисловие» к сочинению Т. М. Бондарева «О хлебном труде». Впервые напечатано в «Полном собрании сочинений, запрещенных русской цензурой», изд. «Свободного слова», т. X, Christchurch 1904.—216.

— «Предисловие» к «Сочинениям Гюи де Мопассана», напечатано в книге Гюи де Мопассан, «Монт-Ориоль». Перевод с французского Л. И. Никифорова, изд. «Посредник», М. 1894. Английский перевод: «Tolstoy, L., Guy de Monpassant».—216.

— «Предисловие» к статье В. Черткова «Насильственная революция или христианское освобождение». Приложение к № 12 журнала «Свободное слово» и в книге В. Черткова «О революции», изд. «Свободного слова», Christchurch 1904.—320.

— «Предисловие» к статье Кросби—см. «О Шекспире и о драме».

— «Предисловие» к статье «Что такое искусство?», написанное для английского издания. «Свободное слово» 1898, № 1.—265.

— «Предисловие» к «Учению двенадцати апостолов», «Круг чтения», М. 1906, т. II, вып. 2.—332.

— «Проезжий и крестьянин»—впервые напечатано в газете «Утро России» от 10 мая 1917 г. под заглавием «Разговор крестьянина с проезжим»; в том же году отдельно издано «Посредником».—396, 397.

— «Путь жизни», вып. 1—30. Изд. «Посредник», М. 1911.—354, 403, 418, 422.

— «Рабство нашего времени». Изд. «Свободного слова», Christchurch 1900.—290, 291.

— «Разговор с прохожим»—впервые напечатано в «Юбилейном сборнике Литературного фонда (1859—1909)». Спб. 1909.—397.

— «Разрушение ада и восстановление его». Изд. «Свободное слово», Christchurch, 1903.—315, 316.

— «Сапожник»—см. «Где любовь, там и бог».

— «Свечка», или «Как добрый мужик пересилил злого прикащика»—впервые напечатано в журнале «Книжки Недели» 1886, № 1. Отдельное издание «Посредник», М. 1886.—121, 130.

— «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе, и о трех чертенятах». Впервые напечатана в «Сочинениях графа Л. Н. Толстого», т. XII, Москва 1886, и в том же году издана «Посредником».—121.

— «Сон»—заключение к очеркам «Три дня в деревне». Собрание сочинений Л. Н. Толстого, изд. 12, ч. XVI, 1911.—398—400.

— «Сочинения графа Л. Н. Толстого», изд. С. А. Толстой. 127, 247, 263, 303, 335, 359.

— Статья о Золя и Дюма—см. «Неделание».

— Статья о Мопассане, английский перевод В. Г. Черткова. См. Tolstoy, L., «Guy de Maupassant».

— «Суратская кофейная» (По Бернарден де Сен-Пьеру)—впервые напечатано в журнале «Северный вестник» 1893, № 1.—144,

— «Так что же нам делать?»—статья, впервые напечатанная М. Элпидиным, Женева 1889. «Полное собрание сочинений, запрещенных русской цензурой», изд. «Свободное слово», т. VIII, Christchurch 1902.—74, 112, 114, 115, 134, 341.

— «Так что же нам делать?», английский перевод. См. Tolstoy, L., «What to do?».

— «Три вопроса»—сказка, впервые напечатанная в сборнике «Гилф» в пользу евреев, пострадавших от Кишиневского погрома, изд. Volksbildung», Варшава 1903.—322, 451.

— «Три дня в деревне» (Первый день. Бродячие люди.—Второй день. Живущие и умирающие.—Третий день. Подати)—впервые напечатано в журнале «Вестник Европы» 1910, № 9, стр. 3—21.—398—400.

— «Три сказки для еврейского сборника»—см. «Ассирийский царь Ассархадон», «Три вопроса» и «Труд, смерть и болезнь».

— «Три старца». Народное сказание. Впервые напечатано в журнале «Нива» 1886, № 13.—134, 139.

— «Труд, смерть и болезнь»—легенда, предназначавшаяся первоначально для сборника в помощь евреям, пострадавшим от Кишиневского погрома—«Гилф», но вследствие цензурного запрещения напечатанная в приложении к журналу «Свободное слово», 1904, № 9.—322, 451.

— «Тулон»—см. «Христианство и патриотизм».

— «Упустишь огонь—не потушишь». Изд. «Посредник», М. 1885.—120.

— «Утро помещика» впервые напечатано в журнале «Отечественные записки» 1856, № 12—48.

— «Учение Христа, изложенное для детей», изд. «Посредник», М. 1908.—332.

— «Хаджи Мурат»—повесть, впервые напечатанная в «Посмертных художественных произведениях Льва Николаевича Толстого».

Под ред. В. Черткова, изд. А. Л. Толстой, т. III, М. 1912.—315, 316, 321, 322.

— «Ходите в свете, пока есть свет»—повесть из времен древних христиан. Впервые напечатана в книге: «Путь-дорога. Научно-литературный сборник в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся переселенцам». Издание К. М. Сибирякова, Спб. 1893.—144, 148.

— «Хозяин и работник»—рассказ, одновременно напечатанный в журнале «Северный вестник» 1895, № 3, в «Сочинениях гр. Л. Н. Толстого», изд. С. А. Толстой, М. 1895, и отдельно в издании «Посредник».—218.

— «Христианское учение». Purleigh 1898.—254—256.

— «Христианское учение», английский перевод. См. Tolstoy, L., «The Christian teaching».

— «Христианство и патриотизм», изд. М. К. Элпидина, Genève 1895.—207—210.

— «Христианство и патриотизм», английский перевод. См. Tolstoy, L., «Christianity and Patriotism».—215.

— «Царство божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание», ч. I—II. Изд. А. Дейбнера, Берлин 1893—1894.—166, 169, 170, 204, 207, 209, 253, 330, 341.

— «Чем люди живы»—рассказ, впервые напечатанный в журнале «Детский отдых» 1881, № 12. В изд. «Посредник» напечатан в 1885 г.—104, 111, 114.

— «Что нам делать?» —см. «Так что же нам делать?».

— «Что такое искусство?»—статья, впервые напечатанная в журнале «Вопросы философии и психологии» 1897, № 5, и 1898. Отдельное издание, «Посредник», М. 1898.—257—265.

— «Что такое искусство?», английский перевод. См. Tolstoy, L., «What is art?».

— «Что такое религия и в чем сущность ее?». Изд. «Свободного слова», Christchurch 1902.—295, 296.

Толстой, Михаил Львович (р. 1879)—сын Л. Н. Толстого.—375.

Толстой, Сергей Львович (р. 1863)—старший сын Л. Н. Толстого.—8, 411, 424.

Толстой, Сергей Николаевич (1826—1904)—брат Л. Н. Толстого.—250, 258.

Трегубов, Иван Михайлович (1858—1931)—бывший студент Мос. духовной академии, не окончивший курса из-за сочувствия взглядам Толстого, собиратель материалов о русских сектантах, в течение многих лет поддерживавший тесную связь с духоборческим движением.—195, 207, 223, 224, 230, 234, 236, 238, 307, 447.

Трепов, Дмитрий Федорович (1855—1906)—офицер лейб-гвардии конного полка, с 1896 по 1905 г.—московский обер-полицмейстер; в 1905 г.—петербургский генерал-губернатор, товарищ министра внутренних дел, руководивший борьбой против революционного движения в октябре 1905 г. После 17 октября 1905 г.—дворцовый комендант, пользовавшийся неограниченным доверием царя.—51, 218, 439, 447.

Тургенев, Иван Сергеевич (1818—1883)—писатель.—8, 48.

Уильямс, Хауард, «Этика пищи»—русский перевод книги, «The Ethics of Diet», London 1883, изданный под заглавием «Этика пищи или предлагаемые основы безубойного питания для человека», со вступительной статьей Л. Н. Толстого «Первая ступень». Изд. «Посредник», М. 1893.—192.

Урусов, Леонид Дмитриевич, князь (ум. 1885)—в 1876—1885 гг.—тульский вице-губернатор, друг Л. Н. и С. А. Толстых, переводчик на французский язык книги «В чем моя вера?».—21, 119, 120, 442.

Урусова, Мария Сергеевна, княгиня, жена кн. Л. Д. Урусова. урожд. Мальцева,—21.

«*Утро молодого помещика*» см. Толстой «Утро помещика».

Файфильд, Артур Чарльз (Fifield; р. 1868)—опытный издательский работник, сочувствовавший взглядам

Толстого и помогавший Черткову в издании произведений Толстого на английском языке.—289.

Федоров, Николай Федорович (1828—1904)—библиотекарь Румянцевского музея.—23, 24.

Феоктистов, Евгений Михайлович (1829—1898)—с 1883 по 1896 г.—председатель Главного управления по делам печати, затем сенатор.—142.

«Финляндский разгром»—сборник под ред. В. Черткова, изд. «Свободного слова», Purleigh 1900.—449.

Франклин, Вениамин (Franclin; 1706—1790)—американский государственный деятель, ученый и писатель. — «Записки».—138.

Фредерикс, Владимир Борисович, барон, с 1913 г. граф (1838—1918)—в конце 70-х годов командир лейб-гвардии конного полка, с 1896 г. генерал-адъютант, в 1897—1917 гг. министр императорского двора и уделов.—41, 439.

Фролова—условная подпись А. Л. Толстой под телеграммами после ухода Толстого из Ясной Поляны в 1910 г.—432, 433.

Хельчицкий, Петр (Chelcicky; ок. 1390—ок. 1460)—чешский писатель и религиозный деятель, боровшийся против церкви и государственной власти, автор книги «Сеть веры».—332.

Хилков, Дмитрий Александрович, князь (1858—1914).—Окончив пажеский корпус, зачислился на военную службу и принимал участие в войне с турками в 1877—1878 гг., получив ряд боевых отличий. Вынеся из турецкой кампании отрицательное отношение к войне, вышел в отставку. Отдав принадлежавшую ему землю крестьянам, жил, работая на своем хуторе, и в 1890 г. был выслан на Кавказ «за вредное влияние» на крестьян, а в 1896 г. за помощь духоборам—в Прибалтийский край. Получив в 1898 г. разрешение выехать за границу, сблизился там с деятелями революционного движения. Вернувшись в Россию в 1905 г., во многом изменил свои взгляды и, приняв участие в мировой войне в качестве добровольца, был убит в 1914 г.—201, 203—207, 210, 216—218, 232, 233, 235, 237, 238, 447.

Хирьяков, Александр Модестович (р. 1863)—журналист.—307, 308, 382, 383.

Хис, Карл Осипович (Heath, Charles; ум. 1902)—учитель английского языка В. Г. Черткова, впоследствии воспитатель Николая II и его братьев.—111.

Холевинская, Мария Михайловна (1858—1920)—земский врач Крапивенского уезда, Тульской губернии, с 1896 г.—врач в г. Астрахани.—229.

Христос—36, 72, 80, 81, 86, 180.

Цетлин, Натан Сергеевич, владелец издательской фирмы т-во «Просвещение», собственник крупной типолитографии.—311.

Чайковский, Николай Васильевич (1850—1926)—участник революционного движения 70-х годов.—17.

Черевин, Петр Александрович—генерал-лейтенант, в 1880—1883 гг. товарищ министра внутренних дел.—56.

Чернышев, Захар Григорьевич, граф (1796—1862)—декабрист.—27.

Чертков, Владимир Владимирович (р. 1889)—сын В. Г. Черткова.—183, 214, 216, 224, 226, 242, 363, 374, 381, 446,

Чертков, Владимир Григорьевич (р. 1854).

— «Где брат твой? Об отношении русского правительства к людям, не могущим становиться убийцами». Изд. Вл. Черткова, Purleigh 1898.—267, 268, 449.

— «Две цензуры для Толстого»—статья, впервые напечатанная в журнале «Жизнь для всех» 1910, № 2. Отдельно издана под заглавием «Дополнительная цензура для Толстого», Москва 1914.—402, 456.

— «Дневники».—28—30, 39, 52, 53, 59, 60, 72, 73, 83, 94, 96, 129, 139, 154, 173, 190, 192, 224, 422, 438—443, 445.

— «Дежурства в военных госпиталях»—см. «Страница из воспоминаний».

— «Жизнь и учение Будды»—см. «Из жизни Сиддарты, прозванного Буддой».

— «Жизнь одна». Изд. «Посредник», М. 1911.—161, 162.

— «Заключение к записке о Хилковых»—см. «Предисловие к неизданной книге» (о похищении детей Хилковых).

— «Злая забава. Мысли об охоте. С пре-

дисловием Л. Толстого». Впервые напечатана в газете «Новое время» 1890, от 13 ноября. Отдельно издана под заглавием: «Злая забава. Мысли об охоте». Изд. «Посредник», М. 1893.—161.

— «Из жизни Сиддарты, прозванного Буддой, т. е. святым».—Очерк этот, оставшийся незаконченным, напечатан в журнале «Единение» 1916, № 1—2.—161.

— «Напрасная жестокость. О том, нужно ли и выгодно ли для правительства делать мучеников из людей, по своим религиозным убеждениям, не могущих участвовать в военной службе». Изд. В. Черткова, Purleigh 1894.—253.

— «Наша революция. Насильственное восстание или христианское освобождение». С послесловием Л. Н. Толстого. Впервые напечатана под заглавием «Насильственная революция или христианское освобождение» в журнале «Свободное слово» 1903—1904 гг. Первое отдельное издание под заглавием: «О революции. Насильственная революция или христианское освобождение». С предисловием Л. Н. Толстого. Изд. «Свободного слова», Christchurch 1904; второе издание—М. 1907.—319, 320, 360, 361, 362, 451.

— «Не убий!»—см. «Жизнь одна!».

— «О жизни»—см. «Об истинной жизни».

— «Об истинной жизни» Льва Толстого. Упрощенное изложение книги «О жизни» Л. Н. Толстого, исправленное и одобренное автором. Журнал «Единение» 1916, № 1—4. 161, 386.

— «О Ницше»—статья, задуманная В. Г. Чертковым.—349.

— «О последних днях Толстого». Изд. И. Д. Сытина. М. 1911.—457.

— «О правильном мышлении»—незаконченная статья; рукопись находится в архиве Черткова.—422, 423.

— «Письмо Христо Досеву. Напечатано

в книге В. Г. Черткова «Уход Толстого», М. 1922.—426, 427.

— «Похищение детей Хилковых»—впервые напечатано в сборнике «Свободное слово», изд. В. Чертковым», Purleigh 1898. Отдельно напечатано с подзаголовком: «Материалы, собранные В. Чертковым», изд. «Свободного слова», Christchurch 1901.—216, 283.

— «Предисловие к неизданной книге»—впервые напечатано в сборнике «Свободное слово», Purleigh 1898, затем в книге «Похищение детей Хилковых», изд. «Свободного слова», Christchurch 1901.

— «Римский мудрец Эпиктет, его жизнь и учение». Изд. «Посредник», М. 1889.—161, 162.

— «Свидание с Л. Н. Толстым в Кочетах у С. М. и Т. Л. Сухотиных». «Толстовский ежегодник на 1913 год», М. 1914.—456.

— «Страница из воспоминаний. Дежурство в военных госпиталях»—впервые напечатано в журнале «Вестник Европы», 1909, № 11. Отдельное издание И. Д. Сытина, М. 1914 и книгоиздательств «Солдат-гражданин» и «Единение», М. 1917.—386, 438, 439, 454, 455.

— «Уход Толстого». Изд. центрального т-ва «Кооперативное изд-во» и изд-ва «Голос Толстого», М. 1922.—455, 457.

Чертков, Григорий Александрович—гофмейстер императорского двора, двоюродный брат Г. П. Черткова, владелец известной исторической библиотеки, собранной его отцом А. Д. Чертковым, пожертвовавший ее Историческому музею в Москве.—55, 56.

Чертков, Григорий Иванович (1828—1884)—генерал-адъютант, отец В. Г. Черткова.—27—31, 41, 44—47, 55—57, 84, 85, 86, 145, 439.

Чертков, Григорий Григорьевич (1852—1868)—брат В. Г. Черткова.—29.

Чертков, Михаил Григорьевич (1856—1866)—брат В. Г. Черткова.—29, 30.

Чертков, Михаил Иванович (1829—1909)—генерал-адъютант, член Государственного совета, дядя В. Г. Черткова.—27, 44.

Черткова, Александра Григорьевна (в замужестве Паникова),—фрейлина, троюродная сестра В. Г. Черткова.—445.

Черткова, Анна Константиновна, урожд. Литерихс (1859—1927)—жена и ближайшая сотрудница В. Г. Черткова.—1, 36, 131, 135, 136, 144, 147, 149, 150—152, 171, 182, 183, 186, 194, 198, 210—212, 215, 219, 226, 241, 242, 245, 248, 276, 281, 282, 285, 288, 296, 304, 305, 314, 322, 344, 363, 367, 374, 380, 381, 386, 391, 399, 408, 426, 443, 445—446, 448—452.

Черткова, Елизавета Ивановна, урожд. графиня Чернышева-Кругликова (1831—1922)—мать В. Г. Черткова.—3, 26—31, 36—38, 43—47, 53—59, 61, 69, 71, 72, 85, 86, 88, 94, 128, 134, 142, 145—147, 153, 185, 192—194, 200, 202, 205, 206, 211, 212, 238, 239, 241, 286, 305, 333, 378, 408, 439, 440, 443—446, 448, 452.

Черткова, Ольга (Люся) (1887—1889)—дочь В. Г. и А. К. Чертковых.—150, 182, 183.

Шекспир, Вильям (Shakespeare; 1564—1616)—английский писатель.—338, 339.

Шиллер, Иоганн Фридрих (Schiller; 1759—1805)—немецкий писатель.

—«Разбойники», драма.—138.

Шкарван, Альберт Альбертович (Skarvan; 1869—1920)—чех, врач, единомышленник Толстого, отбывавший за отказ от военной службы в 1895 г. в Австро-Венгрии тюремное заключение.—241, 242, 284.

Шмидт, Мария Александровна (1844—1911)—дочь профессора Московского университета; бывшая классная дама, единомышленница и близкая знакомая Толстого. Познакомившись с учением Толстого в 1884 г., вскоре после того оставила службу и начала работать на земле. Многие годы жила близ Ясной Поляны, работая на огороде.—172, 423.

Шохор-Троцкий, Константин Семенович (р. 1892) Муратов.—редактор дневников Толстого и автор ряда работ о Толстом.—4.

— «Сютаев и Бондарев». «Толстовский ежегодник на 1913 год», Спб. 1914.—438.

Шоу, Бернард (Shaw; р. 1856)—английский писатель.—354.

Шрамм, Владимир Сергеевич—управляющий имением Г. И. и Е. И. Чертковых.—45—47, 54, 70, 439.

Шувалов, Петр Андреевич, граф (1827—1889)—генерал-адъютант, в 1866—1874 гг. шеф жандармов, в 1874—1879 гг. русский посол в Англии, затем член Государственного совета.—27, 42, 142.

Шувалова, Елена Ивановна, графиня (1830—1922)—сестра отца В. Г. Черткова, в первом браке графиня Орлова-Денисова, во втором браке—жена графа Петра Андреевича Шувалова.—27, 56.

Щербатов, князь—знакомый В. Г. Черткова.—42.

Эдисон, Томас Альва (Edison; 1847—1931)—американский ученый и изобретатель.—369.

Элпидин, Михаил Константинович (1835—1908)—участник революционного движения 60-х годов, политический эмигрант, издававший в Женеве на русском языке революционную литературу и некоторые другие издания, которые не могли появиться в России по цензурным условиям.—342.

Энгельгардт, Михаил Александрович (1861—1915).—Будучи исключен из университета за участие в студенческих беспорядках, занимался литературной работой, помещая в периодических изданиях статьи по общественно-политическим вопросам и по вопросам сельского хозяйства. Автор нескольких книг по социологии и ряда биографий в издании Павленкова «Жизнь замечательных людей».—24, 25, 438.

Эпиктет—римский философ-стоик, живший в конце I и начале II века.—161.

Эртель, Александр Иванович (1855—1908)—писатель. Познакомился с Толстым и Чертковым в 1884 г. В продолжение многих лет поддерживал дружеские отношения с Чертковым. Будучи практически знаком с сельским хозяйством, Эртель со второй половины 90-х годов работал в качестве управляющего крупными имениями и в частности в течение нескольких лет управлял имением Е. И. Чертковой.—161, 188, 190, 445.

— «Письма А. И. Эртеля». Под ред. М. О. Гершензона, М. 1909.—445.

Ярошенко, Николай Александрович (1846—1898)—художник, член Товарищества передвижных выставок.—131.

— «Всюду жизнь»—картина, хранящаяся в Государственной Третьяковской галлерее.—191.

— «Курсистка»—картина, хранящаяся в Государственном художественном музее в Киеве.—131.

Bernardin de st. Pierre—см. Saint-Pierre.

«*Daily Chronichle*»—английская газета.—271.

«*Daily News*—английская газета.—271.

«*Die Woche*»—немецкий еженедельный иллюстрированный журнал.—324.

Gandhi. «Indian Home Rule». См. Ганди.

«*Journal des débats*»—французская газета.—265.

Louis le Quinze (Людовик XV; 1705—1774)—король Франции с 1710 г.—56.

«*Revue Blanche*»—французский журнал.—265.

«*Review of Reviews*»—английский журнал.—250.

Reynolds—агент, являвшийся посредником между Чертковым и американскими издателями при издании «Воскресенья» в Америке—281.

Saint-Pierre-de, Bernardin (1737—1814)—французский писатель, автор повести «Paul et Virginie» (1787), которую Толстой высоко ценил, и рассказа «Le café de Surate», переделанного и переведенного Толстым («Суратская кофейня»).—138.

«*The Bournemouth Guardian*»—английская газета.—306.

«*The Brotherhood Publishing Company*» («Братское книгоиздательство»)—издательство, основанное Конверти. В. Г. Чертков принимал участие в работе этого издательства в 1897 и 1898 гг.—255.

«*The Free Age Press*»—книгоиздательство, основанное при ближайшем участии В. Г. Черткова для изда-

ния на английском языке произведений Толстого и близкой ему литературы.—289, 341.

«The Persecution of christians in Russia 1895»—статья П. И. Бирюкова в газете «Times»—см. П. И. Бирюков, «Гонение на христиан в России».

«Times»—английская газета.—271, 337, 338.

Tolstoy, L.

— «A great iniquity», translated by Tchertkoff and J. F. Mayo. The Free Age Press s. a. («Великий грех»).—337.

— «Bethink yourselves». Translated by V. Tchertkoff and J. F. Mayo. The Free Age Press 1904 [«Одумайтесь»].—326.

— «Christianity and Patriotism». Translated from the Russian by Paul Berger. Open Count Chicago, 1896. (Другое издание): «Patriotism and Christianity» William Reeves, London 1896. [«Христианство и патриотизм»].—210, 215.

— «Christ's Christianity» (Three different Works: «How I came to believe», «What I believe» and «The spirit of Christ's Teaching»). Kegan Paul and Co, London.—86, 87, 88, 89, 90, 110, 121. [«Христианство Христа». Под этим общим заглавием были изданы при ближайшем участии В. Г. Черткова три произведения Толстого: «Исповедь», «В чем моя вера» и конспект «Краткого изложения Евангелия»].

— «Guy de Maupassant». Translated from the Russian and conformed to Original by V. Tchertkoff. Brotherhood Publishing Co, London 1898. [Предисловие к рассказам Мопассана].—216.

— «On Shakespeare and the drama». Translated by V. Tchertkoff. The Fortnightly Review, London 1906. Другое издание:«The Free Age Press», без обозначения года, под заглавием: «Shakespeare» [О Шекспире и о драме].—339.

— «The Christian teaching». Translated by Vladimir Tchertkoff [Reprinted from «The New Age» , Horace Marshall and son, London 1898. Другое, вновь просмотренное издание: Brother-

hood Publishing Co, London 1898 [The Writings of Leo Tolstoy, edited by V. Tchertkoff] [«Христианское учение»].—254, 255.

— «The one thing is needful». Translated by V. Tchertkoff and J. Mago, The Free Age Press, 1906 [«Единое на потребу»].—338.

— «What is Art?». Translated from the Russian Original by Aylmer Maude. Brotherhood Publishing Co, London 1898 [Что такое искусство?»].—257, 260—267, 278.

— «What to do?». Kegan Paul and Co, London 1887. [В позднейшем издании «The Free Age Press»» называется: «What shalk we do?». [«Так что же нам делать?»].—134.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков за работой 1908 г. . . . . VI—VII
Л. Н. Толстой и его семья. Лето 1884 г. . . 8—9
Е. И. Черткова с сыном. *Акварель работы Огюста Делакруа*. 1860 г. (собр. В. Г. Черткова) . . . . . 32—33
В. Г. Чертков. *Портрет И. Н. Крамского*. 1879—1880 г. . . . . 48—49
В. Г. Чертков. *Портрет И. Е. Репина*. 1885 г. . . . . 96—97
«Курсистка» *Н. А. Ярошенко* (портрет А. К. Дитерихс). 1883 г. (Госуд. худож. музей в Киеве) . . . . . 144—145
А. К. Черткова. 1886 г. . . . . 160—161
Начало письма Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову от 22 июня 1892 г. . . . . 176—177
Л. Н. Толстой, В. Г. Чертков и П. И. Бирюков в Петербурге во время проводов В. Г. и А. К. Чертковых за границу в 1897 г. . . . . 240—241
Л. Н. Толстой во время болезни в Крыму в 1902 г. . . . . 296—297
Дом В. Г. и А. К. Чертковых и хранилище рукописей Толстого в Англии . . . . . 304—305
Ясная Поляна. Службы . . . . . 320—321
Ясная Поляна. Деревня . . . . . 336—337
Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в 1908 г. во время болезни Толстого . . . . . 368—369
Л. Н. Толстой и А. К. Черткова. Зима 1908—1909 гг. . . . . 384—385
Л. Н. Толстой у В. Г. Черткова в деревне Суворово. 1909 г. . . . . 416—417

4822

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства VII
От автора 1
I Толстой в 1883 году 5
II Юность и молодость В. Г. Черткова. 26
III Начало дружбы 66
IV Общее дело 99
V Ржевск 137
VI На перепутьи 191
VII Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в 1897—1902 годах 241
VIII Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков в 1902—1906 годах 300
IX Последние годы 352
Примечания 435
Указатель имен и названий . . 458
Перечень иллюстраций 502

Ред. Н. Е. Левинский
Художествен. редакция
М. П. Сокольников
Литер.-техн. наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Техред Л. А. Фрязинова
Наблюдение на производстве М. И. Козлов

Сдано в набор 4. I. 34
Подп. в печать 21.V.34
Уполн. Главл. Б 37879
Тир. 5.300. Зак. тип. 25
«Ас» 78. Инд. А—2. Авт. л. 15. Печ. л. 15+16 вклад.
Бумага 74×105 1/32. Тип. зн. на 1 бум. л. 93 568

Отпечатано в 16 тип. треста «Полиграфкнига» Москва, Трехпрудный, 9

Цена Р. 6.50
Переплет Р. 1.50

22-125-297-301-379